

Ф. МЕРИНГ

ИСТОРИЯ
ГЕРМАНСКОЙ
СОЦИАЛ
ДЕМОКРАТИИ

*С предисловием к русскому
изданию И. Степанова*

*Государственное
Издательство*

Ф. МЕРИНГ

ИСТОРИЯ
ГЕРМАНСКОЙ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

ТОМ ТРЕТИЙ
ДО ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЫ

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО М. Е. ЛАНДАУ
С ПРЕДИСЛОВИЕМ И. СТЕПАНОВА

2-е ИЗДАНИЕ
11 — 20 тыс.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

КНИГА ТРЕТЬЯ

АГИТАЦИЯ ЛАССАЛЯ

ГЛАВА I.

Лассаль и лейпцигский Центральный Комитет.

1. Германский пролетариат около 1863 г.

При быстрых успехах, которые германская промышленность сделала со времени мартовской революции, в рабочих классах произошли крупные изменения.

Правда, земледельческий пролетариат еще значительно превосходил численностью пролетариат промышленный. На $3\frac{1}{2}$ миллиона лиц, занятых в прусском сельском хозяйстве, приходилось едва $\frac{3}{4}$ миллиона лиц, занятых в прусской фабричной промышленности. В пределах самого промышленного населения ремесленное производство было представлено сильнее фабричного; в Пруссии числилось свыше 1 миллиона лиц, занятых в ремесленном производстве. В германских государствах Пруссии, Саксонии, Кургессене, Баварии, Вюртемберге и Бадене таблица ремесленников показывала свыше 2 миллионов душ, а в фабричной таблице не было и $1\frac{1}{2}$ милл. При этом не следует, однако, упускать из виду, что приведенные цифры вообще имеют лишь приблизительное значение, а в частности — что масса лиц, записанных как ремесленники, были в экономической действительности капиталистически эксплуатируемыми кустарями.

Несомненен был, во всяком случае, один факт: что в значительнейшей части Германии ремесленное производство еще преобладало над фабричным, а сельско-хозяйственное — над ними обоими вместе взятыми. Обратное отношение существовало лишь в одном немецком государстве — королевстве Саксония, которое быстро превращалось в большой, широко раскинувшийся город с умеренной земледельческой окраиной. Приблизительно на такой же ступени промышленного развития находился прусский округ Дюссельдорф. Относительно прочих мест статистика начала 60-х г.г. могла, при всем своем несовершенстве, доставить приверженцам старого доброго времени утешение, что еще много воды утечет, пока Германия станет большим промышленным государством.

Фактически, однако, в этом утешении было столько же проку, как если бы какой-нибудь мудрый фивянин утверждал на другой день после битвы при Иене, что фридриховская Пруссия стоит твердо на ногах, так как ни один, мол, французский солдат не ступил еще на правый берег Эльбы. Жребий был брошен, и никакая сила в мире не могла больше задержать быстрого развития крупной промышленности. Гекатомбы человеческих жертв отмечали собою ее победное шествие. 84.286 ручных прядильщиков, насчитывавшихся еще в 1849 г., как небольшой остаток от прежних сотен тысяч прядильщиков, растаяли до 14.557 в 1861 г. Всюду, где крупная промышленность пускала прочные корни, накопление и концентрация капитала, повышая интенсивность труда, тотчас же обнаруживали свое опустошительное действие. В одном прусском бумаготкацком деле введение механического ткацкого станка уменьшило с 1846 до 1861 г. число ручных станков с 75.666 до 4.777, а число рабочих с 82.193 до 12.541. А ведь это только две, три цифры из военных бюллетеней крупной промышленности.

Если смерть и разрушение шли по следам крупной индустрии, то бледный ужас предшествовал ей. Ремесленное производство трещало по всем швам. Даже там, где ему не угрожала еще непосредственная опасность от крупной промышленности, оно со смутной тревогой чувствовало, что его час пробил, что крупная индустрия, переворачивая вверх дном все отношения производства и обмена, вырывает у него почву из-под ног. Ряд ландратских отчетов, печатавшихся с 1858 до 1866 г.* в одной официальной прусской газете, исполнен жалоб на неудержимый упадок ремесла, даже в таких местностях, которые, подобно провинции Познань, лежали еще пока далеко от огня.

В рядах мелкой буржуазии банкротство стало постоянным гостем. Неспособный оторваться от почвы буржуазного общества, несмотря на то, что конвульсивные содрогания последнего не оставляли ему ни одного часа спокойствия, этот класс следовал политике, столь же противоречивой, как его социальное положение. Старозаветные мелкие бюргеры попрежнему давали себя морочить средневековыми миражами. Они основали в 1862 г. в Веймаре ремесленный союз с цеховой программой,— в то самое время, как в Бадене, Вюртемберге и Саксонии экономическое развитие с непреодолимой силой разрушало последние остатки цехового устройства, а в Пруссии осязательно чувствовался тяжкий вред, нанесенный ремеслу реакционным пересмотром прусского промышленного устава. Это направление немецкого мещанства имело своего вождя в лице сапожного мастера Панзе и свою покровительницу в лице ост-эльбской

реакции. Братец-юнкер нежно обнимал братца-ремесленника, а братец-поп елейно объявлял, что ремесло есть сословие, отмеченное благодатью и особенно угодное Богу. Губер с презрительным недоумением охарактеризовал этот шабаш призраков библейскими словами: разве и слепой может быть поводырем у слепого?

Сам Губер выступал деятельно в пользу кооперативных товариществ, но без того политического привкуса и без тех неумеренных иллюзий, которые вкладывал в свою кооперативную агитацию Шульце-Делич. Последняя быстро распространилась в начале 60-х г.г., особенно в рядах мелких торговцев и среди той мелкой буржуазии, которая в начальных стадиях развития крупной промышленности процветает под ее сенью, как быстро размножающееся и столь же быстро вянущее растение. В отдельных исключительных случаях кредитные и сырьевые товарищества, основанные Шульце-Деличем, дали, конечно, возможность мелким промышленникам расширить свое предприятие в фабрику, но классу, как целому, они не могли дать ничего, кроме некоторого замедления его предсмертной борьбы. Всего менее можно было открыть в этих товариществах преобразовательный социальный принцип. Это были чисто капиталистические паллиативы, которым стоило только разрастись, чтобы сделаться жертвою капиталистического духа спекуляции, невзирая на все предостережения Шульце. Крах этих товариществ не раз имел своим последствием разорение целых маленьких городов. Но пока что значительная часть мелкой буржуазии верила в это целебное средство и шла под знамя прогрессистской партии, где оно было начертано на самом видном месте.

Подобно ремесленным мастерам, ремесленные подмастерья также занимали промежуточное положение между буржуазией и пролетариатом, но к последнему они стояли тем ближе, чем более уменьшались их шансы на достижение хозяйственной самостоятельности. За уходящее от них материальное благополучие реакция обильно расточала им духовное утешение. Евангелические «ферейны юношей и девиц», проникнутые ханжескими тенденциями, были сравнительно многочисленны, но пастыри собирали в них лишь небольшие стада, да и те сменялись как зыбучий песок. Напротив, католические союзы подмастерьев, призванные к жизни с 1849 г. священником Колпингом, бывшим сапожным подмастерьем, могли уже претендовать на известное внимание. Они были особенно широко распространены в южной и западной Германии. Католическое духовенство благоразумно остереглось вносить религиозную пропаганду в эти союзы. Напротив, молодые капелланы отлично весели-

лись и развлекались вместе с подмастерьями, не заботясь об их вероисповедании, так что в католические союзы подмастерьев вступали и многие протестантские подмастерья, искавшие в эту пору мертвого затишья удовлетворения своей живой потребности в духовном общении.

Более развитых подмастерьев эти союзы не могли, конечно, вполне удовлетворить. Черта, делавшая честь немецким ремесленным подмастерьям в 30-х и 40-х г.г., выступила еще гораздо сильнее в 60-х: они поняли безнадежность своего классового положения и не имели надобности опускаться прежде в ряды пролетариата для того, чтобы убедиться, насколько единственное спасение их заключается в пролетарской классовой борьбе. Обязательное странствование все более становилось высшей шкслкой, которой они превосходили умели пользоваться; в своих головах они приносили домой гораздо более реальные сокровища, чем тот «фабрикантский жезл», который они, по благожелательному уверению их могущественных покровителей из прогрессистской партии, якобы носили в своих ранцах.

Еще меньших результатов можно было достигнуть этим утешительным обещанием у промышленного пролетариата, скоплавшегося слишком большими массами, чтобы не сообразить, наконец, в каком положении находится его дело. Его страдания становились все более невыносимыми. Мы не знаем ни одного факта из жизни английских рабочих во время капиталистического периода «бури и натиска», которому нельзя было бы найти полной аналогии в рейнской крупной промышленности 60-х г.г. Ахенская торговая палата, официальное представительство фабрикантов, назвала положение рабочих в ахенском округе просто безотрадным. Описывая эльберфельдские прядильни, один высокопоставленный чиновник свидетельствует, что в их тесных непроветриваемых помещениях, наполненных истинно-адским шумом, рабочим,—иссера бледным, с дряблыми мускулами,—не предоставляли при 15-часовом рабочем дне ни малейшего перерыва для принятия пищи; вместо этого у них был повешен на шее особый жестяной прибор, откуда они могли проглатывать несколько кусков в течение тех немногих секунд, когда обрывалась какая-нибудь нить. Применение женского и детского труда увеличивалось в гигантских размерах. С циничной откровенностью отчеты рейнских торговых палат заявляли свои «справедливые» жалобы на обязательность начального образования, мешавшую им эксплуатировать подрастающее поколение.

При этом надо еще иметь в виду, что трехчасовое обучение в школе, предписанное фабричным законом 1853 г. для занятых на фабриках детей, существовало в общем

только на бумаге, да и сама эта бумага была продырана во многих местах толкованием высшего трибунала. Так, высшее прусское судилище додумалось до решения, что паровые точильни в Золингене, как ремесленные якобы заведения, не подлежат действию фабричных законов. В этих точильнях девушек заставляли, для сбережения расходов на предохранительные аппараты, снимать свои развевающиеся платья и работать в мужских костюмах, что вело к самым прискорбным результатам. Когда фабричный инспектор осмелился в легкой форме протестовать против такого порядка, то ландрат и все бюргерство были глубоко возмущены столь отсталой сантиментальностью, и понадобилось вести в течение нескольких лет борьбу, пока это безобразие было устранено. Вообще же министерство Бисмарка спешило удалить все помехи с пути капиталистической эксплуатации. Свою социально-реформаторскую деятельность и спасение государства оно начало с устранения тех слабых следов государственного фабричного надзора, какие еще существовали при его предшественниках.

При одинаковой степени нужды германский пролетариат 60-х г.г. уступал, однако, английскому пролетариату 40-х г.г. в том отношении, что у него была отнята почти всякая возможность свободного движения. Его связывали по рукам и ногам не только реакционные политические законы: в хозяйственной области ему также на каждом шагу ставили преграды остатки феодально-цехового общества. Экономическое законодательство Германии отличалось еще большей пестротой, чем ее географическая карта: это была обширная область, полная развалин, только в немногих местах обращенная в ровное и чистое поле, на котором пролетариат мог начать свою исполнинскую борьбу с буржуазией; вообще же она была усеяна большими и малыми каменными глыбами, которые преграждали рабочему классу путь к самостоятельной борьбе. Правда, промышленный пролетариат начал смыкать свои ряды, но в самих этих рядах существовали весьма различные ступени пробуждающегося классового сознания. Промышленный пролетариат был в известном смысле авангардом всего немецкого пролетариата, но когда первые отряды этого авангарда развернулись уже на арене борьбы, масса его еще только протискивалась понемногу вперед из феодально-цеховых теснин.

Даже среди рейнского пролетариата были весьма заметные градации. В Ахенском округе, например, рабочие стояли еще без шапки пред строгим г-ном фабрикантом, который смирял их при помощи голода, и пред строгим г-ном капелланом, достигавшим той же цели при помощи ада. Постепенно и медленно, без резких скачков, под постоянным

гнетом святош возник этот пролетариат. Он был лишен всякого понимания современности; третируемый en canaille богатыми выскочками-предпринимателями, он в минуты крайнего отчаяния разбивал своим мучителям окна или ломал машины, чтобы затем снова погрузиться в прежнюю спячку. Торговый кризис 1857 г. и губительная болезнь шелковичных червей в 1859 г. явились для крефельдских ткачей суровым пробуждением от патриархальных грез о положении независимого мастера; опутанные «золотой цепью» тяжелой системы ссуд, они были отданы в жертву всем притязаниям своих «кормильцев» и находились в зависимом положении, которое, по словам самого правительства, ничем не отличалось от крепостного состояния прежних столетий. Но все-таки они не могли освоиться с мыслью, что они не более, как кустарные наемные рабочие, и оставались неорганизованной массой, неспособной ни к какому стойкому сопротивлению. Сильнее всего классовое сознание было развито в пролетариате промышленного округа Бергиш-Марк, где сохранились также наиболее живо предания мартовской революции. Среди здешних рабочих вели пропаганду некоторые предводители майских восстаний 1849 г., напр., Гуго Гильман, открывший по возвращении из 11-летнего изгнания трактир в Эльберфельде, и Карл Вильгельм Тельке в Изерлоне, который в домартовскую эпоху был мелким судебским чиновником, был предан суду за участие в изерлонской борьбе на баррикадах и оправдан присяжными, но затем приговорен ученым коронным судом к денежному штрафу и лишению права носить национальную кокарду—под предлогом мнимого «недочета», якобы найденного в одной управляемой им кассе во время его подследственного заключения. С тех пор Тельке стал вести, в качестве «подпольного адвоката», т.-е. истинного защитника масс, партизанскую войну с придирчивыми властями,—войну, столь же забавную, сколько успешную.

В восточной Германии белый террор сумел задушить все революционные традиции. Лишь в некоторых торгово-промышленных центрах горели еще небольшие огоньки. В Гамбурге продолжали существовать слабые намеки на рабочую организацию под покровом невинных образовательных ферейнов и кооперативных товариществ; здесь с непоколебимой верностью поддерживал старое знамя, несмотря на жестокую борьбу за существование, Яков Аудорф, воспитанный в том же духе своих сыновей. Подобно Аудорфу, обращенному некогда в коммунизм Вейтлингом, сочинениями Вейтлинга питались теперь также некоторые лейпцигские рабочие и ремесленные подмастерья: табачник Фридрих Вильгельм Фрицше; сапожник Юлиус Вальтейх и другие. Все же их

было очень немного; среди преобладающего большинства рабочих Гамбурга и Лейпцига господствовала такая же неясность взглядов, как в прочих местах.

К тому же воспоминания о мартовской революции и тем более коммунизм Вейтлина не могли стать лозунгами пролетарского массового движения при совершенно изменившихся условиях. Необходимы были иные двигатели, чтобы толкнуть рабочих в политическое движение, и их дала буржуазия.

2. Рабочая политика прогрессистской партии.

Буржуазия всегда сама обучает рабочих для той политической борьбы, которая должна неизбежно кончиться ее поражением. Без помощи масс буржуазия не может победить абсолютизма и феодализма, и от ее собственного благоразумия зависит, в течение какого времени пролетариат будет стоять рядом с нею, как союзник, и как скоро он станет против нее, как враг.

Для немецкой буржуазии обстоятельства сложились в начале 60-х г.г. необыкновенно благоприятно. В Германии оставалось еще вымести такое бесконечное множество старого сора, что она могла бы надолго обеспечить себе надежный союз рабочих. Мужественное проведение прусского конституционного конфликта, искреннее признание всеобщего избирательного права, свободы печати и союзов, коротко говоря—прямодушное установление современного гражданского общества предохранило бы ее от тревоги, которую призрак всяких «государств будущего» так скоро начал смущать сны ее нечистой совести. Самодержавно-феодалная реакция буквально толкала буржуазию на правильный тактический путь тем, что начала заигрывать с рабочими уже в самых ранних стадиях прусской конституционной распри. Не то, чтобы существовала какая-нибудь опасность, что рабочие дадут себя одурачить этими любовно-нежными взорами: напротив—именно потому, что рабочие были весьма далеки от мысли покинуть буржуазию в ее борьбе с реакцией, партия прогрессистов должна была решиться исполнить в сколько-нибудь крупном стиле свой исторический долг и таким образом заплатить цену, за которую можно получить и победу над реакцией, и союз с пролетариатом на многие годы.

Этой цены она не захотела, однако, платить, а то, что она предложила рабочим, ускорило процесс разобщения между буржуазией и пролетариатом, вместо того, чтобы замедлить его. «Национальный союз» ревниво следил за тем, чтобы остаться чисто буржуазной организацией. Он в оскор-

бительной форме исключил рабочих, не позволив частичной уплаты годового членского взноса; господа Беннигсены и компания не желали, чтобы их дипломатическое дело портили всякие непредвиденные большинства, которые могли бы составиться в общих собраниях на основании **месячных** взносов. Зато «Национальный союз» взял на себя благожелательное покровительство над рабочими, которое — именно потому, что оно было благожелательным покровительством — должно было очень скоро возбудить в уважающих себя пролетариях чувство оскорбления.

В экономической области буржуазия, следуя Шульце, превозносила кооперативные товарищества, как панацею для всех пролетарских страданий. Она проповедывала самопомощь в том частно-хозяйственном смысле, что **каждый** рабочий должен помогать себе сам, делая сбережения, тогда как о самопомощи в смысле политическом, т.-е. о том, что рабочий *класс* должен помочь себе сам, говорилось с высоко поднятыми бровями, как о рокогом и ложном пути. Однако все практические испытания этой теории неизбежно убеждали рабочих в ее несостоятельности, и, несмотря на весь шум, который буржуазия производила по поводу своей панацеи, товарищества Шульце никогда не встречали особой симпатии среди рабочего класса. В кредитных и сырьевых товариществах рабочим не позволяла участвовать уже пустота их карманов, а потребительные общества, которые были прежде всего рассчитаны на них, всегда оставались далеко позади упомянутых товариществ. Сам Шульце знал в 1863 г. рядом с 500 кредитными и 200 сырьевыми товариществами не более 100 потребительных обществ; в 1864 г. их было только 96, из которых 38 доставили о себе сведения Шульце. В этих 38 обществах было 7.709 членов, так что на каждое общество приходилось 202 человека. Так как далеко не все члены потребительных обществ были рабочими, то ясно, что товарищества Шульце получили сравнительно весьма небольшое распространение среди тогдашнего пролетариата. К потребительным обществам, руководимым фабрикантами, рабочие питали инстинктивное недоверие, а на потребительные общества, основанные рабочими, смотрели косо «образованные» вожди кооперативного движения.

Гораздо более глубокие корни, чем потребительные общества, пустили в пролетариате ферейны для распространения образования среди рабочих, призванные к жизни «Национальным союзом» приблизительно с 1860 г. Правда, в 1863 г. их числилось всего 104, тогда как реакция располагала еще 368 евангелическими «союзами молодежи» и 188 католическими союзами подмастерьев. Все же образовательные ферейны сравнительно быстро распространялись

по Германии и приобрели симпатии более деятельных рабочих слоев, несмотря на все безобразия, которые творила в них буржуазия. Чтобы удостоверить их характер истинных детищ капитализма, их окрестили названием «товариществ для приобретения и приумножения духовного капитала своих членов». До нас дошел формуляр, составленный одним сведущим лицом для статистической переписи этих союзов: мы находим тут всевозможные вопросы — занимаются ли союзы обучением, имеют ли они библиотеки, устраивают ли семейные собрания, гимнастические экскурсии, концерты, театральные представления, раздачу рождественских подарков, — но нет ни одного вопроса, который хотя бы отдаленным образом указывал на то, что союзы занимаются политическими и социальными интересами рабочего класса. «Образование», отпускавшееся патронами этих союзов, было очень часто крайне скудное; именно потому, что немецкая народная школа, стоявшая на известной высоте в 20-х и 30-х годах, была разгромлена реакцией 40-х и 50-х г.г., являлось положительной насмешкой над рабочими, когда их хотели «просветить» для правильного пользования всеобщей подачей голосов, поднося им поверхностную болтовню об Уланде и немецкой романтике, о Шекспире и Лессинге и даже «о Самуиле Джонсоне и его биографе Маколее». В конце концов, против этих порядков выступил в «Еженедельнике Национального союза» даже один фабрикант. Он писал, что от страшной ученыости рабочие не узнают больше своих собственных отцов и самих себя; их память пичкают до такой степени, что они становятся все глупее и о самых обыкновенных вещах либо ничего не умеют сказать, либо говорят совершеннейшую бессмыслицу.

Это резкое суждение было, однако, преувеличено в двояком отношении. Во-первых, если буржуазия при учреждении образовательных фрейнов и стремилась сделать рабочих глупцами в области политическо-социальных вопросов, то она все-таки не стремилась, или не исключительно стремилась, сделать их вообще глупыми людьми; во-вторых, насколько она задавалась такой целью, рабочие были очень далеки от того, чтобы спокойно допустить над собой подобную операцию.

Буржуазия — мы не говорим о фабрикантах, жадно эксплуатирующих детский труд, которым ненавистно, конечно, всякое школьное обучение — нуждается в многочисленном штате интеллигентных рабочих, которых народная школа, находящаяся под господством ортодоксальной церкви, перестала поставлять ей. Буржуазия стремилась поэтому создать по возможности при образовательных фрейнах профессиональные и дополнительные школы, которые могли принести

пользу рабочим и действительно принесли ее. Если бы ей удалось таким путем пропитать избранную часть рабочих своим духом, который эти фельдфебели буржуазии переносили бы затем дальше в рабочие массы, то она оказалась бы в двойном выигрыше, и эта цель, несомненно, тоже имелась в виду буржуазией. Лейпцигский бургомистр откровенно высказал раз в официальной речи, что цель образовательных рабочих фёрейнов—создать рабочую аристократию, и городские власти Лейпцига поддерживали тамошний образовательный рабочий фёрейн порядочной годовой субсидией, пока тот не отказался с благодарностью от всякого «аристократического» характера. Наряду с этим было, однако, довольно много буржуазных идеологов, не понимавших классового антагонизма между буржуазией и пролетариатом, или же понимавших его неправильно в том смысле, что его можно сгладить путем повышения образовательного уровня рабочих; они честно старались поэтому удерживать образовательные рабочие фёрейны на известной высоте и не дать им выродиться в простую забаву или что-нибудь худшее еще.

Достойные признания заслуги пред этими фёрейнами приобрели в особенности некоторые дельные естествоиспытатели: Теодор Мюллер во Франкфурте на М., Людвиг Бюхнер в Дармштадте, Росмесслер в Лейпциге. Они были также в большей или меньшей степени демократическими политическими деятелями, но одностороннее естественно-научное мировоззрение мешало им отчетливо разбираться в общественных порядках. Росмесслер любил говорить рабочим: «Образовательные фёрейны позволяют вам глубоко проникнуть своим взором в природу, вы можете поэтому стать все изобретателями, и тогда хлеба у вас будет в изобилии». Только в одном из этих людей сочеталось основательное естественно-научное с основательным общественно-научным образованием: его имя было Фридрих-Альберт Ланге.

Ланге происходил из вестфальских крестьян. Его отец, благодаря своей упорной энергии, поднялся вверх из сельских батраков и извозчиков до положения ортодоксального пастора и профессора богословия. Он преподавал одно время в цюрихском университете, и в Швейцарии Альберт Ланге получил определяющие впечатления своей молодости. Свободным и беспристрастным взором он проникал в немецкую жизнь, когда занимался своей педагогической профессией то при гимназии, то при университете, в прирейнских городах—Кельне, Бонне, Дуйсбурге: прямой юноша и муж, у которого честность и прямоту были написаны на лице, отличавшийся той истинной любезностью, которая не всем дает все, но воздает каждому то, чего он заслуживает. Природный педагог, полный апряженной духовной силы

и при этом мастер во всех физических упражнениях, ученый исследователь и, однако, всего менее кабинетный человек, одинаково многосторонний в научной теории и в практической деятельности, Ланге был типом человека, наделенного прекрасной соразмерностью всех способностей,—человеком, призванным разрешить всякую задачу, поставленную ему жизнью.

Он мужественно и храбро разрешил все эти задачи. Он бросил в лицо бюрократам кобленцкого провинциального училищного совета свою должность гимназического преподавателя в Дуисбурге, когда они захотели «сделать ему строгий выговор» за то, что он не подчинился недостойным избирательным циркулярам министра фон-Мюллера. Затем он столь же решительно порвал с буржуазией, когда увидел, что забота о своих материальных интересах стоит для нее гораздо выше политической борьбы за народные права. Он не побоялся выступить за рабочее дело в такое время, когда подобное честное заявление о своих взглядах было еще сопряжено с тяжелыми жертвами для всякого члена буржуазного класса. Однако и Ланге не вполне ушел от роковой судьбы, выраженной в глубокомысленной надписи на памятнике последнего немецкого папы в Риме: сколь многое зависит от того, в какую эпоху попадает даже наилучший человек!

Его гармонической природе не доставало той суровой односторонности, которой принадлежит репающее слово в дни, когда можно только становиться либо на ту, либо на другую сторону. В своей *«Истории материализма»* Ланге подверг резкой критике естественно-научный материализм 50-х г.г., который он признавал «пригодной максимой для исследования природы», но отвергал как «плоскую философию». Однако, он не пошел вперед к историческому материализму, а назад к Канту, и всякое познание разрешалось для него в «высшее и последнее сомнение». Заключая в себе много богатых мыслями исследований, его главное произведение бьет, однако, мимо своей конечной цели. И подобно тому, как у философа Ланге оставалось последнее сомнение, оно оставалось и у социального политика Ланге. Раньше, чем какой бы то ни было другой представитель немецкой учености, он оценил значение Лассалья, Маркса и Энгельса; ему часто приходилось высказывать замечательно тонкие и верные суждения о труде их жизни, чтобы затем, однако, непостижимым образом давать ему опять неправильное истолкование. Ланге был совершенно свободен от своекорыстных предрассудков буржуазии, но идеалистическое образование и воспитание, полученное в доме евангелического пастора, всегда несколько суживало его мысль. Будучи всего менее ленивым соглашателем холячего покроя, он до известной степени

испытал, однако, участь таких соглашателей — быстрое забвение, потому что он продолжал биться со своими сомнениями в такой момент, когда великий поворот в истории требовал прямого «да» или «нет».

Когда в образовательных рабочих ферейнах работали люди в роде Росмесслера, Ланге и т. п., то их побуждал к этому гражданско-идеалистический образ мыслей, который уже в качестве такового находился в сильном подозрении у партии прогрессистов. Между обоими участниками просветительного дела существовали отнюдь не нежные отношения. Руководители, которых прогрессистская партия предлагала рабочим, были люди совсем другого сорта. Несмотря на серьезный в известном смысле интерес, который она обнаруживала к образовательным рабочим ферейнам, она не в состоянии была, однако, настолько подавить свое буржуазное самомнение, чтобы считать воспитание рабочих вполне подходящим делом для своих лучших людей. За исключением Шульце-Делича, которому социальный вопрос был сдан в откуп, и пожалуй еще Франца Дункера, приобревшего заслуги своим участием в образовательных начинаниях большого союза ремесленников в Берлине, вожди партии считали ниже своего достоинства возиться с рабочими. Эта часть их деловой политики была передана агитаторам третьего или четвертого ранга, составлявшим довольно таки разношерстную компанию.

Во Франкфурте на М. по части народного образования орудовал Зоннеман, банкир и собственник газеты, пользовавшейся большим и все возрастающим влиянием, особенно в южной Германии. Там же намыливал рабочих жиденькой пеной манчестерства Макс Вирт, подражатель Бастиа, подготавливавший на свой лад бонапартизирование немецкой буржуазии, провозглашая кровавые завоевания всякого авантюриста работой особенно трудной и потому особенно прибыльной. В Магдебурге рабочих поучал проповедник Свободной общины Улих, честный человек, но в политическом отношении путаная голова; рядом с ним стоял Макс Гирш, молодой человек, владелец крупной торговли сельско-хозяйственными продуктами, «хороший парень и плохой музыкант», не лишенный некоторой симпатии к пролетариату и потому всегда несколько подозрительный в глазах буржуазии, но слишком тщеславный, чтобы прямо примкнуть к рабочему классу, и недостаточно самоуверенный, чтобы не съезживаться перед всякой сердитой миной прогрессистской партии. Даже «Пригородный союз ремесленников» в Берлине, перед которым Лассаль читал свою «Программу работников», имел в лице Фридриха Стефани председателя, которым нельзя было особенно похвалиться. Потерпев неудачу в ученой

профессии, Стефани несколько лет кокетничал с рабочими, чтобы затем в течение стольких же десятилетий осыпать бранью рабоче движение, состоя на службе у капиталистической печати.

Но хороши или дурны были намерения прогрессистской партии при учреждении образовательных рабочих ферейнов, для самих рабочих это было первое место, где они могли столкнуться относительно своих интересов. Реакционное законодательство Германского Союза, как и всех почти государств, входивших в его состав, чрезвычайно затрудняло рабочим их политическую организацию и делало почти невозможной для них организацию профессиональную. Они и стали поэтому упражняться на учебном плацу, который открыла им прогрессистская партия. Хорошие и дурные стороны образовательных ферейнов одинаково способствовали их просвещению. Профессиональное обучение разжигало жажду знания, глубоко заложенную в современных пролетариях, а вместе с повышением уровня их понимания рабочие начинали испытывать отвращение к пустословию, слишком часто процветавшему в образовательных ферейнах. Их классовое сознание пробуждалось медленно, но неудержимо, и в своем смутном стремлении вперед оно инстинктивно чувствовало, где лежит настоящая дорога. Рабочие брали из даров прогрессистской партии то, что подходило им, а то, что им не подходило, настраивало их на тем более подозрительный лад по отношению к благодетелям. Прогрессистская партия потерпела крушение о невозможную задачу — организовать пролетариат, как свой вспомогательный отряд, одновременно энергичный и безвольный в политическом отношении; утята всегда пускаются по воде, хотя бы высидившей их курице хотелось водить их гулять только берегом.

3. Самостоятельные движения пролетариата.

В 1862 г. некоторые, сами по себе довольно случайные события дали толчок самостоятельному движению немецких рабочих.

Во-первых, «Национальный союз», с весьма скромной затратой в 1.200 талеров, но с тем более шумной рекламой, послал на лондонскую всемирную выставку 12 рабочих, которые по своему возвращении должны были дать товарищам отчет о своих наблюдениях. Затем происходивший в Веймаре конгресс приверженцев цеховых идеалов вызвал возмущение среди более развитых рабочих, так как он превзошел себя в экономически реакционных требованиях; в частности, он требовал восстановления цехового устройства, упраздненного в значительнейшей части Германии, по край-

ней мере,—в наиболее грубых его формах. В Баварии, где оно существовало еще во всем своем средневековом блеске, был созван на 1 ноября в Нюрнберге рабочий съезд, чтобы протестовать против конгресса цеховиков.

Берлинские рабочие собрались впервые 25 августа, чтобы выслушать отчет товарищей, посланных на лондонскую всемирную выставку. Уже на этом собрании возникла мысль созвать общегерманский рабочий съезд. Ряд рабочих собраний, состоявшихся в различных частях города Берлина, отнесся сочувственно к этой идее, и в заключительном собрании от 7 октября был выбран комитет из 25 лиц, чтобы подготовить рабочий конгресс. Председателем этого комитета был выбран маляр Эйхлер, служивший в качестве рабочего у акционерной компании по поставке различных предметов для железных дорог, во главе которой стоял либерал фон-Унру; специальностью Эйхлера было рисование номеров на дверях железнодорожных вагонов. 9 октября Эйхлер обратился от имени комитета в саксонское министерство с ходатайством о разрешении устроить в ноябре конгресс в Лейпциге и получил 28 октября благоприятный ответ, но под тем непременным условием, чтобы созвание и устройство конгресса было, согласно предписаниям саксонского закона о союзах, предоставлено саксонским подданным.

Еще раньше, чем был дан этот ответ, берлинский комитет созвал конгресс на 18 ноября в Лейпциг; воззвание об этом появилось 22 октября в берлинской «*Volkszeitung*». Конгресс должен был продолжаться 6 дней; в программе его занятий значились: промысловая свобода и свобода передвижения по всей Германии, ассоциации и инвалидные кассы для всех рабочих, всемирная выставка в Берлине, наконец — технические сообщения рабочих, посетивших лондонскую всемирную выставку. Именно эти сообщения и веймарский съезд цеховиков были указаны в возвании, как побудительные причины, по которым созывается конгресс; затем в возвании говорилось только, что солнце новой жизни, под согревающими лучами которого проснулись к новой деятельности все классы населения, должно разбудить также рабочих, спавших до тех пор в расслабляющем сознании, что о них уже позаботятся и что если бы они даже пожелали принять участие в разрешении вопросов, представляющих для них самый высокий интерес, то из этого все равно не вышло бы никакого толка. Каких-либо вылазок против буржуазии воззвание не содержало; напротив, в нем указывалось даже, что с заявлениями о желании участвовать в конгрессе нужно обращаться в редакции берлинских либеральных газет. По получении этих заявлений будет объявлено во всеобщее сведение, в каком помещении состоится кон-

гресс в Лейпциге; допускаться туда будут только делегаты, доказавшие свои полномочия. Относительно способа легитимации, выбора делегатов и пр. воззвание не содержало никаких указаний.

Хотя это воззвание ровно ничем не могло задеть буржуазную оппозицию, однако *«Народная газета»* напечатала его только в разделе объявлений, тогда как в редакционном отделе того же номера она поместила статью Штрекфуса, направленную против рабочего конгресса. Штрекфус заявлял, что в такой момент, когда ведется духовная борьба за прусскую конституцию, рабочее движение совершенно неуместно; оно оказывает реакции если не сознательную, то бессознательную услугу, так как дает ей великолепный случай загнать при помощи призрака красной республики в свой реакционный лагерь колеблющихся сторонников конституционной партии. Да и какая вообще цель преследуется всем этим несвоевременным движением? Вопросы, входящие в программу устраиваемого рабочего конгресса, поднимаются виднейшими людьми науки и практики на народно-хозяйственных конгрессах и в палатах депутатов самых различных немецких государств; поддерживаемые народом, эти люди наверно добьются победы, между тем как «незначущий рабочий конгресс» не может принести никакой пользы в этом направлении. Статья вызвала понятное неудовольствие и в берлинских и в лейпцигских рабочих кругах.

Дело в том, что и в Лейпциге началось самостоятельное рабочее движение. В феврале 1861 г. здесь был основан образовательный рабочий фрейен, притом в форме «промышленного образовательного фрейена» при Политехническом Обществе, состоявшем из самостоятельных промышленников. Основанием или предлогом для такой формы буржуазные учредители фрейена выставили реакционный союзный закон 1854 г., направленный против рабочих союзов, но своим образом действий они вызвали тотчас же энергичный протест Фрицше и Вальтейха. Если протест на первых порах и остался безрезультатным, то он произвел все-таки большое впечатление на присутствующих рабочих, в особенности на молодого токаря Бебеля, впервые присутствовавшего в народном собрании.

Бебель—сын прусского солдата. Его отец, будучи прусским солдатом, перешел из Острова в союзную крепость Майнц и здесь, уже в унтер-офицерском чине, женился на девушке из маленького города Вецлара. После этого Иоганн Бебель перевелся в Кельн, где родился Август Бебель; два года спустя он умер. Мать вышла после того замуж за своего деверя, тюремного надзирателя, а когда и тот умер, она вернулась назад в родной Вецлар. Образование Бебель

получил в местной школе для бедных, притом в качестве стипендиата сиротского фонда, после того как его мать умерла еще раньше, чем ему исполнилось 12 лет. В 14 лет он поступил в ученики к токарю. Отличаясь бойким умом и живым темпераментом, он старался пополнить свое образование, но не имел никакой возможности для этого в жалком филистерском гнезде, даже если бы 20 грошенов недельной платы, которые он получал у мастера сверх стола и квартиры, позволяли ему особенно разгуляться.

С февраля 1858 г. до марта 1860 г. Бебель странствовал в качестве ремесленного подмастерья по южной Германии, а также по части Австрии и Швейцарии. Он работал довольно долго во Фрейбурге (Баден), Регенсбурге и Зальцбурге, где католические союзы подмастерьев давали повсюду пищу его уму и влияли на его общественные взгляды. Патристический образ мыслей Бебеля не был еще тогда затронут ничем, и когда во время его пребывания в Зальцбурге вспыхнула война 1859 г., то он пожелал вступить в волонтерский отряд тирольских егерей, но получил отказ ввиду того, что не был коренным тирольцем. Как только в Пруссии была объявлена мобилизация, Бебель поспешил на родину, чтобы предложить свои услуги в качестве добровольца, но быстрое заключение мира помешало исполниться и этому намерению. В следующем году он явился к исполнению воинской повинности и был забракован по причине «общей физической слабости»; это навсегда положило конец его военным планам. Он направился в Лейпциг, чтобы поискать работы, которую и нашел там.

В промышленном образовательном фёрейне его способности быстро развились. Если принять во внимание духовные впечатления, которые он получал с детства, и его ненасытную жажду знания, то становится понятным, почему он особенно ревностно отдался образовательным задачам фёрейна и держался в стороне от неутомимой агитации, которую Фрицше и Вальтейх вели против сибаритствующей буржуазной оппозиции. Речь, произнесенная Вальтейхом весною 1862 г. в торжественном годовом собрании фёрейна, повела к тому, что, скрытые до тех пор противоречия выступили наружу, и во вновь избранном правлении, где заседал теперь и Бебель, обе противные партии оказались в равном числе. Однако на экстренном общем собрании Фрицше и Вальтейх были разбиты значительным большинством, и тогда они основали союз «Вперед» («Vorwärts»), который отказался от образовательных целей, а всецело посвятил себя пропаганде, в частности же стал устраивать рабочие собрания для обсуждения политических и социальных вопросов дня. Из этих собраний возник затем, как и в Берлине, комитет,

на который возложено было специальное поручение—созвать всеобщий рабочий съезд.

К этому комитету и обратился Эйхлер 23 октября, на следующий день после того, как берлинский комитет обнародовал свое воззвание о присылке делегатов на рабочий конгресс. Эйхлер лично приехал в Лейпциг с целью развить тамошним рабочим свои «принципы», состоявшие в удивительном разоблачении, что новое министерство Бисмарка проникнуто симпатией к рабочим и заступится за их дело, если только они повернутся раньше спиной к прогрессистской партии; Бисмарк готов-де отпустить на первых порах машиностроительным рабочим значительные денежные средства для основания производительной ассоциации. Смысл этих странных сообщений был разъяснен происходившим одновременно в Берлине общим собранием «Прусского Народного Союза», феодального pendant к буржуазному «Национальному Союзу». Из двух доверенных друзей Бисмарка один, Бланкенбург, заявил здесь, что рабочее движение своим требованием всеобщего избирательного права задаст суровый экзамен прогрессистской партии, а другой, Вагенер, что денежный мешок не должен иметь преимуществ пред налогом кровью, уплачиваемым массами: необходимо ввести всеобщее избирательное право, дабы создать истинное, распределенное по сословиям, народное представительство.

Лейпцигским рабочим «принципы» Эйхлера, однако, совсем не понравились; подтвердив на общем собрании от 30 октября свое намерение созвать рабочий съезд, они послали Фрицше и Вальтейха в Берлин, чтобы расстроить закулисную игру Эйхлера и честно столкнуться с буржуазной оппозицией.

Тем временем названная оппозиция убедилась по впечатлению, произведенному на рабочих бестактной выходкой Штрекфуса, что если она хочет извлечь всякое жало из рабочего движения,—а таково было попрежнему ее намерение,—то ей необходимо приняться за дело более тонко. Она тем более должна была укрепиться в этом мнении, что своим разоблачением Эйхлера лейпцигские рабочие практически доказали, как далека от них мысль напасть на прогрессистскую партию с тыла в ее борьбе с Бисмарком. На происходившем в доме Унру предварительном совещании Фрицше и Вальтейх нашли прогрессистских вождей еще очень сдержанными; тем не менее, был достигнут компромисс, характер которого выяснился на большом рабочем собрании, происходившем 2 ноября. Фрицше и Вальтейх заявили здесь, что они будут поддерживать буржуазную оппозицию в борьбе с абсолютистско-феодальной реакцией. Они и в этом собрании произвели большое впечатление и обнаружили свое превосходство над берлинскими рабочими,

которые—поскольку они принимали участие в дебатах—либо вообще сторонились от всякой политики, либо предлагали просто плыть на буксире у прогрессистской партии. Напротив, Шульце-Делич объявил пустой фразой всякую демократию, которая не умеет настолько поднять материальные условия жизни рабочих, чтобы вся масса рабочего населения могла вступить в политическое движение, как активная носительница его. Конечно, он призывал к обдуманности в действиях, напоминая, подобно Штрекфусу, что среди буржуазии существуют боязливые люди, питающие совершенно неосновательную, правда, но все же непреодолимую пока антипатию ко всякому рабочему движению. Сверх того, Шульце привел против всякой чрезмерной поспешности еще другой довод, который должен был представляться убедительным и для рабочих. Было очевидно, что в деле созыва конгресса берлинский комитет действовал в значительной мере наобум, и Шульце высказал мнение, что, когда соберется несколько сот рабочих, и они начнут без подготовки обсуждать столь крупные вопросы, то получится своего рода вавилонское столпотворение; рабочий конгресс требует основательной подготовки, и рабочим не должно быть стыдно поучаться по этому предмету у людей сведущих. Сам Шульце вызвался читать рабочим лекции о капитале и труде. Сообразно с этим собрание от 2 ноября постановило, не отказываясь от созыва конгресса с берлинской программой (из нее был лишь вычеркнут по взаимному согласию пункт об устройстве всемирной выставки в Берлине), отложить его на некоторое время, а принятие подготовительных мер предоставить лейпцигскому комитету,— что было необходимо уже вследствие ответа саксонского министерства и, сверх того, затрудняло берлинской реакции дальнейшее распространение смуты в умах.

Берлинская *«Volkszeitung»* со вздохом облегчения заканчивала свой отчет об этом собрании словами, что усилия реакции завлечь в свои сети рабочее сословие остались тщетными. Такого же мнения была, повидимому, и реакция; в связи с ее разочарованием находилось, без сомнения, то обстоятельство, что два дня спустя, 4 ноября, против Лас-салья было возбуждено судебное преследование за его «Программу работников», когда прошло уже более 4 месяцев со дня ее конфискации. Досада Бисмарка и его приспешников была совершенно понятна: рабочие больше знать не хотели их фактотума. Правда, Эйхлер председательствовал еще на рабочем собрании 2 ноября, но уже 7 ноября он вынужден был опубликовать туманное заявление, где он оспаривал тяготеющее над ним подозрение и упрекал «г.г. лейпцигских делегатов», что они высказали обвинение, не имея никаких

доказательств его правильности. Однако даже ссылка Эйхлера на излишнюю жестокость, с которой он был выброшен на мостовую бравым фон-Унру, не реабилитировала его в глазах рабочих.

4. Лейпцигский Центральный Комитет.

Тем временем лейпцигский Центральный Комитет спешил с подготовкой рабочего конгресса. Комитет состоял из 10-ти или 12-ти лиц, имена которых нельзя теперь установить с точностью. Кроме Фрицше и Вальтейха в него входили Отто Даммер, молодой естествоиспытатель из Померании, читавший лекции по химии в «Промышленном образовательном фереине», и фортепианный фабрикант Дольге. Деятель 1848 года, Дольге за участие в дрезденском майском восстании был приговорен к смертной казни и затем, когда он твердо отклонил всякую просьбу о помиловании, осужден на продолжительное заключение в каторжной тюрьме, из которого отбыл 6 ужасных лет в Вальдгейме. Среди членов комитета упоминается также имя владельца чугунно-литейного завода Гётца, впоследствии ставшего национал-либеральным депутатом рейхстага. Сюда прибавились еще «доверенные лица», которыми комитет пополнил свой состав в духе берлинского компромисса: старший учитель Альбрехт, адвокат Винтер и, главное, старый Росмесслер, который в 1848 г. был членом франкфуртского парламента и в реакционные годы стоял на стороне преследуемых рабочих. Верный друг рабочих, с гораздо более правильными и глубокими взглядами на народное образование, чем так наз. «образованная» буржуазия, он и в политическом отношении был более радикален, чем банальный прогрессизм, но при всем том не мог эмансипироваться от власти буржуазных воззрений.

В середине ноября Центральный Комитет выпустил свое воззвание к немецким рабочим. Опираясь на резолюции лейпцигских рабочих от 30 октября и берлинских рабочих от 2 ноября, равно как нюрнбергского съезда рабочих от 1 ноября, комитет приглашал прислать делегатов на рабочий конгресс с берлинской программой; с этой целью он рекомендовал образовывать местные комитеты, устраивать поучительные лекции, наконец — основывать кассы, чтобы иметь возможность справиться как следует с обширными подготовительными работами «без личных жертв для лиц, которым это будет поручено, — как это принято в Англии». Местные комитеты должны были войти в сношения с Центральным Комитетом и сообщить до середины февраля в Лейпциг о результате своих подготовительных работ; затем следовало возможно скорее созвать рабочий конгресс.

22 ноября Центральный Комитет обратился к саксонскому министерству с ходатайством распространить на съезд, который будет созван в марте, разрешение, данное для неудавшегося ноябрьского съезда, и отменить изданное в 1855 г. распоряжение, которым воспрещено было выступать в публичных собраниях бывшему окружному судье Шульце, имевшему тогда жительство в Деличе, а ныне живущему в Потсдаме.

Одновременно с этим Центральный Комитет распространил своего рода программную книжку, — речь, которую Росмесслер произнес 18 ноября перед рабочим собранием в Одеоне и затем издал в виде брошюры. В начале брошюры «определенно» констатируется, что королевско-саксонское правительство своим ответом от 28 октября разрешило «в принципе» рабочий конгресс; не будучи, собственно говоря, необходимым, такое разрешение все же представляет величайшую важность. Затем Росмесслер рекомендует рабочим приобретать образование и знания, которых не дает им народная школа, находящаяся под руководством ортодоксальной церкви, но в то же время он энергично подчеркивает, что рабочие должны удержать свое дело в своих же руках и не отступить перед необходимыми для этого расходами. «Руководство рабочим движением должно остаться в ваших собственных руках, исключения могут быть допускаемы только в отдельных случаях, при безусловном отсутствии подходящего лица из вашей среды. Человек должен быть самостоятельным! Если все рабочее движение имеет какую-нибудь цену в ваших глазах, то не пугайтесь сопряженных с ним расходов. Иначе оставьте его совсем». Соответственно с этим свободным воззрением Росмесслер хотел, чтобы центр тяжести движения был перенесен в рабочие собрания, а не в рабочие фрейны, которые уже из-за реакционного закона о союзах не имели права вступать в сношения друг с другом.

На ряду с этим Росмесслер предостерегал, однако, рабочих от «политических излишеств» и почти впадал в скучный правоучительный тон Штрекфуса, на «известную, но крайне неправильно толкуемую» статью которого он прямо ссылался. В особенности он слышать не хотел о различии между рабочими и предпринимателями. Юридически это различие было устранено имперской конституцией и имперским избирательным законом 1849 г.; борьбой за восстановление этой конституции и этого избирательного закона исчерпывается вся задача рабочих в политической области, если не считать того, что им придется, быть может, добиваться также всеобщего избирательного права в отдельных немецких государствах. Вообще же нет никакой разницы между мастером и подмастерьем, между самостоятельным и несамостоятельным

трудом; рабочие располагают даже большей финансовой самостоятельностью и более свободным положением, чем очень многие мастера. Нужно надеяться, однако, что и самые крупные мастера не откажутся, к своей чести, от почетного звания рабочего, хотя бы и не в том смысле, в каком теперь начинается рабочее движение.

Таким образом брошюра, при всей доброй воле автора, сводилась в конце концов к чрезвычайной путанице. Но в то же время лейпцигский Центральный Комитет распространил памфлет совершенно иного содержания — «Программу работников» Лассалья, которая после конфискации ее в Берлине была снова выпущена в Лейпциге. На лассалевскую брошюру обратил внимание Даммера его приятель Людвиг Лёве, впоследствии прогрессистский депутат, но в описываемый момент между Лассалем и Центральным Комитетом не завязались еще личные сношения: когда Фрицше и Вальтейх приезжали в Берлин, Лассаль был как раз в отъезде. Его брошюра и теперь еще, когда она распространялась рабочей организацией, встречала у рабочих весьма различный прием. В Гамбурге ее читали, правда, с большим интересом и объявляли, что она имеет «гораздо больший успех», чем брошюра Росмесслера, расхваливая ее в большем количестве благодаря своей более дешевой цене. Но гамбургский столяр Теодор Йорк, принадлежавший к самым развитым пролетариям того времени, писал 25 февраля 1863 г. в Лейпциг: «Что касается брошюр, то я должен признаться, что росмесслеровская гораздо популярнее и сулит гораздо более верный успех нашим стремлениям, чем другая, которой многие совсем не понимают и которую пока еще нельзя давать большой массе». А между тем Йорк, входивший в число рабочих делегатов, посланных на Лондонскую всемирную выставку, уже здесь попал в «Коммунистический союз для самообразования рабочих». Однако делать ему упрек за его шатания не приходится, если принять в соображение, что даже лейпцигский Центральный комитет распространял одновременно памфлеты Лассалья и Росмесслера, несмотря на то, что они и по своим предположениям, и по своим конечным выводам были различны друг от друга, как небо от земли.

Практика встряхнула скоро эту неясность теоретических взглядов. Мы уже упоминали выше, что, считаясь с реакционным законодательством о союзах, Росмесслер, по примеру Центрального Комитета, рекомендовал перенести центр тяжести рабочего движения из рабочих *ферейнов* в рабочие собрания, другими словами — в рабочие массы. Но тут сразу возникал вопрос, кого же считать рабочим, и на него Росмесслер сумел ответить только пустыми разговорами, —

разговорами, под расплывчатым, туманным прикрытием которых мог вступить в товарищеский союз с современным пролетарием ремесленник, проникнутый цеховыми идеалами, и даже капиталист-буржуа.

Особенно сильные раздоры возникли из-за этого в Гамбурге. От тамошнего образовательного рабочего фёрейна, руководимого проповедником «свободной общины» Бальцером и плывшего всецело на буксире у «Национального союза», еще раньше откололась маленькая радикальная фракция; наиболее видными членами ее были Август Перль, бухгалтер в одном из двух гамбургских потребительных обществ, в то время самых крупных в Германии, и механик Яков Аудорф, отец которого, носивший то же имя, участвовал уже в «Союзе коммунистов». Эта фракция радостно приветствовала воззвание лейпцигского Центрального Комитета, и, действуя в его духе, она тотчас же созвала открытые рабочие собрания для выбора местного комитета. Напротив, гамбургский образовательный рабочий фёрейн назначил комиссию, которая должна была, войдя в сношения с гамбургскими потребительными обществами, с кассой страхования на случай старости, народным банком и альтонским рабочим фёрейном, подготовить отправку делегатов на конгресс. В интересе единства Перль и его товарищи попытались сблизиться с этой комиссией, но поставленное ими условие, чтобы в Лейпциг посылались лишь такие делегаты, которые служат по найму у другого, было весьма решительно отклонено, и из задуманного объединения получилась только страстная вражда. Так как фракция Перля ссылалась на одно письмо Даммера, где тот будто бы одобрил от имени Центрального Комитета их взгляд на дело, то Бальцер пожаловался Росмесслеру, который поспешил немедленно выступить в поход против Даммера. Он потребовал, чтобы воззвание последнего было объявлено чисто личным его делом; Росмесслер доказывал, что, одобрив его брошюру, Центральный Комитет, как таковой, решил вопрос о том, кто есть рабочий, иначе, чем Даммер. Таким образом Центральный Комитет был поставлен перед решительным вопросом, который грозил повести к его распадению. На время трещина в здании была кое-как замазана компромиссом. Согласно черновику, набросанному рукою Росмесслера, Вальтейх ответил на письмо Бальцера, что Даммер не хотел поднимать никакого принципиального вопроса, а только практически содействовать тому, чтобы несамостоятельные работники, как наиболее угнетенный класс народа, были достаточно представлены на рабочем съезде, что несколько не противоречит взглядам Росмесслера. Нужно предоставить рабочим каждого города самим определить, кого они хотят послать на конгресс;

Центральный Комитет не имеет в этом вопросе никакого решающего голоса. Если Даммер одобрил тактику Перля и товарищей, то он поступил совершенно правильно; Бальцеру следует возможно скорее столкнуться с Перлем о созвании общего рабочего собрания, которое выбрало бы признаваемый всеми местный комитет.

Хотя, за исключением Гамбурга, пролетарская нотка нигде еще не выделялась резко из скрытой неясности взглядов годдашнего рабочего движения, но сама эта неясность парализовала усилия лейпцигского Центрального Комитета. Его воззвание нашло, правда, отклик во многих местах, но этот отклик оставался более или менее платонической симпатией. Сердечнее всех почти ответил старый демократ Деммлер в Шверине, но откуда же было ему взять мекленбургских рабочих? Даже Нюрнберг, который вместе с Берлином и Лейпцигом был первоначальной родиной движения, объявил, что не может ничего сделать, отчасти вследствие полицейских затруднений, отчасти из-за истощения средств у нюрнбергских рабочих, которым их рабочий съезд обошелся в 120 талеров. Возможно, что здесь сыграло уже некоторую роль буржуазное влияние; во всяком случае бреславльский ремесленный фереин ссылался на Шульце-Делича, когда насмешливо писал 5-го декабря в Лейпциг, что там, повидимому, все еще очень торопятся; что собственно должны делать местные комитеты, собирать статистические данные или что-нибудь другое? Буржуазия довольно скоро ориентировалась в положении вещей и без колебаний стала действовать. Она с самого начала только нехотя согласилась на рабочий конгресс, «приятно улыбаясь при скверной игре», и сделала это лишь затем, чтобы успешнее расстроить его. На ее стороне было то преимущество, что она отдавала себе ясный отчет в своих классовых интересах, и это преимущество она основательно использовала.

Уже в начале декабря козел с наивной дерзостью предложил свои услуги в качестве огородника; Шульце-Делич писал «превосходному г. Вальтейху»: «смотря по тому, на какое время вы назначите конгресс, мне, быть может, удастся самому прочитать вам доклад по этому необычайно важному и трудному вопросу, выступить некоторым образом как ваш докладчик». В Берлине Шульце приступил уже к чтениям, которые получили печальную известность благодаря позднейшей племиической работе Лассалья; в них Шульце старался пустыми софизмами обмануть рабочих относительно их классовых интересов. Затем в Кобурге, главной квартире «Национального Союза», открылся новый фереин для распространения образования среди рабочих, и там же появился в конце года пробный номер еженедель-

ной «*Всеобщей Немецкой Рабочей Газеты*» («*Allgemeine Deutsche Arbeiterzeitung*»), которая издавалась и редактировалась адвокатом Штрейтом, секретарем «Национального Союза». Штрейт был деятелем 1848 года, приблизительно направления Струве, следовательно — радикальное берлинских прогрессистов; в новом своем органе он выступил против юнкеров и попов с большей горячностью, чем это было принято среди буржуазной оппозиции, занял также доброжелательную позицию относительно лейпцигского Центрального Комитета и переписывался даже «дружески преданный» с Лассалем, — но все это в предположении, что рабочие останутся на политическом буксире у буржуазии и удовольствуются социальными рецептами, которые прописал им Шульце-Делич. Газете едва минуло 8 дней, как кобургский ферейн для распространения образования среди рабочих сообщал для 8-го января 1863 г. в Лейпциг, что в различных корреспонденциях, особенно из южной Германии, высказываются сомнения насчет целесообразности рабочего конгресса, — сомнения, которые во всяком случае заслуживают самого серьезного обсуждения и самого тщательного обмена мыслей. Затем центральный комитет образовательных рабочих ферейнов Франкфурта на М., Оффенбаха, Бокенгейма, Флёрстейма, Борнгейма, объединившихся в одну федерацию, объявил 30-го января от своего имени, а также от имени ферейнов Майнца и Маннгейма, что на съезде в Оффенбахе решено было: 1) лейпцигский Центральный Комитет должен отложить рабочий конгресс; 2) он должен снестись с образовательными рабочими ферейнами относительно устройства предварительного совещания для подготовки большого, общенемецкого рабочего съезда; совещание могло бы состояться в августе 1863 г. в каком-нибудь центрально расположенном месте, напр., Эйзенахе, Готе или Веймаре. Этот пароль был тотчас же живо подхвачен в Кобурге и тамошним ферейном и тамошней газетой.

Все это вполне раскрывало карты буржуазии. Она хотела отнять рычаг движения у лейпцигского Центрального Комитета и отдать его в руки образовательных рабочих ферейнов, находившихся еще в полной зависимости от нее. Раз рабочий конгресс откладывался вообще в долгий ящик оффенбахскими постановлениями, то проектируемое предварительное совещание в Эйзенахе, Готе или Веймаре не могло уже внушить буржуазии никаких опасений. Напротив! Если бы ферейны для распространения образования среди рабочих объединились в федерацию, то их положение, в виду немецких законов о союзах, стало бы еще более трудным, все их существование еще больше зависело бы от милости правительств, и буржуазии тем легче было бы тогда оберегать

рабочих от «политических излишеств», не переставая в то же время высказывать горькие жалобы по поводу проклятой реакции.

Известие об оффенбахских постановлениях прибыло в Лейпциг как раз в тот момент, когда гамбургский спор обнаружил зародыш разлада в самом Центральном Комитете. Ввиду серьезности положения Вальтейх составил воззвание, чтобы рассеять «многообразные сомнения и путаницу во взглядах», к которым подало повод первое воззвание комитета. Он начал с категорического заявления, что фрейеры для распространения образования среди рабочих ни в коем случае не должны стать узловыми пунктами рабочего движения: «органами рабочего движения являются исключительно комитеты, выбранные открытыми рабочими собраниями». Гораздо менее решительно воззвание отвечало на вопрос, кого надо считать рабочим, ограничиваясь уклончивыми словами: «значительное большинство членов Центрального Комитета—не самостоятельные рабочие, т.е. они предлагают свой труд не большой публике, а отдельным работодателям, небольшая же часть их—рабочие, стоящие во многих отношениях близко к первым». Вот почему Центральный Комитет и обратился ближайшим образом к своим товарищам.

Далее воззвание переходило к возражению, что рабочему съезду нет, мол, смысла заниматься программой, требования которой отстаиваются также буржуазией и давно проведены во многих странах. На это Вальтейх отвечал, что в подобных, высоко важных для них, вопросах рабочие хотят все-таки сказать и свое слово. Они тем более хотят этого, что до сих пор их мнения совершенно не спрашивали; они тем энергичнее желают доказать свою зрелость, чем меньше свет верит в нее. При этом великом начинании они не руководятся никакими мелочными соображениями. Конгресс отнюдь не должен явиться демонстрацией против веймарского съезда поклонников цехового строя; рабочим нечего делать с этим полумертвым противником, они желают поднятия своего сословия внутри и во-вне. Они хотят высказать свое мнение относительно того, действительно ли достаточны та свобода передвижения и та свобода промысла, которые уже дарованы, они хотят узнать, насколько рабочие созрели для кооперативных товариществ, и ускорить эту зрелость. «Мы знаем духовную и материальную нужду своих товарищей и принимаем ее близко к сердцу; мы хотим, друзья, чтобы вы заявили, наконец, как сильно гнетет вас эта нужда, и конгресс должен быть вашими устами. Он должен доказать, что немецкое рабочее сословие стало совершеннолетним и чувствует себя призванным, если не дать

окончательное решение высоко важного социального вопроса, то, по крайней мере, положить ему начало и подвинуть его вперед. Немецкое рабочее сословие соединяет в себе необходимые для этого ясность ума, богатство чувства, обдуманность и выдержку в действиях, оно одинаково чуждо стяжательному материализму англичанина и утопическому идеализму француза, оно обладает способностью и желанием трудолюбиво завоевать себе свое освобождение, продолжая спокойно строить на основе данных отношений». В этих предложениях лежал центр тяжести воззвания, которое затем еще раз горячо призывало заниматься энергично подготовлением конгресса, избрать местные комитеты и в особенности устраивать денежные сборы. Оно давало также совет—при наличных условиях весьма обоудоострый—привлекать со стороны «доверенных лиц»; счастье, по крайней мере, что сами советчики сумели надлежащим образом использовать его.

Воззвание не было опубликовано, и несомненно, что обнаружение его не вывело бы Центрального Комитета из того трудного положения, в которое он попал вследствие вероломной политики буржуазии. Воззвание дышало уже тем здоровым классовым сознанием современного пролетариата, которого с полным основанием боялась буржуазия, но в нем не было еще того ясного классового сознания современного пролетариата, пред которым пасуют все уловки и ухищрения буржуазии. Топору недоставало еще рукоятки. Рабочие с горечью и совершенно правильно видели, что буржуазия отказывает им в том объявлении совершеннолетними, на которое они притязали, но они не умели еще развить свое притязание в форме социально-политической программы. Мы не можем теперь с точностью установить, в это ли время или еще раньше в «Национальный союз» была подана просьба разрешить уплату годовых взносов месячными долями, так чтобы рабочие получили возможность вступить в союз. Известен лишь отказ на эту просьбу, обоснованный тем соображением, что рабочие могут-де смотреть на себя, как на «духовных почетных членов», или, в лучшем случае—что рабочие ферейны могут платить годовые взносы за своих председателей, которыми они будут затем представлены в «Национальном союзе».

Подобным же образом буржуазия ходила вокруг и около требования о всеобщем избирательном праве. «Национальный союз» ссылался на то, что он отстаивает это право, требуя имперской конституции 1849 года, где оно содержится; выставлять сверх того еще особое требование о всеобщей подаче голосов нелепо, как разъяснил уже в своей брошюре Росмесслер. И хотя прусская прогрессистская партия принципиально вычеркнула из своей программы всеобщее изби-

рательное право, однако, когда ей приходилось обращаться к рабочим, она пускала в ход всякие уклончивые фразы; так, Шульце-Делич заявлял, что «можно», конечно, дать его как требование равноправия, но рабочие массы должны раньше приобрести образование, дабы правильно пользоваться им. Указание на опыт, сделанный со всеобщим избирательным правом при второй империи, оказало при этом превосходную услугу прогрессистам, и именно среди наиболее развитых рабочих. Подобно тому, как Бебель высказался в феврале 1863 г. против всеобщего избирательного права, так Йорк писал около того же времени лейпцигскому Центральному Комитету: «Агитировать при настоящих обстоятельствах в пользу всеобщей подачи голосов было бы более чем рискованно, во-первых, потому, что сейчас этим ничего не было бы выиграно; во-вторых, она представляется мне чересчур обоюдоострым оружием, которое слишком легко может быть обращено против свободы,—до тех пор именно, пока образование находится в меньшинстве, как мы еще видим это теперь». Поднять просто знамя всеобщего избирательного права, значило бы скорее затруднить, чем облегчить положение Центрального Комитета, и Вальтейх даже не упомянул о нем в проекте нового воззвания.

Вместо того, чтобы выпустить это воззвание, Центральный Комитет предпочел обратиться к надлежащему советчику, единственному человеку во всей Германии, который мог ему помочь. Лассалевская «Программа работников» постепенно произвела все-таки свое действие. В начале февраля 1863 г. Вальтейх и Даммер, оба председателя Центрального Комитета, поехали в Берлин, чтобы посоветоваться с Лассалем. Свидание произошло на квартире у Лассалья в присутствии Людвиг Лёве. Соглашение было скоро достигнуто, и результат его виден из постановлений, принятых Центральным Комитетом 10 февраля. Комитет поместил в «*Кобургской Рабочей Газете*» воззвание, которое признавало необходимость конгресса, но предостерегало против чрезмерной поспешности: о созвании конгресса можно будет серьезно подумать только тогда, когда значительное большинство немецких рабочих будет с этим согласно и само потребует его. «Мы желаем хорошо подготовленного конгресса и таких представителей немецкого рабочего сословия, которые отдадут себе совершенно ясный отчет во всем». В обсуждение каких-либо принципиальных вопросов воззвание не вдавалось, но Центральный Комитет обратился одновременно к Лассалю с официальным приглашением высказаться в форме, какая покажется ему подходящей, относительно рабочего движения и тех средств, которыми оно

должно пользоваться, в особенности—о ценности ассоциаций для совершенно неимущего класса.

Лассаль ответил своим «Ответным открытым письмом» («Offenes Antwortschreiben»), которое помечено 1-м марта и появилось в свет около середины этого месяца.

5. Открытое письмо Лассалья.

«Открытое письмо» исходит из признания одинаковой ложности взгляда, по которому рабочим вообще нет дела до политики, и взгляда, по которому они должны составить бескорыстный хор для прогрессистской партии. Рабочий может ожидать удовлетворения своих законных интересов только от политической свободы, между тем прогрессистская партия своим поведением во время прусского конституционного конфликта показала, что она совершенно неспособна добиться хотя бы малейшего реального развития свободы. Рабочее сословие должно организовать самостоятельную политическую партию, сделав лозунгом и знаменем этой партии всеобщее, равное и прямое избирательное право. Только представительство рабочего сословия в законодательных собраниях Германии может удовлетворить в политическом отношении его законные интересы. Открыть для этой цели мирную и законную агитацию при помощи всех законных средств—такова политическая программа рабочей партии. Отсюда сама собой вытекает тактика рабочей партии по отношению к прогрессистам: она всюду должна выступать как самостоятельная партия, поддерживая в то же время прогрессистскую партию в вопросах, где у них есть общий интерес, и решительно поворачиваясь к прогрессистам спиной, выступая против них, как только те удаляются от этого интереса; рабочая партия заставит тем самым прогрессистскую партию либо развиваться вперед и подняться выше прогрессистского уровня, либо погружаться все глубже в болото ничтожества и бессилия, в которое она уже по колени увязла.

Лассаль отвечает затем на социальные вопросы, которые предложил ему лейпцигский комитет. Он объясняет, что прения о свободе передвижения и свободе промысла неуместны в программе занятий рабочего конгресса; они имеют, по меньшей мере, тот недостаток, что опоздали на 50 лет. Свободу передвижения и свободу промысла безмолвно декретируют в законодательном собрании, но их не дебатруют больше. Что касается сберегательных, инвалидных, больничных касс и касс взаимопомощи, то они могут сделать более сносным бедственное положение единичных рабочих, но они совершенно бессильны как средство улучшить нор-

мальное положение всего рабочего сословия. Лассаль ссылается на однородное воззрение Губера, чтобы при помощи свидетельства этого человека, стоящего в политическом отношении на совершенно противоположной, а в экономическом — на совершенно различной от него точке зрения, устранить наиболее коротким путем подозрение, будто незначительная ценность, которую он придает названным кассам, является только следствием предвзятых политических тенденций.

Затем следуют ассоциации Шульце-Делича. Лассаль проходит бережно мимо политического деятеля и экономиста-теоретика Шульце, чтобы тепло пожать руку «отцу и основателю немецкого кооперативного дела», но на вопрос, могут ли ассоциации Шульце улучшить положение рабочего сословия, он отвечает решительным «нет». Самое большее, что кредитные и сырьевые товарищества в состоянии сделать, это — поставить неимущего (ремесленного мастера в равные условия с зажиточным ремесленником, который, в свою очередь, не в состоянии больше выдержать конкуренцию крупного капитала и массового фабричного производства. Товарищества могут продлить агонию мелкого ремесленника, умножить таким образом муки этой предсмертной борьбы и без пользы задержать развитие нашей культуры; настоящего, занятого в крупной промышленности и непрерывно возрастающего рабочего сословия они вообще не затрагивают,

Что касается потребительных обществ Шульце, то они могли бы, конечно, охватить все рабочее сословие, но и они совершенно неспособны улучшить его положение. Неправильно уже то, что рабочему хотят помочь, как потребителю, вместо того, чтобы помочь ему с той стороны, где башмак действительно жмет его, т.-е. как производителю. Правда, рабочий страдает так же, как потребитель, от необходимости покупать предметы своего потребления по мелочам и становится таким образом жертвою ростовщичества мелочной лавки; против этого зла потребительные союзы помогают до известной степени и на известное время. Этот второстепенный недуг не имеет, однако, ничего общего с тем главным недугом, той язвой, которая гнетет рабочего.

Лассаль развивает далее «железный экономический закон», которым определяется заработная плата при нынешних условиях, когда труд составляет предмет спроса и предложения: закон этот ограничивает среднюю заработную плату минимумом средств, обычно требующимся среди данного народа для поддержания существования рабочего и продолжения его рода. «Зарботная плата не может надолго подняться выше этой средней, так как иначе вследствие более

легкого, лучшего положения рабочих произошло бы увеличение числа браков среди них и усиленное их размножение, т.-е. увеличение рабочего населения и, следовательно, предложения рабочих рук, которое снова понизило бы заработную плату до ее прежнего уровня и даже *ниже* его. Заработная плата не может также надолго упасть значительно ниже этих безусловно необходимых средств существования, потому что тогда начинаются эмиграция, безбрачие, воздержание от деторождения и, наконец, порождаемое нищетой уменьшение числа рабочих, которое еще больше сокращает предложение рабочих рук и потому приводит заработную плату опять к ее прежнему уровню. Действительная средняя заработная плата непрерывно колеблется, таким образом, около своего центра тяжести, к которому должна всегда возвращаться; она стоит то несколько выше него (период процветания во всех или в отдельных отраслях труда), то несколько ниже (период более или менее общей нужды и кризисов).

Лассаль говорит, что либеральная экономическая школа сама открыла и доказала этот закон; он может привести в его пользу столько же авторитетов, сколько в экономической науке имеется великих и знаменитых имен. Лассаль советует рабочим спрашивать всякого, кто хочет улучшить их положение, признает ли он этот закон или нет, и поворачиваться к нему спиною, как к пустому болтуну, если он не признает этого закона или не знает, как его устранить. Действие железного закона Лассаль резюмирует следующим образом: «из продукта труда (производства) сначала вычитывается и делится между рабочими столько, сколько необходимо для поддержания их существования (заработная плата). Весь излишек производства—продукта труда—достается на долю предпринимателя». Рабочие представляют собою класс обездоленных, так как они неизбежно устраняются даже от выгод увеличения производительности труда, обусловливаемого успехами цивилизации, т.-е. от выгод увеличения продукта труда, увеличения доходности их собственного труда. На их долю достается всегда лишь безусловно необходимый минимум средств к существованию, на долю предпринимателя—все, что производится трудом сверх этого минимума.

Лассаль допускает, что если бы при значительном увеличении производительности труда многие промышленные изделия стали необыкновенно дешевыми, и в то же время наступил продолжительный период поднимающегося спроса на рабочие руки, то объем минимума, который, согласно обычаю данного народа, признается необходимым для существования, может расширяться; что если сравнить между собой различные эпохи, то положение рабочего сословия в

позднейшую эпоху *может* оказаться несколько лучшим, чем в более раннюю. Лассаль делает это маленькое отступление потому, что подобное незначительное улучшение на протяжении столетий всегда является пунктом, к которому возвращаются, по примеру Бастиа, все господа, склонные пустить рабочим пыль в глаза столь же дешевыми, сколько пустыми декламациями. *Действительно ли* общее положение рабочего сословия улучшалось непрерывно в течение веков, это—вопрос очень трудный, очень запутанный и требующий слишком ученого исследования, чтобы к нему хотя в слабой степени были способны люди, не перестающие забавлять рабочих рассуждениями о том, как дорог был ситец в прошлом столетии и сколько ситцевых платьев они могут теперь потреблять. Сам он не может заняться сейчас этим исследованием, так как вынужден давать рабочим положения не только абсолютно установленные, но и легко могущие быть обоснованными; но если даже допустить, что такое улучшение произошло, то этим дается только ложная постановка вопросу, о котором идет дело. Рабочих обманывают, их хотят одурачить.

Когда рабочие говорят об улучшении своего положения, то мерилom являются для них современные жизненные привычки. А их забавляют сравнениями их положения с положением рабочих в прежние века! Что рабочим живется теперь лучше, чем ботокудам и дикарям-людоедам, это несомненно доказанный факт. Но каждое человеческое удовлетворение зависит всегда только от отношения между средствами к удовлетворению и жизненными потребностями, которые стали уже обычными в данное время; повышенный минимум крайних жизненных потребностей может, однако, причинять страдания и лишения, которых совершенно не знали прежние эпохи. «Какое лишение испытывает ботокуд от того, что не может покупать мыла, какое лишение испытывает дикий людоед от того, что он не может носить приличного сюртука, какое лишение испытывал рабочий до открытия Америки, когда он не мог курить табаку, или пред изобретением книгопечатания, когда он не мог приобрести себе полезной книги?» Следовательно, если бы удалось даже самым твердым образом установить, что уровень необходимых жизненных условий повысился в различные эпохи, то человеческое положение рабочих оставалось бы все-таки в эти различные времена одним и тем же: им всегда приходилось бы балансировать на низшей границе средств, безусловно требующихся для жизни в силу привычек данного времени, стоять то немного выше нее, то немного ниже.

Сделав это отступление, Лассаль резюмирует свое суждение о потребительных обществах следующим образом: пока

потребительные общества состояются лишь отдельными кругами рабочих, до тех пор они не оказывают влияния на общую заработную плату, до тех пор, следовательно, они могут, удешевляя потребление, доставить небольшое облегчение вступающим в них рабочим, как потребителям. Но как только они начинают охватывать все рабочее сословие, железный закон заработной платы приводит к тому, что эта плата должна понизиться ровно настолько, насколько жизнь стала дешевле благодаря потребительным обществам; таким образом, падает до нуля и то незначительное облегчение, которое потребительные общества приносили раньше отдельным рабочим кругам.

Итак, все организации Шульце не могут помочь рабочему сословию, как таковому. «Как так? Неужели принцип свободной, индивидуальной ассоциации рабочих не в состоянии произвести улучшение в быте рабочего сословия?» На это Лассаль отвечает: «Конечно, он в состоянии это сделать, но лишь при условии его распространения на крупное фабричное производство. Сделать рабочее сословие своим собственным предпринимателем—вот средство, при помощи которого— и только его одного— можно было бы устранить железный и жестокий закон, определяющий заработную плату! Раз рабочее сословие становится собственным предпринимателем, то отпадает указанное разделение между заработной платой и предпринимательской прибылью, а заодно с ним вообще самая заработная плата: вместо нее вознаграждением труда становится весь продукт труда!» Упразднение предпринимательской прибыли самым мирным, самым легальным и самым простым образом, вследствие того, что рабочее сословие организуется посредством добровольных ассоциаций, как свой собственный предприниматель,— вот единственно истинное, единственное непризрачное улучшение быта рабочего сословия; оно одно отвечает его справедливым притязаниям.

Но как этого достигнуть?—задает себе опять вопрос Лассаль. Достаточно бросить взгляд, с одной стороны, на железные дороги, машиностроительные заводы, судостроительные верфи, бумагопрядильни, ситцевые фабрики и т. д., и с другой—на пустые карманы рабочих, чтобы убедиться в полной невозможности для рабочих вести крупное промышленное производство за собственный счет, если бы им пришлось ограничиться исключительно своими изолированными усилиями, как индивидов. «Именно потому дело и задача государства—дать вам возможность к этому, взять в свои руки, поощряя и развивая его, великое дело свободной индивидуальной ассоциации рабочего сословия; оно должно сделать своей священной обязанностью поставление вам

средств и возможности к этой вашей самоорганизации и самоассоциации».

Лассаль показывает затем, насколько неосновательны вошли тех, которые говорят, что всякое такое вмешательство государства упраздняет общественную самопомощь. Ведь не мешает же государство молодежи просвещать себя собственными силами, если оно содержит для нее учителей, школы и библиотеки? Пусть отдельные лица приобрели образование без учителей, школ и библиотек, пусть при некоторых особых условиях отдельные круги рабочих (напр., в Англии) путем ассоциации, возникшей только их собственными усилиями, улучшили несколько свое положение в некоторых, менее значительных отраслях крупного производства и в известном небольшом объеме; однако эти исключения только подтверждают правило, что для всего рабочего сословия действительное улучшение его быта может быть осуществлено лишь при помощи государства.

Рабочие не должны также давать себя обманывать дешевыми фразами насчет социализма и коммунизма. «Нет ничего более далекого от так назыв. социализма и коммунизма, чем изложенное выше требование, при котором рабочие классы сохраняют, как теперь, свою индивидуальную свободу, свой индивидуальный образ жизни, свое индивидуальное вознаграждение, и все их отношение к государству ограничивается тем, что они получают через него капитал или кредит, требующийся для их ассоциации. Но задача и назначение государства именно в том и состоит, чтобы облегчать великие культурные успехи человечества и служить их проводником. Это—его призвание, для этой цели оно существует, этому оно всегда служило и должно было служить». Чтобы доказать свое положение, Лассаль, вместо сотни примеров, которые могли бы дать ему каналы, шоссейные дороги, почты, почтовые пароходные линии, телеграфы, рентные банки, мелиорации, введение новых отраслей фабричного производства и т. д., обращается к государственной гарантии процентов для железнодорожных предприятий. Она явилась чрезвычайно сильным вмешательством государства, притом в пользу богатых и состоятельных классов, которые и без того имели в своем распоряжении весь капитал и весь кредит и гораздо легче рабочих могли бы обойтись без государственного вмешательства, но, тем не менее, потребовали его. Тогда вмешательство государства считали вполне допустимым, но как только дело зашло о вмешательстве в пользу нуждающихся классов, в пользу неизмеримого большинства, оно вдруг оказалось «чистейшим социализмом и коммунизмом». А между тем, может ли сравниться культурный прогресс, обусловленный

железными дорогами, как бы велик он ни был, с тем колоссальнейшим культурным прогрессом, который был бы осуществлен ассоциацией рабочего класса!

В примечании к этому месту Лассаль говорит: чтобы ответить на вопрос, насколько легко было бы достать капитал или скорее кредит, требующийся для ассоциации, которая с течением времени охватила бы постепенно все рабочее сословие,—потребовалось бы предварительно финансово-теоретическое разъяснение социальной функции денег и кредита. Всякое такое разъяснение способа исполнения было бы, сверх того, совершенно излишне и бесплодно в настоящий момент: практическую ценность оно получит лишь тогда, когда можно будет подумать об осуществлении требования. Пока что Лассаль довольствуется следующими намеками: «Эти ассоциации охватили бы, конечно, все рабочее сословие лишь постепенно, с течением времени. Они должны были бы устраиваться сначала в таких отраслях промышленности, которые наиболее пригодны для ассоциации по своей природе, занимая сравнительно наибольшее число рабочих. Они должны были бы устраиваться на первых порах в таких округах и местностях, которые более других подходят для ассоциации по роду своей промышленной деятельности, по густоте своего населения и по добровольному расположению его к ассоциации — три обыкновенно совпадающих момента. Как только несколько таких ассоциаций существовало бы, их все легче было бы вводить для других промышленных отраслей и местностей, так как все ассоциации, основывающиеся при помощи государства, естественно должны были бы вступить и вступили бы в один кредитный союз. Кроме кредитного союза различные ассоциации могли бы объединяться еще в страховую союз, который путем распределения возможных убытков по операциям выравнивал бы их до незаметных размеров. Наконец государству отнюдь не пришлось бы играть роли диктатора при этих обществах, а ему принадлежали бы только определение или утверждение уставов и достаточный для обеспечения его интересов контроль над ведением дела. Еженедельно пришлось бы выплачивать рабочим обычную в данной местности и данном промысле заработную плату, а в конце года распределять между ними, как дивиденд, прибыль ассоциации». В подтверждение практической осуществимости, чрезвычайной прибыльности и жизнеспособности таких ассоциаций, Лассаль указывает на английские и французские рабочие ассоциации, достигшие высокого процветания, несмотря на то, что, возникши при самых трудных обстоятельствах, без всякой посторонней помощи и поддержки, они вынуждены были рассчитывать исключи-

тельно на усилия изолированных рабочих. Все эти общества были настоящими пионерами будущего: они твердой рукой пробили дорогу, и поразительными практическими результатами, которых они достигли, несмотря на встретившиеся им невозможные условия, они показали, каких неизмеримо больших результатов можно будет достигнуть, если государство подаст свою руку помощи для преодоления указанных препятствий.

Но что такое государство? Официальное статистическое бюро королевства Пруссии опубликовало в 1851 г. расчет о распределении населения по доходам, основанный на официальных податных списках. Результаты этого исчисления Лассаль воспроизводит с буквальной точностью и резюмирует их затем следующим образом: «72³/₄ процента населения с доходом ниже 100 талеров, следовательно, в самом жалком положении! Далее, 16³/₄ процента населения с доходом от 100 до 200 талеров, следовательно, в положении вряд ли лучшем, т.-е. все еще жалком. Затем, 7¹/₄ процента населения с доходом от 200 до 400 талеров, т.-е. все еще в стесненном положении; 3¹/₄ процента населения с доходом от 400 до 1000 талеров, следовательно, частью в сносном, частью в зажиточном положении; наконец 1/2 процента населения на всевозможных ступенях богатства. Таким образом оба низших класса, находящиеся в самом стесненном положении, уже одни образуют 89⁰/₁₀₀ населения, а если прибавить сюда еще 7¹/₄⁰/₁₀₀ третьего, все еще неимущего и стесненного класса, то вы получите 96¹/₄⁰/₁₀₀ населения в стесненных и скудных материальных условиях. Таким образом государство принадлежит вам, нуждающимся классам, а не нам, высшим сословиям, ибо из вас оно состоит. Что такое государство?—спрашиваю я,—и из немногих цифр вы видите теперь осязательнее, чем из толстых книг: ваша великая ассоциация, ассоциация бедных классов,—вот что есть государство!» Почему бы, спрашивается, этой большой ассоциации бедных классов не действовать теперь развивающим и оплодотворяющим образом на их меньшие ассоциационные круги?

Лассаль приводит еще затем специальное доказательство невозможности улучшить положение рабочего сословия путем свободной ассоциации иначе, как при поддержке государства. Он обращается с этой целью к примеру рочдельских пионеров, самой знаменитой из английских рабочих ассоциаций, и подчеркивает факт, что среди них возникла агитация за устранение рабочих, не состоящих одновременно акционерами, от участия в прибыли: рабочие со средствами рабочих и предпринимательским образом мыслей—такова противная карикатура, в которую выродились рочделеские пионеры. Далее, при 1.600 акционерах-рабочих, на фабрике роч-

дельских пионеров занято только 500 рабочих; если не представлять себе рабочих прямо таки богатыми людьми,— предположение, при котором все вопросы разрешаются, конечно, в иллюзию,—то число рабочих, занятых на всякой фабрике, никогда не будет достаточным, чтобы собрать из своих собственных карманов требующийся для нее основной капитал; для этого требовалось бы всегда гораздо большее число других, не занятых на этой фабрике акционеров-рабочих. Отношение 1:3, существующее у рочдельских пионеров, является даже поразительно благоприятным и может быть объяснено только особыми, исключительными условиями. К тому же указанное отношение должно еще в громадной степени возрасти вместе с развитием промышленности, ибо успехи цивилизации именно в том и состоят, что ежедневно человеческий труд все больше заменяется мертвой силой природы, т.-е. машинами; что ежедневно, следовательно, отношение между размерами основного капитала и количеством человеческого труда выражается все большей дробью. Если хотят, чтобы ассоциация распространилась на все рабочее сословие, откуда же взять тогда тройное или еще большее число акционеров-рабочих, которые должны стоять за занятыми на фабриках рабочими, чтобы устроить эти фабрики?

Таким образом представляется прямо математической невозможностью освободить рабочее сословие этим путем, т.-е. посредством усилий его членов, как изолированных индивидов; единственный путь, который может вывести его из пустыни, это—свободная индивидуальная ассоциация, осуществляемая при содействии и поддержке государства. Но как побудить государство к подобному вмешательству? Ответ ясен, как божий день: это может быть сделано только посредством всеобщего и прямого избирательного права. Если бы законодательные собрания Германии составлялись на основе такого избирательного права, тогда, и только тогда, рабочие могли бы побудить государство исполнить свою обязанность. «Тогда это требование будет поднято в законодательных собраниях, тогда можно будет при помощи разума и науки обсуждать границы, формы и средства этого вмешательства, тогда — можете быть покойными на этот счет—люди, понимающие ваше положение и преданные вашему делу, сумеют с оружием науки в руках помогать вам и защищать ваши интересы! И тогда вы, неимущие классы общества, должны будете винить только себя и свои плохие выборы, если представители вашего дела будут оставаться в меньшинстве». Всеобщее избирательное право есть не только политический, но и социальный основной принцип рабочего сословия, основное условие всякой социальной помощи.

Но как достигнуть введения всеобщего избирательного права? Лассаль ссылается на более чем пятилетнюю агитацию против английских хлебных пошлин, которые консервативному министерству пришлось в конце концов отменить. «Организоваться в форме всеобщего германского рабочего союза для законной и мирной, но неутомимой, беспрестанной агитации в пользу введения всеобщего и прямого избирательного права во всех немецких странах! С того момента, как этот союз будет обнимать хотя бы 100.000 немецких рабочих, он будет уже силой, с которой всякий принужден будет считаться». Рабочие должны разносить этот клич в каждую мастерскую, каждую деревню, каждую хижину. Городские рабочие должны передовать свое лучшее понимание дела и образование сельско-хозяйственным рабочим, повсюду дебатировать и обсуждать необходимость всеобщего избирательного права, обсуждать ежедневно, неотступно, беспрестанно. Рабочие должны учреждать кассы, которые, несмотря на незначительность взносов, составят громадную финансовую силу для агитационных целей, основывать при помощи этих касс газеты, распространять летучие листки, рассылать агентов. Они должны ежедневно и неутомимо повторять одно и то же, опять то же, всегда то же. «Все искусство практических успехов заключается в том, чтобы в каждый данный момент сосредоточить всю силу на одном пункте, на самом важном пункте, и не смотреть ни вправо, ни влево. Не смотрите ни вправо, ни влево, будьте глухи ко всему, что не зовется всеобщим и прямым избирательным правом, что не находится в связи с ним или не может вести к нему». Если этот клич будет, действительно, распространен среди 89—96% населения, образуемых бедными и неимущими классами общества—что может удалиться в течение немногих лет—то долго противиться ему нельзя будет.

Правительства могут препираться и ссориться с буржуазией из-за политических прав. При том полуравнодушии, с которым все относится теперь к политическим правам, они могут отказывать в политических правах, следовательно — и во всеобщем избирательном праве, даже рабочим. «Но когда всеобщее избирательное право 89—96% населения начнет рассматриваться, как вопрос желудка, и потому распространяться также со свойственной желудку теплотою по всему национальному организму, — будьте покойны, господа, нет такой силы, которая могла бы долго противиться ему. Вот знамя, которое вы должны поднять. Вот знак, под которым вы победите! Другого для вас нет!» Так заканчивается «Открытое письмо».

6. Боевой план Лассалья.

«Открытое письмо» Лассалья относится к его «Программе работников», как тактика к стратегии, как план сражения к плану кампании. Это *ordre de bataille* для первой битвы в великой освободительной борьбе немецкого пролетариата. Как рабочий агитатор, Лассаль сказал в нем не последнее, а первое свое слово. Он знал, что массы, которые он собирался вести в бой, состояли из очень неопытных рекрутов: их еще только приходилось обучать под огнем, а мировоззрение и сила понимания их были довольно ограничены. Лассаль вынужден был также обращать тщательное внимание на местность, по которой он шел, на устройство и расположение окопов, которые он брал приступом, на калибр орудий, из которых стрелял неприятель. Ему приходилось теперь преодолевать на практике то диалектическое противоречие всякого революционного действия, которое он сделал трагической идеей своего «Зикингена». Требовалось соединить исчерпывающую последовательность принципа с необходимой односторонностью политики.

Лассаль не мог сохранить «естественную связь с прежним рабочим движением», по крайней мере, не мог сделать этого так, как требовал от него Маркс. Трудно представить себе более различные времена, чем дни Коммунистического Манифеста и дни «Открытого письма». Маркс и Энгельс обращались к небольшой, избранной части международного пролетариата, жившей целые годы и даже десятилетия в главных центрах европейского экономического оборота, освоившейся с труднейшими проблемами немецкой философии и англо-французского социализма, объединенной в тайном обществе для пропаганды и готовившейся накануне революции вербовать приверженцев коммунизму среди охваченных брожением европейских масс. Напротив, Лассаль обращался к рабочему классу страны, еще очень отсталой экономически и политически, — к классу, который далеко еще не сбросил с себя кошмара гнетущей реакции и не мог рассчитывать в близком будущем на то быстрое развитие пролетарского классового сознания, которое получается обыкновенно благодаря огненному крещению революции; он обращался к классу, который должен был бороться, как массовая партия, на почве современного буржуазного общества, между тем как даже самые развитые его члены едва имели представление о существовании этого общества. Если бы оставалось какое-либо сомнение относительно того, что к тогдашним немецким рабочим можно было подойти только со стороны самых ближайших их интересов, то его должен был

рассеять для Лассалья прием, оказанный его «Программе работников»: она не вызвала никакого отклика в рабочем классе, несмотря на то, что идеи Коммунистического Манифеста были ведь приспособлены уже ею к германским условиям.

Лассаль не хотел предписывать германскому рабочему движению его хода согласно доктринерскому рецепту, а взял—вполне в духе Маркса—реальной основой для своей агитации действительное классовое движение, поскольку оно имелось на-лицо в Германии. Он взял своим отправным пунктом всеобщее избирательное право и стремления к ассоциации, — две идеи, начавшие приводить в движение германский пролетариат. Требованию всеобщего избирательного права он тотчас же придал исчерпывающую последовательность принципа, разъяснив немецким рабочим, что оно является для них единственным средством завоевать политическую власть, без обладания которой они никогда не сумеют удовлетворить своих классовых интересов. Насколько Лассаль правильно судил в этом отношении о немецких делах, это доказали 40 лет германской истории. Его заслуга должна быть оценена тем выше, что в то время, когда он сделал всеобщее избирательное право лозунгом германского рабочего движения, оно не пользовалось особенно хорошей репутацией. Если масса буржуазии отвергла его из недоверчивого классового инстинкта, то плоды всеобщего избирательного права при второй империи заставляли недоверчиво относиться к нему и людей совершенно другого сорта—не только Ланге и Родбертуса, но и Маркса и Энгельса.

Правда, Лассаль переоценил значение всеобщего избирательного права. Хотя он и заявлял наперед, что это не волшебный жезл, хотя он и приписывал ему решающее значение не сейчас же, а лишь с течением времени, однако срок этот фактически оказался более продолжительным, чем он думал. В этом отношении Лассаль сделался жертвою того оптического обмана смелых и дальновзорких мыслителей, которому не раз поддавались также Маркс и Энгельс. Но сказанное несколько не меняет самого факта, что Лассаль стоял на правильной точке зрения, когда полагал, что при данных исторических условиях всеобщее избирательное право есть то оружие, при помощи которого германский пролетариат должен и будет бороться, пока он не станет непреодолимой силой. С какой бы запальчивостью и какими бы влиятельными людьми ни оспаривалось иногда это воззрение, однако сила фактов не переставала каждый раз вновь толкать германскую социал-демократию на тот путь, который предназначал ей Лассаль. Насколько она выросла именно благодаря всеобщему избирательному праву, как самому подхо-

дящему и действительно своему оружию, это красноречивее, чем кто-либо, объяснил Энгельс в своей последней работе¹⁾

Вторым отправным пунктом Лассаль взял кооперативное дело. Все иллюзии относительно этой мнимой панацеи для рабочего класса он рассеял впрах законом заработной платы, формулированным самой буржуазной экономией. Он побил угнетателей пролетариата их собственным оружием. В последующих своих речах и сочинениях Лассаль неопровержимо доказал, что все видные представители буржуазной экономики признавали формулированный им закон заработной платы в капиталистическом обществе. Но социалистическая экономия показала впоследствии, что «железного» характера, на который особенно напирал Лассаль, этому закону нельзя приписывать, и потому представляется важным исследовать, действительно ли верил в него Лассаль, и если да, то с каким историческим правом.

Прежде всего неверно то, что Маркс писал раз в минуту сильнейшего раздражения: «если я принимаю закон с печатью Лассалья и, следовательно, в его смысле, то я должен принимать его и с обоснованием Лассалья. А что оно представляет из себя? Как уже показал Ланге вскоре после смерти Лассалья: теорию народонаселения Мальтуса (проповедуемую самим Ланге). Но раз эта теория правильна, то я опять-таки *не* могу уничтожить упомянутого выше закона, хотя бы я стократ уничтожил наемный труд, ибо закон господствует в таком случае не только над системой наемного труда, но и над *всякой* общественной системой. Основываясь именно на этом, экономисты доказывали в течение 50 лет и более, что социализм не может уничтожить нищеты, корнящейся в природе, а может лишь сделать ее всеобщей, распределить ее одновременно по всей поверхности общества». В это противоречие Лассаль, однако, никогда не впадал. К мальтусовской теории Лассаль относился не как Ланге и буржуазные экономисты, а как Маркс и Энгельс, и охарактеризовал ее почти резче еще, чем они оба. Ее сущность—утверждение, что люди имеют тенденцию размножаться быстрее пищевых средств—он отвергал, как «давно опровергнутое заблуждение», а выводимую отсюда теорию «благоразумных ограничений» деторождения он осмеивал, как ребяческую, безнравственную, бесчеловечную, противоестественную теорию, как «настоящее свинство». В противоположность Мальтусу, Лассаль говорил: «чем больше рабочих рук, тем больше богатства; если мы этого пока еще не видим,

¹⁾ В предисловии к новому изданию (1895) „Классовой борьбы во Франции“ Маркса.
Прим. перев.

то вина лежит в «экономическом антагонизме» капиталистического общества. Соответственно с этим Лассаль подчеркивает в «Открытом письме», что установленный буржуазной экономией закон заработной платы имеет силу «при теперешних условиях, когда труд составляет предмет спроса и предложения». Лассаль не смотрел на упомянутый закон как на закон природы, подобно мальтузианцам, а видел в нем закон социальный и потому мог, нисколько не впадая в противоречие с самим собою, говорить о возможности его устранения другой организацией общества.

Этот взгляд находился, впрочем, в полном согласии с тем способом понимания железного закона, который Маркс и Энгельс выражали в более ранних своих произведениях, до Коммунистического Манифеста включительно. Энгельс развивал уже в «*Deutsch-Französ. Jahrbücher*» ту мысль, что количество населения давит не на *пищевые средства* в капиталистическом обществе; в этом обществе производство рабочей силы регулируется законом конкуренции. В своей книге о положении английских рабочих Энгельс разъясняет закон заработной платы почти в тех же выражениях, как Лассаль в «Открытом письме», да Энгельс и не отрицал, что Лассаль заимствовал закон в том самом виде, в каком он сам и Маркс понимали его в 40-х гг., т. е. как экономический закон буржуазного общества, а не как закон природы в смысле мальтузианцев. К слову сказать, и Ланге не говорил, что Лассаль обосновывает закон заработной платы теорией Мальтуса; напротив, он ставит в упрек Лассалю, что тот упускает из виду эту теорию и выводит свой закон, подобно Марксу, из капиталистического способа производства.

Но и с этим ограничением «железный» характер закона заработной платы оспаривался Марксом, точнее сказать — Маркс научно и неопровержимым образом доказал, что его нельзя считать таковым для развитого капиталистического общества. Маркс показывает в первом томе «Капитала», что современная промышленность, с ее правильной сменой периодов, регулирует свою потребность в рабочих руках не посредством абсолютного движения народонаселения, а при помощи относительного перенаселения, при помощи резервной промышленной армии, которую капитал, смотря по своему расширению или сжатию, притягивает или отталкивает. «Раньше чем вследствие повышения заработной платы могло бы наступить какое-либо положительное возрастание действительно работоспособного населения, прошел бы не один раз срок, в течение которого должна быть сделана промышленная кампания, дана и решена битва». Железный закон заработной платы, господствовавший в начальных ста-

дней капиталистического способа производства, стал на высшей ступени капитализма эластичным законом. К верху ему ставит предел потребность капитала в прибыльном помещении, к низу—та мера нужды, которую рабочий может перенести, не умирая тут же голодной смертью. В этих пределах высота заработной платы определяется не естественным движением народонаселения, а сопротивлением, которое рабочие могут оказать постоянной тенденции капитала—выжимать из их рабочей силы возможно большее количество неоплаченного труда. Если эта тенденция не встречает никакого противодействия, то она приводит к голодной плате, которой не повышает опять никакая игра «железного закона». Если же она встречает противодействие, то парализуется, смотря по силе и мере этого противодействия; вот почему фабричные законы, профессиональные рабочие союзы и все прочее, что может увеличить силу сопротивления рабочих, отнюдь не является тем безнадежным «пранием против рожа», каким оно должно бы быть согласно теории железного закона заработной платы. Однако все противодействие рабочих не в силах помешать непрерывному накоплению капитала, непрерывному росту резервной промышленной армии и, следовательно, постоянному ухудшению классового положения пролетариата. «Закон, которым относительный избыток населения или запасная промышленная армия постоянно удерживается в равновесии с размером и силой накопления, приковывает рабочего к капиталу крепче, чем молот Гефеста приковал к скале Прометея. Этот закон обуславливает накопление нищеты соответственно накоплению капитала. Накопление богатства на одном полюсе означает одновременное накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, огрубения и нравственного унижения на другом полюсе, т. е. на стороне класса, производящего свой собственный продукт в виде капитала». Вот действительный закон заработной платы в крупно-капиталистическом обществе, как его развил Маркс в первом томе «Капитала», т. е. через 3 года после смерти Лассалья.

Хотя Лассаль был, таким образом, вправе сказать в то время, когда он выставил железный закон заработной платы, что это никем не оспариваемый научный закон, и хотя не подлежит ни малейшему сомнению, что он верил в его правильность, однако следует прибавить, что Маркс и Энгельс уже в 40-х гг. указали на резервную промышленную армию и на давление, производимое ею на заработную плату, что они предсказали неуклонный упадок пролетариата до положения пауперов, что именно отсюда они сделали в Коммунистическом Манифесте вывод о неспособности буржуазии к господству, так как она неспособна обеспечить существо-

вание своему рабу даже в пределах его рабства. На эту необеспеченность существования, которую положение современного пролетариата невыгодно отличается от положения всех прежних угнетенных классов, мы находим прямые указания и в позднейших работах Лассалья, особенно в его главном экономическом труде «Бастия-Шульце». Если он не выдвинул ее уже в «Открытом письме», то причиной было желание дать лишь «безусловно установленное и легко могущее быть обоснованным». Поэтому он совершенно оставил в стороне вопрос, происходит ли в положении рабочих современного буржуазного общества постоянное улучшение или ухудшение, и ограничился тем фактом, что положение рабочих невыносимо даже тогда, когда принимается гипотеза, наиболее благоприятная для капиталистического способа производства.

Этого факта несколько не меняет, конечно, закон заработной платы, развитый Марксом. Напротив! Чтобы пояснить дело на цифровом примере: железный закон Лассалья говорит, что капиталистическое общество должно пролетариату 100, а эластичный закон Маркса говорит: нет, оно должно ему 1000. Буржуазные жалобы по поводу того, что немецкая социал-демократия отреклась от железного закона заработной платы, не посыпав пеплом главу за «несправедливость», которую она так долго причиняла капиталистическому обществу, опираясь на «обманчивый» авторитет Лассалья,—эти жалобы лишены всякого основания. Более серьезной была бы жалоба, что Лассаль, увлекаясь логическими выводами из железного закона заработной платы, преуменьшил значение законодательства об охране труда и значение профессиональной организации для рабочего класса, если бы только эта жалоба не была практически лишена всякого содержания. Профессиональное движение было до поры до времени невозможно в Германии не из-за теоретических заблуждений Лассалья, а потому, что все почти германские правительства и представительные собрания упорно не желали отказаться от запрещения коалиций. Молить эти высокопоставленные инстанции о фабричном законодательстве, вместо того, чтобы вынудить его у них путем грозного массового движения, было бы ребячеством, на которое Лассаль был бы способен даже в том случае, если бы он действительно не преуменьшил значения законодательной охраны труда.

Для тогдашней практики могли иметь значение лишь те выводы из железного закона заработной платы, которые Лассаль сделал в применении к потребительным обществам. Он был совершенно прав в том отношении, что желать помочь рабочим, как потребителям, значило «запрягать лошадей позади воза», но при всем ограниченном значении

этой помощи, она все-таки не настолько призрачна, как утверждал Лассаль на основании железного закона заработной платы. Однако он отнюдь не удерживал рабочих от основывания шульцевских ассоциаций: напротив, он говорил им, чтобы они всегда пользовались этими средствами, поскольку последние могут оказать известную помощь отдельным рабочим или рабочим кругам. Лассаль восставал не против ассоциации, не против кооперативного производства и потребления, составлявших со времени Сен-Симона центральный пункт социализма, а только против того буржуазного искажения, которое идея ассоциации претерпела во время реакции 50-х годов. В благоприятной оценке того, что эта идея сумела все-таки дать, Лассаль заходил скорее слишком далеко, чем недостаточно далеко: свидетельством может служить его отзыв об английских и французских рабочих ассоциациях и теплое рукопожатие, с которым он обратился к «отцу и основателю немецкого кооперативного дела».

Упомянутое искажение состояло в том, что у идеи ассоциации была отнята ее политическая сторона, что рабочим добросовестно или недобросовестно убеждали, будто они не нуждаются в политической власти для своего освобождения, а могут помочь себе сами, как частные индивиды. Этой «самопомощи» Лассаль противопоставил «государственную помощь». Он настойчиво внушал рабочим, что пробить себе дорогу из пустыни они могут только как политически организованная партия. Без сомнения, эта мысль не была оригинальным открытием, а только возрождением пролетарской классовой борьбы, бессознательно развившейся в 40-х гг. и освещенной затем в Коммунистическом Манифесте во всем ее всмирно-историческом значении. Но именно потому идея государственной помощи не была также плагиатом у Бюне или Луи-Блана, или какого-либо другого представителя «так называемого социализма и коммунизма», желавшего построить новое общество согласно тому или иному искусственному плану, не соображая того, что человеческое общество есть живой организм, для управления которым необходимо познать законы его движения в каждый данный момент. Как это явствует из контекста, Лассаль под «так назыв. социализмом и коммунизмом» разумел именно подобные утопические проекты.

В вопросе об ассоциации Лассаль стоял на одной почве с Марксом и Энгельсом. В 1864 г., уже после смерти Лассалья, Маркс писал в учредительном адресе Интернационала: «Опыты, сделанные в период с 1848 г. до 1864 г., бесспорно доказали, что кооперативный труд, как бы он ни был превосходит в принципе и полезен на практике, никогда не в состоянии будет задержать совершающийся в геометриче-

ской прогрессии рост монополии, не в состоянии будет освободить массы или хотя бы только заметно облегчить их тяжелую нужду, покуда он ограничивается узким кругом случайных попыток отдельных рабочих... Чтобы спасти промышленных рабочих, необходимо было бы развить кооперативный труд до национальных размеров и, следовательно, содействовать ему государственными средствами». В том же смысле женевский конгресс Интернационала постановил в 1866 г., по предложению, составленному, вероятно, Марксом: «кооперативное движение, ограниченное теми карликовыми формами, которые могут ему дать соединения индивидуальных наемных рабочих, не в состоянии собственными силами преобразовать капиталистическое общество. Чтобы превратить социальное производство в великую и гармоническую систему свободного кооперативного труда, нужны общие социальные изменения, изменение общих условий общества, которые никогда не могут быть осуществлены без организованных влиятельных обществ: государственная власть должна быть отнята у капиталистов и земельных собственников и осуществляться самими рабочими». Производительные ассоциации при содействии государственного кредита фигурируют уже в Коммунистическом Манифесте, где в числе разнообразных мер, которые организованный пролетариат должен принять после завоевания политической власти, названы также сосредоточение кредита в руках государства и устройство национальных фабрик.

Был, однако, в этом вопросе один пункт, в котором Лассаль, отступая от воззрений современного научного коммунизма, вернулся назад к представлениям мелкобуржуазного социализма. Только произошло это не в том смысле, что агитатор сбил с толку теоретика или, по выражению Родбергуса, «экзотерический» Лассаль — «эзотерического» Лассалья. Как раз наоборот. Если бы среди многообразных задач, исторически возложенных на диктатуру пролетариата, Лассаль выдвинул из агитаторских видов на первый план именно производительные ассоциации, то само по себе это не могло бы вызывать никаких возражений. Так как Шульце-Делич сам объявлял производительную ассоциацию «вершиною» всякой рабочей ассоциации, то лучшим опровержением его было простое указание, что, несмотря на 10-летние усилия, ему не удалось создать ни одной производительной ассоциации, по крайней мере — ни одной сколько-нибудь заслуживающей внимания. Каким бы умственным пигмеем ни был Шульце-Делич, но в Германии он считался «королем в социальном царстве», и его нужно было низложить, если хотели призвать к жизни самостоятельное классовое движение германского пролетариата. Для тогдашнего поло-

жения вещей характерно, что Шульце был возведен в королевское достоинство в главном городе Рейнской провинции, вдобавок — двумя старыми товарищами Маркса: Георгом Юнгом, сотрудничавшим когда-то в «*Рейнской Газете*», и Генрихом Бюргерсом, работавшим еще даже в «*Новой Рейнской Газете*» и приговоренным по процессу коммунистов к долголетнему заключению в крепости.

Но, направляя внимание рабочих ближайшим образом на производительные ассоциации при содействии государственного кредита, Лассаль делал это не из агитаторских, по крайней мере — не из одних агитаторских целей. Он хотел предложить рабочим нечто практически-осуществимое и не мог написать на своем знамени свою конечную цель — упразднение частной собственности на землю и капитал, не рискуя доставить «тов»¹⁾ своих прогрессистско-манчестерских противников желанный случай отделать его пред совершенно непросвещенными еще массами, как сумасбродного мечтателя. Не имея пока возможности раскрыть свою цель, Лассаль выбрал производительные ассоциации при содействии государственного кредита, как средство, всецело проникнутое характером самой цели. Косвенно Лассаль уже в «Открытом письме» высказывается в том смысле, что коллективную работу общества необходимо вести при помощи его коллективных авансов, а продукт производства нужно распределять между всеми содействовавшими ему лицами соразмерно этому содействию; то же самое он прямо говорит в «*Бастия-Шульце*». «Переходным средством к этому строю, самым легким и мягким переходным средством, являются производительные ассоциации рабочих при содействии государственного кредита... Это еще отнюдь не «решение социального вопроса», которое потребует работы поколений, это горчичное семя, которое органически, неудержимо будет толкать ко всякому дальнейшему развитию, осуществляя его изнутри самого себя». В примечании к этим положениям Лассаль говорит, что именно мягкий характер и практическая осуществимость его переходного средства, содержащего, однако, в себе органический зародыш всякого дальнейшего развития, вызвали необыкновенно яростный вой буржуазии, которая спокойно замолчала бы его, как неопасного сектанта, если бы он выставил какое-нибудь более крайнее, отвлеченное требование. Теоретическая работа и практическая агитация, подобная той, которую он открыл своим «Открытым письмом», подчиняются в одном отношении совершенно противоположным законам. Теоретическая работа тем лучше, чем полнее она делает

1) Мов (англ.) — чернь, сброд.

все, даже самые последние и отдаленные выводы из развигото в ней принципа. Наоборот, практическая агитация тем могущественнее, чем больше она сосредоточивается на первом пункте, из которого вытекает затем все дальнейшее. Только пункт должен быть именно таков, чтобы он заключал уже в себе все дальнейшие выводы, и чтобы они развивались из него с органической необходимостью.

Совершенно так же высказался Лассаль в своих письмах к Родбертусу. Он прямо говорит здесь, что для него производительные ассоциации при помощи государственного кредита только средство к достижению цели, к обобществлению производства, и что он охотно готов переменить свое мнение, если Родбертус знает лучшее средство для достижения той же цели. Сам он не знает лучшего средства, он убежден, что государственный кредит для рабочих ассоциаций есть мизинец, который с последовательностью развивающейся из себя жизни должен привести постепенно — без сомнения, лишь через сто, двести лет — к выкупу собственности на землю и капитал.

О добросовестности и чистоте мотивов, руководивших Лассалем, когда он требовал производительных ассоциаций при содействии государственного кредита, не стоит поэтому больше толковать. В том свете, в каком он видел это требование, он бесспорно имел право выступить ближайшим образом только за него. Но при этом Лассаль впал в теоретическую ошибку: он впал в ошибку мелко-буржуазного социализма, предположив, что законы товарного производства могут быть упразднены на почве товарного же производства. Если исходить из предположения о завоевании политической власти пролетариатом, то производительные ассоциации с помощью государственного кредита относятся, по выражению Коммунистического Манифеста, к тем «мероприятиям, которые кажутся экономически недостаточными и несостоятельными, но которые вместе с ходом движения толкают к дальнейшим шагам и необходимы, как средства для революционирования всего способа производства». Другими словами, производительные ассоциации не могут сами по себе перевести капиталистический способ производства в социалистический; они производят товары и, предоставленные последствиям саморазвивающейся жизни, они должны подпасть законам товарного производства. Если Бухер заметил, что они создают только новых собственников, то Родбертус сказал, что эта новая корпоративная собственность явится еще гораздо большим препятствием для обобществления производства, чем индивидуальная собственность капиталистов. Правда, Лассаль возражал, что он вовсе не хочет, чтобы земля, капитал и продукт труда принадлежали

рабочим; он желает общественного производства в том смысле, чтобы «трудом доходом» («Arbeitsertrag») отдельного лица была доля во всей общественной производительности, определяющаяся отношением между количеством труда этого лица и количеством труда всего общества. Но хотя справедливо, что такова была его конечная цель, однако он не замечал, что его средство не годится для этой конечной цели. «Трудовой доход» рабочих, которые были бы обращены в «своих собственных предпринимателей» в предоставленных собственному развитию производительных ассоциациях с помощью государственного кредита,—этот «трудовой доход» представлял бы собою, как указал Родбертус, земельную ренту+прибыль на капитал+заработную плату; следовательно, по выражению Бухера, он ничего не изменил бы в этических свойствах собственности.

Могут сказать, что эта теоретическая ошибка Лассаля сводится, в конце концов, к спору о выеденном яйце. Раз рабочие завоевали бы уже политическую власть, как одинаково предполагалось и Коммунистическим Манифестом и «Открытым письмом», то они давно научились бы логике настолько, чтобы видеть в производительных ассоциациях при содействии государственного кредита средство для освобождения их класса только в смысле Коммунистического Манифеста, а не в смысле «Открытого письма»; к такому выводу их привела бы во всяком случае очень скоро логика фактов. Однако заблуждение Лассаля все-таки имело практические последствия. Если провоздительные ассоциации при содействии государственного кредита были «органическим зародышем всякого дальнейшего развития», то в конце концов представлялось безразличным, кто положил этот зародыш, и, таким образом, широко раскрывались двери для всевозможных реакционных махинаций. С другой стороны, буржуазные противники Лассаля слишком хорошо знали все уловки и штуки капиталистического общества, чтобы не разглядеть тотчас же слабого пункта его вооружения. В этом пункте они могли бы даже прижать его сильнее, чем они действительно сделали, если бы только не имели пугающих своих длинных прогрессивных ног. Чтобы вскрыть заблуждение Лассаля с той основательностью, которая была доступна даже для них и именно для них, им пришлось бы разоблачить красоты «лучшего из всех миров» с большей откровенностью, чем они считали благо-разумным; поэтому они удовлетворялись возражениями, либо совсем не касавшимися сути дела, либо касавшимися ее настолько поверхностно, что для Лассаля представилось сравнительно легким делом разбить их.—обстоятельство, в свою очередь укрепившее его в неправильном воззрении.

К тому же Лассаль обладал слишком ясным и острым умом, чтобы его идея производительных ассоциаций с помощью государственного кредита была просто навязана на него извне и легко могла быть отделена от него. Она тесно переплеталась, напротив, со всем его экономическим мышлением. Лассаль правильно рассматривал земельную ренту и прибыль на капитал, как вычеты из продукта труда, но он видел в них лишь «обсчитывание» рабочего класса; образование прибавочной ценности он, в отличие от Маркса, понимал как философско-правовой вопрос, а не как экономический факт, дающий ключ к пониманию всего капиталистического способа производства и призванный совершить переворот во всей экономике. Хотя Лассаль и стоял в общем на почве Коммунистического Манифеста, все же он не вполне разорвал узы, связывавшие его с до-мартовским социализмом. И в «Программе работников» и в позднейших агитационных писаниях Лассалья нельзя не заметить известной близости к французскому социализму, — близости, которую потому нельзя игнорировать, что ее часто страшно преувеличивали.

Лассаль имел полное право думать, что его экономические воззрения и взгляды Луи Блана «весьма значительно расходятся между собою»; его производительные ассоциации при содействии государственного кредита настолько отличаются от общественных мастерских Луи Блана, что только немецкие профессора, осужденные вечно не видеть леса из-за деревьев, могли свалить в одну кучу обе организации; — против чего предостерегал уже в 1865 г. Альберт Ланге. Лассаль примкнул к французской социал-демократии 40-х г.г., не отказываясь от права — как это сказано в Коммунистическом Манифесте — относиться критически к ее иллюзиям. Он и преодолел эти иллюзии, за исключением того, что связь экономических явлений рисовалась ему все-таки в юридических, философских, вообще — идеологических формах. Как экономический фактор, прибавочная ценность революционизирует капиталистическое общество, но как «обсчитывание» рабочих она не может быть устранена хотя бы идеальнейшим государством. В своих юридических и философских представлениях Лассаль также исходил из совершенно других точек зрения и приходил к совершенно иным результатам, чем французские социалисты; он пришел от Филте и Гегеля, как Бюше от Сен-Симона и Луи Блан от Фурье. Но, защищая план производительных ассоциаций при содействии государственного кредита, Лассаль запутался в ряде противоречий, напоминающих то Бюше, то Луи Блана — не потому, чтобы он копировал того или другого, а потому, что все попытки разрешить одно и то же неразрешимое

противоречие по необходимости должны представлять известное сходство между собою.

В связи с идеологически-схематичным воззрением Лассалья на общество и государство находились также ложные выводы, которые он делал из прусской статистики доходов. Правда, положение, которое он непосредственно хотел доказать ею, он доказал, вопреки бесчисленным возражениям, которые справедливо или несправедливо выставлялись против субъективного истолкования и объективной правильности сообщенных им цифр. Все добросовестные и недобросовестные выкладки не были в состоянии поколебать того факта, что в странах с капиталистическим способом производства значительное большинство живет в более или менее жалких условиях, сравнительно небольшое меньшинство живет более или менее сносно, а абсолютно и относительно ничтожная часть населения—более или менее богато. Как Лассаль выразился в одной из своих защитительных речей, всякая статистика отражает мрачный удел бесконечного большинства, «из темной пучины которого имущие выдаются только как отдельные сваи, словно для того, чтобы показать, насколько мрачна эта пучина и как она бездонна». Но совершенно ложен был вывод, который Лассаль делал из этих цифр,—что в немногие годы можно собрать вокруг знамени пролетарского освободительного движения те 89—96 процентов всего населения, которые бедны или небогаты; эта ошибка уготовила ему самому жестокие разочарования.

Не надо смешивать две совершенно различные вещи: народ, противопоставлявшийся буржуазии французским социализмом 40-х г. г., и современный рабочий класс, который противопоставляется ей Коммунистическим Манифестом. Лассаль упустил из виду сложное строение капиталистического общества. Он упустил из виду, что наемные рабочие современной индустрии составляли еще в его время сравнительно небольшую часть бедных классов, и из этой части опять-таки лишь в сравнительно небольшой части проснулось пролетарское классовое сознание; что преобладающее большинство классов, из которых состояла бедная масса населения,—земледельческий пролетариат, прислуга, мелкие крестьяне, мелкие служащие, мелкие ремесленники, за исключением небольшой части подмастерьев—относилось враждебно или, по крайней мере, равнодушно к освободительной борьбе промышленных рабочих; что мировоззрение и способ мышления этих различных классов определялись их особым классовым положением, и что нужны были еще большие перевороты в капиталистическом способе производства, чтобы вдолбить им в голову ту экономическую диалектику, которой не

могло им пока внушить самое убедительное красноречие. Лассаль хотел идеологическими факторами достигнуть того, что могли совершить только экономические факторы.

Таким образом, в «Открытом письме» немало односторонностей и слабых сторон, а между тем именно эти односторонности и слабые стороны скорее усилили, чем ослабили его ближайшее действие. Железный закон заработной платы, нравственно-правовое осуждение прибавочной ценности, статистика доходов с ее захватывающими цифрами воспламенили сотни тысяч преданных сердец и закалили сотни тысяч сильных рук. Мы не говорим этого в каком-нибудь извиняющем смысле, а только в виде пояснения. Если бы Лассаль кинул в массы какие-нибудь спорные положения не потому, что он считал их верными, а только потому, что они могли, по его мнению, произвести известное действие, то его нельзя было бы извинить, а так как он считал их верными, то он не нуждается в извинениях. Но подобно тому, как односторонности и слабые стороны «Открытого письма» вытекают все в конечном счете из одного источника,—из того, что Лассаль не познал еще развитого капиталистического общества в полной игре его имманентных законов,—так и сильное действие их объясняется тем, что развитое капиталистическое общество тогда еще вообще отсутствовало в Германии. Недоставало того практического масштаба, при помощи которого можно было бы определить, что было ошибочного в положениях Лассалья; по отношению же к паутине лжи, которой буржуазия опутывала пролетариат, Лассаль все еще был трижды прав, даже тогда, когда он, по теперешнему состоянию науки, неправ в одном пункте. Он был как раз тем пионером, который нужен был германскому рабочему классу при тогдашних исторических условиях, и потому он был силен даже в своих слабостях.

Но помимо этого—как маловажны были слабые стороны «Открытого письма» в сравнении с его сильными сторонами! Лассаль в первом же боевом плане дал рабочему движению такое широкое и глубокое построение, что всем сектантским отклонениям в сторону был заранее прегражден путь. Он организовал движение как политическую классовую борьбу, организовал в виде столь сомкнутой фаланги, что она всегда могла идти вперед и сражаться только на твердой почве современного буржуазного общества. Со временем должен был наступить момент, когда теоретические односторонности Лассалья стали помехой для поступательного движения пролетариата, проникнутого классовым сознанием, но эти препятствия были с течением времени стерты в порошок массовым шагом полков, организованных великим мыслителем и борцом.

Лассаль не преувеличил, а умалил значение своей агитации, когда сравнил «Открытое письмо» с тезисами Лютера против индульгенций. Тезисы зажгли огонь быстрее и непосредственнее, но, подобно искре, падающей в открытую бочку пороха, они путем сильного взрыва вызвали среди немецких масс XVI века только беспорядочное движение. В сравнении с ними «Открытое письмо» Лассалья было факелом, на целые десятилетия вперед указавшим пути и цели движению немецких масс в XIX веке. Лютер был сам поражен неожиданным эффектом своего поступка; напротив, Лассаль вполне ясно сознавал что он делает. Он надеялся, что своим манифестом привел рабочих к внутреннему пониманию своего экономического положения и укрепил их против всякой лжи, иллюзий и обманов. «Вся вещь,— писал Лассаль своему приятелю, Дюссельдорфскому купцу Леви, по поводу «Открытого письма»,— читается настолько легко, что у рабочего сразу же должно явиться такое чувство, как будто он давно уж это знал, и что никто не будет больше в состоянии отнять это у него или устранить ложными умозаключениями и софизмами». Однако далее он прибавлял: «рабочее сословие в общем не созрело еще, быть может, до ясности в воззрениях; если это так, то я, несомненно, погибший человек, и прогрессистская партия может ликовать, что я свернул себе шею». Лассаль рискнул, но он рискнул не легкомысленно и не необдуманно, а следуя велению великого исторического долга.

Когда Бухер и Циглер захотели в последний момент еще удержать его, он ответил им: «Рабочая агитация существует, необходимо дать ей теоретическое понимание и практический лозунг, хотя бы за это пришлось 33 раза подлатиться головою». Этими словами Лассаль обеспечил себе подобающее место среди современников и славу среди потомства.

7. Первые успехи и неудачи.

17 марта лейпцигский Центральный комитет обсудил программную брошюру Лассалья и принял ее 6 голосами против 4, как манифест германского рабочего движения, вопреки резким возражениям Росмеслера, Дольге и Штрекфуса, присутствовавшего в качестве гостя. Из меньшинства двое хотели дать лишь свое условное согласие, а два других — просто рекомендовать брошюру рабочим. Эти два выступили из комитета, в том числе Дольге; точно так же сложили с себя обязанности «доверенных лиц» Росмеслер и Винтер. Став на сторону лассалевского манифеста, большинство Центрального комитета отказалось от рабочего

конгресса с берлинской программой и высказалось за основание большого рабочего союза с программой, развитой Лассалем. Вместе с тем Центральный комитет прекратил свое существование. Ровно день спустя пришло запоздалое распоряжение саксонского правительства от 18 марта о том, что комитеты, выбранные рабочими собраниями, должны смотреть на себя, как на союзы, и соблюдать предписание закона о союзах, в силу которого они не вправе поддерживать деловые сношения с другими союзами.

24 марта Центральный комитет сложил свои полномочия в руки общего рабочего собрания, состоявшегося в Одеоне. Опять Дольге и Росмеслер выступили с предостережениями; еще резче их говорил прогрессист Шильдбах. Однако собрание 1.350 голосами против 2 высказалось в пользу Лассалья и назначило новый комитет, чтобы подготовить организацию предложенного им большого рабочего союза.

В прочих отношениях «Открытое» письмо произвело впечатление брошенной бомбы, но одобрений оно встретило гораздо меньше, чем возражений. Как на Лассалья, так и на лейпцигский Центральный комитет посыпался град упреков. Первыми поддержали их честные гамбургцы, которые уже 28 марта одобрили на общем рабочем собрании лейпцигские постановления. От имени этого собрания Перль и Аудорф послали в «*Кобургскую Рабочую Газету*» великолепное заявление, где они беспощадно раскрывали коварную игру, которую буржуазия вела с рабочим классом. «Настоящим заявлением,—писали они в заключение,—мы протягиваем вам руку для союза, мужественные граждане Лейпцига, также внесшим в свою программу всеобщее и прямое избирательное право; вы, столько потрудившиеся—хотя, быть может, и тщетно—для устройства всеобщего германского рабочего конгресса, примите нашу сердечную благодарность. Пусть эта признательность наша вознаградит вас за ту неблагодарность, которую вам пришлось испытать от других. Пусть до поры до времени и не будет достигнуто то, что составляет наше общее желание, но вам принадлежит слава, что вы первые дали толчок движению, которое, надеемся, не замрет больше, а родит великие плоды, хотя, быть может, и не в ближайшем будущем». «*Кобургская Газета*» открыла для этого заявления, занявшего два столбца, свой «почтовый ящик»— правда, для того лишь, чтобы похоронить его в 9 столбцах редакционных примечаний, представлявших собою беспорядочную смесь видимой благожелательности и сдержанной ярости; в заключение редакция, в виде «тонкого намека», перепечатала дословно реакционный закон о союзах и собраниях, изданный союзным сеймом в 1854 г.

Затем 11 апреля за Лассалья высказалось собрание рабочих в Дюссельдорфе; одобрительное постановление, посланное ими в Лейпциг, было подписано 60 участниками собственноручно. В тот же день принял однородное решение образовательный рабочий фереин в Золингене. На следующий день, 12 апреля, в Кельне состоялся провинциальный съезд ремесленников и рабочих, в программу занятий которого были внесены лейпцигские постановления. На съезд приехали делегаты из Кельна, Дюссельдорфа, Золингена и Эльберфельда и четырех менее значительных городов; золингенцы привезли с собою почтовых голубей, чтобы иметь возможность тотчас же передать домой результат, которого там ожидали с самым напряженным интересом. На этом съезде боролись между собою почти исключительно люди, уже принимавшие участие в рабочем движении революционной эпохи: Бюргерс, Риттинггаузен, купец Леви из Дюссельдорфа, находившийся 15 лет в дружеских отношениях с Лассалем, и Гуго Гильман. Бюргерс успел с 1848 г. проделать обратную эволюцию в мягкого прогрессиста и выступил против Лассалья, а Риттинггаузен отнесся к последнему свысока, как к человеку с довольно хорошими намерениями, но подогревавшему негодные старые рецепты и не понявшему еще, что всеисцеляющим лекарством является прямое народное законодательство. Только Леви и Гильман энергично заступились за Лассалья и в конце концов одержали победу, правда—всего 64 голосами против 57. Затем 19 апреля к лейпцигским постановлениям присоединился еще вуппертальский рабочий фереин в Эльберфельде, где председательствовал Гильман.

Но это было все, между тем как контр-манifestации были гораздо многочисленнее. 20 марта Людвиг Лёве сообщал лейпцигцам, что Шульце-Делич извещен Штрекфусом о постановлении от 17 марта, и продолжал: «Шульце взбешен против вас, охотно уничтожил бы лейпцигский Центральный комитет, надеется на раздоры в Лейпциге и даже в самом комитете и пошлет в Оффенбах, Пфорцгейм и Нюрнберг пароль против лассалевской брошюры». Действительно, нюрнбергский рабочий фереин тотчас же горячо взялся за дело и 12 апреля объявил Лассалья «наемным орудием реакции»,—что, впрочем, показалось более хитрым головам буржуазии слишком грубым приемом. Они прибегли к иной тактике: под их влиянием негодующие резолюции образовательных рабочих фереинов, посыпавшиеся дюжинами в апреле 1863 г. от Штеттина до Карлсруэ, были настроены на тот тон, что брошюра Лассалья—«неразумная стряпня», на которую совсем не стоило бы обращать внимание, если бы опрометчивое присоединение так называе-

мого лейпцигского Центрального комитета не внесло в рабочее движение стремлений, оказывающих «сознательно или бессознательно несравненную услугу врагам всякого развития в духе свободы».

Буржуазия слишком хорошо сознавала свои классовые интересы чтобы не понять тотчас же, как много поставлено для нее на карту, и она ни минуты не поколебалась открыть по всей линии кампанию против Лассалья. Началась травля, какой еще не видела Германия, и буржуазная печать с большим успехом доказала, что она способна еще превзойти тот недостойный способ борьбы, которым доносчики феодальной прессы всего 10 годами раньше преследовали ее собственных героев.

Сравнительно наиболее приличным и достойным образом свел свои счеы с Лассалем Шульце-Делич, как ни был прав Лассаль, когда говорил о «жалком ответе» Шульце. На рыцарское возражение Лассалья Шульце ответил весьма не по-рыцарски: он осыпал бранью «ярмарочного шарлатана» с его «хвастливыми речами» и «чудодейственными пилюлями» и в своем самомнении заявлял, что нужно обладать «всею дерзостью и всем полужнанием г-на Лассалья», чтобы утверждать, будто все авторитеты экономической науки признали железный закон заработной платы. Но Шульце допускал еще милостиво возможность, что Лассаль служит реакции бессознательным орудием, и правильно передавал воззрения Лассалья в том, по крайней мере, пункте, что рабочий класс должен завоевать политическую власть, раньше чем станут возможными великие социальные реформы. Это не мешало ему, конечно, делать вид, будто Лассаль хочет, чтобы рабочие очертя голову бросились в производительные ассоциации при содействии государственного кредита и погубили свое достоинство мужей униженным государственным рабством. Возможно, что Шульце, у которого в конце концов уши не росли ведь выше лба, не извращал при этом намеренно; во всяком случае, он вследствие грубого недоразумения обломил острие своей полемики именно там, где она скорее всего могла бы нанести рану противнику. Он правильнее Лассалья оценил практические трудности, которые при тогдашнем уровне развития германского рабочего класса стояли на пути его кооперативной организации, и этим пунктом ему следовало ограничиться, если он вообще хотел что-нибудь доказать. Но принципиальное утверждение Шульце, что мелко-буржуазное гешефтмахерство индивидуальных рабочих более пригодно для воспитания рабочего класса, нежели его выступление в активной политической роли, было попросту комично. Оно не становилось серьезным и оттого, что Шульце делал

вид, будто Лассаль советует рабочим, положив руки в карманы, лишь от времени до времени делать взносы в избирательную кассу и опускать избирательные бюллетени в урну, после чего жареные рябчики сами полетят им в рот.

Подобным же образом Шульце притупил собственное оружие в своих нападках на производительные ассоциации при содействии государстве иного кредита. Как практический знаток капиталистического общества, он видел, что на почве этого общества такого рода ассоциации должны подпасть также законам конкуренции, что они будут нести риск непланового способа производства и, следовательно, предполагают в своих ценах такие качества, которые можно найти скорее у продувных биржевиков, чем у революционных пролетариев. Но Шульце не мог, конечно, признать ошибкой со стороны Лассалья, что тот недостаточно глубоко захватил корень зла, и вот он напал на блестящую мысль — объявить капиталистический риск верхом человеческой свободы и человеческого благополучия. Он говорил: так как государство снимет всякий риск с производительных ассоциаций, предлагаемых Лассалем, то они должны привести к полной деморализации рабочих, входящих в их состав, и к полному упадку всего производства хозяйственных благ. Изменяя своему лучшему прошлому, Шульце заявил, что «наука не знает такой вещи, как підприємательская прибыль». То, что принято называть этим термином, есть, во-первых, вознаграждение підприємателя за его труд и, во-вторых, премия за риск. Предпідnehmer есть тот рабочий, который исполняет наибольший и самый тяжелый труд и потому должен также получать более высокое вознаграждение; с другой стороны, ему принадлежит право на премию за то, что он помещает свой капитал. плод прежнего труда, в новое предприятие, с риском потерять его. Этой возвышенной мыслью «король в социальном царстве» побил социального «шарлатана» Лассалья.

Столь же возвышенна была полемика Шульце против политической программы Лассалья. Лучше чем кому-либо, ему было известно, насколько прогрессистская партия и «Национальный союз» сейчас перед этим третировали рабочих, как политических илотов, а теперь он осмеливался говорить, что Лассаль своей критикой прогрессистской партии оскорбляет рабочих, представляющих собою «не придаток, а большую и существенную часть» этой партии. Далее он указывал, однако, на то, что самостоятельные движения пролетариата в 1848 г. «основательно или без основания» толкнули в лагерь реакции «имущие и образованные классы». Этот прелестный аргумент был в то время вообще главным

политическим козырем прогрессистской партии против Лассалья, — подносился ли он как более или менее прикрытая угроза, или как слезливая иеремиада. Так, Росмеслер плакался: «Теперь прусская буржуазия поставлена, наконец, на ноги против короны и юнкерства, но стоит рабочим начать самотоительную политику, и буржуазия тотчас же свалится опять». Добряки подтверждали, таким образом, то, что Лассаль писал Леви при опубликовании «Открытого письма»: «Поверьте мне я самым тщательным образом изучил здесь прогрессистскую партию; ее первое и главное правило: только никакой революции снизу, лучше уж деспотизм сверху!» В этом отношении обе стороны были согласны. Вопрос заключался лишь в одном: для того ли Германия, — как выразился Лассаль в одной из своих судебных речей, — билась десятилетиями в тяжелых судорогах, чтобы господа фон-Уиру и фон-Финке могли перебраниваться с королем и министрами и воображать, что они важные персоны? Этот вопрос столь же решительно разрешался Лассалем в отрицательном смысле, как буржуазия отвечала на него утвердительно.

После таких подвигов Шульце читателю могут показаться странными сказанные выше слова, что среди противников Лассалья он еще выделялся приличием и сдержанностью. А между тем это так. Прогрессистские газеты объявили Лассалья никому неизвестной бездарностью, — человеком, не умеющим разбираться в статистических данных, желающим «в перелицованных штанах» портного Вейтлинга подогреть социальные мастерские Луи Блана, потерпевшие уже крушение в 1848 г., — человеком, пережевывающим гнилой и давно опровергнутый закон заработной платы Рикардо и не имеющим представления о политической экономии. Или же они расправлялись с ним еще короче, называя его ренегатом, перебежчиком, желающим предать рабочий класс министерству Бисмарка, купленным орудием реакции. Изображая «государственную помощь» Лассалья в извращенном виде чечевичной похлебки, за которую рабочие должны продаться короне и юнкерству, они пытались раздражить против Лассалья и отвести таким путем от себя демократический дух современного пролетариата, пред которым сами они испытывали священный ужас. Когда Лассаль говорил, что ежедневно из сотен помойных ям против него направляются неслыханнейшая ложь, извращения и низости, то его слова были лишь выражением вполне справедливого негодования.

К счастью ни Лассаль, ни члены лейпцигского комитета не были такими людьми, чтобы растеряться от этих нападок. Они изо всех сил работали против течения, но так как влияние либеральной печати на рабочих еще не было сломлено, то они

с трудом подыгались вперед. Нити, брошенные ими по всем направлениям горизонта, почти нигде не зацепились, если не считать полудесятка городов, среди рабочего населения которых «Открытое письмо» тотчас же произвело свое заживительное действие. Единственным достойным упоминания успехом первых недель было открытое письмо, с которым обратился к лейпцигскому комитету Родбертус. Подтверждая все, что было сказано Лассалем в смысле критики буржуазной экономики, Родбертус отверг, однако, не только производительные ассоциации при содействии государственного кредита, но и предостерег особенно настойчиво против того, что было для Лассалья решающим, главным вопросом: против политической организации рабочего класса. Против всеобщего избирательного права, как такового, он ничего не имел, но он не хотел признать его «необходимым предварительным условием для решения социального вопроса». Родбертус советовал рабочим не идти окольным политическим путем, а прямо составить социальную партию, потребовать себе категорически лучшего положения в обществе и обсудить в своем новом союзе, как им достигнуть этого положения. Если рабочим может помочь только общий закон государственной власти, то закон этот должен быть издан все-таки самым мирным путем, с согласия всех других классов.

Не подлежит сомнению, что Родбертус был вполне искренен, и что его совет вытекал из убеждений, которые он исповедывал в течение 20 лет. Сверх того, нельзя не признать мужественным поступком его «Открытое письмо», убедительно разоблачившее, прямо в лицо прогрессистам, истинный характер манчестерского шарлатанства. Однако агитации Лассалья этот помощник давал одной рукой лишь то, что отнимал у нее другою. Оживленная переписка, которую Лассаль и Родбертус вели между собою в течение нескольких месяцев, не сблизила их ни на шаг, несмотря на все симпатии, которые они питали друг к другу. Так как Родбертус осторожно не выдвигал своей государственно-социалистической утопии, то Лассаль так и не узнал вполне, какие глубокие противоречия их разделяли, как непреодолима была антипатия утописта Родбертуса к политической классовой борьбе пролетариата. Он долго надеялся, что своим бурным красноречием и любезностью сумеет всецело привлечь на свою сторону «негласного компаньона», и с немалой досадой оборвал затем сношения, когда все его ухаживанье оказалось тщетным. Но если Родбертус дал, по крайней мере, искренний и ясный с его точки зрения отзыв, то другие запросы лейпцигского комитета имели еще меньший успех: Бухер пока совершенно отмалчивался, а Вутке ответил в общих выражениях изъявлением сочувствия, сво-

бодным, правда, от тех оговорок, которые сделал Родбертус, но свободным также и от суровой критики, которой Родбертус подверг фритредерско-прогрессистскую политику.

Сам Лассаль удовлетворил просьбу лейпцигского комитета—составить проект устава учредяемого союза и лично привезти его лейпцигским рабочим. На большом собрании, состоявшемся 16 апреля, он опроверг возражения, которые были выставлены противниками против его «Открытого письма». Он доказал бесспорными цитатами из Ад. Смита, Рикардо, Стюарта Милля, Сэя, Рошера, что буржуазная экономия в лице самых выдающихся своих представителей признала железный закон заработной платы. Он вскрыл ложность утверждения, что национальные мастерские, устроенные в 1848 г. временным правительством французской республики с враждебными для рабочих намерениями, были тождественны с общественными мастерскими Луи Блана или с его собственными производительными ассоциациями. Он в пух и прах разбил доктрину, по которой государство не должно вмешиваться в хозяйственные отношения, и доказал ее вздорность именно на английской истории, которую особенно охотно приводили в пример немецкие фритредеры. Как раз тогда хлопковый кризис, возникший вследствие американской междоусобной войны, вызвал сильную нужду в английских, так же как в немецких ткацких округах, и Лассаль имел возможность указать на тот факт, что именно английские манчестерцы оглушительно вопили о государственном вмешательстве с целью удержать оставшихся без хлеба рабочих от эмиграции. Цитируя Родбертуса, он подчеркнул высокий цивилизаторский характер своей агитации, стремящейся вполне мирным путем освободить рабочих от сковывающих их цепей; он предостерегал против ненависти и презрения к буржуазии, которая сама является лишь безвольным продуктом господствующих экономических отношений, но в отличие от Родбертуса он объявил себя радикальным демократом: он нападает на прогрессистскую партию только потому, что она обнаружила свою неспособность покончить с реакцией, он поддерживает ее, поскольку она выступает против реакции, он стремится толкать ее вперед и заставить ее выйти из своего нерешительного положения. Речь имела полный успех, и 1.300 голосов против 7 высказались за Лассалья. Его проект устава был опечатан и так же ревностно пущен в обращение, как «Открытое письмо»; сроком для учредительного собрания нового союза был назначен сначала месяц июнь, но затем назначено 23 мая.

Однако уже 19 апреля, через 3 дня после лейпцигского собрания, последовала сильная реакция. Рабочее собрание в Берлине высказалось против Лассалья. Оно было создано

прогрессистскими вождями, по уверению которых, оспариваемому другой стороной, на нем присутствовали 1.200 рабочих. Председательствовал наборщик Дитман, а докладывал о споре между Лассалем и Шульце-Деличем некий Гаазе, служащий Борзига. Повидимому, бо ее известные представители и прогрессистской партии постыдились взять на себя лично ту роль, которую должен был выполнить в их интересах этот никому не известный Гаазе. Он третировал Лассалья как глупца, объявил государственную помощь покушением на индивидуальную свободу и общую нравственность, — что было особенно мило со стороны служащего борзиговских заводов, выросших благодаря самой щедрой помощи государства, — и опроверг железный закон заработной платы неголующим восклицанием: разве преданный немецкий мужчина, который хочет жениться на преданной немецкой девушке, станет заботиться о том, составляет ли его поденная плата одним зильбергрошеном больше или меньше! Затем этот милый передовой боец прогрессистской партии сказал, что хотя Лассаль и оправдан рейнскими присяжными по обвинению в краже шкатулки, но всем известно, что даже самые искусные юристы не могут справиться с «господином Лассалем»; сверх того, еще не выяснено, насколько Лассаль был замешан в судьбе одной женщины, которую недавно убили в его соседстве, чтобы ограбить у нее 25 талеров. Всею этому фанатизированная толпа вторила криками «ура». Правда, среди общего шума можно было разобрать, что Эйхлера, желавшего снова воспользоваться случаем для своей реабилитации, заставили криками сойти с трибуны, но зато и демонстрата Людвиг Лёве, который даже не хотел отстаивать теорию Лассалья, а лишь защитить его личный характер от инсинуаций докладчика, публика заставила замолчать такими убедительными аргументами, как «бей его!», «вон его!». Когда врач Эйснер, действительный приверженец Лассалья, внес резолюцию, чтобы собрание уклонилось пока от суждения по социальному вопросу, но выскзалось, по крайней мере, в пользу всеобщего избирательного права, то ее просто бросили под стол. Так наз. «народный суд» осудил народного совратителя Лассалья, и берлинские газеты с великим шумом и торжеством оповестили весь мир об этом возвышенном культурном деянии.

Вся эта отвратительная комедия вывела Бухера из его боязливой сдержанности. Ссылаясь на нее, он написал на следующий день лейпцигскому комитету, что в виду данного из Берлина примера — терроризировать присутствующих и вводить в обман отсутствующих — представляется вдвойне необходимым стать открыто под то или иное знамя. Он обещал прочесть в Лейпциге доклад, с целью доказать, что

учение манчестерской школы, будто государство должно заботиться только о личной безопасности, предоставляя все остальное собственному течению,—что это учение не выдерживает крики ни с научной, ни с исторической, ни с практической точки зрения. Едва это письмо появилось в печати, как буржуазия затянула петлю, которую она еще раньше наложила на шею Бухера. Уже 26 апреля Бухер писал Лассалю, что письмо к лейпцигскому комитету причинило ему «весьма серьезные неприятности». Он вынужден прекратить дружеские сношения с Лассалем, так как иначе Лассаль рано или поздно вгянул бы его в тяжкие затруднения или поставил бы его в такое положение, что «ему пришлось бы самому ринуться в неприятные истории». Он обещал, когда это будет необходимо, признать просто, что он устранился в сознании своей слабости. От лейпцигского комитета Бухер отделался обещанием дать вместо доклада, где нельзя, мол, исчерпать вопроса, маленькую брошюру, которую будто бы уже начал, но которая так и не увидела света. Этим Бухер совершенно устранился от движения. Впоследствии он опять завязал личные сношения с Лассалем, но, как это явствует из многих документальных доказательств, он никогда не имел больше влияния на политические решения Лассалья.

По человечеству Лассаль полагал, повидимому, что большая часть вины Бухера падает на мучительские таланты буржуазии. Всегда преданнейший друг своих друзей и слишком великий идеалист, чтобы быть хорошим знатоком людей, он до конца дарил этого слабого человека большим личным доверием, которое тот, к сожалению, довольно плохо оправдал.

8. Франкфуртский съезд.

На следующий день после берлинского собрания Лассаль обратился в редакцию «*Volkszeitung*» с письмом, где он констатировал, что на собрании не дали даже слова сказать двум его знакомым, которые по его поручению должны были заявить об его готовности разъяснить берлинским рабочим свои предложения, если те пригласят его, другими словами—если они хотят спокойно выслушать его. Вместе с тем Лассаль повторил свое предложение говорить в Берлине, если рабочие только хотят его слушать, но прогрессистские вожди слишком боялись этой опасной пробы, чтобы рискнуть на нее.

Однако то, что им удалось в Берлине, не удалось им одновременно во Франкфурте на М. Того же 19 апреля, когда берлинское рабочее собрание убало агитацию Лассалья для

восточной Германии, рабочий съезд в Рёдельгейме должен был разрешить ту же задачу для западной Германии. Правда, большинство образовательных рабочих фереинов, входивших в федерацию майнской области, уже высказалось против Лассалья, но Зоннеман и Макс Вирт считали полезным, чтобы и федерация, как таковая, предала Лассалья анафеме. Вместе с тем они внесли предложение, согласно которому комитет майнской области должен был парализовать дальнейшую деятельность лейпцигского комитета, осуществив с этой целью принятое еще в Оффенбахе решение и централизовав образовательные рабочие фереины в прогрессистско-манчестерском духе. Именно для этого и был созван в Рёдельгейме рабочий съезд, и на него явилось довольно много народу; образовательные рабочие фереины Ганау, Майнца, Оффенбаха, Франкфурта, Боккенгейма, Руссельсгейма, Darmштадта и Остгофена были представлены приблизительно 200 делегатами.

Но в хитро придуманном расчете оказалась дыра или даже две дыры. Во-первых, не все председатели собравшихся в Рёдельгейме образовательных рабочих фереинов плясали под дудку устроителей съезда. Людвиг Бюхнер и Теодор Мюллер, из которых первый руководил дармштадтским образовательным фереином, а второй—франкфуртским, не были расположены слепо идти за Зоннеманом и Максом Виртом. Хотя оба они весьма мало сочувствовали экономисту и политическому деятелю Лассалю, личность которого скорее отталкивала их, чем привлекала, но они были слишком образованы и слишком честно относились к образовательным стремлениям рабочих, чтобы не осуждать травли, поднятой прогрессистской партией против Лассалья. Теодор Мюллер, два года спустя умерший от чахотки, не был боевой, а напротив—тихой и мягкой натурой, но в вопросах чести это был твердый человек; он не дал руководимому им фереину выступить против Лассалья и беспощадно осудил жалкие махинации, при помощи которых предполагалось покончить с Лассалем. Аналогичную позицию занял Людвиг Бюхнер, как докладчик на Рёдельгеймском съезде. Металлический звон лассалевского боевого клича отпугивал его, ему казалось, что разрыв между буржуазией и пролетариатом грозит большой опасностью образовательным стремлениям рабочих, и против предложений Лассалья у него был длинный ряд возражений, большею частью обнаруживавших в нем профана. Но он все-таки объективно излагал эти предложения, он предостерегал рабочих, чтобы они не давали запугивать себя словами «социализм» и «коммунизм», и рекомендовал им очень серьезно взвесить «Открытое письмо». Лассаль обнаружил во всяком случае горячую симпатию

к народу и заслуживает тем большей признательности, что подверг себя в интересах правого дела всевозможным опасностям и неприятностям. Лассаль грешит, может быть, лишь в том отношении, что хочет достигнуть одним ударом того, для чего требуются столетия, во всяком случае десятилетия подготовительной работы.

Во-вторых, среди собравшихся в Рёдельгейме рабочих господствовало весьма строптивное настроение против «Национального союза». Дело шло здесь об антагонизме еще более резко, чем тот антагонизм, который вообще существовал между велико-немецкими течениями южной Германии и мало-немецкой программой «Национального союза». Современная крупная промышленность была еще далеко не настолько развита в майнском области, чтобы пробудить в рабочих массах пролетарское классовое сознание, да и вообще сам Франкфурт был денежным, а не фабричным городом. Однако этот город с самого 1848 г. считался идеальной столицей Германии; он был излюбленным местом для всевозможных празднеств и съездов, здесь энергичнее всего пульсировала,—по крайней мере; громче всего шумела—тогдашняя политическая жизнь. Подобно тому как социалистические предания ожили именно в тех местностях, где рабочее движение достигло известной высоты в 1848 году—на Рейне, в Гамбурге, Лейпциге, так и мелко-буржуазные традиции баденско-пфальцского восстания воскресли в юго-западной Германии. «Национальный союз» вообразил сначала, что может играть с этим огнем: на его общем собрании, происходившем в 1861 г. в Гейдельберге, решено было основать ополченские фёрейны, с привлечением «надлежащих специалистов», и в то же время организовать сборы для сооружения немецкого флота, при чем собранные суммы предположено было передать прусскому правительству, чтобы волей или неволей привязать прусскую корону к делу германского единства. Храбрая буржуазия прославляла эти решения, как «немецкое повторение сцены в Jeu de raime», конечно, с молчаливой оговоркой, что г-ну фон-Беннигсену, как Мирабо люнебургской степи, никогда не придется подражать вызывающе смелому поведению своего французского прообраза.

Но тут опять повторилась история с курицей, высидевшей утят. Решение «Национального союза» вызвало к жизни среди мелко-буржуазной молодежи юго-западной Германии значительное число стрелковых, гимнастических и ополченских фёрейнов; общества эти слишком много знали о «картечном принце», чтобы вообразить, будто при помощи подачки на чай можно сделать прусское правительство передовым борцом за германское единство, но они все-таки

брали хорошее всюду, где находили его, и потому охотно последовали совету «Национального союза» — привлечь для своего обучения и снаряжения «надлежащих специалистов». Такого специалиста они усмотрели в Рюстове, который сделал им практический намек, что ополченские фёрейны должны прежде всего иметь оружие. Ополченские фёрейны поняли разумность совета; настроение их становилось все бодрее, и на франкфуртском празднестве стрелковых обществ, происходившем в 1862 г., некоторые из них поклялись, что в следующем году они понесут против датского угнетателя траурное знамя «покинутого братского племени». При всем ребячестве этой клятвы и ошибочности мнения Рюстова, что гнилой режим союзного сейма в Германии может и должен быть свергнут такими же средствами, какими был свергнут гнилой режим Бурбонов в южной Италии, это движение свидетельствовало все-таки о добром желании вырваться, наконец, из трясины пустого разглагольствования. Некоторый интерес к описываемому движению обнаружил и Лассаль: он снабдил летом 1862 г. рекомендательной карточкой к Марксу капитана Швейгера, который служил когда-то под начальством Гарибальди и Рюстова и хотел теперь собрать в Англии деньги, чтобы приобрести несколько тысяч ружей для ополченских союзов.

Однако то, чем ополченские фёрейны могли заинтересовать серьезных людей, поразило паническим ужасом вождей «Национального союза». Все органы печати, находившиеся под их командой, получили приказ открыть кампанию против попыток «незрелой» молодежи заниматься в стрелковых, гимнастических и ополченских обществах политической; дозволительными для нее могли быть только физические упражнения и еще, пожалуй, бессмысленное бражничанье, которым доводит себя до отупения «образованное юношество» высших учебных заведений. До открытого разрыва дело дошло на съезде делегатов от ополченских союзов, происходившем осенью 1862 г. в Гейдельберге; на съезде присутствовал Рюстов и некоторые из заправил «Национального союза». Рюстов предложил, чтобы деньги, собранные на сооружение германского военного флота, были употреблены для приобретения оружия; передача их прусскому правительству есть «измена разуму». Присутствовавшие государственные мужи «Национального союза» потребовали, чтобы «оскорбительные» слова были взяты обратно, и когда Рюстов отказался сделать это, они поспешно покинули съезд. Тотчас вслед за этим «Национальный союз» на своем общем собрании в Кобурге выразил платоническое сочувствие патриотическим стремлениям стрелковых, гимнастических и ополченских обществ, но «все предложения, идущие дальше

этого», он отклонил с той осторожностью, которая всегда была для него лучшей долей храбрости.

Эти и подобные им инциденты создали среди «незрелой молодежи» юго-западной Германии настроение, весьма явно выразившееся на рабочем съезде в Рёдельгейме. Доклад Бюхнера имел большой успех, и когда затем Зоннеман, Макс Вирт и другие бойцы «Национального союза» начали громить Лассалья, то рабочие очень хладнокровно заявили, что захватить себя врасплох они ни в каком случае не позволят. Столяр Гейман из Франкфурта сказал, что этим господам следовало бы быть сдержанными в выражениях: какими бы умницами они себя ни считали. все-таки они могут еще многому поучиться у Лассалья; часовщик Шепплер из Майнца прибавил, что у Лассалья есть, по крайней мере, одна заслуга: он встряхнул немцев и вывел их из того мечтательного опьянения, в которое их погружал «Национальный союз». Последовавшие затем резкие дебаты по-к зали режиссерам задуманного народного суда, что на этот раз они слишком рано подняли занавес. Они поспешили поэтому изобразить «приятную мину при скверной игре». Зоннеман взял назад свои предложения, направленные к уничтожению Лассалья, и спросил с хорошо разграниченным негодованием, можно ли предполагать, чтобы у таких безупречных людей, как он и ему подобные, было желание захватить кого-либо врасплох? Не решая этого щекотливого вопроса, рабочий съезд постановил пригласить Лассалья и Шульце-Делича (на новый рабочий съезд, который решено было созвать на 17 мая во Франкфурте-на-Майне.

Шульце отклонил предложение под предлогом парламентских занятий, — вряд ли потому, что считал нестоящим делом диспутировать с Лассалем, а гораздо вероятнее потому, что с полным основанием боялся слишком близко подойти к шпаге Лассалья. Напротив, Лассаль тотчас же согласился, хотя все его друзья не советовали ему принимать поединок на почве, где все условия были заранее против него. Лассаль охватил верным взглядом все положение вещей: ему хорошо известно, — писал он Родбертусу, — что подобные ораторские турниры ничего не решают, но в виду того способа, каким эксплуатируется против него берлинская комедия с рабочими, ему нужно что-нибудь громкое. Он хочет снова потрянуть своей старой революционной гривой и поставить все на карту, чтобы победить. Неблагоприятные условия почвы возвысят триумф, а в случае поражения смягчат его обидный характер.

В числе оснований, побудивших Лассалья принять приглашение, не последнюю роль играло то обстоятельство, что полуповорот в его пользу, происшедший в Рёдельгейме,

был вызван не столько экономическими, сколько политическими мотивами. Из всех прогрессистских клевет Лассалю всего больше вредила у рабочих сплетня, будто у него на уме какие-то реакционные замыслы. Она становилась тем опаснее, что реакционная печать начала теперерь обнаруживать весьма подозрительный интерес к агитации Лассалья. Поединок, в котором демократические рабочие майнской области присудили бы ему победный приз, мог дать могучий толчок затихавшему движению.

Но и помимо того Лассалю нужен был во всех отношениях какой-нибудь громкий успех. Его речи о конституции, «Открытое письмо», лейпцигская речь, судебные речи в процессах по поводу «Программы работников» содержали изобилие самого поучительного и захватывающего агитационного материала; самое незначительное из этих заявлений открывало возможность глубже заглянуть в сущность общества и государства, чем вся мудрость прогрессистской партии. Однако, как мастерски ни умел Лассаль излагать в удобопонятной форме труднейшие вопросы, его памфлетная и ораторская борьба была все-таки борьбою тяжело вооруженного вои́га с несметными полчищами легко вооруженных башибузуков, ежедневно возобновлявших свои атаки против него. При всей неистощимой работоспособности Лассалья его пушечные удары гремели лишь через порядочные промежутки времени и таким образом замирали среди непрерывного треска ружейной стрельбы, которую изо дня в день направляла против него прогрессистская печать.

Для такой партизанской войны Лассаль не был вооружен. В одном или двух случаях ему удалось заставить печать враждебного лагеря поместить у себя возражения на ее нападки: так, в «*Vossische Zeitung*» он пригвоздил старого Рау к тем «если» и «но», которыми этот профессорский авторитет хотел оспорить железный закон заработной платы, в действительности только подкрепляя его. Единственной либеральной газетой, с некоторой готовностью помещавшей присылки Лассалья, была «*Deutsche Allgemeine Zeitung*» в Лейпциге, у издателя которой (Брокгауза) вышла «Система приобретенных прав». Лассаль воспользовался этой аудиторией, — открытой для него не из политических симпатий, а в виде личного одолжения, и потому весьма недостаточной, — чтобы установить документальную истину относительно французских национальных мастерских 1848 г., которые по грубому невежеству или в целях вероломного извращения фактов подносились ему беспрерывно, как устрашающий прототип его производительных ассоциаций при содействии государственного кредита. Кроме названной газеты, в распоряжении Лассалья было только несколько мелких и мало

распространенных местных листков, либо находившихся при последнем издыхании, как «*Nordstern*» в Гамбурге, «*Zeitgeist*» в Лейпциге и «*Fränkische Volkszeitung*» в Нюрнберге, либо старавшихся продлить свое жалкое существование путем полудружественного отношения к рабочим, как «*Volksfreund*» во Франкфурте, «*Schwäbische Volkszeitung*» в Штутгарте и «*Gradaus*» в Эслингене. С такими слабыми публицистическими вспомогательными средствами в руках нельзя было одолеть либеральную газетную банду, очень мало сокрушающуюся, если Лассаль казнил морально одного, другого из ее среды. Буржуазия никогда не испытывает недостатка в лаемных писаках, охотно жертвующих своей легковесной честью за тяжеловесное золото. Тем большее значение Лассаль должен был придавать завоеванию решительного успеха в самом лагере противников,—успеха, который нельзя было бы тогда скрыть никакой ложью.

Таким образом, Бюхнер мог без особого преувеличения сказать, что взоры половины Германии обращены на рабочий съезд, открывшийся 17 мая во Франкфурте. Комитет майнской области принял все меры, чтобы заранее обеспечить поражение Лассаля. Франкфуртский образовательный рабочий фереин становился все более несговорчивым; его председатель Теодор Мюллер не давал себя приручить, а среди членов печатно и устно агитировал за Лассаля Бернгард Беккер, политический эмигрант 1848 г., только что вернувшийся назад из Англии. Поэтому в противовес этому фереину были наскоро образованы несколько новых фереинов из зависимых рабочих, которых в решительный день подогрели обильным возлиянием для борьбы за святое дело капитала. В нижнее помещение зала, где должно было происходить заседание, допускались только члены образовательных рабочих фереинов, в значительной своей части уже подававшие раньше голос против Лассаля; затем один из сотрудников Зоннемана позаботился, в качестве официального распорядителя, о том, чтобы среди овец не затесались как-нибудь козлища. Все рабочие, не принадлежавшие ни к какому фереину, должны были отправиться на галерею, без права подавать голос, но с обязанностью заплатить по 6 крейцеров с человека для покрытия расходов по съезду. Затем 15 человек «уже заранее», как говорит Бюхнер, внесли свои фамилии в список ораторов, для того, чтобы тотчас по окончании речи Лассаля стереть его в порошок при помощи испытанных тирад прогрессистской партии. Формально комитет майнской области имел, конечно, право устроить созванное им собрание так, как ему было угодно, но по существу дела Лассаль был прав, когда сказал, что более нелояльное употребление из своего

формального права Зоннеман и Вирт с их присными вряд ли могли сделать.

Разумеется, так легко Лассалья нельзя было оставить в дураках. Он принял предохранительные меры, поскольку считал это необходимым, и взял с Бюхнера обещание, что ему дадут говорить сколько угодно, не прерывая его. На слово Бюхнера он мог положиться, а больше и не нужно было ему, верившему в правоту своего дела и свою счастливую звезду. Его большая речь была отлично приноровлена к случаю. Бедная новыми мыслями, представляя в значительной своей части лишь дальнейшее разъяснение и обоснование того, что Лассаль уже сказал в своем «Открытом письме» и в лейпцигской речи, она была богата меткими оборотами, которые должны были привлечь на сторону оратора введенных в заблуждение слушателей и обезоружить его хитрых врагов.

С самого же начала Лассаль смутил собрание доказательством, что Макс Вирт, ругавший в течение многих недель железный закон заработной платы, как недостойное орудие обмана,—что этот господин сам провозгласил его неопровержимой истиной в «научном», так сказать, труде. «Вы видите, господа,—сказал Лассаль,—наемный рабочий составляет для меня нечто весьма почтенное, но наемный писака, это—дело другого рода». С едким сарказмом Лассаль прибавил, что он не читал сочинения Макса Вирта, а с досадой бросил его в сторону, когда, начав перелистывать только что вышедшую книгу, сразу разглядел «бестолкового компилятора». Но один из его друзей обратил его внимание на то место, где Макс Вирт признает железный закон заработной платы. Этот друг был Родбертус, которому Лассаль высказал таким образом свою благодарность в форме, тем больше унизившей несчастного Макса Вирта. Тщетно закулисные деятели комитета пытались отомстить за присутствовавшего тут же соратника шумными криками: «довольно!». Из среды собрания поднялся энергичный протест против скандалистов: оно хотело слушать дальше интересного оратора.

Затем Лассаль перешел к защите статистических цифр «Открытого письма», против которых поднялось «море сомнений и буря негодования», так как пред неимущими классами хотят замолчать их численность, чтобы замолчать пред ними их силу. В особенности от Лассалья досталось некоему Вакернагелю, мелкому литератору из Эльберфельда, не давшему ни раньше, ни впоследствии ничего ценного, но которого превозносили тогда, как великое светило статистики, на том основании, что он попытался опровергнуть цифры Лассалья, выставив против них несколько возражений, правильных больше по форме, чем по существу, и

прибегнув сверх того к беззастенчивому прикрашиванию действительности. Лассаль доказал при помощи других, более точных данных официальной статистики, что в существенных чертах дело остается при том результате, который он установил в «Открытом письме». При помощи ужасающих цифр смертности среди пролетариата, Лассаль осветил возражение Бюхнера, что непонятно, как половина населения Пруссии не вымерла давно от голода, если цифры официальной статистики действительно правильны. Тут Лассаль прибавил со вздохом: «Вы, немецкие рабочие, удивительные люди! Если бы я имел дело с французскими и английскими рабочими, то им пришлось бы объяснять, как можно пособить их печальному положению, вам же нужно еще раньше доказывать, что вы находитесь в печальном положении. Покуда у вас есть еще кусок дрянной колбасы и стакан пива, вы совершенно не замечаете этого и не знаете даже, что вам чего-то недостает. Все это происходит, однако, от вашей проклятой нетребовательности». Далее Лассаль при ничем уже ненарушаемом одобрении собрания развил мысль, что отсутствие потребностей есть добродетель для индийского столпника и христианского монаха, но не для историка и политико-эконома, которые в росте потребностей всякого народа видят стимул для его развития и культуры.

На принципе государственной помощи Лассаль остановился так же подробно, как в Лейпциге, приведя еще более детальные и разительные свидетельства духовной нищеты, из которой вытекали общие места манчестерцев. На вопрос, откуда государство возьмет капитал или кредит для производителей ассоциаций рабочих, Лассаль ответил, что для этого не понадобятся бы «тысячи миллионов», как утверждает Шульце: на первое время было бы за глаза довольно и ста миллионов талеров, при помощи которых могли бы объединиться в ассоциации 400.000 рабочих. Он прямо оговорил, что дает эту цифру только как пример; это не помещало, конечно, противникам Лассалья злоупотреблять с тех пор приведенной им примерной цифрой, чтобы сделать смешной самую идею. Один многообещающий юноша, который тогда еще только выступил на литературное поприще в качестве верного прислужника капитала (имя его было Евгений Рихтер), вскоре после того писал, выдавая себя за рабочего: «Таким образом каждый из 400.000 рабочих, которых отыщут себе будущие министры, получит со временем из этих 100 миллионов талеров займы под проценты 200 талеров, с которыми он должен будет работать в производительной ассоциации под полицейским надзором? И больше ничего? Благодаря покорно!» Мнимый рабочий высчитывал,

что он может скопить эти 200 талеров в шульцевском потребительном обществе за 7 лет и 4 месяца, и тогда они будут принадлежать ему в полную собственность, между тем как в качестве государственной помощи ему придется брать их займы у социал-демократического министра, и то если у него есть удача и добрые тетушки. «И ради этого жертвовать еще своей свободой и работать под полицейским надзором? Нет, это слишком глупо!» Полемика Рихтера против Лассалья была, без сомнения, чересчур глупа; если бы эти рьяные спорщики при всей своей бессовестности имели хоть каплю ума, то они полемизировали бы скорее против кредитной операции Лассалья, страдавшей таким же недостатком, как его производительная ассоциация вообще: тем, что она хотела призвать к жизни новое общество, словно новую железную дорогу, при помощи государственных займов. Но на несчастье этих гениальных мыслителей они были трижды неправы даже тогда, когда Лассаль бывал раз неправ, и потому ему легко было победоносно разбить их бессмысленный бред насчет невозможности пособить рабочему классу при помощи государства. «Представьте себе все дело, для примера, в грубом и неверном виде,—сказал он,—представьте себе, что государству приходится выложить на стол эти 100 миллионов талеров. Но ведь не было еще, господа, такой войны, которая не стоила бы вдвое больше этой суммы, а из-за чего только не вели войн? В прошлом столетии их вели из-за каждой фаворитки, в настоящем веке их ведут еще из-за всякой завоевательной мании государей или за какой-нибудь оговоренный интерес буржуазии в сбыте товаров. Война, которую Англия вела в 40-х гг. с Китаем, обошлась, наверно, по меньшей мере в дважды сто миллионов талеров, а между тем она велась только для того, чтобы заставить китайцев употреблять опиум, следовательно—ради совершенно специального интереса буржуазии в рынке для сбыта. Таким образом для всего на свете эти сто миллионов имелись даже в двойном количестве, для всякого ограниченного рыночного интереса имущего класса, как и для всякой прихоти государей, и только когда дело идет о спасении человечества, вдруг нельзя достать этих денег?»

Лассаль дошел до этого места при все усиливающихся знаках одобрения со стороны аудитории, и противники его поняли, что дальнейшее промедление грозит им величайшей опасностью. Собрание все более воодушевлялось в пользу Лассалья, и вместе с тем исчезала надежда, что после его речи, длившейся уже 4 часа, удастся еще говорить другим ораторам. Правда, Лассаль выразил готовность выступить в таком случае в новом собрании и отвечать там своим

противникам, но они не без основания могли опасаться, что именно тогда и останутся в накладе, если речь Лассалья беспрепятственно произведет свое действие. Поэтому они устроили скандал, заставивший Лассалья оборвать свою речь. После кратких переговоров с оратором Гейман заявил с трибуны, что Лассаль двумя днями позже закончит свою речь в зале образовательного рабочего фрейна.

На следующий день органы франкфуртской буржуазии утверждали, что «преобладающая масса» рабочих покинула зал с кликами «hoch!» в честь Шульце-Делича, но при этом они забыли принять в расчет честного Теодора Мюллера, опубликовавшего заявление, где были раскрыты «некоторые цифровые неправды». Мюллер писал, что комитет майнской области внес в протокол 1.300 членов образовательных рабочих фрейнов, между тем как по точному подсчету их присутствовало в собрании только 527. Из этого числа при закрытии собрания в зале находились еще человек 250—300, и с кликами «hoch!» в честь Шульце вышло не более 60 чел. Лассаль имел полное право писать Родбертусу, чтобы тот не смущался неверными отчетами либеральной печати, в них нет ни слова правды. Собрание было, напротив, решительной победой для него, которая получит скоро свое завершение, если только интриги противников не будут иметь успеха, превосходящего всякие вероятные границы.

Действительно, второе собрание, состоявшееся 19 мая, высказалось в пользу Лассалья 400 голосов против 40. В остальной части своей речи Лассаль остановился, главным образом, на политической стороне вопроса, и довольно правдоподобно расказ одного очевидца, что успех обеспечили ему франкфуртские члены гимнастического общества, руководившие не столько пролетарским классовым сознанием, сколько юношеским энтузиазмом. В пламенных выражениях Лассаль развил ту мысль, что именно политическая сторона поднятого им движения должна заставить рабочих с ликованием встретить последнее. «Если вы не демократы,—для чего я разговариваю с вами? У меня нет ни охоты, ни призвания обращаться с речью к другим слушателям, кроме демократов!» Прогрессистское филистерское движение не может дать никаких результатов, хотя бы их стали ждать целые столетия, целые геологические периоды. С тех пор как правительства были достаточно хитры, чтобы удовлетворить материальные интересы буржуазии, этот класс нельзя больше двинуть в огонь за политическую свободу. За спиной реакции стоят классы, одаренные величайшей энергией, защищающие ее когтями и зубами; за политической свободой не стоит ни один класс, не стоит никто, кроме кучки идеологов и людей чувства. Величайший интерес полити.

ческой свободы заключается в том, чтобы позади нее был поставлен какой-нибудь классовый, социальный интерес, и именно интерес всех неимущих классов, на стороне которых имеется столь неизмеримое преобладание в смысле численности и силы. Кто обвиняет оратора в том, что он служит реакции, тот сознательно и гнусно лжет в противоположную сторону! Не реакции опасается от него либеральная буржуазия, как она уверяет, а, наоборот, она боится, что из настоящей агитации разовьется в течение нескольких лет наиболее серьезнейшая противоположность реакции. «Дайте мне 500.000 немецких рабочих, которые вступили бы в наш союз—и нашей реакции нет больше!» Под этим знаком Лассаль победил на франкфуртском съезде.

Под этим же знаком он победил день спустя в Майнце, где собрание из 700 рабочих высказалось единогласно в его пользу.

9. Всеобщий Германский Рабочий Союз.

Теперь Лассаль поспешил в Лейпциг, где 23 мая 1863 г. был основан Всеобщий Германский Рабочий Союз. Уверяют, будто Лассаль сказал, что не будь успехов во Франкфурте и Майнце, он отступился бы от своего предприятия, но понятно, что это надо понимать *cum grano salis*. Не в характере Лассалья было так скоро опускать знамя, которое он раз поднял; если принять во внимание революционную отвагу, проникавшую все его существо, то представляется не особенно важным, что он, со свойственной ему страстной манерой и измученный борьбою, сказал в тот или иной момент об отдельных чувствах, толкавших его вперед или удерживавших его, — чувствах, которые не столько руководили решающим деянием его жизни, сколько сопровождали его. Лассаль и без франкфуртской победы пошел бы, конечно, вперед по пути, на который раз ступил, и как ни поднял его настроение этот успех, однако он не скрывал от себя громадных трудностей, еще ожидавших его впереди.

Публичное учреждение Союза произошло в Пантеоне. Представлены были 11 городов 12-ю делегатами: Лейпциг представляли Вальтейх, Даммер и Фрицше, Гамбург—Аудорф и Перль, Гарбург—Йорк, Кельн и Дюссельдорф—Леви, Эльберфельд, Бармен и Золинген — Гильман, Франкфурт-на-М.—Бернгард Беккер и Гейман, Майнц—часовщик Шепплер; наконец, во время заседания прибыли еще сапожник Лессиг из Дрездена, где дело имело еще пока немногих приверженцев. Сверх того присутствовало еще несколько сот лейпцигских рабочих, — гораздо меньше, чем стекалось на про-

исходившие зимою рабочие собрания в Одеоне. Буржуазные газеты отпускали дешевые острофы по этому поводу, так же, как по поводу выбора помещения, которое они окрестили «Пандемониумом». Сравнительно слабое участие лейпцигских рабочих достаточно объясняется, однако, тем, что заседание происходило не вечером, а днем.

Первый параграф устава гласил, что цель Союза—мирным и законным путем, особенно посредством привлечения на свою сторону общественного мнения, добиваться установления всеобщего, равного и прямого избирательного права, как единственного средства, способного дать достаточное представительство социальных интересов германского рабочего сословия и действительно устранить классовые противоречия в обществе.

Организационные пункты устава представили большие трудности, чем провозглашение принципа. За некоторое время до того Лассаль обсуждал вместе с Циглером — об организаторском таланте которого он был высокого мнения — план общества страхования рабочих, и затем, когда этот план был оставлен, сохранил все-таки для своего политическо-социального агитационного союза основные мысли выработанного Циглером устава. Так, он старался не втискивать заранее Союза в слишком тесные параграфы, а, напротив, предоставить его руководителям возможно большую свободу действий, по крайней мере — обеспечить председателю прочное положение на несколько лет. Нельзя отрицать, что совершенно независимо от личных наклонностей Лассалья существо самого дела требовало возможно более диктаторских полномочий для первого президента. И в ряду причин, побуждавших к этому, отнюдь не занимала главного места необходимость считаться с реакционными законами о союзах, существовавшими почти во всех германских государствах и запрещающими политическим союзам вступать в сношения друг с другом, — хотя эта необходимость и толкала к строгой централизации, так как филиальных отделений нельзя было основывать, а все члены, независимо от их места жительства, должны были принадлежать непосредственно к союзу, официальным местонахождением которого был Лейпциг.

Ибо если даже оставить в стороне указанный мотив, то дело шло не об основании социалистического общества для пропаганды, каким был покойный «Союз коммунистов», а об основании социалистической партии, которая должна была едино мыслить и сообща наносить удары, которая имела своей задачей с возможно большей быстротой бросать на арену политической борьбы прочно организованные массы рабочего люда. При тогдашнем положении вещей этого

нельзя было достигнуть иначе, как путем диктаторского руководства одного человека, доказавшего, что он лучше других понимает и отстаивает интересы пролетариата. Из людей, на привлечение которых могло рассчитываться новое движение, лучшим материалом все еще были члены образовательных рабочих фрейеров, т.е. рабочие, которые годами привыкли к пустейшей игре в союзы и которых еще только нужно было воспитать для действия и борьбы. Лассаль вынужден был приноравливаться к данным условиям; в настоящем случае, как и в других, требовалось при данных особых обстоятельствах удовлетворить постоянной сущности вещей, тому демократическому духу, который необходим всякому пролетарскому движению, как легкие необходимы для дыхания. В том виде, как Лассаль организовал пролетарскую классовую борьбу, он дал ей силу сравнительно легко и скоро развить впоследствии переходящую форму, в которой только и возможно было организовать ее на первых порах. Никто не сумел с таким красноречием, как Лассаль, пробудить дремлющую в современном пролетариате способность к самодисциплине. Если необходимость прочной организации вошла в плоть и кровь немецкого рабочего класса, если такая организация оказалась в состоянии функционировать в самые трудные времена без внешней поддержки, то заслуга в этом деле принадлежит прежде всего Лассалю; столь ценное наследие, без сомнения, не было слишком дорого куплено временными и, в общем итоге, весьма непродолжительными замешательствами, которые вызвала чрезмерно рабская приверженность к букве лассалевского устава.

Устав этот содержал следующие правила. Всякий рабочий может путем простого заявления сделаться членом Союза, с полным и равным правом голоса, и во всякое время опять выступить из него. В сомнительных случаях правление решает вопрос, является ли то или иное лицо рабочим в смысле Союза; правление имеет также право принимать в Союз нерабочих или исключать неподходящих членов, при чем за последними сохраняется право апеллировать к общему собранию. При вступлении всякий член должен сделать вступительный взнос в 2 зильбергрошена, а затем вносить по $\frac{1}{2}$ зильбергрошена в неделю. Правление состоит из президента и 24 членов, в числе коих один кассир и один платный секретарь с годовым жалованьем в 400 талеров. Выбираются они на общем собрании, при чем президент выбирается абсолютным большинством голосов в первый раз на 5 лет, а затем на 1 год. Правление ведет дела Союза и принимает решения простым большинством, но в нетерпящих отлагательства случаях президент может сам сделать необходимые распоряжения, с тем, чтобы в течение 3 месяцев

они были одобрены правлением. Общее собрание должно происходить раз в год; место и время определяются президентом, но он обязан во всякое время созвать в 6-недельный срок общее собрание, если этого письменно потребует большинство правления или $\frac{1}{6}$ всех членов Союза. Точно так же президент назначает место и время заседаний правления, но он обязан созвать его в 4-недельный срок, если этого потребует большинство правления. Кассир обязан производить все расходы, указываемые президентом, который в свою очередь устраняется от всякого контроля над отчетностью. Текущими делами заведует секретарь Союза. Во главе местных членских кружков (Mitgliedschaften) стоят уполномоченные, назначаемые правлением. Правление может смещать их во всякое время, президент же—лишь временно устранять их от должности. Функции уполномоченных заключаются в приеме новых членов, в передаче кассе вступительных и обыкновенных взносов, в представлении отчетов секретарю, в созывании и руководстве публичными собраниями местных членов Союза. Продолжительность существования Союза определена в 30 лет, изменения устава допускаются лишь после трехлетнего существования Союза и должны быть приняты на общем собрании по меньшей мере двумя третями голосов.

Ясно, какими широкими полномочиями эти правила облекали президента. Ограничение его власти другими 24 членами правления не имело большого практического значения: они были рассеяны по всей Германии, чем сильно уменьшалась, конечно, их способность к энергичным действиям. Так, с самого же начала важное право назначения уполномоченных перешло, как нечто разумеющееся само собою, от правления к президенту. Достоинно замечания, однако, что уже в учредительном собрании поднялась демократическая оппозиция против слишком безграничной власти президента. Оппозиция эта обнаружилась особенно со стороны делегатов от Гамбурга и Гарбурга, не знавших еще лично Лассалья. Аудорф предложил, чтобы первый выбор президента простирался не на 5, а только на 3 года, и когда предложение было отклонено, Йорк демонстрировал пустой избирательный запяской против выбора Лассалья в президент, не из личного недоверия к Лассалю, а раздраженный бестактным замечанием Бернгарда Беккера, что президентство должен получить, понятно, Лассаль.

Лассаль принял избрание под двумя условиями: во-первых, он требовал, чтобы оно было утверждено в городах, представленных при учреждении Союза, путем плебисцита среди членов Союза; во-вторых, ему должны были предоставить право замещать себя вице-президентом, когда и на

сколько времени он пожелает. Кассиром был выбран Леви, секретарем—Вальтейх. Кроме них, в состав правления вошли Даммер и Нидерлей в Лейпциге, Лессиг в Дрездене, Перль и Аудорф в Гамбурге, Йорк в Гарбурге, торговец сигарами Штраус во Франкфурте-на-М., Шеншлер в Майнце, старый приятель Лассалья наборщик Кихняви в Дюссельдорфе, Гильман в Эльберфельде, наконец — Клингс и Вильмс, два оружейных мастера в Золингене, стоявшие одновременно во главе образовательного рабочего фрейна и потребительного общества и побудившие оба эти союза примкнуть к агитации Лассалья. Остальные места в правлении были оставлены вакантными для тех городов, которые еще примкнули к Союзу; правлению было предоставлено посредством простого большинства пополнить свой состав представителями от этих городов до 25 членов. Таким путем в правление вступили еще адвокат Мартини в Каукемене и сапожный подмастерье Метцнер в Берлине.

Когда Союз был таким образом основан, Лассаль в Берлине и Вальтейх в Лейпциге стали развивать усиленную деятельность в видах его распространения, на первых порах опять-таки с весьма незначительным по внешности успехом. Вальтейх разослал «Открытое письмо» повсюду, где представлялся хотя малейший шанс на успех, но разбросанные полными пригоршнями семена упали почти везде на неблагоприятную почву. Незрелость рабочей массы и усиленное давление, которое предприниматели пускали в ход, чтобы удержать ее в стороне от агитации Лассалья, имели своим последствием большую сдержанность пролетариата. 19 июня Лассаль назначил 16 уполномоченных: к 11-ти городам, представленным при основании Союза—из них Дрезден насчитывал едва полдесятка членов, а Майнц начал уже отпадать,—прибавилось еще 5 новых: Альтена, Берлин, Бреславль, Гильдбурггаузен и Нюрнберг. В Альтене и Нюрнберге были только уполномоченные, но не было членов; так же обстояло дело в Бреславле, где должность уполномоченного взял на себя Нотьюнг, силы которого были сломлены продолжительным заключением в крепости. В Гильдбурггаузене было, пожалуй, около десятка членов, а в Берлине обнаруживали некоторые симпатии почти одни сапожники: и член правления Метцнер, и берлинский уполномоченный - Арндт были сапожниками.

Публицистическое вооружение Союза было также очень легковесное. Среди мелких умирающих газет, предложивших свою поддержку Союзу, официальным органом его была временно избрана «Гамбургская Полярная Звезда» («*Hamburger Nordstern*»), получившая затем от Лассалья денежную субсидию. Эта небольшая еженедельная газета находилась до тех пор под духовным влиянием Гейнца, Кинкеля, Блинда

и других эмигрантов, враждебных социализму; редактировалась она, притом очень плохо, Бруном—заговорщиком 30-х и 40-х г. г., который в свое время был исключен из «Союза коммунистов». «Полярная Звезда» не стала лучше от того, что перешла ко Всеобщему Германскому Рабочему Союзу, и шумный оркестр буржуазной печати совершенно заглушал эту тоненькую флейту, на которой в довершение всего не играли даже в правильном такте.

Сам Лассаль обратил главное свое внимание на то, чтобы привлечь на сторону своей агитации возможно большее число известных и образованных людей. Удачи в этом деле он имел немного, и, без сомнения, он несколько преувеличивал ценность таких рекрутов. Еще до франкфуртского съезда он сделал попытку при помощи некоторых натяжек истолковать в пользу своих стремлений опубликованное в печати письмо Губера о кризисе в рабочем движении; этим он придал голосу Губера значение, обратившееся затем против него самого, когда Губер выпустил брошюру о рабочих и их советчиках, где выступил гораздо резче против Лассалья, чем против Шульце. Poleмика Губера против Лассалья была, впрочем, весьма поверхностна и обоснована отчасти с легковесностью, равной только самомнению, с которым Губер разыграл роль третейского судьи между Лассалем и Шульце. В сущности он заслуживал не менее сурового наказания, чем бедняга Вакернагель, которого Лассаль как раз около этого времени жестоко отделал опять за новую вылазку.

Между тем Губеру Лассаль написал, что, строго говоря, он должен бы ответить «сурово», но Боже упаси его из-за причиненной ему минутной несправедливости поступить жестоко с человеком, которого он столько лет и по стольким сочинениям уважает и любит,—человеком, который так исполнен любви и искренней благожелательности к рабочим, так бескорыстен и способен к самопожертвованию, как Губер. Лассаль пробовал столкнуться с Губером и пытался доказать ему, что фантом социальной монархии—вещь великодушная в теории, но невозможная на практике; эти объяснения обер-офицюз Бисмарка Ган, старый школьный товарищ Лассалья, извратил впоследствии в том смысле, что Лассаль будто бы восторженно мечтал о социальной монархии. Губер был слишком привязан, однако, к своим консервативным идеям, чтобы красноречие Лассалья могло убедить его; но если эта привязанность была—по крайней мере, в своем роде—искренней, то Губер после смерти Лассалья превзошел меру необходимого, посвятив некрасивый некролог «катилиновской натуре» и «богатому выскочке». В своих отношениях к Губеру Лассаль, как личность, со своей любовью и прямою, выступает в очень выгодном свете,

но в политическом смысле попытка отмыть добела христианско-социального мавра была напрасным трудом.

Более логичным могло казаться ухаживание Лассалья за старыми демократами 1848 г., если бы только о них не было сказано: «Zum Teufel ist der Spiritus, das Phlegma ist geblieben»; (спирт выдохся, а барда осталась). К тому же немногие демократы, которых Лассаль привлек на свою сторону, обманули его ожидания. Присоединение Мартини казалось ему «чрезвычайно важным фактом»; он провел нового приверженца не только в члены правления, но и назначил его главным уполномоченным для провинции Вост. Пруссии. Мартини остался, однако, генералом без войска. Ту же роль играл Гервег, которого Лассаль, если и не принял в состав правления, то назначил главным уполномоченным для Швейцарии. С великим трудом, после полугода настоящий Лассаль вырвал у Гервега союзный гимн, известное «Bet' und arbeit'» («Молись и работай») — не лишнее таланта, но слишком рабское подражание известному стихотворению Шелли, не приобретшее настоящей популярности в немецких рабочих кругах, несмотря на отдельные, очень сильные строфы. Некоторая вина за это падает, может быть, на трудную для пения мелодию, которую сочинил для стихотворения Гервега «композитор будущего» Ганс ф.-Бюлов, личный друг Лассалья.

Несмотря на все это, стремления Лассалья привлечь к своей агитации образованные элементы буржуазии имели одну весьма важную сторону. Когда Моисей Гесс выступил в пользу нового движения с лекцией о правах труда и взял на себя обязанности уполномоченного для Кельна, то Лассаль писал: «Вот это очень хорошо; необходимо, чтобы не все говорилось мной одним, иначе все движение примет в глазах дураков образ одного только лица». Затем, несмотря на все отказы, Лассаль нашел все-таки человека, который после его безвременной смерти способен был продолжать его дело с большей удачей, быть может, чем он мог бы продолжать его сам. Это был франкфуртский адвокат Жан-Батист фон-Швейцер, молодой еще человек, лет 30-ти.

Швейцер происходил из старого патрицианского рода во Франкфурте-на-М. Он вырос под духовным влиянием Шопенгауэра, но уже в 1861 г. выпустил в свет обширный этюд о духе времени и христианстве, где отрекся от не-исторического квиетизма Шопенгауэра и занялся великими вопросами исторического развития, пока еще не в социалистическом духе, но все-таки в идеологическо-революционном духе, скажем, Дантона или Робеспьера. Книга эта — юношеское произведение, и, как таковое, она в своем роде значительна; еще неясная в своих целях и потому несвободная

от известной фразистости, она изобилует, однако, меткими наблюдениями, свидетельствующими столько же об остром уме, сколько о познаниях автора. Одновременно Швейцер примкнул к агитации «Национального союза», редактировал на франкфуртском празднике стрелковых обществ 1862 г. официальную газету празднества и выдвинулся также вообще, как адъютант герцога Кобургского, рекламно разыгрывавшего тогда комическую роль будущего императора Германии.

Уже с этой деятельностью Швейцера был связан темный слух, что он растратил деньги празднества. Доказано это никогда не было, и этого не пытались доказать даже тогда, когда буржуазия много дала бы за то, чтобы морально убить Швейцера, если бы это представлялось сколько-нибудь возможным. Мы вправе поэтому считать этот слух лишь отместкой за то, что Швейцер очень скоро отдал себе ясный отчет в пустой деятельности «Национального союза». Более жестокий удар получила его репутация, когда тотчас после франкфуртского праздника стрелковых обществ он был приговорен в Мангейме к двухнедельному тюремному заключению за склонение одного молодого человека к безнравственному половому деянию. Богатое буржуазное общество исторгло его из своей среды, при чем опять-таки мы в праве думать, что Швейцеру пришлось пострадать больше за свой демократический образ мыслей, чем за извращенные половые чувства: как раз богатое буржуазное общество имеет в запасе много снисходительности для грешников по этой части, если только они отличаются в других отношениях благонамеренным образом мыслей. Однако демократические ополченские и гимнастические общества, в которых Швейцер пользовался до тех пор большим влиянием, также не захотели больше иметь с ним ничего общего, конечно—из более идеальных побуждений. Неудивительно, если франкфуртские рабочие отнюдь не обрадовались Швейцеру, когда он примкнул к Лассалю и тот согласился быть приемником социального романа Швейцера.

Лассаль ни минуты не поколебался выступить за Швейцера и против франкфуртских рабочих. Откровенно высказываясь против Швейцера за его «прискорбное и на его, Лассалья, вкус непонятное увлечение», соглашаясь с франкфуртскими рабочими, что половая наклонность Швейцера есть «извращение нормального чувства», Лассаль полагал, однако, что она не имеет ничего общего с верностью убеждениям, честностью и политическим характером человека. Греческая древность не видела решительно ничего зазорного в любви к мальчикам, а ведь великие греческие мыслители также знали, что такое нравственность. В нежелании

Франкфуртских рабочих иметь политическое общение с Швейцаром он видел разительное и очень досадное доказательство того, до какой степени немец опутан еще филистерскими предрассудками и как мало он умеет отделять политическое от приватного. Лассаль не задумываясь принял посвящение романа Швейцера «Люцинда или капитал и труд», и был в большом восхищении, когда летом 1863 г. вышел первый том. Беспристрастная критика не поддается, конечно, под его восторженным отзывом. В эстетическом отношении роман Швейцера представляет собою бесформенное чудовище, смесь причудливой романтики с социально-политическими рассуждениями по рабочему вопросу, обширными выдержками из агитационных брошюр Лассалья и историческими картинами из эпохи французской революции. Лучшие части его, это — сатирические описания деятельности «Национального союза», главным образом и вызвавшие благоприятный отзыв Лассалья. Отдельные портреты, нарисованные по живым оригиналам, отлично удались: таков, наприм., либеральный банкир Итцингер, списанный с Зоннемана; как художественное произведение, роман, однако, не удался.

Тем временем наступила пора для летнего путешествия Лассалья. 27 июня он путем публичного объявления назначил Даммера вице-президентом и передал ему на время своего отсутствия руководство Союзом. Объявление возбудило насмешки противников, и даже многие сторонники Лассалья покачивали головой по его поводу. При всем том ошибка заключалась не столько в самой поездке, сколько в форме дневного приказа, которым Лассаль возвещал «рабочим» о своем «отъезде на воды в Швейцарию». Здоровье Лассалья, ненадежное уже в течение нескольких лет, было глубоко распатано тяжелыми трудами и борьбой истекшего года, и он нуждался в основательном отдыхе для еще более тяжелых трудов и борьбы наступающего года. К тому же Лассаль не думал празднично складывать руки во время предстоящего досуга. Он захватил с собою в дорогу лекции, читанные Шульце берлинским рабочим и выпущенные теперь в свет в виде главы из катехизиса для немецких рабочих: путем критического опровержения их Лассаль хотел составить теоретический кодекс для своей агитации.

Сначала Лассаль отправился в Швейцарию, где его ждало довольно чувствительное поражение. Прогрессистская партия осуществила свой план более тесного объединения тех образовательных рабочих ферейнов, которые остались ей верными; в июне 1863 г., во Франкфурте-на-М. была учреждена Федерация («Verband») немецких рабочих ферейнов;

при содействии Бебеля, Росмеслера, Евгения Рихтера и Германа Беккера, который подобно Бюргерсу, превратился из коммуниста в безобидного приверженца «самопомощи». На этом рабочем съезде обнаружилось, что значительное большинство немецких рабочих ферейнов плывет еще на буксире у прогрессистской партии; в комитет новой Федерации не были выбраны даже такие люди, как Бебель и Росмеслер. Первую скрипку играли в нем Зоннеман и Макс Гирш, и «Национальный союз» отпустил из своей кассы звонкую годовую субсидию на цели Федерации. И вот 36 немецких рабочих ферейнов Швейцарии устроили 19 и 20 июля «центральное празднество» в Цюрихе, на котором должно было обсуждаться также рабочее движение в Германии. Приглашения были посланы как Федерации немецких рабочих ферейнов, так и Всеобщему Германскому Рабочему Союзу. Главным уполномоченным последнего для Швейцарии был как раз перед этим назначен Гервег, и в его обязанности входило представлять Союз на цюрихском «центральном празднестве» — тем более, что он жил в Цюрихе. Но ни добровольно взятая на себя обязанность, ни настойчивые просьбы Лассалья не в силах были заставить этого лентяя сделать то, что требовалось его должностью. В оправдание своего отказа он выставил какие-то мелочные сомнения и предпочел, чтобы делу был нанесен тяжкий ущерб, чем подвергать свою священную персону суровому, если угодно, сквозняку. «Мы оба неподходящие люди для этих мелких скандальных историй, к которым сводится все рабочее дело», — сказал с шутливой важностью его друг Рюстов.

Большую проворность обнаружил Зоннеман, которого послала в Цюрих Федерация немецких рабочих ферейнов. Своим злобным докладом он сумел побудить швейцарский рабочий съезд, — заседавший, к слову сказать, под председательством окончательно превратившегося в мумию Георга Фейна, — к резкому заявлению против экономических теорий Лассалья; это заявление было затем в свою очередь злобно использовано германской буржуазной печатью против мнимого реакционера Лассалья. С цюрихским съездом повторилась приблизительно та же история, что с франкфуртским: швейцарские рабочие стояли еще слишком далеко от условий крупной капиталистической промышленности, чтобы им могли внушить энтузиазм социальные цели Лассалья, но политическая оппозиция Лассалья против сонливости буржуазной оппозиции возбуждала их полное сочувствие. Честный очевидец Ладендорф говорит, что выступление Зоннемана было «решительно комическим», а комитет цюрихского «центрального празднества» опубликовал в швейцарских

газетах заявление, где предположение Гервега, что от швейцарских рабочих ферейнов нельзя было и ожидать беспристрастного суждения, отвергается столь же решительно, как и мнимое согласие этих ферейнов с Зоннеманом. Ферейны высказались только против экономических взглядов Лассалья, предложение же в пользу прогрессистской партии не было даже внесено, а не то что принято. Противников Лассалья отнюдь не пощадили за то, в чем они виноваты перед ним; неслыханная дерзость, с которою они стараются заглушить всякое мнение, не сходящееся с их взглядами, способна только разрушить последний остаток симпатии даже у тех, которые по существу дела не приняли еще определенного решения. Но это заявление не получило огласки в Германии, и таким образом осталось дурное впечатление, что швейцарские рабочие отrekliсь от всякой солидарности с Лассалем. Сам Лассаль отнесся к виновнику всей беды с той снисходительностью, которую он обыкновенно обнаруживал по отношению к своим друзьям; в сердечном письме он снова пытается, хотя и без всякого успеха, вывести Гервега из состояния мечтательной праздности, которой тот предавался.

Лассаль, быть может, потому отнесся легче к этой неприятной истории, что в конце концов решение зависело только от вопроса, разовьется ли Всеобщий Германский Рабочий Союз в большую силу в самой Германии. Еще до своего отъезда из последней Лассаль писал Вальтейху: «Мы можем идти лишь при помощи больших масс. Массовое движение с цифрами «Национального союза» было бы смешным. Мы должны, следовательно, иметь в 7 раз больше членов, чем «Национальный союз». Иначе мы потерпели жалкое крушение». Затем он снова писал Вальтейху из Энгадина в ответ на сообщение, что внешние дела идут отлично: «Ограничение лежит, мне кажется, в том, что внутри, т.-е. в смысле числа членов, дела идут не так хорошо. Вот что было бы хуже всего!.. Если агитация не охватит масс рабочего сословия, то она, несмотря на все, погибла. Если мы в течение этого года не сумеем предъявить больших цифр, то мы совершенно бессильны, сколько бы идейных побед мы ни одержали еще». Так как противники преувеличивали еще успехи агитации и говорили о 10 тысячах членов, то Вальтейх хотел предложить уполномоченным, чтобы они для публички держались этого числа, на что Лассаль возразил: «Если рабочие таковы, какими вы их рисуете, то мы осрамимся, несмотря на все мои усилия. Это не подлежит сомнению. Мы не можем предлагать своим уполномоченным говорить какую бы то ни было неправду. Мы не смеем говорить о 10 тысячах, когда у нас имеется,

может быть, тысяча. Можно молчать по этому пункту, но лгать нам не годится». Затем в конце августа, т.-е. через три месяца после учреждения союза, совершенно обескураженный Вальтейх писал Лассалью, переехавшему тем временем в Остенде: «Так как Союз насчитывает всего около тысячи членов, то лучше его распустить или перестроить на других основаниях».

Эта цифра была бы вполне прилична, если бы дело шло об обществе социалистической пропаганды; «Союз коммунистов» никогда не имел такого числа членов. Но для политической партии она была слишком незначительна; число членов «Национального союза» не только не было превзойдено в 7 раз, а достигнуто едва на $\frac{1}{20}$ долю. Лассаль с известной горечью отвечал 29 августа: «Итак, около тысячи членов во всем нашем Союзе! Вот пока плоды нашей деятельности! Вот результаты того, что я исписал себе все пальцы и выговорил все легкие! Не правда ли, любезный Вальтейх, эта апатия масс может привести в отчаяние! Такая апатия при движении, происходящем исключительно для них, исключительно в их интересе, и при огромных в духовном отношении агитационных средствах, которые уже затрачены и которые у такого народа, как французский, произвели бы уже гигантские результаты! Когда же этот тупой народ стряхнет с себя, наконец, свою летаргию?» Но мужества Лассаль все-таки не терял. «Распустить Союз, говорите вы? Абсолютно невозможно! Для этого прошло еще пока слишком мало времени. Не минула ведь даже зима. Затем стыд для нашей нации и партии был бы слишком велик. Ведь от стыда нельзя было бы глядеть на свет божий. Наконец, при настоящих политических условиях это было бы громадной ошибкой! Пока дела обстоят так, как сейчас, я не отброшу меча в сторону. Правда, могут сказать, что при какой-нибудь тысяче членов этот меч—деревянный. Однако, пока меч скрыт в ножнах, он благодаря своей рукоятке имеет вид меча, и бывали уже случаи, что даже меньшим удавалось запугать своих противников. Поэтому я до ближайшей весны или лета не распушу Союза, будь, что будет». Лассаль обсуждает затем средства, которыми можно было бы оживить Союз, в особенности—личную агитацию на Рейне, и отвергает мысль о капитуляции следующими словами: «Раньше я еще трижды полез из кожи вон. Только не терять мужества!»

Наряду с верой в новые способы агитации в нем самом поддержал мужество тот оборот, который приняла немецкая политика летом 1863 года.

Г Л А В А II.

Тактический поворот Лассаля.

Распря между Бисмарком и прогрессистской партией утомительно скучно тянулась в прусской палате депутатов с января до мая. Чем бесплоднее оказывалось произнесение речей в парламенте, тем больше либеральные герои палаты пытались обмануть себя на этот счет громкими словами. Самые смиренные участники готского собрания, как Гнейст, Симсон, Зибель, объявляли Бисмарка Дон-Кихотом, канатым плясуном, карикатурой истинного государственного человека; все это не мешало, конечно, реакционному министру делать все, что ему угодно, в области внутренней и внешней политики. В конце концов палата запуталась в споре о парламентском этикете по поводу вопроса, подлежат ли министры дисциплинарной власти президента, — споре, который правительство прекратило, закрыв преждевременно палату 27 мая.

Оппозиция организовала тогда большие банкеты, дабы ее геройское мужество, испытанное уже в безбрежном красноречии, могло быть прославлено опять в столь же безбрежном красноречии. С своей стороны, Бисмарк нанес тяжкий удар ее прессе, издав 1 июня ордонанс о печати, предоставивший административным властям право после двукратного предостережения закрывать навсегда или на время те прусские газеты, которые своим направлением упорно подвергают опасности общественное благосостояние. Министерская инструкция разъяснила это полномочие в том смысле, что газеты не вправе публиковать о правительственных мероприятиях никаких статей, где подобные мероприятия изображались бы, как незаконные и противные конституции. Вообще, нападки на внутреннюю или внешнюю политику правительства не должны были впредь допускаться; не допускалось даже обсуждение внешних дел, поскольку за этим скрывается критика прусской политики. В подобных случаях административным властям предписывалось действовать без колебаний и послаблений; действительно, шесть берлинских газет, протестовавших против ордонанса

о печати, как противоконституционной меры, получили тотчас же первое предостережение.

Таким образом прогрессистская партия была снова поставлена перед альтернативой: вести ли с самодержавно-феодалной реакцией настоящую войну, или же оставить дело при прежней, притворной войне. В первом случае шансы были для нее довольно благоприятны. Если бы она принудила своего противника серьезно осуществлять на практике ордонанс о печати, то она могла бы создать для него невыносимые затруднения. Трудно было представить себе лучшее средство вызвать огромное возбуждение в стране и двинуть в поход материальные интересы буржуазии, переплетающиеся сотнею способов с буржуазной прессой. Задушенные сегодня газеты могли воскреснуть завтра под новым названием и продолжать войну с удвоенной силой. Бисмарк мог ордонансом о печати нанести рану отдельным капиталистам, но в конце концов он неизбежно должен был потерпеть поражение пред капиталом, решившимся отомстить за дерзновенное посягательство на священную собственность. Так как можно было предвидеть, что по возобновлении сессии ландтага Бисмарку не удастся отстоять противоконституционный ордонанс пред протестом палаты депутатов, то являлось тем большее основание обратить обоюдоострое оружие против груди его творца; чем упорнее было бы сопротивление ордонансу, тем меньшему риску подвергся бы капитал, помещенный в либеральных газетах. Все это было совершенно ясно при том условии, если прогрессистская партия хотела настоящей войны.

Но если конституционный конфликт должен был и впредь не выходить за пределы парламентарско-публицистической потасовки, тогда в интересе прогрессистов было, конечно, уклониться от удара, направленного Бисмарком против оппозиционной печати. Тогда нужно было смириться и отказаться от публицистической оппозиции, пока ландтаг не соберется вновь, и ордонанс о печати не будет устранен палатой депутатов. Избрав этот путь, прогрессистская партия, нет спора, действовала на свой лад последовательно, только подобный путь никогда не мог привести к победе. Наряду с этим справедливость требует признать, что она в данном случае не доверяла своим силам еще с большим правом, чем в других случаях. Начиная с известной ступени своего развития, буржуазная печать становится вообще неспособной вести до конца политическую борьбу с отточенным оружием в руках. При условиях развитой капиталистической конкуренции ни одна газета не может отважиться на войну, где можно получить рану, ибо она может быть уверенной, что если она будет ранена, то ее тот-

час же сожрут ее собственные товарищи по борьбе. Когда несколько десятилетий спустя *«Народная Газета»* пошла на риск временного запрещения в силу закона о социалистах, то конкурирующие с ней свободомыслящие газеты, и впереди всех свободомыслящих папа партии Евгений Рихтер, алчно содрали мясо с костей временно оглушенной товарки, натурально—проливая при этом крокодиловы слезы по поводу совершонного над нею насилия. Такая участь постигла бы всякую прогрессистскую газету, которая отважилась бы летом 1863 г. открыто и не задумываясь над последствиями выступить против ордонанса о печати.

Этой справедливой заботой и объясняется факт, что печать прогрессистской партии вела себя тогда с еще большим отсутствием достоинства, чем ее парламентское представительство. *«Рейнская Газета»* с негодованием спрашивала, как можно требовать от издателя, чтобы он рисковал своим капиталом, а *«Народная Газета»*, чтобы доказать черным по белому свою политическую безобидность, издала в отдельном томе все верноподданнические и преисполненные доверия статьи, которые она опубликовала с начала «новой эры». Правда, книга была напечатана «на правах рукописи», но она не стала красивее от того, что этот избыток лояльного образа мыслей должен был остаться скрытым от читателей, принадлежащих к простым смертным. Она предназначалась в особенности для наследника престола и его супруги, усерднейших читателей *«Народной Газеты»*. Кронпринц высказался публично против ордонанса о печати, и верные монархисты буржуазии забили в литавры по поводу «столь благословенной Господом династии», обещающей дать теперь отпрыск, который будет вполне по сердцу им. Ко всем недугам, которыми уже болела прогрессистская партия, прибавилось тогда хождение на задних лапках пред «либерализмом кронпринца», продолжавшееся целую четверть века, пока пляска шутов не превратилась в пляску смерти в тот самый момент, когда им казалось, что они пришли к цели.

В то время, как прогрессистские депутаты шумели на своих банкетах, а прогрессистские газеты молчали под Дамокловым мечом ордонанса о печати, внезапно появился на сцене германский вопрос. Австрийское правительство сочло прусскую конституционную распрю удобным поводом, чтобы избавиться от прусского соперничества в руководстве немецкими делами. Австрийский император созвал во Франкфурте-на-М. конгресс немецких государей, чтобы обсудить реформу германского союза на основе превозносимого до небес федеративного принципа,—принципа, сводившегося в конечном счеде к увековечению династического партикуляризма и гегемонии Габсбургов. Предлагалось

создать, во-первых, союзную директорию, принимающую решения простым большинством голосов и состоящую из императора австрийского, короля прусского и двух, трех средних или мелких государей, находившихся всецело под влиянием Австрии; во-вторых, союзное собрание, избираемое парламентскими представительствами отдельных государств. Нет нужды входить в подробности этой неуклюжей интриги: целью ее было, с одной стороны, подавление голоса Пруссии, с другой—отнятие верховных прав у немецкой нации.

Бисмарку нетрудно было отпарировать неискusstный удар. Он не пустил короля на франкфуртский конгресс государей и сухо заявил, что в австрийских предложениях дело идет о партикуляристских стремлениях, а не об истинных интересах нации. Гарантию этих интересов может дать только истинно-национальное представительство, составленное путем прямого участия всей нации. Только подобное представительство даст Пруссии уверенность, что ей не придется приносить жертв, которые не пошли бы на пользу всей Германии. Никакой механизм союзных властей, как бы искусно он ни был придуман, не может устранить противоположностей династическо-партикуляристских интересов, которые должны найти свой противовес в национальном представительстве. В ответ на эту речь прусского кабинета австрийское правительство сделало злое замечание, что, судя по опыту революционных годов, «рискованно предполагать», что в собрании, полученном путем прямых выборов, специфически прусская точка зрения совпадет с обще-германской, но эта парфянская стрела была спущена уже во время бегства. При всей «рискованности» своей аргументации, Бисмарк дал австрийской дипломатии основательный мат и отправил конгресс государей вкупе с федеративной союзной реформой в ту кучу исторического сора, где им было место.

Гораздо растерянее Бисмарка отнесся к австрийским планам франкфуртский «съезд депутатов»,—собрание, на которое явилось более 300 членов различных немецких ландтагов. Правда, он не пошел прямо на удочку, а объявил, что полного удовлетворения нации можно ждать только от объединения в форме союзного государства, подобного тому, какое нашло себе юридическое выражение в имперской конституции 1849 г. Но к этому съезд прибавил, что в виду внутреннего кризиса и внешних вопросов он не может отнестись к проекту Австрии только отрицательно. В довершение всего съезд депутатов имел глупость передать эту резолюцию конгрессу государей; немецкие народные представители разыграли роль навязчивых просителей у карликового династического деспотизма, составлявшего

в течение столетий проклятие немецкого народа и только что оттасканного Бисмарком перед лицом всего света. Конечно, они не смотрели серьезно на это стыдливое изъяснение верноподданнических чувств и вскоре патетически отrekliсь от австрийского проекта союзной реформы. Но тем более близорука была дипломатия, повесившая на гвоздь собственные принципы, чтобы досадить Бисмарку обиванием порогов у правителей средних и мелких немецких государств. Бисмарк всего меньше был человеком, способным обращать большое внимание на такие булавочные уколы. Напротив, именно теперь он впервые выдвинул национальный вопрос в противовес конституционному и распустил 3 сентября палату депутатов, чтобы дать избирателям возможность произнести свой приговор по поводу покушения франкфуртского конгресса государей на международный престиж, независимость и достоинство Пруссии.

Так сложились немецкие дела летом 1863 г. Прусский конституционный конфликт совсемно измельчал, и неспособность прогрессистской партии довести до серьезного разрешения какой бы то ни было серьезный вопрос обнаружилась с полной для всех очевидностью. Напротив, на сцену выступил национальный вопрос, и первого же появления его было достаточно, чтобы толкнуть реакционное министерство Бисмарка на демократическую, так сказать, точку зрения. Не то, чтобы Лассаль оценивал дипломатический ход Бисмарка выше, чем он заслуживал! Но он верил в непреодолимую логику фактов и в то, что у него самого хватит сил помочь этой логике осуществить свое право.

Уже выпуская «Открытое письмо», Лассаль ввел в свой расчет национальную революцию. Он писал тогда Леви: «Может случиться, что вследствие внешних конъюнктур, напр., вследствие войны, наступит национально-политическая революция; я очень надеюсь на такой случай и верю в него: несколько раньше или несколько позже, но он наступит. Революция эта станет, однако, настоящей, энергичной и разумной лишь тогда, если за ней будет стоять, двигая ее вперед, ядро сознательной рабочей партии. В противном случае она и в политическом отношении кончится слабостью и реакцией... Твердое ядро рабочей партии, сознательной и революционной в силу социальных оснований, — только такое ядро,двигающее и толкающее вперед, может обеспечить и в политическо-национальном отношении энергичное и плодотворное течение революции, наступившей вследствие войны и т. д. Иначе получится опять расплывчивость, неясность, реакция». Такое ядро рабочей партии Лассаль, не взирая на все, создал. И вот возникал вопрос: коль скоро Бисмарку

пришлось волей или неволей выступить с программой парламента, избранного прямой народной подачей голосов, — то разве не стоило двигать его вперед, разве не стоило вырвать у него всеобщее избирательное право, которого никогда нельзя было бы получить от прогрессистской партии, и таким образом завоевать для пролетариата оружие, могущее удовлетворить его классовые интересы?

Эту тактическую перемену фронта Лассаль совершил осенью 1863 г. Ее морально-политическое оправдание не подлежит само по себе никакому сомнению. В дни детства революционным рабочим партиям часто приходится эксплуатировать для своих целей внутренние раздоры господствующих классов; сколько раз чартисты пользовались ториями, как козырем против вигов, и наоборот! Наконец, политика прогрессистской партии делала тактический поворот Лассалья совершенно неизбежным. Эта партия не переставала пренебрежительно отвергать союз с Лассалем и рабочими: она с сжатыми кулаками обрушивалась на самые скромные требования рабочих, она противопоставляла справедливым притязаниям рабочих ту вызывающую и стойкую оппозицию, от которой она смиренно отказывалась, когда дело шло о самых разнузданных претензиях реакции. От прогрессистской партии зависело в любой момент снова приобрести симпатии рабочих путем энергичной и осмотрительной политики, — осмотрительной хотя бы только с ее буржуазной точки зрения. Если же она предпочитала, напротив, опускаться все глубже в болото политического ничтожества, то не имела никакого права требовать, чтобы и рабочие погрузились заодно с нею в это болото.

Несомненно, применение такой тактики, какую пустил в ход Лассаль, допустимо лишь под тем условием, чтобы революционная рабочая партия использовала для себя внутренние раздоры господствующих классов, располагая достаточным для этого превосходством сил, другими словами, — чтобы она одурачила своих угнетателей, а не дала себя одурачить им. Так, гр. Гацфельдт писала в духе Лассалья: «Существует в буквальном смысле пропасть между двумя следующими вещами: работать ли для своих противников, в прикрытой или неприкрытой форме, или же, как великий политик, ухватить момент, чтобы извлечь выгоду из ошибок противников, уничтожить одного врага другим, толкнуть их на наклонную плоскость и использовать благоприятную для цели конъюнктуру, все равно, кем бы эта конъюнктура ни была создана». Точно так же Иоганн-Филипп Беккер, который в последние дни Лассалья находился с ним в частых сношениях и которого не так легко было провести в принципиальных вопросах, писал: «Лассаль был в своей тактике

смелым, отважным акробатом, который при твердой уверенности в своей силе и ловкости мог без всякой опасности рискнуть на прыжок до самого края пропасти, ибо в один прыжок он всегда стоял опять посреди своего укрепленного лагеря. Он умел застигать врасплох и импонировать, он временами бросал реакции старую кость, чтобы тем основательнее поколотить ее, пока она будет ломать себе зубы об эту кость». Лассаль всегда придавал большое значение тому, чтобы рядом с юнкерством и буржуазией и над ними поставить революционный рабочий класс, как третью, самостоятельную и превосходную силу. В пользу принципов этого класса он хочет заставить свидетельствовать королей и епископов; когда в своем позднейшем процессе по обвинению в государственной измене он намеревался развить мысль, что если Бисмарк когда-нибудь дарует всеобщее избирательное право, то духовным отцом будет он, Лассаль, и Бухер предусмотрительно советовал заменить «духовного отца» «глашатаем» или «пророком», чтобы не запугать Бисмарка, то Лассаль гордо отверг этот осторожный совет.

Не против тактического поворота Лассалья и не против духа, в котором он совершил его, а против его личной способности к практическому применению этой тактики можно возразить многое. Наиболее чистым и прекрасным Лассаль выступал там, где он отважно облакался в цвета своего собственного знамени. Тогда ярко выделялись его достоинства и бледнели его недостатки. Он охарактеризовал свое глубочайшее существо, когда писал накануне своей смерти: «Без высшего могущества ничего нельзя сделать, для детской же игры я слишком стар и слишком большой человек... Боюсь, что события будут медленно, медленно развиваться, а для моей пламенной души эти детские болезни и хронические процессы не шутка». С осени 1863 г. Лассаль считался с медленностью, с детскими болезнями и хроническими процессами исторического развития, но он не всегда был в состоянии принудить свою пламенную душу, свои глубокие страсти к хладнокровному и спокойному взвешиванию, которого прежде всего требовала его тактика. Сюда прибавились еще крайнее нервное возбуждение и физическая усталость, охватывавшие его во время постоянной и все более разраставшейся борьбы.

Таким образом недостатки Лассалья стали выступать сильнее, а его достоинства слабее. Конец его агитации не отличался больше непосредственной свежестью и силой ее первых моментов. Правда, огонь его духа еще не раз вспыхивал ярким пламенем, почти лучезарнее, чем в лучшие дни его прошлого, но наступали опять времена, когда он больше коптел и дымил, чем освещал и согревал.

1. Рейнский смотр и штурм на Берлин.

20 сентября Лассаль произвел задуманный смотр рейнским рабочим в Бармене, 27-го в Золингене и 28-го в Дюссельдорфе. Обращенную к ним речь он составил во время уединенных прогулок по берегу моря. Содержание ее составляли банкеты, печать и франкфуртский съезд депутатов, как три симптома общественного настроения.

Исходной точкой Лассаль взял в своей речи политическое происхождение своей агитации, свой бунт против буржуазной растерянности, вновь подтвержденной указанными тремя симптомами. Поскольку дело касалось банкетов прогрессистской партии и ее прессы, было очевидно, что если буржуазия хотела «вымыть медведя, не замочив шкуры», то ее банкеты и покорное подчинение ее газет ордонансу о печати находились в полном согласии со всей ее политикой. Раз Лассаль отвергал эту политику, как трусливую и беспомощную, он был также в своем логическом праве, когда обрушивался с едкой насмешкой на прогрессистские банкеты и прогрессистскую печать.

Оправдание оппозиционных политических банкетов зависит вполне от внутреннего характера оппозиции, которая устраивает их. Если они — только сопутствующие явления политики, умеющей действовать и наносить удары, — в духе гётевского изречения: *Tages Arbeit, Abends Gäste, Saure Wochen, Frohe Feste* (днем работа, вечером гости, хмурые будни, веселые праздники), — то они представляют собою действительное агитационное средство, допустимость которого стоит вне всякого сомнения. Но если ими хотят заменить политическую работу, если их задача — шумными тостами замаскировать полное отсутствие энергии, то они являются средством развращения, заслуживающим самого резкого осуждения. Кельнскому banquetу депутатов 1865 г. предстояло подтвердить, что Лассаль не сказал ни одного несправедливого слова по адресу кельнского банкета депутатов 1863 г.

Большинство сомнений могла возбуждать в известном смысле полемика Лассалья против прогрессистской и вообще буржуазной печати. Правда, мы обнаружили бы слишком одностороннюю требовательность, если бы стали придавать большое значение конкретной, так сказать, несправедливости, которую Лассаль причинил этой прессе в своей речи, напр., чересчур суровому приговору, произнесенному им над таким заслуженным во многих отношениях человеком, как Бернштейн из «*Народной Газеты*». Если собрать вместе всю эту несправедливость, то она не достигает и десятой доли несправедливости, которую Лассалю пришлось испытать со

стороны буржуазной печати и, в частности, со стороны того же Бернштейна. Лассаль отнюдь не имел претензий принадлежать к кротким христианским страдальцам, подставляющим левую щеку, когда их ударили по правой; он не был бы создан из плоти и крови, если бы, давая отпор невероятной ругани противников, соблюдал всегда объективно-правильную границу. К тому же он мог сослаться на то, что его отрицательное суждение о буржуазной прессе не вызвано впервые причиненными ему обидами, а что он бичевал ее язвы уже в своем памфлете против Юлиана Шмидта.

Но он бесспорно понял эти язвы слишком односторонне, заклеив прессу, как единственную носительницу духовного разложения, которое на самом деле неразрывно связано с капиталистическим обществом. Несомненно, буржуазная печать представляет собою «промышленное помещение капитала и спекуляцию», но, как орудие опустошения народного духа, она не стоит одиноко, а иной раз—даже не в первом ряду. Буржуазия обратила в «своего платного, наемного работника» не только газетного писателя, но и—как значится в Коммунистическом Манифесте—«врача, юриста, священника, поэта, ученого». Ученые, которых Лассаль противопоставляет прессе в этой речи и в других случаях, заслуживают, как класс, такого же и даже большего осуждения, чем «умственный пролетариат» газетной печати. Скоро наступили времена, когда маститые профессора, агитируя в стране за бисмарковские планы ограбления масс, пытались сломить относительно справедливую оппозицию промышленно-капиталистических газет при помощи резких отзывов Лассалья о либеральной прессе.

Лассаль судил также чересчур односторонне, когда он видел главный источник продажности буржуазной прессы в объявлениях. Печать, корни которой находятся в почве капиталистического общества, должна стать жертвой капиталистической заразы, все равно, помещает ли она у себя объявления, или нет. Но односторонность была здесь больше теоретическая. Для немецкой прессы, которая ближайшим образом имелась в виду, объявления бесспорно явились дорогой в бездну. Именно конторы объявлений начали тотчас после смерти Лассалья основывать ту совершенно беспринципную, коммерческую прессу, которая, подобно масляному пятну, захватывала все больше места кругом и стояла еще гораздо ниже печати 60-х г.г., навлекшей на себя удары лассалевского бича. Однако предложение Лассалья передать дело объявлений в руки государства и таким путем вернуть печать к ее истинному призванию представляет собою совершенно разумную мысль, конечно—не для нынешнего государства, а для государства социал-демократического, которое Лас-

саль только и имел в виду, т.-е. для того времени, когда пролетариат завоеует политическое господство и постепенно превратит капиталистическое общество в социалистическое.

Центр тяжести «смотровой» речи лежал в ее третьем отделе, в критике франкфуртского съезда депутатов. Лассаль охарактеризовал имперскую конституцию 1849 г., как реакционную утопию, которая никогда не может стать знаменем пролетариата. Но сюда он прибавил, что раз прогрессисты и члены «Национального союза» избрали это знамя, они не должны были делать себя смешными непоследовательностью, с которою они решили «не ограничиваться одним отрицательным отношением» к австрийскому плану союзной реформы. «Прогрессисты делают глазки государям, чтобы... встревожить г. фон-Бисмарка. Они надеются запугать его кокетничаньем с немецкими государями. *Таковы* средства этих жалких людей! Но если бы мы обменивались даже ружейными выстрелами с г. фон-Бисмарком, то справедливость требовала бы признать еще во время залпов: он—мужчина, а они—старые бабы! И никогда еще старым бабам не удавалось запугать мужчину, когда они делали глазки по сторонам». Потому-то Бисмарк и ответил уже прогрессистам распущением палаты депутатов.

Отношение рабочих к предстоящим выборам Лассаль формулировал в том смысле, что рабочие не имеют никакого принципиального интереса в их исходе. Всеобщее избирательное право еще не существует или перестало существовать, и у прусской конституции не было еще ни одного дня юридического бытия. Она покоится на ряде грубых нарушений права, при помощи которых корона устранила апрельские законы 1848 г. Присяги на верность ей недействительны, как недействительна данная у алтаря клятва, если какое-нибудь юридическое основание делает недействительным заключенный брак. Со времени ревизионной палаты 1849 г. в Пруссии не было еще законного представительства; прусские палаты, это—незаконные собрания узурпаторов. Конечно, либеральные парламентские герои могли бы собираться и в незаконных палатах, чтобы употребить небольшой остаток прав, оставшийся у народа, как оружие для возвращения дальнейших народных прав. Но тогда они должны были бы открывать каждую сессию палаты констатированием незаконности собственного существования и, таким образом, вызывать на свет неотмщенную еще тень народного права.

Итак, рабочие не имеют принципиального интереса в предмете борьбы, в прусской конституции; они не имеют его и в борющихся, которые одинаково чужды им, реакционеры ли это, или прогрессисты. Но в тактическом отношении рабочие весьма заинтересованы в том, чтобы борьба между

прогрессистской партией и реакцией продолжалась, поэтому они должны всюду, где победа прогрессистской партии не стоит вне сомнений, отдавать свои голоса этой партии, как более слабой стороне. Продолжение борьбы между реакцией и прогрессистской партией лежит в интересе рабочих, — не для того, чтобы одна из них уничтожила другую, а чтобы они — как выразился Гуттен, когда Лютер восстал против папы — взаимно пожрали и проглотили друг друга.

Затем Лассаль показал на речах, произнесенных Беннигсеном и Шульце-Деличем на франкфуртском съезде депутатов, что буржуазия торжественно заявляет о своем нежелании революции, что она беспрестанно грозит уйти с арены борьбы, если рабочие осмелятся проводить самостоятельную классовую политику, что она никогда не согласится улучшить социальное положение рабочего класса и предпочтет, на худой конец, отказаться лучше от собственной политической свободы, нежели дать рабочим всеобщее избирательное право. Он заклинал рабочих, если когда-нибудь, «тем или иным путем», наступит перемена, припомнить прогрессистам и членам «Национального союза», как они до последнего момента заявляли, что они *не хотят* никакой революции.

Лассаль говорил, следовательно, рабочим, что буржуазия становится в такое же враждебное положение к ним, как реакция, что их интерес заключается во взаимном истреблении этих партий и в использовании всех выгод, которые могут получиться для них из распри между господствующими классами. Пусть коренная перемена произойдет «тем или иным путем», т.-е. пусть рабочие завоюют себе всеобщее избирательное право собственными силами, или Бисмарк дарует его путем государственного переворота, — во всяком случае рабочие не должны заботиться об интересах буржуазной клики, раз навсегда отрекшейся от всеобщего избирательного права.

Обосновывая такими соображениями перемену своей тактики, Лассаль не отрекался этим от какой-либо принципиальной точки зрения своего прошлого. Имперскую конституцию 1849 г. он охарактеризовал, как реакционную утопию уже в своем памфлете об итальянской войне. Затем, уже в своей статье о политическом завещании Фихте он писал: «В сравнении с великой противоположностью между федерацией и народным единством, представляется относительно неважной даже противоположность между монархией и республикой, и мы совершенно серьезно думаем, что даже те, которые хотят наследственной, монархической, единой германской императорской власти, с полным упразднением 35 суб-суверенитетов, хотя бы идеал их был украшен всеми завитушками, кисточками и сантиментальностями буршен-

шафтской эпохи,—что эти люди все еще стоят на гораздо более высокой ступени интеллигентности и политической истины, нежели наши федеративные республиканцы». Правда, Лассаль, примыкая к Фихте, понимал федерализм, как идеологическое начало; в своей речи он выставил американскую междоусобную войну, как довод против федерализма, упуская при этом из виду, что политические формы государства определяются в конечном счете экономическими условиями, из которых они вырастают, что, следовательно, смотря по состоянию этих условий, федерализм может быть и разумной и неразумной государственной формой. Но опять-таки эта односторонность имела чисто теоретическое значение; на практике именно в Германии потребности экономического развития восставали против федерализма, как доказал уже Маркс в «*Neue Rheinische Zeitung*», и Лассаль оставался вполне верным себе, когда бичевал заигрывание деятелей «Национального союза» с австрийско-партикуляристской союзной реформой, как заигрывание с самой реакционной и обветшалой точкой зрения, какая только могла существовать в национальном вопросе.

Факт был на-лицо: Бисмарк отразил «федералистскую интригу» франкфуртского конгресса государей искуснее и логичнее, чем партия прогрессистов; поэтому резкое сравнение, которое Лассаль провел между мужчиной и старыми бабами, было по существу дела вполне подходящим. В тактическом смысле сравнение было бы неуместно лишь в том случае, если бы прогрессистская партия в других отношениях вела серьезную борьбу с Бисмарком. Но этого-то она и не делала. В своих объяснениях относительно ценности прусской конституции Лассаль оставался всецело на почве своих прежних речей о конституции. Он и теперь не стеснялся называть настоящим именем насилия над правом, учиненные прусской короной, а то, что он говорил партии прогрессистов, она должна была бы сказать себе сама, если бы она хотела победоносно довести до конца борьбу за бюджетное право.

Если «смотровая» речь не выходила, таким образом, из пределов тактического поворота, то она повела все-таки к инциденту, в котором Лассаль перешел границы политического такта. Рейнские рабочие не обманули его надежд; они с шумным ликованием встретили старого товарища революционных годов и верного друга в реакционную эпоху. В Бармене Лассаль говорил пред собранием из 2—3 тысяч рабочих. Попытка либеральных фабрикантов и их прислужников нарушить собрание скандалом кончилась полной неудачей: нарушителей порядка с быстротой молнии вытолкали из зала, при чем—как сказано в отчете Вальтейха —

несколько поднятых стульев и брошенных пивных кружек ускорили их отступление.

Собрание произвело глубокое впечатление на Альберта Ланге, пославшего отчет о нем во франкфуртскую «*Süd-deutsche Zeitung*». В статье, напечатанной без подписи, но несомненно принадлежащей перу Ланге, говорится, что не стоит даже опровергать нелепое утверждение, будто Лассаль—орудие и даже слепое орудие реакции. Реакция работает в руку ему, а не он в руку реакции. Число его приверженцев беспрерывно растет, и вместе с тем растет их фанатизм. Весь характер этой привязанности к учителю совершенно иной, чем тихая и безобидная привязанность к Шульце-Деличу со стороны членов кооперативных Обществ. Пивные кружки, брошенные в Бармене в удаляющихся прогрессистов, не были орудием простой грубости; в Золингене, рабочее население которого искони известно своим вспыльчивым характером, готовятся к таким же сценам. Со стороны Лассалья не было тщеславным самомнением, когда он назвал свое выступление «смотром армии». Двинется ли когда-нибудь в бой за конституцию армия из членов стрелковых и гимнастических Обществ, это—большой вопрос, но что лассалевская рабочая армия, если делу дадут зайти так далеко, не оставит камня на камне в теперешнем государственном устройстве Германии,—это не подлежит сомнению всего менее она оставит на месте скипетр, корону, звезды и тому подобные игрушки.

Предсказание Ланге, что в Золингене повторятся—притом в еще более резкой форме—барменские сцены, подтвердилось. Тысячи рейнских рабочих устремились в Золинген, чтобы услышать Лассалья. Громадный зал был переполнен до того, что можно было задохнуться, и пред его дверьми теснились еще густые массы народа. Попытки прогрессистов прервать Лассалья, едва он начал говорить, были опять подавлены в зародыше, но при этом некогорые возмущенные рабочие забылись настолько, что ранили ножами кое-кого из удаленных скандалистов. Через полчаса после того, как Лассаль начал свою речь, в зале появился золингенский бургомистр с полудесятком вооруженных полицейских и закрыл собрание, ссылаясь на нанесение ран прогрессистским буйнам. Тогда Лассаль, окруженный жандармами и сопровождаемый многотысячной толпой рабочих, не перестававшей издавать в его честь бурные клики «hoch», отправился на телеграф, где послал Бисмарку депешу, в которой просил министра-президента о «самом строгом, скором и законном удовлетворении» по отношению к «прогрессистскому бургомистру», распустившему собрание без всякого законного основания.

Эта телеграмма была тяжелой ошибкой со стороны Лассалья: по немецкой поговорке, «на чорта не жалуются его бабушке». Обращаться к носителю феодальной реакции, в течение многих лет попиравшей и продолжавшей постыднейшим образом попирать право союзов и собраний, с просьбой, чтобы он покарал нарушение этого права, был ли виновен в нем прогрессист или кто-либо другой, — такой поступок всего менее приличествовал революционеру. Бисмарк не дал, конечно, просимого удовлетворения: феодальная бюрократия не станет, понятно, отречься от солидарности с либеральным бюрократом, совершившим акт полицейского произвола, а, напротив, будет трижды приветствовать его, как раскаявшегося грешника. Если Лассалья-человека извиняет до известной степени то обстоятельство, что он совершил необдуманый поступок, будучи до последней крайности раздражен прогрессистской партией, то политическому деятелю Лассалю тем менее позволительно было играть в руку своим смертельным врагам. В распоряжении прогрессистской партии оказался, наконец, лист бумаги, который она могла использовать, как видимое доказательство союза между Лассалем и Бисмарком

Лассалю пришлось довольно скоро почувствовать неприятные последствия своей ошибки. После золингенского собрания он говорил еще — на этот раз без помехи — в Дюссельдорфе, но затем ввиду полного истощения своих голосовых средств принужден был отказаться от намерения приветствовать также своих гамбургских сторонников. 7 октября он вернулся в Берлин и совершенно основательно усмотрел теперь свою важнейшую задачу в завоевании этого города. Свой приступ на Берлин он начал обращением к берлинским рабочим, которое распространил в количестве 16.000 экземпляров.

Прогрессистская партия намеревалась сначала совершенно замолчать рейнские успехи Лассалья; бывший коммунист Беккер обработал в этом смысле Вильгельма Газенклевера, который из подмастерья-кожевника выбился в редакторы буржуазно-демократической газетки в Гагене. Но когда оказалось, что замолчать не удастся, тогда прогрессистские газеты — словно в подтверждение того, что Лассаль не был несправедлив к ним в своей барменской речи — пустили в ход сказку, что в Золингене полицейским пришлось защитить Лассалья от ярости рабочих, возмущенных его демагогическими приемами. Особенно усердно распространяли эту выдумку «Народная Газета» и «Берлинская Реформа», — газеты, наиболее читаемые в берлинских рабочих кругах. Лассаль взял этот факт исходным пунктом, чтобы показать берлинским рабочим, как чудовищно обманывает их

прогрессистская печать. Он воспользовался письмом Ланге в *«Süddeutsche Zeitung»* в доказательство того, что когда прогресисты находятся в своей компании, они не стесняются высказывать истину и выдвигают революционный характер его агитации. Он снова развил мысль, что прогресисты ненавидят его не потому, чтобы они ожидали от него реакции, а потому, что они ждут от него революции. Отставание прусской конституции Лассаль назвал реакционным, а отставание всеобщего избирательного права революционным. Он с презрительной насмешкой упомянул о прогресистских флюгерах, которые успели уже понять ошибку, сделанную ими на франкфуртском съезде депутатов, и теперь фанатически отрекаются от австрийско-партикуляристской реформы Германского Союза. Лассаль задавал вопрос, что делать рабочим с людьми, которые в августе щеголяют в черно-желтом, а в октябре—в черно-белом цвете,—с людьми, которые в самых важных национальных вопросах не знают, чего они хотят, и, следовательно, еще гораздо меньше могут сказать рабочим, чего должны желать эти последние?

С особенной резкостью Лассаль протестовал против утверждения, что он желает от государства государственного пособия. Он наперед бесповоротно осудил позднейшую «социальную реформу» Бисмарка, далеко отвергнув от себя мысль, что рабочие должны стать пенсионерами государства и ради нищенской подачи пожертвовать своей самостоятельностью и независимостью. Все, чего он желает,—сказал Лассаль,—это, чтобы будущее демократическое государство, возрожденное путем введения всеобщего избирательного права, ссудило рабочим посредством легкой для него кредитной операции капиталы, необходимые для образования производительных ассоциаций. Такая государственная помощь не есть противоположность самопомощи, напротив — она представляет собою грандиознейшую «социальную самопомощь», она вообще впервые только открывает рабочим возможность самопомощи. Лассаль напомнил берлинским рабочим об их реликвих покойниках марта 1848 г. и предостерег против ответственности, которую они постоянной нерешительностью навлекли бы на себя перед самими собою, перед своими братьями и перед историей. Важнейшие центры Германии стали уже на сторону движения, прусские области на Рейне шествуют полным боевым шагом вперед; с присоединением Берлина движение станет непреодолимым.

Обращение было составлено очень искусно, но не произвело почти никакого действия. Берлинский пролетариат находился тогда в состоянии хаотического брожения, составлявшего уже в предшествующем году его невыгодное отличие от лейпцигского пролетариата. Прусская столица разви-

валась лихорадочным темпом в крупный торгово-промышленный центр, особенно благодаря все более сгущавшейся сети железных дорог, которые расходились от нее лучами. Она привлекала к себе массу рабочих рук из прусских захолустьев; за промежуток времени с 1860 г. до 1867 г. численность берлинского населения возросла с 500 тыс. до 700 с лишним тыс. человек. Рабочая масса суетливо бросалась в разные стороны, очутившись под сильным влиянием новых элементов, до тех пор не имевших понятия о политике и теперь мнивших прежде всего, что они нашли в большом городе золотonosную страну, — людей, которых первые неудачи и разочарования побуждали только тем судорожнее цепляться за последние надежды. К тому же не было почти никаких организаций, которые расчленили бы всю эту беспорядочную массу.

Кроме большого «Ремесленного ферейна», посвящавшего себя исключительно или, главным образом, просветительным целям, и «Берлинского рабочего ферейна», политической твердыни Шульце, существовали еще только три рабочих ферейна в настоящем значении этого слова: «Ферейн старших подмастерьев», во главе которого стоял сапожник, «Ферейн подмастерьев печатного дела» и тот «Ферейн машиностроителей» в Ораниенбургском предместье, который назывался «Пригородным ремесленным ферейном». Участие этих союзов в агитации Лассалья проявилось в очень странной на первый взгляд форме. Среди пяти или—считая также Вальтейха—шести рабочих, объявлявших в конце лассалевского обращения о своей готовности принимать записи в члены «Всеобщего Германского Рабочего Союза», находилось 4 или 5 сапожников и один наборщик и не было ни одного машиностроительного рабочего. Если принять теперь в соображение, что сапожный промысел принадлежал к погибающему ремесленному производству, книгопечатание — к мануфактуре, а машиностроение — к современной крупной индустрии, то дело получает такой вид, что берлинские рабочие относились тем отрицательнее к Союзу, чем выше была ступень промышленного развития, на которой они стояли.

Однако, внутренняя причина этого странного явления объяснялась довольно просто. Сапожное производство — исконно переполненное ремесло, так как за него легко было взяты с маленькими средствами — уже с 40-х г.г. стало в значительной своей части капиталистически эксплуатируемым кустарным промыслом; голодающий сапожник, обремененный многочисленной семьей, играет с указанного времени выдающую роль, как объект призрения бедных в Берлине и других больших городах. В 60-х г.г. над этим ремеслом разразилось бедствие в виде машинного производства. В отчете о париж-

ской выставке 1867 г. с торжеством говорится: «Более трех тысячелетий, со времен фараонов, башмаки делались всегда ручным способом; теперь удалось чисто механическое изготовление их». В сапожных мастерских прусского военного ведомства работали машинами, которые одна берлинская фабрика поставляла по 200 талеров за штуку. В этом ремесле лозунг был: спасайся, кто может! Вожаком цехового движения был сапожный мастер, среди 200 сырьевых товариществ Шульце-Делича не менее 80-ти состояли из сапожных мастеров, а к первым и самым ревностным приверженцам Лассалья принадлежали интеллигентные сапожные подмастерья—Вальтейх, Метцнер, Арндт, Гейтс, Фойхт.

В ином положении находились подмастерья печатного дела. Ряд обстоятельств—быстрый расцвет газетного дела и его прикрепленность к известному месту, реакционное опустошение школы, ограничившее приток рабочих сил к печатному промыслу, столь сильно нуждающемуся в рабочих с школьным образованием, временная обеспеченность против машинного производства и некоторые другие причины—сделали подмастерьев печатного дела особенно склонными к профессиональной организации, которая, по их правильному расчету, могла доставить им известное влияние на высоту заработной платы. Берлинский союз подмастерьев печатного дела, в который входило 600 членов, следовательно — около половины всех наборщиков и печатников города Берлина, обратился еще раньше к владельцам берлинских типографий с просьбой пересмотреть расценки, навязанный подмастерьям в эпоху реакции и находившийся теперь в вопиющем несоответствии с сильно возросшими ценами на предметы первой необходимости. Хозяева, конечно, наотрез отказали союзу, и он стал теперь исповедывать принципы Лассалья, насколько они ему подходили. Он обратился за помощью к государственной власти, подав в совет министров петицию об отмене воспрещения коалиций. В мотивировке этой петиции он ссылаясь на железный закон заработной платы, но с тем ограничением, что путем коалиции рабочих может быть достигнуто «приблизительное уравнение перевеса предпринимателя над неимущим рабочим». Таким образом в союзе подмастерьев печатного дела Лассаль приобрел лишь полуприверженцев.

Совершенно отрицательно отнеслись к его агитации машиностроительные рабочие. Получая при тогдашнем расцвете машиностроения хорошую плату, будучи энергичным, живым, вполне современным слоем рабочего класса, машиностроители были искренними врагами всякой политической и экономической реакции. Они могли в непосредственной близости наблюдать деятельность прусских бюрократов и

поклонников цехового строя, и тот факт, что вождь прошлогоднего рабочего движения, вдобавок еще один из их собственной среды, оказался орудием правительства, настроил их на весьма недоверчивый лад. Таким образом, «*Народная Газета*», которая, начиная с 50-х г.г., была их любимым органом, могла сравнительно легко внушить им отвращение к «государственной помощи». К тому же прогрессистские владельцы машиностроительных заводов обратились к правительству с петицией об отмене запрещения коалиций, и если дальнейшее поведение прогрессистской партии не замедлило показать, что это была только тактическая уловка с целью задобрить важнейшую часть берлинского пролетариата, то в данную минуту она произвела все-таки требуемое впечатление. Ко всему этому прибавилась еще теперь злополучная телеграмма Лассалья к Бисмарку. Машиностроительные рабочие остались верными прогрессистской партии, и их поведение имело решающее значение для массы берлинского пролетариата.

Нескольких приверженцев Лассаль приобрел среди буржуазного населения Берлина: врачей Эйснера и Неймана, книгопродавца Рейнгольда Шлингмана, кандидата Алекси. Около этого времени к нему примкнул и Либкнехт, уже год как вернувшийся из английского изгнания. Либкнехт работал в течение короткого времени в «*Norddeutsche Allgemeine Zeitung*», которая была основана ярко-красным республиканцем 1848 г. Августом Брассом с велико-немецкой демократической программой. Газета очень скоро перешла, однако, в лагерь Бисмарка, и как только Либкнехт убедился в этом, он выступил из нее, чтобы снова начать на берлинской мостовой тяжелую борьбу за существование, которую он вел раньше в течение десятка лет на мостовой Лондона. К вступлению во Всеобщий Германский Рабочий Союз побудило его, по его собственному показанию, желание исполнить долг чести, открыто выразить Союзу свою симпатию в виду нападок прогрессистской печати. Вообще же он разделял относительно агитации Лассалья мнение Маркса; легко понять, что после плохого опыта с Брассом тактический поворот Лассалья пришелся ему не по душе и возбудил даже его недоверие. С другой стороны, немецкие условия стали чужды Либкнехту, и он питал неверное воззрение, что старый коммунист Лассаль все-таки дал завлечь себя в прогрессистско-демократическое русло и в велико-прусский наполеоновский энтузиазм 1859 г. Таким образом антипатия была взаимна, как, повидимому, справедливо предполагал Либкнехт.

Слабые силы, с которыми Лассаль попытался произвести свой штурм на Берлин, натолкнулись на значительно пре-

восходившее их сопротивление. Прогрессистская партия объявила, что в Берлине социализм поднял голову и в Берлине же он должен быть на-голову разбит. Чтобы снискать столь благородные лавры, она не побрезгала помощью полиции: она опять постаралась оказаться трижды неправой, после того как Лассаль со своей депешей к Бисмарку был раз неправ. Перехватывание помещений, при благосклонном содействии полиции, было ее первым средством; ее вторым средством было срывание митингов путем шумных скандалов, в чем ей опять-таки деятельно помогала полиция. Памятуя о своих опытах на Рейне, Лассаль устраивал на первых порах закрытые заседания членов, чтобы дисциплинировать стойкое ядро своих приверженцев. Но уже в первом из этих заседаний, 22 октября, пришлось вытолкать 11 прогрессистов, записавшихся под ложными именами в члены Союза, чтобы иметь возможность устроить скандал. Во втором заседании, происходившем 2 ноября, в зал вломилась шумная толпа народа, и присутствовавший для наблюдения полицейский чиновник поспешил распустить собрание. Третье заседание, 10 ноября, прошло сравнительно спокойно; пришлось удалить только двух прогрессистских буянов, и даже полиция отказала им в просимом содействии. Теперь Лассаль хотел взять быка за рога и созвал публичное собрание в большом зале Эльдорадо. Сильное воспаление горла помешало ему, однако, выступить, и прогрессисты, торжествуя, начали распространять слух, что он отступил из страха. Но когда Лассаль появился затем 22 ноября в новом публичном собрании, которое он опять созвал в Эльдорадо, то ворвалась толпа полицейских, насильно разогнала собравшихся и арестовала Лассалья по обвинению в том, что в своем обращении к работникам Берлина он подготавливал акт государственной измены. Присутствующие прогрессисты и, к сожалению, также одураченные прогрессистами рабочие приветствовали этот акт истуупленными криками «браво»!

Через три дня Лассаль был выпущен из предварительного заключения под залог в 3.000 талеров, но он убедился, что его штурм на Берлин не удался. Знаки одобрения, которыми рабочие встретили его арест, доказали ему, что он не в состоянии еще пробудить достаточно большую силу, которая сломила бы общее противодействие прогрессистской партии и полиции. Для поддержания чести он устроил еще одно, два собрания, которых не расстраивали больше, потому ли, что в прогрессистской партии проснулся остаток стыда, или потому, что она была теперь уверена в рабочих. Затем Лассаль отказался от агитации в Берлине. Число берлинских членов Союза поднялось во время этой

ожесточенной борьбы до 200, оно быстро упало опять до 30 или 40, и выше этой цифры оно уже не поднималось при жизни Лассалья.

2. Лассаль и Бисмарк.

Тем временем новые выборы в палату депутатов доставили прогрессистской партии новую победу, несмотря на все судорожные усилия Бисмарка, несмотря на правительственное давление и дисциплинарные репрессии. Правда, число консервативных депутатов также возросло с одной дюжины до трех дюжин, но не на счет прогрессистской партии, а на счет старо-либералов и других мелких промежуточных групп. Новая палата депутатов тотчас отменила ординанс о печати, и Бисмарк пожертвовал им; его спекуляция на национальное чувство не удалась на первый раз, но обстоятельства сложились так, что он тотчас же мог повторить ее с большей надеждой на успех.

15 ноября умер король датский, не оставив прямых наследников мужского пола, а 18 ноября была опубликована общая датская конституция, включившая герцогство Шлезвиг в королевство Данию вопреки лондонскому протоколу. Этим актом был снова поставлен на очередь шлезвиг-голлштинский вопрос, в котором уже более полупоколения воплощался, так сказать, германский позор. Нацию охватило несомненно сильное движение. В сотнях народных собраний была выражена готовность жертвовать кровью и материальными средствами для освобождения герцогства от датского ига; с этой целью решено было собирать деньги и вербовать добровольческие отряды. Против движения резко выступили немецкие великие державы, Австрия и Пруссия, не пожелавшие отступить от лондонского протокола, насильственно устранившего шлезвиг-голлштинский порядок престолонаследия в пользу датского наследника престола. Они заявили, что если вмешаются против Дании, то исключительно в виду неисполнения ею обязательств, которые она взяла на себя относительно Шлезвиг-Голштинии по лондонскому протоколу; этим самым они признали юридическую силу документа, уничтожения которого бурно требовало национальное движение. В этой мере были даны условия для революционной народной войны за Шлезвиг-Голштинию, которой Маркс требовал в 1848 г. и Лассаль — в 1859 году.

Немецкой буржуазии удалось, однако, в трогательном согласии с дипломатией мелких и средних государств, тотчас же за вести национальное движение в тупик, выдвигая

нужен вопрос о наследственных правах августенбургского дома,—княжеских гравах, легитимитет которых был записан, вероятно, на какой-нибудь средневековой бараньей коже, но моральная нетленность и политическое оправдание которых были записаны на совсем другом листе. Сам августенбургский претендент принадлежал к числу тех заурядных принцев, одинаково ничтожных по характеру и по уму, которыми была наводнена Германия; борьбу за свое «право» он начал попрошайническим письмом к Людовику Бонапарту. В Германии самыми усердными защитниками его были герцог Кобург-готский, вездесущий Иванушка, составлявший посмешище всей Европы, и саксонский министр ф.-Бейст, позорные деяния которого по отношению к майским борцам Дрездена стали предметом европейского скандала.

Несмотря на этот сомнительный союз, немецкая буржуазия поспешила предоставить к услугам августенбургской агитации все свое влияние на немецкие массы. Для этой возвышенной задачи соединились мало-и велико-германцы, и новый съезд депутатов во Франкфурте-на-М. назначил комитет 36-ти, взявшийся посредством громкозвучных заявлений об юридической ничтожности сжить со света австрийские и прусские штыки. Дело дошло скоро до того, что радикальные элементы самой буржуазии возмутились против этого отталкивающего шума. Когда возникла мысль поднести «истинно-немецкому» министру Бейсту национальный подарок за его заслуги в шлезвиг-голлштинском деле, то *«Еженедельник Национального Союза»* предотвратил этот избыток бесчестия, разоблачив в нескольких статьях жуткие тайны Вальдгеймской каторжной тюрьмы. Затем, когда за августенбургскую затею поспешила с восторгом ухватиться прусская прогрессистская партия, то ее левое крыло не пошло на это. Вальдек заявил, напротив, что у прусской палаты депутатов нет решительно никакого основания воодушевляться в пользу претендента подобного сорта; чем основывать бессильное карликовое государство в шлезвиг-голлштинских пограничных марках, было бы уже разумнее присоединить их к Пруссии. Но именно в этом и заключалась—тайная пока—конечная цель Бисмарка, который добивался ее, следуя кривыми путями глубоко реакционной кабинетской политики, но с ловкостью, далеко превосходившей соединенные государственные таланты дипломатии средних и мелких государств, как и велико-и мало-германской буржуазии.

Лассаль отнесся так же отрицательно к «шлезвиг-голлштинскому опьянению», как в свое время Маркс—к трактирному энтузиазму по поводу «окруженной морями» Германии.

Поскольку национальное движение не было фальшивой пробы, оно охватило и рабочих. В частности, гамбургские члены Всеобщего Германского Рабочего Союза, жившие так близко к спорным землям, выпустили воззвание, приглашавшее к сбору денег и вербовке войск в защиту «добраго немецкого права», при чем имелась в виду не прогрессистская политика следования во хвосте у других, а самостоятельный шаг рабочего класса. Было очевидно, что при наличных условиях подобный шаг мог только дать господствующим классам желанный повод задуть молодое рабочее движение, и потому Лассаль поспешил своевременно предупредить угрожающую опасность. Он составил резолюцию, в которой охарактеризовал Лондонский протокол, как насильственный акт, а легитимное княжеское право, как фантом. Лассаль заявил, что долг всех немецких правительств—вырвать герцогства из-под власти датской короны, но нужно с величайшей настойчивостью предостеречь против посылки добровольцев и членов гимнастических Обществ в Шлезвиг-Гольштинию. Народ вследствие этого потерял бы наиболее самоотверженных своих борцов, сплочение которых теперь необходимо больше, чем когда-либо. В сравнении с грандиозными центральными задачами, которые должны быть разрешены в самой Германии, представляется вопросом сравнительно второстепенного интереса, будет ли в числе 30-ти с чем-то государей, которые правят пока в Германии, находиться также один иностранный государь. Приверженцы прогрессистской партии и «Национального союза», выступающие с таким воодушевлением за легитимное право государей, хотя, повидимому, воспользоваться случаем с Шлезвиг-Гольштинией, чтобы отвлечь внимание от внутреннего положения и, под видом патриотизма, уклониться от разрешения конфликта, превосходящего их силы. Народ не должен, однако, забывать, что при единстве и свободе Германии шлезвиг-голлштинский вопрос разрешается сам собой, тогда как никакой успех в Шлезвиг-Гольштинии не в состоянии обеспечить германского единства и свободы.

Резолюция была повсюду принята в Союзе. Гамбургские члены, первый пыл которых Лассаль признал вполне почтенным, понемногу также успокоились. Из двух членов правления, живших в Гамбурге, Аудорф с самого начала сохранил хладнокровие, а Перль получил еще особое письмо от Лассалья с настойчивым предостережением не делать ничего для вербовки добровольцев. Без сомнения, взгляд Лассалья на шлезвиг-голлштинский вопрос вполне соответствовал при тогдашних условиях интересам пролетариата; то же самое можно сказать относительно резолюции, которую Лассаль провел около этого времени по польскому вопросу.

Резолюция эта признавала за польским восстанием 1863 г. ту европейскую заслугу, что оно разрушило иллюзию панславизма; вместе с тем оно лишило почвы прежнее опасение многих немецких патриотов, что между Наполеоном и Россией будет заключен союз под покровом национального принципа. Таким образом исполнена важнейшая предварительная работа для солидарной политики европейской демократии. Пред Германией польское восстание приобрело ту специальную заслугу, что устранило одно из могущественнейших внешних препятствий для установления германского единства, если Германия воспользуется польским восстанием для своего переустройства. Восстановление независимой Польши под покровительство Германии представляет собою самую законную и славную ее задачу в области внешней политики, а война с этой целью — самый прямой интерес Германии, единственный способ искупить несправедливость, совершенную при разделе Польши, и в то же время освободиться настоящим образом от гнета, тяготеющего над ней с Востока и с Запада. Единственная оговорка, сделанная Лассалем, касалась мирной германизации некоторых польских областей, которой он придавал большее значение, чем Маркс в «*Neue Rheinische Zeitung*», оценивая ее приблизительно так, как Маркс сделал это в «*New-York Tribune*». Лассаль видел в ней вопрос факта, зависящий от специальных исследований. С коммунистически-революционной точки зрения принципиальное содержание его резолюций по польскому и шлезвиг-голлштинскому вопросам не могло встретить возражений, и обе они действительно утверждены коммунистическим Образовательным рабочим фереингом в Лондоне.

Между тем ход политических событий зимою 1863—1864 г. был в общих чертах следующий. Прусская палата депутатов отказала в своем согласии на заем в 12 милл. талеров, которых Бисмарк требовал на экзекуцию против Дании, и снова вычеркнула из бюджета на 1864 г. расходы по реорганизации армии. Так как Бисмарк заявил наперед, что он будет игнорировать эти постановления палаты, то Якоби предложил отказать правительству в утверждении всего бюджета: министерству, намеренно и принципиально нарушающему конституцию, нельзя вообще доверять распоряжение государственными деньгами. Это было в своем роде последовательно. Но большинство прогрессивной партии было также в своем роде последовательно, когда оно полагало, что отклонение всего бюджета явится актом чисто призрачным, и так как предполагаемый эффект не последует, то положение оппозиции еще ухудшится, — разве если налогоплательщики откажутся платить налоги, о чем, однако, и думать не приходится. Таким образом, ограничи-

лись тем, что из бюджета в 135 милл. талеров вычеркнули неполных 6 милл. талёров, другими словами—игра Бисмарка была выиграна. 25 января 1864 г. он распустил ландтаг, с весьма немилостивым выговором палате депутатов и, согласно своему обещанию, взял деньги там, где их можно было достать. Для сравнительно небольших сумм, о которых шла речь, у него были пока достаточные финансовые ресурсы, а государственных кредиторов он успокоил опубликованным 12 февраля постановлением совета министров, связывавшим финансовое управление определенными, твердо ограниченными нормами. Эти события вновь подтвердили взгляд Лассалья, что парализовать правительство оппозиция могла бы только посредством полной остановки конституционного механизма. Продолжая парламентировать, палата депутатов достигла лишь того, что ее вообще перестали принимать в расчет, как политическую силу.

Более того: она стала прямо опорой для своего противника. Из-за франкфуртского съезда государей и шлезвиг-голштинского кризиса Бисмарк попал под перекрестный огонь феодальных и придворных «трений», и он хорошо знал, что они все больше будут усложняться, чем больше раскроется его германская политика. Королева Августа, ученица Гёте и образованная женщина, всегда недолюбливала ост-эльбского юнкера; наследник и его жена были либеральны и в еще гораздо большей степени настроены в пользу Августенбургов; влиятельная вдовствующая королева боялась всякой ссоры с Австрией, и такую же боязнь испытывала значительная часть юнкерства. Все эти влияния обрушивались на нерешительный характер короля. Всюду повторяли тогда *von mot*, будто бы сказанное Бисмарком: «Едва вы шпорами довели старого мерина до края рва, как он одним могучим скачком бросается назад». И если Бисмарк сохранил все-таки благоволение короля, то он был обязан этим смелости, с которой дал отпор бунтующей палате депутатов. Он хорошо знал, что делал, когда вызывал пред королем тени 18 марта, когда, согласно собственному рассказу, сравнивал короля с Карлом I английским, себя самого — с Страффордом, а безобидных манчестерцев, желавших только обрезать немного купонными ножницами «непроизводительные» расходы на армию,—со сборищем кровожадных Кромвелей.

В шлезвиг-голштинском вопросе Бисмарк действовал на основании Лондонского протокола, заодно с Австрией, которая теперь охотно пошла ему навстречу, опасаясь национального движения и, судя по некоторым парламентским намекам австрийских министров, из тайного также недоверия к самому Бисмарку. На большинство в союзном сейме

и уничтожающие резолюции тридцати шести Бисмарк не обратил никакого внимания. «Политические вопросы, — говорил он, — суть вопросы силы; немецкие великие державы — теплица, защищающая Германский Союз от европейского сквозняка; Пруссия не может допустить, чтобы ее голос был подавлен большинством, представляющим каких-нибудь два, три миллиона немцев». Одно только сделал Бисмарк: он использовал напыщенные резолюции 36-ти пред иностранными державами, подобно тому, как он использовал пред королем напыщенные речи прусских депутатов; он сделал вид, что эти прокламации могут зажечь революцию в Германии, если немецкие великие державы не выступят против Дании хотя бы на основании Лондонского протокола. Правда, комиссия 36-ти еще превзошла комизм этой мастификации, выпустив новое воззвание, где она утешалась в прочих своих неудачах тем, что «все-таки погнала в Шлезвиг Австрию и Пруссию, эти державы, враждебные делу национальной чести и всегда выставляющие напоказ свой принципиальный антагонизм по отношению к национальному течению».

В январе 1864 г. Австрия и Пруссия обратились к Дании с требованием, чтобы она взяла назад новую общую конституцию, в противном случае они вынуждены будут вмешаться; если Дания ответит на их вмешательство вооруженным сопротивлением, то война уничтожит все трактаты, и Лондонский протокол придется тогда вообще обсудить снова. Дания заупрямилась, и дело дошло до войны. 18 апреля прусские полки взяли приступом Дюпельские укрепления. По почину Англии была затем созвана в Лондоне международная конференция, и на ней сделаны новые попытки добиться соглашения между воюющими сторонами. Теперь Бисмарк совершенно отказался от Лондонского протокола; одновременно с этим в Пруссии и в самих герцогствах стали появляться адреса, обращавшиеся к королю со стыдливым и замаскированным пока требованием об аннексии герцогств к Пруссии, и адреса были милостиво приняты королем. Бисмарк писал по этому поводу одному близкому лицу, что ему кажется целесообразным «спустить всех собак, желающих лаять»; «весь громкий лай своры» имеет то конечное действие, что иностранцы начинают считать невозможным подчинение герцогств датчанам. Нужно приучить августенбургца и «всех вечно нераздельных до самого Кенигсау» задумываться над программами, которых прусское правительство не может им принести. Адресы должны отучить герцогства от «аферистской манеры» смотреть на себя, как на именинников в немецкой семье, за партикулярные интересы которых

Пруссия должна рисковать своим существованием. И для «освещения положения» Бисмарк прибавлял «в заключение», что лично для него присоединение герцогств к Пруссии является если не высшею и необходимою целью, то все же самым приятным результатом.

Во время этих политических событий между Лассалем и Бисмарком происходили личные переговоры. Все, что известно по этому предмету, основано на сообщениях, сделанных в 1878 г., с одной стороны—графиней Гацфельдт, с другой—Бисмарком. Они расходятся во многих пунктах. Так, спорно прежде всего, кто начал переговоры: по словам графини Гацфельдт, первые шаги сделал Бисмарк, по словам самого Бисмарка—Лассаль. Ничего верного по этому пункту нельзя установить, да оно и не особенно важно, так как Бисмарк признает, что он охотно пошел навстречу, а Лассаль, раз он считал вообще необходимым или желательным вступать в переговоры с Бисмарком, вряд ли придавал формальному вопросу этикета такое большое значение, как утверждала потом графиня Гацфельдт. Происходили ли свидания три или четыре раза, как говорит Бисмарк, или гораздо чаще, как утверждает графиня Гацфельдт, также трудно решить, да оно и довольно безразлично. В третьем пункте показание Бисмарка имеет за себя большую вероятность. По словам графини Гацфельдт, Лассаль оборвал отношения, так как Бисмарк отказался даровать немедленно всеобщее избирательное право; между тем, по утверждению Бисмарка, разрыва никакого не было, и за правдоподобие этого показания говорит то, что писания Лассалья до конца его жизни посылались, по его распоряжению, Бисмарку. Однако, в несравненно более важном вопросе, о чем шла речь в этих переговорах, графиня Гацфельдт, несомненно, более права, нежели Бисмарк, когда говорит: о политических делах. Уверение Бисмарка, будто он только приятно болтал с Лассалем, как если б это был какой-нибудь остроумный сосед по имению, — можно считать не более, как шутливой уверткой.

Нет ничего забавнее поэтому попытки Бисмарка обосновать свое уверение. В 1878 г. он заявил по этому поводу: «Наши отношения и не могли иметь характера политических переговоров. Что мог бы Лассаль предложить и дать мне? Он ничего не имел за собою. Во всех политических переговорах в глубине сцены стоит *do ut des*, хотя бы о нем из приличия до поры до времени не говорили. Ну, а как обстоит дело, если приходится сказать себе: что ты можешь дать мне, бедняга (*armer Teufel*)? У Лассалья не было ничего такого, что он мог бы дать мне, как министру. Что у него действительно было, это—черты, необыкновенно

привлекавшие меня, как частного человека: он был одним из остроумнейших и милейших людей, с какими я только когда-либо встречался, человек честолюбивый в крупном стиле, отнюдь не республиканец; у него был весьма ярко выраженный национальный и монархический образ мыслей; идеалом, к которому он стремился, была германская императорская власть, и в этом заключалась точка нашего соприкосновения. Лассаль был честолюбив в крупном стиле, и для него представлялось, быть может, сомнительным, должна ли германская императорская власть остановиться окончательно именно на династии Гогенцоллернов или на династии Лассалей, но монархическим его образ мыслей был насквозь». Эти заявления показывают, что в переговорах роль «бедняги» сыграл Бисмарк: его попытка «есть вишни в компании с социализмом» кончилась действительно тем, что ему, как более слабому, достались одни косточки,—результат, предсказанный, говорят, Лассалем.

Переговоры их вертелись, по утверждению графини Гацфельдт и признанию самого Бисмарка, вокруг всеобщего избирательного права и производительных ассоциаций при содействии государственного кредита. Можно думать, что для Лассалья важно было первое, а для Бисмарка — последнее. Один профессор-карьерист провозгласил недавно Дизраэли, Людовика Бонапарта и Бисмарка тремя классическими представителями империалистского социализма, при чем Дизраэли и даже Бонапарт отделяются с незаслуженною жестокостью. Если уже хотят говорить о социализме Бисмарка, то его нужно назвать нищенским или лакейским социализмом. Всем достаточно известно неисправимое упрямство, с которым Бисмарк выступал не только против революционной освободительной борьбы пролетариата, что вполне понятно, но и против всех социальных реформ, способных поднять положение рабочего класса в условиях буржуазного общества. Прошрое столетие не видело ни одного капиталистического эксплуататора, который откровеннее Бисмарка объявлял бы воскресный отдых рабочих подарком данайцев или клеймил бы законодательную регламентацию детского труда на фабриках, как предосудительное вторжение во внутреннее святилище семьи. Весь «социализм» Бисмарка вылился в слова, которыми он объяснил раз одному из своих приспешников лейтмотив официального трактования рабочего вопроса: «Всякий, кто имеет надежду получить пенсию на случай старости или инвалидности, как бы мала эта пенсия ни была, чувствует себя лучше и довольнее своей участью; он гораздо послушнее и покладистее, чем человек, который смотрит в неизвестное будущее. Обратите, напр., внимание на разницу между частным слу-

гою и канцелярским или придворным служителем: эти последние позволят гораздо больше по отношению к себе, потому что они гораздо больше первого привязаны к своей службе, ожидая пенсии». Социализм Бисмарка, если уж хотят злоупотреблять этим словом, всегда имел целью морочить рабочих нищенскими подачками для того, чтобы они, подобно придворным лакеям, были покладистее и больше позволяли по отношению к себе.

С этой гениальной точки зрения Бисмарк смотрел и на производительные ассоциации при содействии государственного кредита. Его бонапартистские манеры натолкнулись на некоторое сопротивление в совете министров; старые бюрократические косички не понимали еще этой новой моды. Тем больше оснований было у Бисмарка искать доброго совета в другом месте. Собственная экономическая мудрость его заключалась в мутной мешанине феодально-средневековых остатков и начатков вульгарной экономики, в полном соответствии с положением юнкера, начинающего соображать прелесть капиталистической наживы. Само собою разумеется, что Лассаль ни на одну минуту не обманывал себя насчет социалистического образа мыслей Бисмарка, так же точно, как Бисмарк не обманывал себя насчет монархического образа мыслей Лассалья. Ужас, объявивший Лассалья, когда он заглянул за кулисы нищенского и лакейского социализма, довольно явственно отражается в энергичных протестах, которые он после этого неоднократно выражал против всякого экспериментирования с его предложением о производительных ассоциациях. Самое большее, что можно сказать, это — что Лассаль старался использовать для своих целей глупость Бисмарка, как это было, напр., весной 1864 г., когда в Берлин явилась депутация из трех силезских ткачей, чтобы просить короля о защите против эксплуатировавших их капиталистов.

Хроническая нужда силезских ткачей перешла тогда в острую катастрофу вследствие хлопкового кризиса. Уже в августе 1862 г. фабриканты Рейхенбахского уезда обратили внимание ландрата Олеария на «серьезность положения» и просили принять на зиму меры против нужды среди ткачей. Олеарий ответил им, что фабриканты, несомненно, сами приложат все усилия, чтобы из собственных средств предотвратить угрожающее бедствие; их положение в общем улучшилось, между тем как положение рабочих остается все в том же печальном виде. Когда фабриканты предложили затем устроить работный дом для безработных ткачей, то Олеарий насмешливо ответил, что это предложение «не без основания» навлечет на его инициаторов ненависть рабочих; неужели работный дом есть единственное средство

защитить от голода население, без вины попавшее в нужду, население, которое вряд ли имело когда-нибудь возможность отложить копейку на черный день и трудом которого другие разбогатели? Этот ландрат был крошечным Бонапартом и потому пришелся вполне по душе тому маленькому Бонапарту, который вскоре после этого, в сентябре 1862 г., стал прусским министром-президентом. Дело обратило на себя некоторое внимание и послужило также предметом парламентских дебатов. Рейхенбахский уезд, в котором были расположены большие ткацкие села Лангенбилау и Петерсвальдау, представлял собою вулканическую почву, и к числу тамошних фабрикантов принадлежал один из вождей прогрессистской партии Леонор Рейхенгейм, владевший в Вюсте-Гирсдорфе большой прядильней и ткацкой фабрикой, — одной из фабрик, основанных «Морской торговой компанией» в 40-х г. г. и спущенных Ганземаном за бесценнок в 1848 г. Рейхенгейм был фабрикантом-капиталистом обычного типа; он не отвечал эксплуатируемым им рабочим такими глумлениями, как некогда братья Цванцигер, но утешал их сберегательными рецептами Шульце, что неблагодарные ткачи также сочли за горькую насмешку. Они довольно верно возражали: из чего нам сберегать, не повесить ли нам свои желудки в печной трубе?

И вот весной 1864 г. в Берлин приехал из Вюсте-Гирсдорфа ткач Флориан Пауль с двумя товарищами, чтобы положить свои жалобы у подножия престола; поручение дали им 300 ткачей, работавших большей частью у Рейхенгейма. Вероятно, что этот шаг был подсказан ткачам у феодальной стороны, иначе нельзя понять, откуда бы у них взялось доверие к королевской власти, которая 20 годами раньше наказала пулями, плетью, тачками и кандалами их сопротивление беспримерной эксплуатации. Впрочем, официально ландрат Олеарий заявил, что он не может ни содействовать, ни препятствовать намерению ткачей. Сердце этого бравого господина было разделено, ибо его непосредственный начальник, министр внутренних дел, как и министр торговли, которому была подведомственна промышленная политика, слышать не хотели ни о каких бонапартистских фокусах. Прошло действительно четыре недели, пока Бисмарк добился своего и доставил депутации ткачей аудиенцию у короля.

Тем временем ткачи осмотрелись в берлинских рабочих кругах и, между прочим, набрали на известного тогда рабочего Карла Прейссе, принадлежавшего и к Всеобщему Германскому Рабочему Союзу Лассалья и к Берлинскому рабочему фереину Шульце-Делича. Прогрессисты утверждали, что Прейссе — агент Вагенера, и стремились свить

отсюда петлю для Лассалья, в доме которого видали Прейссе. Поскольку это утверждение возможно проверить в настоящее время, оно представляется ни на чем не основанным заподозриванием. Судя по весьма многочисленным речам Прейссе, имеющимся в тогдашних газетных отчетах о берлинском рабочем движении, это был один из тех болтливых, но благомыслящих «общественных» людей, которые везде суются вперед и к которым в конце концов всюду начинают относиться со своего рода насмешливой терпимостью; когда прогрессисты, чтобы лучше подкрепить свое утверждение, хотели добиться исключения Прейссе из Берлинского рабочего ферейна, то значительное большинство не допустило такого приговора, заявив, что Прейссе действительно — порядочный чудак, но честный малый. Силезским ткачам, обратившимся к нему за помощью и советом, он сказал, что сам он не ученый, пусть обратятся к Лассалю, Шульце-Деличу и Вагенеру, настоящим ученым специалистам по рабочему вопросу. Когда же ткачи возразили, что рецепты Шульце им надоели, то он вместо апостола бережливости порекомендовал им наборщика Дитмана, председателя Берлинского рабочего ферейна.

Лассаль пришелся ткачам гораздо больше по душе, чем Дитман и Вагенер. Флориан Пауль был назначен уполномоченным для Вюсте-Гирсдорфа, и Рейхенбахский уезд стал скоро одной из самых крепких опор Всеобщего Германского Рабочего Союза. Напротив, Бисмарк вполне сыграл роль «бедняги», введя депутацию ткачей к королю. «Социальная монархия» основательно осрамилась: король обещал ткачам «тотчас урегулировать вопрос в законодательном порядке и таким образом помочь их нужде», но обещание осталось неисполненным; чиновничья комиссия, назначенная для расследования жалоб, заявленных ткачами, нашла все в наилучшем порядке, а Леонор Рейхенгейм вышел из всей этой истории со своего рода мученическим венцом. Тем временем он произвел жестокую чистку среди местных ткачей, и Бисмарк ссудил уволенным рабочим из королевской шкатулки маленький капитал для основания производительной ассоциации. Однако и тут Бисмарку не было удачи, так как это образцовое учреждение, в руководстве которым должен был оправдать свои государственные таланты ландрат Олеарий, через какой-нибудь год вылетело в трубу. Размеры милостыни, при посредстве которой Бисмарк хотел обратить силезских ткачей в придворных лакеев, определяются разнo—от 6.000 до 12.000 талеров.

Если Бисмарк интересовался производительными ассоциациями при содействии государственного кредита по соображениям демагогического свойства, то Лассалья всеобщее из-

бирательное право интересовало, как демократа. В переговорах с Бисмарком дело шло для него именно об этом оружии, которым он твердо рассчитывал побить и прогрессистскую партию, и реакцию. Он правильно предвидел, что Бисмарку придется рано или поздно прибегнуть ко всеобщему избирательному праву, но заблуждался в том отношении, что надеялся своим личным красноречием ускорить этот момент. Если Бисмарк ошибался в Лассале на манер ограниченно-хитрого дельца, то Лассаль ошибался в Бисмарке, как великий и дальнзоркий идеалист, предлагавший у своего противника точки зрения, столь же чуждые последнему, как гегелевская философия какому-нибудь паукасу.

О содержании того, что Лассаль говорил Бисмарку, чтобы подвинуть его на дарование всеобщего избирательного права, можно с значительной долей вероятности заключить по его позднейшим речам. Исходя из взгляда, что прусская конституция не имела еще ни одного дня правомерного существования, Лассаль видел в даровании всеобщего избирательного права не нарушение, а восстановление права, и это толкование было вполне приемлемо для всякого, кто вообще мог быть настолько благодушным, чтобы говорить о праве в Пруссии после всех бесчисленных насилий над правом, на которых покоилось это благословенное «правовое государство». Вся аргументация Лассалья была, однако, потерянным трудом, поскольку ее целью было произвести впечатление на Бисмарка и его короля: оба они участвовали в столь многих насилиях над правом, что для них не могло иметь значения, будет ли число этих насилий одним больше или меньше; как показало скоро время, они действительно не придавали этому значения. Столь же мало трогал их призыв Лассалья к «образованнейшим и интеллигентнейшим», которые в своей распре с буржуазией должны будут признать обращение к народу «исходом, имеющим за себя высшую историческую санкцию», или призыв Лассалья к королевской власти, которая все еще стоит перед нами, «сделанная из своего первоначального теста» и опираясь на рукоятку меча. Опять-таки и это было для них настоящей китайской грамотой. Они познакомились теперь с народом, которого Фридрих-Вильгельм IV еще не знал в начале своего царствования, с тем *puer robustus et malitiosus*, крпепким и злым малым, который 18 марта 1848 г. месил жесткими кулаками «первоначальное тесто» законной королевской власти и разломал меч принца Прусского. И они благоразумно остерегались призывать его преждевременно на сцену. Действительно, Лассаль забыл в этом рассуждении два

собственных своих тезиса: тезис, что «индивиды даются в обман, классы—никогда», и тезис—«революция снизу прогрессистская партия все еще готова предпочесть деспотизм сверху». Бисмарк был не только личностью, но и классом, и он очень хорошо знал, что в крайнем случае может купить буржуазию гораздо дешевле, нежели стоит крупная уступка пролетариату.

Бисмарк отнюдь не любил трехразрядной избирательной системы, резко обнаружившей в последние годы, наряду со своим анти-демократическим характером, свой анти-феодальный также характер, и впоследствии он охарактеризовал ее, «как самую жалкую и бессмысленную избирательную систему». Он не игнорировал также заманчивых сторон, которые имеет для юнкеров всеобщее избирательное право, пока сельский пролетариат находится под их властью. Но его классовое сознание было слишком сильно выражено, чтобы преждевременно испробовать эту обоюдоострую секиру. Прежде всего ему было вполне на-руку сонливое благодушие, с которым прогрессистская партия вела конституционный конфликт; у него не было не только настоящего, но—для ближайшего времени—вообще никакого повода даровать в Пруссии всеобщее избирательное право. Никто ведь не доказал убедительнее самого Лассалья безнадёжность прогрессистской оппозиции.

Только когда дело дошло до объединения Германии, Бисмарк пустил в ход козырь всеобщего избирательного права, но вопрос этот был еще пока глубоко скрыт в извилистых начальных стадиях его реакционной кабинетской политики, в которую Лассаль не в состоянии был вдохнуть «живого увлекающего духа. Бисмарк был всецело дипломатом старой школы, не думавшим и даже не осмеливавшимся думать о том, чтобы играть с картами на столе ту сильную игру, которую предлагал ему Лассаль. Прямота, которую он временами выставлял напоказ, чтобы тем лучше прикрывать свою хитрость, была похожа на ту «сильнейшую дипломатию, которой нет надобности окружать свои расчеты тайнственностью, так как она основана на железной необходимости», но лишь в том смысле, в каком верблюд похож на лошадь или революция сверху—на революцию снизу. Великопруссия, составлявшая предмет стремлений Бисмарка, могла нуждаться в чем угодно, только не в «подъеме душевной жизни» и «неизмеримой экспансивной силе» нации, которые Лассаль обещал от всеобщего избирательного права.

В своих переговорах с Бисмарком Лассаль пошел по ложному пути, на который его увлекли избыток личной самонадеянности и идеологическое преуменьшение силы,

таящейся в современной классовой борьбе. Бесспорно, Лассаль сумел сохранить по отношению к реакции полную свободу действий и всегда был в праве сказать себе, что он играет ею, а не она им. Но желание проникнуть хитростью в крепость, которую нельзя было еще взять силою, внушило ему все-таки немало слов, допускаявших превратное истолкование.

3. Борьба Лассаля с юстицией и полицией.

Как не легко было перехитрить старопрусское государство, об этом Лассаль мог бы судить уже по той ярости, с которой прусские власти обрушились на него и его агитацию. Бисмарк не взял его под свою защиту, да и вряд ли был в силах сделать это, если бы даже и хотел. Полицейское государство имеет свою собственную голову, оно инстинктивно реагирует против всякой попытки вырвать массы из-под его ферулы, и brave полицейские, желавшие силою оттолкнуть пролетариат от Лассаля к Шульце-Деличу, были вполне в своей роли.

Но способ, которым Лассаль вел борьбу с юстицией и полицией, делает ему величайшую честь. «Um einen Strohhalm gross sich regen, steht Ehre auf dem Spiel» («поднимать шум из-за соломинки, раз на карту поставлена честь»),—таков был его девиз в этой борьбе, и он часто высказывал мысль, которой никогда не постигал немецкий либерализм,—что полицейское государство лишь тогда может быть превращено в правовое, если каждое отдельное лицо всеми своими силами, не считаясь ни с чем и с величайшей оглаской, преследует всякое насилие, совершенное над ним вопреки праву, и не перестает апеллировать к общественному правосознанию страны. Несмотря на идеологическую форму, в которой выражена эта мысль, она бесконечно практичнее образа действий тех практичных людей, которые подчиняются всякому полицейскому произволу на том основании, что ничего, мол, против этого не поделаешь. Если бы буржуазная оппозиция всегда исповедывала принцип Лассаля, то прусская свобода печати, союзов и собраний давно представляла бы собою нечто лучшее, чем бумажный параграф конституции, каким она является теперь. Вместо этого либерализм встречал громким или молчаливым одобрением все полицейские придирки, которыми власти старались задушить молодое рабочее движение. Тем большего уважения заслуживает Лассаль, старавшийся до истощения физических и душевных сил защитить свободу, хотя бы навлекая на себя этим ненависть, которая в конце концов должна была сразить его, как отдельную личность.

Война Лассалья с бесправием и произволом остается типичной до настоящего дня. Тем не менее невозможно или именно поэтому не стоит проследивать ее в деталях. Полицейские придирки, которыми преследовали Лассалья и его сторонников, еще слишком знакомы теперь, чтобы нуждаться в подробном изложении; кто когда-либо участвовал в пролетарской классовой борьбе, тот испытал их уже на собственной шкуре. Обыски и аресты, конфискации и отнятие разрешений на занятие промыслом, закрытие союзов и собраний, запрещения, — все это на основании законов, открывавших уже сами по себе широкий простор полицейскому произволу, но без стеснений нарушавшихся последним, как только они ставили ему какие-нибудь границы, | таковы были возвышенные средства, при помощи которых святая Германдада осуществляла свое призвание поддерживать общественные и государственные основы против мирной и законной агитации за введение всеобщего избирательного права в интересе рабочих классов.

Юстиция стояла вполне на высоте полиции. Не говоря уже о прокурорах, являвшихся безвольными орудиями полицейского государства, судьи также зависели в высокой степени от этого государства. Они вербовались из господствующих классов, были подчинены суровым дисциплинарным законам, и даже лучшие из них вынуждались каучуковыми параграфами прусского уголовного кодекса класть в основу судебных решений свои классовые предрассудки. Классовой юстиции не было надобности обманывать ни себя, ни других сказкой, что Лассаль реакционер. Она охотно выдавала ему удостоверение, что он другого сорта человек, чем людишки либеральной оппозиции. Укрепившись при помощи ряда позорных юридических убийств, контр-революция, сообразно тогдашнему сонливому темпу буржуазной классовой борьбы, не переходила известной границы при пользовании услугами развращенной ею юстиции. В 50 х г.г. сравнительно редко возбуждались преследования на основании каучуковых параграфов уголовного кодекса, и приговоры по таким делам были сравнительно мягкие. Тюремное заключение за оскорбление властей, за возбуждение ненависти и презрения, за осмеяние государственных учреждений и т. д. уже тогда составляло целое событие, и если суд выносил такой приговор, то заключение ограничивалось днями или, максимум, немногими неделями. Этот порядок сразу изменился, когда на общественной сцене появился рабочий агитатор Лассаль. Прокуроры наперебой друг перед другом возбуждали против него судебные преследования, при чем трудно было сказать, что заслуживает большего удивления в этих обвинительных актах: детская ли

логика обоснования или свирепость предлагаемых наказаний? Девять месяцев тюрьмы, два года тюрьмы, три года арестантских рот,— вот с какой быстротой следовали друг за другом кары в течение одного года, и судьбы не на много отставали от прокуроров в стремлении сделать правосудие карающим мечом угрожаемых классовых привилегий.

В первом и самом значительном процессе, который пришлось вести Лассалю, дело шло о «Программе работников», возбуждавшей будто бы в неимущих классах ненависть и презрение к имущим классам. Речи, которыми Лассаль защищался сначала в городском суде, а затем в судебной палате, были не только шедеврами судебного красноречия, но также ценным и действительным оружием для арсенала его социально-политической агитации. Как и свою речь перед судом присяжных в 1849 г., Лассаль напечатал их еще раньше, чем произнес, но они нисколько не потеряли от того в своей боевой свежести; столь же мало повредила тщательная подготовка их той изумительной находчивости, которую Лассаль обнаружил при всех переменчивых случайностях судебного разбирательства. В первой инстанции, пред городским судом, разбирательство носило очень бурный характер, и искусство, с которым Лассаль умел каждый раз удерживать за собою слово, несмотря на все обрывания председателя, было столь же классическим, как наказание, которому он подверг прокурора фон-Шеллинга, прогнав его морально сквозь строй цитат из сочинений его собственного отца, философа Шеллинга.

Подняться на научную высоту «Программы работников» было, конечно, не по силам ни прокурору, ни судьям. Они вывернулись при помощи галиматши, относительно которой Лассаль сказал в своей язвительно-резкой апелляционной жалобе, что одно слово поедает в ней другое. Как мухи к клею, они прилипали к слову «революция», которое умели толковать исключительно «в смысле вил», исключительно как убийство и резню. Оставаясь верными духу прусского «правового государства», они нисколько не скрывали, что пред рабочими нельзя говорить вещей, которые при прочих обстоятельствах можно говорить безнаказанно. Единственный пункт обвинения, где они попытались сказать кое-что по существу дела, было оспаривание факта, что косвенные налоги ложатся несоразмерно более тяжелым бременем на рабочие классы. Лассаль в праве был сказать потом в судебной палате: «Тяжело и горько быть наказанным именно за такой пункт, который уже в течение трех веков переходит в науку из книги в книгу, кончая всяким элементарным учебником, — быть наказанным только потому, что прокурор и суд никогда не брали в руки учебника финансового права». За счет

Этого невежества Лассаль был приговорен к 4 месяцам тюрьмы, после того как прокурор потребовал 9-месячного заключения. Тщетно Лассаль заклинал судей вынести ему оправдательный приговор ради памяти, которую сохранил об их именах история; они предпочли записать свои имена— Пильхен, Кольк, фон-Вульфен—на черную страницу неправедных судей. Что касается прокурора фон-Шеллинга, то блестящая карьера утешила его за испытанное моральное уничтожение: он дослужился до должности министра прусской юстиции и статс-секретаря юстиции германской.

Свою защитительную речь в первой инстанции Лассаль озаглавил: «Наука и работники». Суть ее заключается в следующем *credo*: «Только два элемента остались великими среди всеобщего упадка, которым охвачены все стороны современной общественной жизни в глазах всякого более глубокого знатока истории; только два элемента остались здоровыми и плодотворными среди ползучей язвы своекорыстия, проникшей во все артерии европейской жизни: это— наука и народ, наука и работники! Лишь их соединение может оплодотворить новой жизнью недра европейского общества. Союз науки и работников, этих двух противоположных полюсов общества, которые, обнявшись, раздавят в своих железных объятиях все препятствия на пути культуры,—вот цель, которой я решил посвятить свою жизнь до последнего вздоха». Речь вполне достойна «Программы работников», в защиту которой она была произнесена незадолго до того, как Лассаль выпустил свое «Открытое письмо»; она не свободна от избытка идеологии, и в этом отношении она также истинно лассалевская речь, но она еще свободна от омрачающего озлобления: мы словно видим пред собою воина, в блестящем оружии которого отражается яркий солнечный свет, пока на поле битвы не поднялись еще густые тучи пыли.

Этой пылью уже немного покрыта большая речь, в которой Лассаль оспаривал пред судебной палатой приговор городского суда. Она трактует о косвенных налогах и положении рабочих классов и доказывает, что косвенные налоги являются средством для переложения податного бремени с имущих на неимущие классы,—доказывает так основательно и неопровержимо, как это не было сделано ни раньше, ни впоследствии. В этом отношении она сохранила прочную ценность и уже сама по себе достаточна для опровержения нелепого утверждения, что в области экономической науки Лассаль был дилеттантом. Не менее убедительно Лассаль выступил против злоупотребления словом «революция». Он снова определил революцию, как новый принцип, вступающий на место существующего порядка.

безразлично—происходит ли это путем насилия или без него; затем Лассаль прибавил знаменитые с тех пор слова: «В этом смысле я могу сказать, что убежден, конечно, в будущем наступлении революции. Она наступит или вполне законным путем и среди всех благодетелей мира, если бла горазумно решатся во-время произвести ее сверху, или же она наступит через некоторое время, сопровождаемая на сильственными потрясениями, и ворвется с дико развевающимися волосами, с железными сандалиями на ногах. Так или иначе, она во всяком случае придет, и когда, уходя от повседневной суеты, я погружаюсь в историю, то слышу ее приближающиеся шаги». С едкой насмешкой Лассаль бичевал классовую юстицию, осудившую не то, что было сказано, а лицо, *которое* сказало, и место, *где* это было сказано. Он мог сослаться на то, что одновременно с «Программой работников» заведующий прусским статистическим бюро тайный советник Энгель прочел совершенно аналогичного содержания лекцию пред буржуазной публикой в консерватории и не подвергся, однако, судебному преследованию; он имел также возможность огласить письмо, в котором Энгель мужественно удостоверял это согласие во взглядах и прозрачно намекал, что во всех процессах специально-научного происхождения центр тяжести должен заключаться в экспертизе сведущих людей,—совершенно так, как это водится в процессах технического или коммерческого происхождения. Таким образом в речи Лассалья преобладали значительные и великие стороны вопроса, но местами чувствуется все-таки, что он составил ее весною 1863 г., под свежим впечатлением клевет, которыми осыпала его прогрессистская партия.

В особенности получила у Лассалья слишком крайнее выражение правильная сама по себе мысль, что огромное увеличение косвенных налогов составляет отличительную черту буржуазного периода истории, обнимающего в такой же мере современный абсолютизм, как и буржуазную республику. Лассаль противопоставил при этом манчестерствующей буржуазии государство, пред судьями которого он защищался. Он сказал судьям, что они не принадлежат, конечно, к манчестерцам, к тем новейшим варварам, которые ненавидят государство, не ту или иную государственную *форму*, а *государство вообще*, и которые, по их неоднократному собственному признанию, охотнее всего упразднили бы всякое государство, сдали бы с торгов юстицию и полицию тому, кто потребует наименьшую цену, и вели бы войны при посредстве акционерных обществ, дабы во всем мире не осталось нравственного пункта, откуда можно было бы оказать сопротивление их эксплуататорской алчности, воору-

женной капиталом. «Как бы велики ни были различия во взглядах, отделяющие меня от вас, господа, но против этого разложения всякой нравственности мы идем рука об руку. Вместе с вами я защищаю против этих современных варваров древний священный огонь всякой цивилизации— государство!» Это была очень опасная аргументация, которую реакционная демагогия легко могла употребить во зло; и она действительно употребила ее во зло 15 годами позже, когда государство, которому служила судебная палата, навалило на рабочий класс, насильственно связанный по рукам и ногам, ужасающее новое бремя косвенных налогов, и лишь одни «современные варвары», безразлично по каким мотивам, воспротивились этому ограблению масс. Как мало оснований было кичиться этим государством, Лассаль издал тотчас же сам из приговора судебной палаты. Правда, высшая судебная инстанция справедливо побоялась осяраться так, как низшая, и потому смягчила наказание до штрафа в сто талеров, но юридически-чудовищного первого приговора она не отменила и по примеру первой инстанции постановила предать «Программу работников» уничтожению.

Прокурор фон-Шеллинг отомстил за себя, возбудив против Лассалья за его защитительную речь в суде первой инстанции процесс об оскорблении должностного лица, кончившийся присуждением его к месяцу тюрьмы; сверх того он возбудил против Лассалья обвинение в государственной измене за «Обращение к работникам Берлина». К этому обвинению Лассаль отнесся очень хладнокровно: «Это — чистейшее идиотство,— писал он Даммеру,— имеющее своим источником исключительно личную мстительность прокурора фон-Шеллинга». Процесс разбирался 12 апреля 1864 г. пред судом по государственным преступлениям и действительно кончился оправданием Лассалья по обвинению в подготовке предприятия, клонившегося к насильственному изменению прусской конституции. Зато два других обвинения — в осмеянии государственных учреждений и оскорблении совета министров — были переданы названным исключительным трибуналом обыкновенному суду; вместе с тем против защитительной речи Лассалья было возбуждено новое судебное преследование на основании каких-то каучуковых параграфов. Таким образом дело было построено на чудесном принципе: из каждого разбитого обвинения вырастали два или три новых. Защитительная речь, произнесенная Лассалем в процессе по обвинению в государственной измене, играючи разбивала в своей первой части юридическую бессмыслицу старшего прокурора Аделунга, вторая же часть ее освещала политическую сторону обвинения и при этом излагала все соображения, которые, по мнению Лассалья,

могли побудить короля и Бисмарка насильственно изменить прусскую конституцию путем дарования всеобщего избирательного права.

По этому поводу следует заметить то же, что по поводу переговоров Лассалья с Бисмарком. Прогрессистскую партию Лассаль отделяет в своей речи более жестоко, чем когда-либо раньше: он называет ее кликой, желающей задушить королевскую власть петлей, которую она свивает из ее же милости. Не надо забывать, однако, что излагаемый взгляд сам по себе вполне соответствовал исторической истине и всегда отстаивался Лассалем,—каковы бы ни были возражения, которые можно сделать против того, что Лассаль высказал его именно при этом случае и в этой форме. В более вежливых выражениях ту же мысль высказывал либеральный публицист Г. Б. Оппенгейм, когда писал: «Прусская конституция не явилась в свет вооруженной, знаки ее революционного происхождения давным-давно стерлись, и в реакционные годы на нее была наложена резкая печать дара свыше, сделанного в силу полноты королевской власти». Именно из-за того, что прогрессистская партия ограничила свою мнимую борьбу за свободу и народное право этой уродливой конституцией, возникла ссора между нею и Лассалем. В своей речи пред судом по государственным преступлениям Лассаль не переставал затем подчеркивать, «что он—подгоняющая сила, а люди у кормила правления—подгоняемые». Он без всяких стеснений говорил об их «бездарности», если бы они не сделали того, чего он требует. Подобно тому, как он при другом случае отклонил просьбу Бухера о более осторожном способе выражения, так он теперь холодно ответил: «это неудобно», когда Бухер просил его удалиться во время совещания суда, чтобы иметь возможность бежать, если он все-таки будет приговорен к 3-летнему заключению в каторжной тюрьме, которого требовал старший прокурор.

Третий большой процесс возник из-за речи Лассалья во время «смотра»; отпечатанная речь была конфискована в Дюссельдорфе. Процесс был особенно замечателен тем, что происходил пред судебным учреждением либеральной Рейнской провинции, и прокурор черпал свои тирады из прогрессистской печати. В прочих отношениях судебное разбирательство не отличалось от лассалевских процессов в Ост-Эльбии ни по несправедливости обвинения и приговора, ни по тяжести наказания, предложенного прокурором и назначенного судом. Для Лассалья оно повлекло за собою еще большие, может быть, неприятности, чем какой-либо из прежних его процессов. Заочное разбирательство в первой инстанции кончилось присуждением Лассалья к году тюрьмы; защищаясь лично в апелляционной инстанции.

он добился понижения наказания наполовину, но и тут не обошлось без обычного эпилога: нового обвинения на основании защитительной речи. По отношению к Лассалю они действительно были сплошной «реакционной массой», — как либеральная, так и консервативная юстиция.

Смерть Лассалья кассировала затем всю эту жалкую гору актов. Но когда его смертная часть ушла уже от классовой юстиции, последняя продолжала еще неумолимо преследовать то, что было в нем бессмертного. Так, берлинский городской суд решением от 15 февраля 1865 г. постановил предать уничтожению речь о «Науке и работниках» на основании параграфа о возбуждении взаимной ненависти и презрения между различными классами населения. Юстиция и полиция продолжали еще искать пиками и пестами дух Лассалья, когда на нем и на них уже сбылось слово поэта:

Dann wird er mitten durch die Schergen
Wie ein erhabnes Wesen gehn.

(«Тогда он будет шествовать среди полицейских сыщиков, как существо высшего порядка»).

4. «Бастия - Шульце».

Среди таких трудных обстоятельств Лассаль нашел силы и время написать свое полемическое сочинение против Шульце-Делича, — теоретическое произведение, в котором он сказал свое последнее слово, как рабочий агитатор.

Поскольку эта работа, появившаяся в январе 1864 г., полемизирует против Шульце, к ней применимо то же замечание, что к памфлету против Юлиана Шмидта: она нередко слишком нападает на личность Шульце, видя в ней воплощение известного гнилого начала. Правда, сам Шульце с большим самодовольством принял на себя роль «короля в социальном царстве», которую ему дали, и готов был прикрывать своим именем всякую капиталистическую мерзость; затем, каждой полемической крайности, которую Лассаль дозволил себе в это время, может вообще служить извинением, что по сравнению с грехами противников она была детской забавой. Но в своих собственных интересах и в интересах защищаемого им дела Лассаль поступил бы лучше, если бы одну половину своих личных нападков на Шульце он вычеркнул, а в другой половине взял вместо страстного тона снисходительно-презрительный. От этого еще выиграли бы те отделы его памфлета, — а они преобладают, — где еще раз развертывается вся победоносная сила лассалевской диалектики, подчас увлекательнее, чем когда-либо раньше.

Эти отделы—в своем роде истинные образцы положительной критики. Добыты правильные точки зрения для познания капиталистического общества из «Рабочего катехизиса» Шульце, снова пережевывавшего расплывчатую болтовню Бастиа, представлялось почти невозможной задачей, но почти невозможное Лассаль сумел сделать возможным, и надежда, высказанная им в предисловии, была, пожалуй, основательна: заставив Лассалья изложить важнейшие основные положения научной политической экономии в убедительной и живой полемической форме, судьба отнеслась к нему милостивее, чем если бы она позволила ему развить их шаг за шагом в систематическом сочинении. Лассаль слишком был юристом и философом, чтобы дать исчерпывающее решение этой задачи; рядом с появившимся через несколько лет экономическим трудом Маркса его экономическое произведение имело бы вид деревянного военного судна, поставленного рядом с броненосцем; между тем «*Бастиа-Шульце*» предшествовал этому броненосцу, как проворная миноноска, и успел произвести страшное опустошение среди старых, полусгнивших сундуков неприятельского флота.

В «*Бастиа-Шульце*» Лассалем были разорваны все завесы, которые набрасывались на сущность капиталистического общества как манчестерским направлением, так и—на иной лад—исторической школой: узкое представление, будто порядки капиталистического общества являются вечным, естественным состоянием человечества; обманчивое изображение самопомощи, благодаря которой индивидуум, принужденный полагаться только на себя, становится якобы кузнецом собственного счастья; систематическая фальсификация экономических категорий к вящей славе буржуазии; утверждение, что капиталы могли возникнуть только путем сбережения, что предпринимательская прибыль есть вознаграждение за умственный труд или моральное воздержание, и десяток тому подобных тенденциозных сказок, подносившихся тогда публике во всех градах и весях, как чистейшие плоды науки. Из критического анализа их Лассаль вывел действительную истину: он показал, что капиталистический способ производства есть историческая категория, что это не более, как определенный период истории, возникновение и прекращение которого он сумел изобразить с одинаковой ясностью. Лассаль изложил исторический процесс, при посредстве которого капитал обменялся ролями с рабочим и низвел живого рабочего до степени мертвого орудия труда, а себя самого, мертвое орудие труда, развил в живой орган воспроизведения. Он показал затем, что существует лишь один способ разрешить вопиющие проти-

воречия капиталистического общества, и к нему неизбежно толкают сами эти противоречия. Крупное производство всего общества должно снова низвести капитал до положения служебного орудия труда и вместе с тем открыть новые источники общественного богатства. Именно буржуазная собственность есть анархический социализм, случайное распределение собственности в силу объективных общественных процессов, непонимание общественных связей, которые мстят за это непонимание, как грубые стихийные силы, и обращают капиталистический способ производства в азартную игру, при чем спина рабочего класса является зеленым столом, на котором спекуляторы и предприниматели разыгрывают свои шансы барышей и убытков. Уничтожение индивидуальной ответственности за себя в экономической области есть характерная особенность капиталистического строя, и именно социализм хочет восстановить свободу и вменяемость человека, отведя надлежащее место началам коллективности и солидарности в человеческом обществе.

В отдельных частностях *«Бастия-Шульце»* содержит кое-что спорное или несостоятельное с точки зрения теперешнего научного познания, но взятый в целом он во время своего появления в свет был исторически и теоретически работой, которой никто из современников—за исключением одного только Маркса и Энгельса—не мог бы выполнить лучше или так же хорошо. Нет ничего более неосновательного, как попытка Рошера, с его аккуратно-скучными грудами расплывчатых понятий и безотрадно-сухих заметок, взглянуть сверху вниз на «фельетониста» Лассалья. *«Бастия-Шульце»* трижды побил всю буржуазную ученость, и она отомстила за это достойным ее способом, стараясь в течение 30 лет доказать, что история политической экономии не видела еще столь замечательного и многостороннего плагиатора, каким был Лассаль.

К сожалению, начали эту историю ближайшие друзья Лассалья. Циглер утверждал, что Лассаль заимствовал всю свою теорию у фурьериста Тусснеля, а Бухер скрыл (по мнению других—даже уничтожил) агитационный план, найденный в посмертных бумагах Лассалья, ввиду того, что Родбертусу план этот показался списанным у Прудона. Что Лассаль подражал самому Родбертусу, об этом трубили миру с самых различных сторон. Затем некоторые говорили, что Лассаль—чистейший Бюше, другие—что он чистейший Базар, наконец, полсотни других еще—что он чистый Луи-Блан. Что сверх того Лассаль обобрал еще Маркса, это одна из истин, образующих ходячую мудрость разных подающих надежды приват-доцентов. Более отважные умы среди них соображают, что было бы вполне свое-

временно прибавить к старой песне новый вариант: они рассказывают поэтому, что Лассаль обобрал одну статью Маркса,—статью, которая фактически была опубликована Марксом лишь спустя несколько месяцев после смерти Лассалья. Этим гениальным приемом,—что Лассаль умел обкрадывать не только сочинения других социалистов, появившиеся до его смерти, но и те, которые появились после его смерти или еще только появятся в будущем,—этим приемом честолюбию буржуазных исследователей открывается необозримое поле для остроумных открытий.

Метод этих исследователей столь же прелестен, как его результат. Так как социализм со времени Сен-Симона и даже Томаса Мора вырос из зол капиталистического способа производства и хочет устранить их, то общность происхождения и цели придает, понятно, всем социалистам новейшего времени известную общность в направлении мысли. В пределах этой общности существо, деятельность и стремления отдельного социалиста определяются его природными дарованиями, его образованием и воспитанием, степенью развития капиталистического общества и классовой борьбы в данный момент, высоту достигнутого уже социалистического познания,—коротко говоря, всей исторической средой, в которой он мыслит, действует и говорит. Все это нужно исследовать, если хотят определить, какое место должно быть отведено в истории социализма тому или иному социалисту. Судить о нем по общим чертам, свойственным всему современному социализму, столь же умно, как если бы какой-нибудь естествоиспытатель хотел утверждать, что лев и овца или мышь и кит—одни и те же животные, так как им общи свойства млекопитающих. Впрочем, надо признать, что этот бессмысленный метод исторической критики имеет свое веское основание. Чем осязательнее и сильнее отдельный социалист прижимал к стене определенный общественный строй, тем больше апологеты этого общества усиливаются изобразить его бесплотным призраком, собравшим из всевозможных закуулков всякого рода общие фразы. Оригинальность теоретически-научных сочинений Лассалья, не проникших в массы, не оспаривал еще ни один немецкий профессор или приват-доцент; наоборот, чем больше великое теоретическое произведение Маркса становится общим достоянием масс, тем чаще появляются университетские работы, посвященные утешительному доказательству того, что и Маркс был таким же жалким плагиатором, как Лассаль.

Сам Лассаль никогда не выдавал себя за теоретика социализма, прокладывающего новые пути в науке; даже как социалистический агитатор он не утверждал, что вно-

сит в массы новые идеи. Напротив! Он не устает повторять, что хочет дать рабочим только «безусловно установленное и легко доказуемое», что он не говорит им ничего такого, что давно не было бы установлено в науке, что давно не стало бы общим местом для людей науки. Если Лассаль любил при этом сослаться на буржуазные авторитеты, то не из желания скрыть таким путем какую-нибудь кражу у предшествовавших ему социалистов, а по мотиву, который он совершенно откровенно высказывал сам: потому, что такими авторитетами он тем сильнее мог побить своих буржуазных противников. Исторический центр тяжести его агитации лежит не в том, были ли отдельные его требования и идеи высказаны уже раньше другими писателями в более или менее сходной форме, а в том, правильно ли он определил исторический момент для организации политической классовой борьбы германского пролетариата, и сумел ли он правильно организовать эту борьбу. Только с этой оговоркой может вообще идти речь о том, всегда ли Лассаль воздавал должное в своих агитационных сочинениях тем представителям социалистической теории и практики, у которых он делал заимствования.

Фактически Лассаль ничем не обязан утопизму, мелкобуржуазному социализму он обязан немногим, зато тем больше—современному научному коммунизму. Был ли он обязан указывать каждый раз источник отдельных мыслей или даже оборотов речи, которыми он примыкал к французской социал-демократии до-мартовского времени,—это вопрос, который можно было бы решить, только рассматривая каждый конкретный случай отдельно. Чтобы добросовестно разрешить его, пришлось бы затратить больше труда и сил, нежели он в конце концов стоит. По существу дела германская социал-демократия, основанная Лассалем, коренным образом отличалась от французской социал-демократии Луи-Блана и товарищей; таким образом Лассаль, вынужденный остерегаться на каждом шагу, чтобы не подать вероломным противникам нового повода к передержкам, имел достаточное основание не сослаться на французский социализм. К тому же, он мог бы сделать это только весьма формальным образом и с большими оговорками, тогда как не делать этого было в худшем случае скорее невежливостью, чем несправедливостью.

Совершенно в ином виде представляется отношение Лассаля к современному научному коммунизму. Его агитация и, в особенности, «*Вастиа-Шульце*» были немислимы без предварительной умственной работы Маркса. В своем главном экономическом труде Лассаль цитирует раз книгу Маркса «*Zur Kritik der politischen Oekonomie*», вышедшую в 1859 г.,

и не только цитирует ее, но осыпает живейшими похвалами, называя ее «в высшей степени значительной», «мастерской», «превосходной», «открывающей эпоху», «отличной». В сравнении с этими похвалами—не преувеличенными, но слишком обильными—производит впечатление суровой недружелюбности замечание Маркса в предисловии к первому тому «*Капитала*», что Лассаль внес «значительные недоразумения в передачу рассуждений о величине ценности и субстанции ценности, содержащихся в «*Zur Kritik*». Еще недружелюбнее звучит прибавка, которую Маркс делает «en passant»: «Если Ф. Лассаль почти дословно, вплоть до созданной мною терминологии, заимствовал из моих сочинений, притом без указания источника, все общие теоретические положения своих экономических работ, напр., об историческом характере капитала, о связи между производственными отношениями и способом производства и т. д., и т. д., то этот образ действия был, конечно, обусловлен соображениями пропаганды. Я не говорю, понятно, об его детальных разъяснениях и практических приложениях, до которых мне нет никакого дела». Один буржуазный биограф Лассалья говорит, очевидно имея в виду это место, что Маркс лично чувствовал себя настолько чуждым Лассалю, насколько тяжеловесный и злобный ум бывает чужд быстрому и красноречиному уму. Но эта вылазка против Маркса совершенно неосновательна; достаточно предоставить фактам говорить самим за себя, чтобы найти объяснение, которое воздаст должное каждому из этих двух лиц, не будучи несправедливым по отношению к одному из них или к обоим.

Как далек был Лассаль от того, чтобы тайно украшать себя перьями Маркса, это явствует уже из высокого значения, которое он всегда придавал совместной работе с Марксом,—об этом свидетельствует стремление, которое он обнаруживал вплоть до лета 1862 г., начать рабочую агитацию в Германии вместе с Марксом. Но если Марксу «не было никакого дела» до «детальных разъяснений и практических приложений» Лассалья, другими словами—если он отвергал ту частную форму, которую Лассаль счел необходимым придать немецкому рабочему движению, то Лассаль, очевидно, находился в безвыходном положении. Он не мог отречься от своего научного убеждения в том, чему он научился у Маркса, и, с другой стороны, не мог также сослаться на Маркса, не вызывая публичного спора по тем пунктам, относительно которых они не были согласны друг с другом. В этой мере, но только в этой мере, образ действий Лассалья определялся, несомненно, «соображениями пропаганды»; похоже на то, что единственный раз, когда Лассаль счел себя в праве сослаться на вполне согласного

с ним Маркса, он хотел обилием похвал заглазить вынужденные опущения в других местах. К этим «соображениям пропаганды» Маркс относился с полным уважением, не только пока Лассаль был в живых, но и после его смерти,—обстоятельство, имеющее тем большее значение, что в единственном месте, где Лассаль ссылается на Маркса, он неверно передает воззрения последнего. Маркс выяснил дело только впоследствии, когда в первой главе «*Капитала*» еще раз резюмировал и изложил в возможно популярной форме свои прежние рассуждения относительно товара и денег, именно ввиду «значительных недоразумений», внесенных Лассалем.

Эти недоразумения имели своим конечным источником глубокое различие, существовавшее между Лассалем и Марксом, различие между юридическо-философским и экономическо-материалистическим воззрением. Лассаль подверг в «*Бастия-Шульце*» уничтожающей критике категорию «услуги», которую Бастия и другие софисты прибыли на капитал подменили теорию ценности английской политической экономии. Он снова восстановил эту теорию в ее чистоте, в смысле Рикардо, согласно которому все ценности разрешаются в известные количества труда, а эти последние—в рабочее время. Затем Лассаль, следуя Марксу, развил мысль, что в обществе, где отдельный человек производит не потребительные, а меновые ценности, где он работает не для своих потребностей, а для потребностей всех других людей, индивидуальное рабочее время создает и измеряет меновую ценность товара не как таковое, а лишь поскольку оно является общественно-необходимым рабочим временем, получающим свое самостоятельное бытие в деньгах. Однако предположение Лассала, что этими рассуждениями о деньгах и общественно-необходимом рабочем времени он дал «идейную квинт-эссенцию» сказанного Марксом относительно величины и субстанции ценности,—это предположение бесспорно содержало «значительные недоразумения». Из теории ценности, развитой Марксом, он взял лишь то, что подходило к его юридическо-философскому мировоззрению: доказательство того положения, что так как ценность создается общественным рабочим временем, то для обеспечения рабочему полного продукта его труда необходимо коллективное производство всего общества. Между тем для Маркса развитая им теория ценности была разрешением всех загадок, заключенных в капиталистическом способе производства, нить, при помощи которой можно проследить образование ценности и прибавочной ценности, как всемирно-исторический процесс, долженствующий превратить капиталистическое общество в социалистическое. Лассаль упустил таким образом из виду различие между трудом,

создающим потребительные ценности, и трудом, создающим ценности меновые, другими словами—двойственную природу заключенного в товарах труда, составляющую центральный пункт, вокруг которого вертится понимание политической экономии, как Маркс потом еще раз подробно показал в первом томе «*Капитала*». До известного пункта Лассаль шел вместе с Марксом по новому пути, проложенному последним, чтобы затем снова закрыть этот путь своим морально-юридическим воззрением на теорию ценности; вполне понятно, что Марксу пришлось устранить это препятствие, когда он взялся за продолжение своей работы 1859 г.

Сострадательные души, сетующие теперь по поводу несправедливости, которую Лассаль испытал со стороны Маркса, несомненно не понимают Маркса, но еще гораздо менее они понимают Лассаля. Он был слишком искренним и серьезным апостолом науки, чтобы не приветствовать разъяснения важной ошибки, хотя бы оно последовало за его счет. Он увидел бы для себя избавление от неприятного стеснения в том, что Маркс потребовал обратно свою духовную собственность. Особенно же спокойно он мог бы отнестись к тому, что Марксу «не было никакого дела до его подробных разъяснений и практических приложений». Эти приложения были оружием, которое Лассаль дал в руки немецкому пролетариату, и пробуждение германского рабочего движения от 15-летней дремоты именно и составляет, как заметил по другому случаю Маркс, бессмертную заслугу Лассаля.

5. Лассаль и рабочие.

Колоссальная работа, которую Лассалю пришлось проделывать зимою 1863—1864 г., вызывалась, главным образом, заботой о Всеобщем Германском Рабочем Союзе. Если бы Союз развился в крупную политическую силу, то главная цель была бы достигнута, и все другие удачи и неудачи можно было считать второстепенным делом. Наоборот, если бы это не удалось Союзу, то Лассаль считал главную ставку, на которую он затратил почти сверхчеловеческую энергию, потерянной. Между тем в смысле Лассаля надежды, с которыми он начал свою агитацию, не сбылись.

Правда, сам по себе Союз порядочно вырос. Тысяча членов, которую он насчитывал осенью 1863 г., почти упятилась в течение одного года. Но при подобном росте Союз все-таки оставался лишь в тех игрушечных границах, которые внушали ужас Лассалю; к тому же рост Союза совершался с такой изнуряющей затратой сил и так мучительно, что в мрачные минуты Лассаль становился «полон, пре-

исполнен отвращения». Вещи выглядели в действительности совершенно иначе, чем Лассаль рисовал себе их на бумаге: создать в один день, как по мановению волшебного жезла, стройную рабочую армию оказалось невозможным.

Если неправда, что агитация Лассалья имела своим источником личное честолюбие, то было бы по меньшей мере преувеличением говорить, что он интересовался освободительной борьбой пролетариата только с историческо-научной стороны. Существуют достаточно убедительные доказательства того факта, что его влекла к рабочему классу глубокая симпатия, что он умел чувствовать заодно с ним. Но что в существенных чертах осталось чуждым Лассалю, это—внутренняя жизнь рабочего класса, как массы, трудная борьба с нищетой, нуждой и повседневными мелочами, путем которой рабочему классу приходится выгнаться на твердую почву своего современного классового сознания, неразлучные с этим неудачные опыты и тягостные отступления. Никогда и нигде современная пролетарская революция не может родиться, как Паллада-Афина, из головы смелого мыслителя, а между тем Лассаль не обладал надлежащим сочувственным пониманием «ее половинчатых, жалких и слабых первых попыток», по крайней мере, не обладал таким глубоким их пониманием, как Маркс и Энгельс.

Германский пролетариат начал пробуждаться, и вместе с ним стал пробуждаться тот дух добровольной дисциплины и солидарности, который должен воодушевлять его освободительную борьбу. Пламенному красноречию Лассалья удалось бурным натиском увлечь за собой этот дух, но вслад за быстрым приливом наступил столь же быстрый отлив. Из тысячи рабочих, которые, затаив дыхание, слушали Лассалья, в члены Всеобщего Германского Рабочего Союза записались максимум сотни, и из этих сотен вряд ли десятки исполнения обязанности, взятые на себя фактом вступления в Союз. Для Лассалья в этом обстоятельстве заключалось самое горькое разочарование, тогда как в действительности это был совершенно неизбежный и по своим последствиям благотворный процесс. Современный рабочий класс должен сам ковать свою судьбу, чтобы навсегда удержать ее в крепких руках; промежуток между его первым могучим пробуждением и постоянной организацией его в боевые кадры должен быть пройден шагом, его нельзя перелететь.

Таким образом вышло, что сам Лассаль слишком низко оценил действие своей агитации. Разбросанные им искры упали на сырые еще дрова, и он был крайне неправ, считая их потухшими только потому, что они не вспыхнули сразу ярким пламенем. Действие того, что было пущено им в массы, простиралось дальше ближайшего часа, дня или

года. Главное дело все-таки удалось Лассалю: он создал прочное ядро для могучей рабочей армии. Такого отборного войска, как Всеобщий Германский Рабочий Союз, нельзя было уже опрокинуть, и оно не было опрокинуто даже в худшие минуты бури. Почти в то самое время, всего несколькими месяцами позже, как Лассаль жаловался «на глубокое, жгучее разочарование, на гложущую внутреннюю досаду», которую внушает ему равнодушие и апатия рабочей массы; как он проклинал *métier de dure*, заставляющее его до смерти злиться, тем более, что он не может открыто высказать этой досады, а принужден задушить ее в себе и часто еще утверждать противоположное, — в это самое время такй умный и объективный наблюдатель, как Фридрих-Альберт Ланге, писал, что Всеобщий Германский Рабочий Союз является «чрезвычайно успешным питомником руководящих умов в рабочем классе». Кто действительно возвращается среди рабочих, — прибавлял Ланге, — тот легко может убедиться, что влияние Союза простирается гораздо дальше его членских списков; приверженцев Шульце среди рейнских рабочих вообще нет больше в сколько-нибудь заметном количестве.

Правда, среди этих рабочих Союз был представлен сильнее, чем в каком бы то ни было другом месте. Из 4.610 членов, насчитывавшихся осенью 1864 г., больше половины приходилось на Рейнскую область, а из этой половины опять-таки больше половины — на Эльберфельд-Бармен и сельские форпосты текстильной промышленности, которая искони сосредоточивалась в долине р. Вуппер и беспрерывно революционировалась успехами техники и конъюнктурами всемирного рынка; особенно много членов Союза было в Ронсдорфе и Вермельскирхене. Гуго Гильман, уполномоченный для Эльберфельда, неутомимо объезжал весь край; это был прирожденный агитатор и в политическом отношении всего менее ненадежный соратник, каким его неосновательно считали одно время в Лондоне, где он жил в качестве политического эмигранта. Но при своих расстроенных имущественных делах Гильман был лично не особенно разборчив в средствах и потому вызывал против себя большие нарекания. Когда кассир Союза жаловался Лассалю на Гильмана, тот ответил, что относительно Гильмана он поставлен в такое же положение, в какое Наполеон был поставлен относительно Даву: будь у него два таких человека, ему пришлось бы одного из них расстрелять, но так как у него только один, то он не может обойтись без него.

Кроме Эльберфельда-Бармена средоточием рейнского движения был Золинген, насчитывавший 500 членов. Здесь Лассаль приобрел ревностных приверженцев в лице Карла

Клингса и Эдуарда Вильмса. Золингенский образовательный рабочий фереин целиком перешел во Всеобщий Германский Рабочий Союз, а золингенское потребительное Общество публично заявило, что в продолжение своего 1½-годового существования оно всегда было далеко от «прямо-таки смехотворного и хвастливого взгляда», что классовое положение рабочих может быть поднято потребительными обществами: цель Общества всегда заключалась лишь в ограждении своих членов от ростовщичества мелочной лавки и все более распространяющейся фальсификации всех предметов необходимости. Золингенские точильщики, производители ножниц и оружейники так тяжело чувствовали на себе руку капитала в продолжение десятилетий, что легко и быстро уразумели пролетарскую классовую борьбу. В Ремшейде, Гагене, Изерлоне, так же как в Крефельде, на левом берегу Рейна, пропаганда сильно затруднялась еще ремесленными представлениями. Зато в Дуисбурге, с его значительным фабричным населением, и в Дюссельдорфе, где известное действие оказывали воспоминания о жизни Лассалья на Рейне, дело подвигалось бойко вперед; в каждом из этих двух городов числилось около 250 членов. Медленнее развивался Кельн, где рейнская буржуазия производила сильнейшее давление в противоположном смысле. Моисей Гесс вернулся в декабре 1863 г. в Париж, а его преемник по должности уполномоченного не сумел уравновесить личным искусством неблагоприятные условия почвы.

После рейнских областей главной твердыней Союза был Гамбург и соседний с ним Гарбург. Оба города насчитывали около 700 членов. В классическом средоточии германской крупной торговли для пролетарской классовой борьбы существовали такие же благоприятные условия, как в классическом центре германской крупной промышленности. Начало гамбургского образовательного рабочего фереина относилось еще к 1848 г., и под пеплом реакционных годов он продолжал питать тлеющие революционные искры; рядом с ним возникли в 50 г.г. в Гамбурге оба самых крупных потребительных общества Германии. Когда затем в образовательный фереин перебралось течение «Национального союза», то в среде его тотчас же поднялась энергичная оппозиция. Вождем ее был Юрген Людерс, заведывавший хозяйственной частью в образовательном фереине, а главным ее оратором — Август Перль, по своей первоначальной профессии писмоводитель у адвоката, получивший в одном из упомянутых выше потребительных обществ место бухгалтера. За свою оппозицию он был исключен из образовательного фереина, а Юрген Людерс уволен от должности заведующего хозяйственной частью, после чего он открыл небольшой трактир,

в котором собирались Перль и его приверженцы. К ним присоединился в ноябре 1862 г. молодой Яков Аудорф, который провел в качестве слесаря 5 тяжелых лет ученичества у тисков и в кузнице, а затем многое пережил и многому научился во время 5-летнего странствования в Германии, Швейцарии, Париже и Лондоне. Истинный пролетарий, он стоял ближе к массам, чем Перль, — человек, не лишенный дарований, который впоследствии вышел даже в доктора и адвокаты, но вместе с тем был потерян для рабочего движения. В Гарбурге уполномоченным Союза был Теодор Йорк, смелый, задорный пролетарий, мало обращавший внимание на упреки в несговорчивости, если дело шло об ограждении самостоятельности рабочего движения. Из Гамбурга перенес движение в Бремен молодой столярный подмастерье Густав Деквиц, но он дал себя запугать бременскому сенату, истолковавшему факт отсутствия в Бремене закона о союзах в том смысле, что в Бремене не должен быть терпим никакой политический союз. Деквиц ограничился поэтому негласной агитацией, давшей Союзу только несколько десятков членов.

Королевство Саксония не было представлено в Союзе соответственно своему промышленному значению. Оно дало приблизительно столько же членов, сколько Гамбург и Гарбург вместе взятые, при чем половина приходилась на Лейпциг с его промышленными предместьями Конневицем, Штёттерицем и Тонбергом. До своего переселения в Берлин, последовавшего осенью 1863 г., Вальтейх распространил свою агитацию на Гроссенгайн, Гроссбургк, Нейгерсдорф, Росвайн, с довольно значительным успехом, который, однако, быстро упал. В одном сообщении из Нейгерсдорфа говорится по этому поводу следующее: «Члены Союза из-за преследований не отваживаются публично заявлять о своей приверженности к Лассалу. Ткач давно уже не зарабатывает больше 3 зильбергрошенов 6 пфеннигов в день. Этим объясняется также одобрительный прием, оказанный Вальтейху. Все рабочие думали, что готовится решительный удар с целью улучшить положение рабочих». Трудно с большею яркостью, чем в этих бесхитростных словах рабочего, изобразить отвратительные плоды капиталистически эксплуатируемой кустарной промышленности; мы видим здесь голодную заработную плату в самом ужасающем смысле этого слова, под влиянием которой душевная жизнь эксплуатируемого пролетариата мечется постоянно между рабским страхом и дикой жаждой мщения.

Среди более развитых рабочих слоев королевства Саксонии все еще пользовался большим влиянием буржуазный радикализм, не приведший здесь к такому банкротству,

как на Рейне; густая сеть образовательных рабочих ферейнов, покрывавшая Саксонию влево от Эльбы, не могла быть разорвана одним ударом. В Дрездене число членов Союза едва достигало дюжины, и среди них медник Фёрстерлинг выдавался не столько талантом, сколько усердием. В Лейпциге Союзу остался верным Вутке, читавший членам лекции о французском социализме. Передают, что он не пользовался большим успехом,—обстоятельство, объясняющееся, вероятно, тем, что его дар изложения не стоял на одинаковой высоте с его ученостью. Уполномоченным для Лейпцига был Даммер, молодой ученый, которому пришлось вести тяжелую борьбу за существование, так как он получал всего 300 талеров годового дохода, при быстро увеличивавшейся семье; агитация сосредоточивалась, поэтому, главным образом в крепких руках Фрицше, принадлежавшего к старой гвардии дрезденских майнских борцов.

В ткацких округах Силезии дела пошли лучше, чем в Саксонии, но только после смерти Лассалья. Самому же Лассалю доставил много радости без надлежащего основания и много хлопот без надлежащих результатов небольшой кружок приверженцев, который он приобрел в чешском местечке Аше. Кружок состоял приблизительно из сотни вязальщиков и ткачей, хороших и честных людей, которые были выброшены машиной на мостовую и видели пред глазами «голодную смерть, как исход этой комедии жизни». Но «потомками старых гусситов», как называл их Лассаль, они были скорее по своему благочестивому, нежели по революционному образу мыслей. «С Библией должен сообразоваться и высший и низший; именно в этом состоит тенденция президента г. Лассалья и его светло-мыслящих приверженцев»,—писал чулочник Мартин, которого Лассаль назначил уполномоченным для Аша. Эта полная неясность мысли достаточно свидетельствовала о том, что в Аше Лассаль имел дело с диким ростком, а не с настоящим корнем агитации; понятно, что усилия Лассалья защитить тамошних своих сторонников от притеснений властей и фабрикантов, не становились оттого менее похвальными.

В южной Германии агитация нашла мало благоприятную для себя почву, что обуславливалось, быть может, отчасти прусским ее происхождением, отчасти все еще сильным преобладанием южно-германской мелкой буржуазии. Во Франкфурте-на-Майне оказалось невозможным уговорить Геймана и Теодора Мюллера, чтобы они принимали должность в Союзе, хотя их симпатии и оставались на стороне рабочего дела. Франкфуртский образовательный рабочий ферейн также продолжал существовать, так как Мюллер прежде всего хотел содействовать образовательным стремлениям рабо-

чих, и Лассаль ввиду услуг, оказанных ему Мюллером, уважал эту волю; попытка вытеснить Зоннемана из ферейна за его происки на цюрихском рабочем съезде разбилась о большинство в 2 голоса. Всеобщий Германский Рабочий Союз начал свою деятельность во Франкфурте с небольшой цифры в 67 членов, которая медленно, но неуклонно росла. Наполовину это были портные, затем другие ремесленники, как медник Фриц Эльнер и портфельщик Велькер; среди членов было также несколько журналистов, как Бернгард Беккер и молодой Генрих Обервиндер. Относительно Швейцера Лассалю не удалось все-таки провести во Франкфурте своего желанного, и Швейцер стал при его посредстве членом Союза в Лейпциге. После того, как первоначальный уполномоченный для Франкфурта, торговец сигарами Штраус, оказался ненадежным, его место занял Бернгард Беккер. Гораздо хуже, чем во Франкфурте, обстояло дело в Майнце, где часовщик Шепплер очень скоро вернулся назад в материнские объятия прогрессистской партии. То, что произошло в Майнце, было особенно разительным доказательством быстрой смены прилива и отлива, столь часто отличающей начальные стадии современного рабочего движения. Красноречие Лассалья, казалось, одним ударом привлекло майнцских рабочих на его сторону; затем наступила настолько полная реакция, что в продолжение полутора лет до смерти Лассалья набралось лишь 10—12 новых членов. Однако, когда через город было провезено тело Лассалья, майнцские рабочие устроили ему царскую похоронную манифестацию.

В рейнском Пфальце, в Бадене, в Вюртемберге, классических областях мелкой буржуазии, агитации нигде не удалось пока утвердиться. Напротив, вюртембергские образовательные рабочие ферейны, целый ряд которых существовал в Штутгарте, Эслингене, Ульме, Гейльбронне, Гёппингене, Рейтлингене, Гмюнде, Канштате и других городах, объединились в июне 1863 г. в федерацию для всего Вюртемберга и устроили годом позже свое первое областное собрание в Гёппингене. В правлениях этих ферейнов заседали фабриканты, профессора, учителя, аптекари и прочие ученые господа, но в них чрезвычайно редко сидели рабочие. Несколько иначе обстояли дела в Баварии. По преимуществу земледельческая страна и чрезвычайно отсталая в своем промышленном законодательстве, она располагала, однако, в Аугсбурге, Мюнхене и Нюрнберге отдельными центрами производства металлических изделий и текстильной промышленности, насчитывавшими тысячи промышленных рабочих. В особенности привлек целую армию рабочих Аугсбург с его грандиозными прядильными, ткацкими и

ситценабивными фабриками. Аугсбургские рабочие прошли не плохую школу, так как на первых порах текстильные бароны пригласили в основанные ими фабрики иностранных рабочих из Эльзаса и Швейцарии, чтобы обучить местных рабочих; сверх того в Аугсбурге жило некоторое число рабочих, участвовавших в баденско-пфальцском восстании и еще глубоко проникнутых революционными чувствами. Однако и здесь для вовлечения рабочих масс в политическую жизнь всего больше сделала баварская буржуазия. Она начала сознавать свою силу и завязала борьбу с ультрамонтанством, с плавающими под этим флагом юнкерством и духовенством; в особенности она хотела снести барьеры промышленного и таможенного законодательства, затруднявшие ей участие в конкуренции на всемирном рынке. Аугсбургские прядильные короли, ныне протекционисты, были тогда ревностными манчестерцами и обещали эксплуатировать ими рабочим все блаженства рая от тысячелетнего царства свободной торговли. До поры, до времени они могли морочить этим пролетариат, хотя в умах наиболее развитых рабочих шевелилось уже более правильное воззрение на вещи. Когда один аугсбургский рабочий, механик Фридрих Дюрр, примкнувший в Гамбурге к агитации Лассалья, вернулся в свой родной город, то он привлек на ее сторону несколько десятков товарищей. Но дело подвигалось вперед еще очень туго, так как ощущался недостаток в ораторских силах, и анафема, которой буржуазная печать предавала Лассалья, находила еще слишком большую веру среди рабочих.

В итоге деятельность Всеобщего Германского Рабочего Союза распространялась в момент смерти Лассалья приблизительно на 50 германских городов; правда, более чем в одной трети их Союз существовал почти на бумаге только, а в другой трети он насчитывал всего каких-нибудь 100 с лишним членов. Вне Германии объявил о своей готовности примкнуть к Союзу коммунистический образовательный рабочий кружок в Лондоне, но Лассаль отнесся к этому предложению весьма сдержанно, заявив, что нет ничего более трудного и запутанного, как лондонские условия. Вероятно, он хотел избежать возможности какого бы то ни было столкновения с Марксом. В Швейцарии выступил с открытым письмом в пользу Лассалья Иоганн-Филипп Беккер, жаловавшийся, однако, на недостаточный успех, так как рабочие ремесленного производства еще всецело опутаны иллюзиями Шульце и каждый из них смотрит уже на себя как на будущего члена доходного кооперативного товарищества.

Если территориальное распространение Союза оставалось, таким образом, далеко позади ожиданий Лассалья, то о

внутреннем развитии его это можно сказать в не меньшей, если не в большей степени. Лассаль и здесь хотел пожинать, едва успев посеять. Он из себя выходил от нетерпения по поводу нерегулярного доставления отчетов уполномоченными, по поводу неаккуратной уплаты и подчас совершенной приостановки членских взносов, по поводу «трений, мелочных дразг, интриг и распрей на манер прогрессистов», которыми молодая жизнь Союза не была бедна. «Игра в союз» вырывала у него бесчисленные проклятия. До правильного функционирования созданной им организации он так и не дождался, как неутомимо он ни подгонял уполномоченных просьбами, напоминаниями и, в крайних случаях, даже угрозами. Союзная касса была с самого начала обременена крупным и все более увеличивавшимся дефицитом, который ослаблялся, но не устранялся пожертвованиями Лассалья, доходом от его агитационных сочинений, добровольными займами у двух-трех состоятельных членов Союза, ссудами кассира и другими финансовыми операциями. Если со своими отчетами и счетами запаздывали даже Гильман в Эльберфельде, Перль в Гамбурге и Даммер в Лейпциге, то чего можно было ожидать от тех уполномоченных, которые имели за собою сравнительно немного членов, которым приходилось заниматься агитацией после тяжелого трудового дня, так как они были простыми рабочими, и которые должны были затем еще считать или писать, хотя и непривычные к обращению с пером?

Чтобы повысить внутреннюю жизнеспособность Союза, Лассаль прибегнул к некоторым средствам, имевшим целью предоставление большей самостоятельности членам. Прежде всего он ввел в Эльберфельде, Бармене и Ронсдорфе особые кассовые управления, избираемые местными членами. Управление должно было состоять из двух кассиров и двух контролеров; рядом с ними на двух цензоров возлагалась задача побуждать членов-недоимщиков к уплате своих взносов. Однако за уполномоченным было сохранено исключительное право делать распоряжения насчет местных расходов, с тем ограничением, что без особого разрешения президента они никогда не должны были превысить в течение одного месяца половину месячных поступлений. Несколько позже Лассаль издал для каждого из трех названных выше городов и, сверх того, для Дюссельдорфа, Золингена и Вермельскирхена распоряжение, чтобы местные члены выбирали трех кандидатов на пост уполномоченного, из которых президент должен был сделать окончательный выбор. Обе меры, распространение которых на весь Союз было предусмотрено с самого начала, являлись уступками демократическому принципу. Однако большого улучшения они,

повидимому, не принесли, так как беда заключалась не столько в том, что недостатки организации давали себя уже чувствовать, сколько в том, что она вообще еще не утвердилась.

Во всех этих болезнях детского возраста Союз показал все-таки, что он очень здоровое дитя. В пользу такого вывода говорили уже многочисленные доказательства преданности и быстрого понимания, которые Лассаль получал от членов. Они не переставали успокаивать его нетерпение и, собственно говоря, должны были наполнить его чувством большого удовлетворения. Ведь все это была избранная часть германского пролетариата, и она в силу добровольной дисциплины признавала его своим вождем. Вместе с тем уже рано обнаружилось, что Союз не был все-таки сектой, рабски следовавшей за учителем, а быстро развивающейся партией, которая очень скоро начала нетерпеливо дергать помочи диктаторского руководства. Ничем, правда, не удостоверен рассказ, будто Лассаль натолкнулся на решительное сопротивление своих берлинских приверженцев, когда он хотел взять с них обещание, что в случае борьбы между королевской властью «Божией милостью» и либеральной буржуазией они выступят за королевскую власть и против буржуазии. Это приглашение, известие о котором дошло до нас из третьих рук, находится в столь непримиримом противоречии со всеми удостоверенными заявлениями Лассалья, что его следует отнести к области басен. Но в другом случае Лассаль, к сожалению, позволил себе подвергнуть революционный образ мыслей рейнских рабочих весьма несправедливому испытанию. Два золингенских точильщика, по имени Молль, и один эльберфельдский рабочий, по имени Лотц, были приговорены весной 1864 г. к 4-месячному тюремному заключению за то, что они будто бы ранили ножами нескольких прогрессистов, пытавшихся устроить скандал во время речи Лассалья на рабочем «смотре» в Золингене. Лассаль предложил, чтобы осужденные подали королю просьбу о помиловании, которую нужно поддержать большим рабочим адресом. Однако эти мужественные люди решительно отказались поступить так, заявив, что если бы им даже пришлось сидеть 4 года, то они все-таки считают несогласным со своими убеждениями стать обязанными королю; их товарищи согласились с ними. Лассаль вынужден был удовлетвориться категорическим «нет»; он принял отказ честным признанием, что вправе гордиться, стоя во главе таких людей. Вполне излечен он, однако, все еще не был, и получил вторичный отказ от рабочих, когда предложил пустить в ход адрес с жалобой, без просьбы о помиловании.

Гораздо меньше справедливых оснований, чем этот протест золингенских рабочих, имела оппозиция Вальтейха против Лассалья. Вальтейх сложил с себя 1 февр. 1864 г. должность секретаря Союза, так как не мог ужиться с Лассалем; его место занял Эдуард Вильмс из Золингена, прекрасно поладивший с президентом Союза. Вальтейх переехал в Дрезден, где взял на себя обязанности уполномоченного. Предметом его стремлений стали теперь децентрализация Союза и сближение с более решительным крылом буржуазии; при этом он не скупился на замечания относительно призрачного существования Союза, относительно весьма опасной комедии с президентством и тому подобные заявления, несомненно направленные лично против Лассалья. По существу дела Вальтейх бесспорно заблуждался со своими стремлениями; какие результаты получались от сближения рабочих с прогрессистской партией, он испытал ведь на собственной шкуре. Если централизовать Союз не удавалось вследствие того, что рабочие не умели еще принаровиться к политической партийной организации, то децентрализовать его значило просто вынести смертный приговор всей агитации. Лассаль справедливо видел в этом не начало конца, а самый конец, удобный предлог распустить Союз, если его действительно приходится распустить. Раз Вальтейх не верил больше в возможность какого-нибудь успеха, то именно для него, ввиду его прошлого, было бы проще выступить из Союза, чем расшатывать его, и вполне понятно, что оппозиция Вальтейха вызывала все большее чувство горечи в Лассале.

Несмотря на все сказанное, в этой оппозиции заключался весьма важный момент. Против организации, которую Лассаль дал рабочему движению, издавна раздавалось много несправедливых или, по крайней мере, сильно преувеличенных упреков. Когда он, напр., начал в своих циркулярах называть местные кружки членов прямо «общинами» (Gemeinden), то об этом простом и правильном сокращении неуклюжего выражения стали говорить как о религиозном сектантстве; между тем фактически им возрождалось только обозначение, употреблявшееся уже «Союзом коммунистов» для своих местных членских кружков. Нельзя оспаривать, однако, что опасность образования секты была присуща организации Лассалья, и потому оппозиция, уже рано поднявшаяся против Лассалья внутри Союза, была признаком внутренней силы, принимала ли она на первых порах справедливую форму, как в случае с золингенскими рабочими, или несправедливую, как в случае с Вальтейхом. Она никогда не затихала больше вполне и прекратилась лишь вместе с опасностью, против которой была направлена,— опасностью, сопровождающей всякую личную диктатуру.

Лассаль исходил из высокой идеи, когда видел в пролетарской классово́й борьбе соединение авторитета и свободы, когда усматривал в этом прообраз будущего общественного строя. Несомненно также, что его личная диктатура была благотворна и полезна, пока требовалось пробудить в пролетариате сильное классовое сознание и устранить растерянность и неурядицу, внесенную в его ряды прогрессистской партией. Но раз эта цель была достигнута, личная диктатура превращалась из двигателя в помеху движению и подлежала в свою очередь устранению. Исторически поднимающийся класс, сознавший свою революционную волю, соединяет авторитет и свободу в себе самом и не имеет надобности отдавать свою волю, как молот, в руки одиого лица. Истинное оправдание для такой личной диктатуры, какую применял Лассаль, состоит в том, что она должна сделать излишней самоё себя; с этой точки зрения мы в праве видеть свидетельство самостоятельной энергии рабочего движения в том факте, что передовые рабочие, вроде Йорка, Вальтейха и золингенских точильщиков, уже рано начали отстаивать свою волю против диктаторского руководства Лассаля

Еще немало лет должно было пройти, пока личная диктатура сделала излишней самоё себя, и процесс ее разложения приводил не раз к сильным потрясениям. Но в указанном обстоятельстве отразился лишь тот неприятательный ход пролетарской революции, который дает ее противникам желанный повод к дешевым триумфам, пока не оказывается, что он был условием ее неудержимого конечного успеха.

Г Л А В А III.

Конец Лассалья.

8 мая 1864 г. Лассаль отправился в свое летнее путешествие, из которого ему не суждено было больше вернуться. На этот раз ему [не нужно было извиняться в том, что он отряхает берлинский прах с ног своих. Беспрецедентное напряжение сил в течение зимы совершенно расшатало его здоровье. Уже в феврале он писал уполномоченным: «Я смертельно устал, и как ни силен мой организм, но все же он шатается до мозга костей. Возбуждение мое так велико, что я совершенно не сплю по ночам. Я валяюсь на своем ложе до 5 часов и встаю с головною болью и глубоко истощенный. Я заработался, перенапряг свои силы и переутомлен в ужасающей степени». Родбертусу он писал тогда же: «От чрезмерного напряжения сил и крайнего нервного возбуждения я так опустился, что нервы болтаются у меня, словно веревки, вокруг тела». Дни Лассалья были сочтены: болезнь горла, причинявшая ему жестокие страдания уже в предыдущем году во время его агитационных речей, должна была, по мнению его дюссельдорфского врача, свести его скоро в могилу.

Тем не менее он не хотел уступать, пока на горизонте мерцал еще хоть слабый огонек надежды. Он все еще рассчитывал на то, что ему удастся вырвать у правительства всеобщее избирательное право, и эта мысль все больше становилась движущей силой того, что он думал и говорил в последние месяцы своей жизни. Так как он гнался за блуждающим огоньком, то все больше уклонялся от правильного пути, хотя никогда не уходил так далеко, чтобы возвращение не оставалось для него возможным в любой момент. Лассалевские заявления этого времени носят на себе более чем обильные следы душевного и физического переутомления, но никогда Лассаль не терял в них себя самого, и своему делу он не изменил ни единым дыханием. Принцип его всегда оставался одним и тем же, какие своеобразные скачки ни делала подчас его тактика.

Лассаль употребил май месяц на новый смотр своим войскам. Смотр начался в Лейпциге и затем распространился опять, главным образом, на рейнские общины, закончившись празднованием годовщины Союза 22 мая 1864 г. в Ронсдорфе. По имени этого места и называют обыкновенно речь, которую Лассаль произнес, собственно говоря, еще раньше, большей частью, — в сокращенной форме: 9 мая в Лейпциге, 14-го в Золингене, 15-го в Бармене, 18-го в Вермельскирхене. Повсюду Лассаль был принимаем ликующими возгласами рабочих масс, утопая в триумфах, которые могли вознаградить его за бесконечные мучения. Его истомившееся сердце полными глотками вшивало в себя эти солнечные лучи успеха, за которыми должна была скоро последовать вечная ночь. Созерцая беспредельное ликование рейнских масс, он казался себе Фаустом, который стоит удовлетворенный у цели своего земного поприща, и у него постоянно было такое впечатление, что так, вероятно, выглядело все при основании новых религий. Кто станет теперь придирается к этим словам умирающего?

Ронсдорфская речь считается всеми за слабейшую из всех агитационных речей, произнесенных Лассалем. Отчасти слабость ее обусловлена отсутствием цельности в плане, по которому она составлена. Первоначально она должна была явиться «смотром во-внутрь», как прошлогодняя речь была «смотром во-вне»; она должна была пробудить надлежащий дух и рвение среди членов Союза и в заключение обрисовать в краткой, энергичной форме политическое положение. Но затем черновой план речи подвергся довольно существенным изменениям вследствие того, что незадолго до путешествия Лассалья король принял депутацию силезских ткачей, и этот инцидент предстал в глазах Лассалья отличным поводом для применения его новой тактики. Таким образом речь обратилась все-таки в «смотры во-вне», как это явствует уже из ее заглавия: «Агитация Всеобщего Германского Рабочего Союза и обещания прусского короля». Через головы рабочих Лассаль обращался к тем «двум, трем лицам в Берлине», на которых он пытался подействовать уже своей прошлогодней «смотровой» речью.

Но чем сильнее становились козыри его тактики, тем яснее раскрывался также ее основной недостаток. С одной стороны, Лассаль хотел пригвоздить короля к ничего не говорящим фразам, которыми тот отделался от ткачей: «Мы посмотрим, исполнит ли королевская власть это обещание, сдержит ли она слово, данное ею рабочим». Лассаль делал короля свидетелем в пользу социал-демократических принципов, доказывая, что своим обещанием законодатель-

ного регулирования рабочего вопроса Вильгельм обещал уже всеобщее избирательное право, так как народное представительство, полученное путем трехклассных выборов, никогда не ассигнует денег, необходимых для устранения рабочих нужды. Если прибавить сюда, что Лассаль употребил весьма нецеремонный жест относительно экземпляра королевского ответа, который был передан депутации ткачей из официозной типографии, то можно допустить, что тот или иной отсталый рабочий не заметил насмешливого отношения Лассалья к королевской власти, но масса рабочих, без сомнения, правильно разбиралась в этом вопросе. С другой стороны, никто не замечает обыкновенно насмешливого обращения так быстро, как его жертвы; каким же образом Лассаль мог надеяться, что ронсдорфская речь, о пересылке которой Бисмарку он настойчиво напоминал секретарю Союза, проведет этого продувного дипломата!

Точно так же описание своих агитационных успехов, которое Лассаль дал в этой речи, было рассчитано, повидимому, больше на берлинских особ, чем на рейнских рабочих. Оно страдало жестокими преувеличениями. Так как действительно большие результаты его пропаганды существовали, только их нельзя было пока осязать и видеть, то Лассаль искал ее осязательных и видимых плодов там, где их совсем не было или же не было в той мере, как он утверждал. Он дал карикатурное изображение, которое было всего несправедливее к нему самому; насколько ниже великого исторического толчка, действительно данного Лассалем, стояла эта, местами почти романическая легенда! В олобенности Лассалю справедливо ставили всегда в упрек то, что он шеголял против прогрессистских манчестерцев епископом майнцским, «князем церкви», который слышит «на Рейне почти святым», который «в течение многих лет занимался учеными исследованиями» и теперь «считает делом совести» сказать свое слово по рабочему вопросу. Если епископ Кеттелер в незначительной брошюрке признал железный закон заработной платы, чтобы досадить либеральной буржуазии, и доказывал божественное происхождение собственности, чтобы сразить освободительную борьбу пролетариата, то он занимался поповской демагогией, в сравнении с которой какой-нибудь Шульце-Делич мог казаться «почти святым». Именно пред рейнскими рабочими, из которых столь многие жили еще в духовной неволе ультрамонтанства, Лассалю следовало скорее сорвать овечью шкуру с этого волка, чем пускаться в ход против капитализма такой сомнительный авторитет.

Лишь в заключительной части своей ронсдорфской речи Лассаль поднялся до прежней высоты своего красноречия.

Как на последний признак успеха, он указал на преследования, которым он подвергался. Он с торжеством упомянул о процессах, которые уничтожил острием меча, но, как хороший знаток пролетарской классовой борьбы, Лассаль прибавил, что против известной степени озлобления один человек не может устоять, как бы силен он ни был. Смерть уже витала над головой Лассалья, когда он произнес свое «Ехориате»¹⁾, и при кликах энтузиазма слушатели его поклялись поднятием рук, что вместе с личностью Лассалья не погибнет грандиозное и национальное культурное движение, что зажженный им пожар будет распространяться все дальше и дальше, пока жив хотя один из них.

С конца мая до конца июня Лассаль жил в Эмсе, где искал исцеления от своей горловой болезни. Здесь он написал возражение на рецензию по поводу «*Бастии-Шульце*», помещенную Вагенером в «*Крестовой Газете*». Из всех приспешников феодальной партии Вагенер особенно усердно заигрывал со всеобщим избирательным правом; он много распространялся на счет трусливой буржуазии, выбросившей в чулан свои политические блага и вольности, чтобы спасти свой денежный мешок. Сам он, однако, хотел спасти только «политические блага и вольности» «христианского общественного и государственного строя»; уродливая сословная форма, которую он хотел придать всеобщему избирательному праву, сводилась в сущности к феодальному переизданию плутократической системы трех классовых выборов, октроирование которой также прикрашивалось ведь в свое время тем соображением, что она поддерживает, мол, в живых «всеобщее избирательное право».

Вагенер слишком глубоко ненавидел капитализм, чтобы не знать его основательно. Он понимал, что восстановление феодально-цехового общественного строя есть нечто невозможное, и вследствие этого оказался в полном разладе со старым романтиком фон-Герлахом, который некогда посвятил его в тайны феодального социализма, а теперь, когда дело начало загораться не на шутку, готов был уж лучше возиться с Шульце-Деличем, чем с Лассалем. Точно так же Вагенер не обманывался, подобно Бисмарку, насчет «монархического образа мыслей» Лассалья; он очень хорошо видел, что конкретное прусское государство имеет весьма мало общего с абстрактной государственной идеей Лассалья. Но Вагенер не способен был разобраться в таком последовательном развитии идей научного социализма, какое содержал «*Бастия-Шульце*», и его рецензия на эту книгу

—¹⁾ «Ехориате aliquis nostris ex ossibus ultor» (из костей наших да станет мститель!) *Прим. пер.*

исчерпывалась затасканными фразами об основах христианского государства, о поддержании среднего сословия, как единственного правильного сочетания капитала и труда, и т. п. Вагнер сделал даже стыдливый заем у самого ходячего манчестерства, заявив, что дело идет по меньшей мере столько же об увеличении общего национального дохода, сколько об ином его распределении; его аргумент, что не все рабочие—герои добродетели, а капиталисты не все грешники, мог бы с таким же успехом красоваться на столбцах *«Народной Газеты»*, как на столбцах *«Крестовой Газеты»*.

Лассаль поддерживал в Берлине личные сношения с Вагнером и,—как последний, ухмыляясь, рассказывает в своих воспоминаниях (*«Denkwürdigkeiten»*),—сделал ему будто бы комплимент, что три умнейших человека в прусской земле, это—в приводимом порядке—Лассаль, Бисмарк и Вагнер. Если Лассаль действительно позволил себе эту шулку, то он, должно быть, не был чрезмерно высокого мнения об умственных способностях Вагнера, и рецензия Вагнера на *«Бастия-Шулце»* наверно не могла внушить ему более высокое понятие об этом феодальном застрельщике. Тем не менее Лассаль решил ответить Вагнеру подробно; как показывает содержание возражения, он хотел дать им новый толчок к октроированию всеобщего избирательного права. Лассалю не стоило большого труда опровергнуть грубые ошибки Вагнера; он развил мысль, что от самих носителей существующего общественного и государственного строя зависит, получит ли повелительная социально-политическая потребность нашего времени удовлетворение путем реформаторским или революционным. Он энергично протестовал против всяких маленьких опытов с производительными товариществами и обосновал всеобщее избирательное право тем соображением, что трудно найти что-либо более способное к организации, чем народные массы, и что-либо более интеллигентное, чем их здравый смысл. Все это было, конечно, очень верно, только оно должно было смутить тех самых людей, которых Лассаль хотел привлечь на свою сторону: как бы ни обстояло дело насчет «ума» Бисмарка и Вагнера, они были достаточно опытными представителями господствующих классов, чтобы как чумы бояться интеллигентности и организации масс.

В конце июня Лассаль отправился в Дюссельдорф, чтобы лично защищаться пред апелляционной инстанцией по делу, возбужденному против него за прошлогоднюю «смотровую речь». Поскольку его защитительная речь касалась политических тем, она была отзывком ронсдорфской речи. Затем Лассаль прожил недели две во Франкфурте и в Пфальце.

занимаясь в особенности подготовлениями к изданию регулярно выходящей в свет союзной газеты. Часто ставили вопрос, почему он раньше не подумал заполнить этот чувствительный пробел в своем вооружении, тем более, что «*Полярная Звезда*» становилась все хуже и хуже. Простой ответ заключается в том, что Лассалю требовалась до тех пор тройная человеческая сила, чтобы справиться с задачами, еще более настоятельными. Планом союзного органа он занимался уже с зимы; предварительные работы были закончены летом 1864 г. Редактирование газеты должен был взять на себя Швейцер и, рядом с ним, Жан-Батист ф.-Гофштеттен, отставной баварский поручик, располагавший некоторым состоянием, добродушный и милый человек, но не особенно даровитый и немного фантазер, находившийся всецело под умственным влиянием Швейцера. Местом издания был выбран Берлин.

В середине июля Лассаль переехал для лечения сывоткою на Риги-Кальтбад, где его сначала продолжали живо занимать дела Союза. В своем стремлении произвести «давление на события» он обдумывал тогда план побудить осенью гамбургских рабочих, чтобы они приняли резолюцию, приглашающую Бисмарка присоединить Шлезвиг-Гольштинию к Пруссии вопреки воле Австрии. Шлезвиг-голландская война была теперь окончена. После неудачи лондонских конференций прусские войска взяли 29 июня остров Альсен, 10 июля вся Ютландия была в руках австро-прусской армии, а 20 июля датское правительство выразило готовность вступить в мирные переговоры. Лассаль оказался хорошим пророком, так как он предвидел, что Австрия и Пруссия вцепятся в волосы друг другу из-за общей добычи, и усмотрел в подобной распряе то внешнее осложнение, в течение которого Бисмарку придется пустить в ход козырь всеобщего избирательного права. Но этим не оправдывалась, конечно, резолюция, которую он намеревался предложить гамбургским рабочим. Напротив, из всех ложных шагов, к которым Лассаль был увлечен переменой своей тактики, она была бы самым ложным; никакого «давления на события» она не оказала бы, а только скомпрометировала бы рабочее движение в пользу прусской завоевательной политики. Впрочем, еще весьма спорно, была ли резолюция решенным делом для Лассалья, как утверждали потом графиня Гацфельдт и другие. В своих письмах Лассаль упоминает о ней то как о «большом, очень большом, быть может, действительно важном соуп», то как о деле, от которого он сам не ждет многого. В таком виде резолюция представляется скорее плодом чрезмерного раздражения нервов, какое часто находит себе выход в интимных письмах и беседах;

это не значит, однако, что положен уже мост от мысли к делу.

Гораздо больше, чем этим весьма смутным еще планом, Лассаль был занят на Риги-Кальбде своей распрей с Вальтейхом. Взаимное неудовольствие прорвалось наружу по поводу приготовлений к первому общему собранию Союза, которое, согласно уставу, должно было состояться еще до конца 1864 г. Относительно состава общего собрания устав предписывал, что в том месте, где оно происходит, все явившиеся члены вотируют поголовно, другие же места голосуют через выборных делегатов, которые имеют столько голосов, сколько числится членов в представляемых ими местах. О путевых издержках делегатов в уставе ничего не говорилось. Было поэтому вполне целесообразно и несколько не противоречиво уставу, когда Лассаль, по соглашению с Даммером, которого он снова назначил вице-президентом на время своего отсутствия из Германии, попытался «из необходимости сделать добродетель». Они предложили, чтобы те общины, которые не могут или не хотят покрыть путевых издержек для особых делегатов, поручали свое представительство членам, живущим в месте общего собрания или вблизи него. Бесспорно, если бы все последовали этому предложению, значение общего собрания сильно упало бы, но при бедности и численной слабости многих общин не было другой возможности устроить общее собрание и удовлетворить соответственному предписанию устава. Во всяком случае предложение не ограничивало никакого права членов, так как никто не препятствовал каждой общине посылать делегатов из своей среды, если только она могла или хотела покрыть расходы на их поездку.

Против предложения Лассалья и Даммера выступил с протестом Вальтейх, в качестве члена правления. Он утверждал, что общины ограничиваются таким путем в выборе своих делегатов. Вальтейх хотел признать общее собрание «правильно состоявшимся» только в том случае, если путевые расходы будут покрыты либо из кассы Союза, либо посредством добавочного обложения членов Союза. Но независимо от того, что касса Союза была обременена тяжелыми долгами, а добавочный налог, при неаккуратности, с которою члены уплачивали даже свои обыкновенные взносы, был заранее обречен на неудачу, — независимо от этого Вальтейх не мог ссылаться в свою пользу даже на устав, нигде не говоривший о том, что расходы делегатов по поездке на общее собрание должны покрываться из средств Союза. Вальтейх был формально и по существу дела так же неправ со своим предложением, как Лассаль и Даммер были правы со своим. Вдобавок Вальтейх употребил в мотивах, кото-

рыми он сопроводил свое предложение, если не злобный, то все же неприязненный тон, который сам по себе способен был возбудить чувство горечи в Лассале, тем более, что поведение Вальтейха было, очевидно, только новым звеном в его децентрализаторских стремлениях.

Однако лишь тогдашними физическими страданиями и душевным возбуждением Лассала можно объяснить себе тот факт, что в длинном циркулярном письме от 27 июля, обращенном ко всем членам правления, он поставил кабинетный вопрос между собою и Вальтейхом, что он почти открыто угрожал сложить с себя президентские обязанности, если правление не исключит Вальтейха из Сою за. Этот весьма недемократический образ действий получил еще более некрасивый оттенок вследствие некоторых сопутствующих явлений: правление, почти не функционировавшее до тех пор, должно было впервые выступить в своего рода полицейской роли; затем Лассаль одновременно принял в правление Бернгарда Беккера и Швейцера, относительно которых ему было известно, что они разделяют его взгляды; наконец, он поручил секретарю Союза немедленно разослать циркуляр всем прочим членам правления, Вальтейху же послать его лишь после того, как Вильмс съездит в Дрезден и даст надлежащие инструкции Ферстерлингу, чтобы иметь возможность предупредить «интриги» Вальтейха в Дрездене и вообще в саксонских общинах. В довершение несчастья Лассаль этим резким диссонансом закончил свою деятельность для Союза.

Ибо днем раньше на Риги-Кальтбаде появилась Елена ф.-Дённигес, и затем быстрым темпом разыгралась драма, кончившаяся 31 августа смертью Лассала. Самые события не имеют непосредственной связи с историей германской социал-демократии и к тому же так часто рассказывались, что нет надобности передавать их вновь. Краткого освещения они заслуживают лишь постольку, поскольку кое-где обнаруживалось сентиментальное сочувствие к этой госпоже за счет Лассала.

Девица ф.-Дённигес явилась на Риги-Кальтбад по собственному почину, и фарисеи вольны порицать, что Лассаль, больной, запертый в горах в течение многих ненастных дней, измученный трудом и заботами, не уклонился от столь большой и предупредительности. Затем эта госпожа капризно расстроила хитроумно задуманный Лассалем план сватовства, поставив ему в одном женевском отеле дилемму: либо, как глупый юнец, тайно похитить ее, либо проводить ее, как почтенный филистер, назад в родительский дом. Лассаль горько раскаивался потом, что вместо бегства он решил на «комедию великодушия и мещанского приличия»

но этим далеко еще не опровергнуто мнение, что при данных безвыходных обстоятельствах он поступил именно так, как это еще скорее всего подобало его личности и его положению. Фраза, что этим он «смертельно оскорбил беззаветно отдавшееся ему женское сердце», лишь тогда подлежала бы обсуждению, если бы в дальнейшем ходе вещей девица ф.-Дённигес обнаружила чем-нибудь присутствие оскорбленного женского сердца. В действительности ничего подобного не было заметно. Напротив, поведение мнимой жертвы Лассалья в решительной сцене драмы как его рисует единодушное свидетельство Рюстова и адвоката Генле, оправдывало в субъективном отношении оскорбительный эпитет, которым Лассаль назвал эту госпожу, чтобы принудить к дуэли ее отца и сначала оставленного, а теперь снова принятого на службу жениха.

Несомненно, Лассаль тяжко скомпрометировал себя, чтобы добиться своего, чтобы отвратить от себя проклятие смешного поражения, совершенно невыносимое для него, ненавидевшего, как смерть, уже всякое серьезное поражение. Шаги, которые он сделал пред баварским министром иностранных дел и, через графиню Гапфельдт, пред епископом майнцским, сама дуэль, до которой Лассаль унизился, несмотря на то, что он был принципиальным противником дуэли, многие заявления, сделанные им устно и письменно в эти бурные дни, не могут быть оправдываемы. Как бы многочисленны ни были извиняющие Лассалья обстоятельства, — его обязанность защитить оскорбляемую из-за него женщину, пока он имел основания думать, что она жаждет этой защиты, рассчитанное оскорбление его справедливой гордости надменным поведением семьи Дённигес, безнадежная прострация его физических и душевных сил, о которой с потрясающей правдой говорит каждая строчка его тогдашних писем, — в конце концов все-таки остается тягостное впечатление. Лассаль мог бы умереть лучшей смертью, и все же, если позволительно заключать от содержания богатой жизни к тихим мыслям смертного часа, то возможно, что он и эту смерть приветствовал, как избавительницу.

Он не дорожил жизнью ради самой жизни; он чувствовал страх пред притупляющей старостью, надвигавшейся по его мнению уже с 40-м годом жизни, на пороге которого он стоял. Его ближайшее будущее лежало пред ним неизвестное и темное. Те, которые думают, что он одел бы когда-нибудь бисмарковскую ливрею, подобно своему другу Бухеру, судят, как слепой о цветах. Поскольку Лассаль вообще строил определенные планы относительно будущего, о них можно судить по заявлениям, которые он делал в послед-

ние недели своей жизни Иоганну-Филиппу Беккеру. По словам этого старого борца за свободу, Лассаль сказал, что его силы иссякли, он должен сделать передышку; он полагал раньше, что сумеет в течение года открыть свободную дорогу социалистическому движению, но теперь видит, что на это потребуются десятилетия; на такой труд у него не хватает физических сил, в особенности же он не перенесет предстоящего ему тюремного заключения. Слова эти носят на себе печать истины. По совету Беккера, Лассаль намеревался приобрести права гражданства в Женеве, поселившись там на два года, и он осуществил бы, вероятно, это намерение, если бы прожил дольше. Но и в таком случае Лассаль был бы птицей с разбитыми крыльями, а он был о себе достаточно высокого мнения, чтобы предпочесть быструю смерть медленному угасанию.

Сказанным нисколько не уменьшается полная неосновательность одной новейшей легенды, — что Лассаль своей дуэлью совершил «косвенное самоубийство», из страха пред совещанием с Марксом и Энгельсом, которое должно было состояться осенью и которое поставило бы его пред альтернативой отречения и отступления или борьбы не на жизнь, а на смерть со старыми друзьями. Во всех имеющихся документах нельзя найти даже самого слабого намека на это совещание; напротив, из одного письма, посланного Лассалем Вильмсу еще 29 июня, недвусмысленно следует, что Лассаль не имел тогда никакого ясного представления о том, какого мнения держится Маркс об его агитации. Не стоит труда перечислять все психологические и прочие невозможности этой легенды, но если уж хотят делать предположение, что такой страшный суд был условлен, — предположение, столь же обидное для Маркса и Энгельса, как для Лассалья, — то Лассаль не имел во всяком случае ни малейшего повода спасаться от него «косвенным самоубийством». Он с гордо поднятым челом мог защищать свою агитацию пред кем угодно, не исключая Маркса и Энгельса. В его пользу свидетельствовали немецкие рабочие, которых он пробудил к классовому сознанию, которым он открыл дорогу к грандиозной борьбе и победам. Они и выступили в своей массе за своего умершего вождя, когда спустя полгода обнаружилось разномыслие, существовавшее между Лассалем и его старыми друзьями, при чем впереди их всех шли рейнско-вестфальские рабочие, среди которых находились также бывшие члены «Союза коммунистов».

Можно предоставить буржуазным фабрикантам романов сочинять себе своего Лассалья — то как «верного слугу Фридолина», благоговейно преклоняющего колени пред троном

Гогенцоллернов, то как дикое страшилище, которым пугают патриотических детей: исторический Лассаль требует часто сурового дыхания исторической правды, но его бронзовая статуя не опрокидывается от этого. Он был больным и умирающим человеком, когда нашел в Швейцарии свой преждевременный все-таки конец. Казалось, что пуля валахского дворянчика столь бессмысленно оборвала такую великую жизнь, но она убила лишь то, что было еще смертного в мыслителе и борце Лассале. ¹⁾ При тогдашнем положении вещей и при данной личности Лассалья, он выполнил свою историческую миссию: его пламенная душа испустила свой последний вздох, а все остальное было слишком человеческой страстью. В столь ошибочном взгляде верных приверженцев Лассалья, что он пал за рабочее дело, все-таки заключался известный смысл. Так писал и Маркс в утешение графине Гацфельдт: «Он умер молодым, триумфатором, как Ахилл».

Германский рабочий класс с верным тактом всегда отклонял от себя роль судьи у могилы Лассалья; он сохранил к Лассалю глубокую и неизменную привязанность, которая столько же делает честь Лассалю, сколько этому классу.

¹⁾ Составленная Августом Бекон надгробная надпись на могиле Лассалья гласит: Hier ruht was sterblich war von Ferdinand Lassalle, dem Denker und Kämpfer (здесь поконится то, что было смертного в Фердинанде Лассале, мыслителе и борце).

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

РАЗДОРЫ МЕЖДУ ФРАКЦИЯМИ

ГЛАВА I.

Международная Ассоциация Рабочих.

Причины, вновь пробудившие рабочее движение в Германии, действовали в одинаковом направлении во всех промышленно развитых странах. Везде, где существовал европейский пролетариат, он в начале 60-х годов стал организовываться для борьбы за свое освобождение, ближайшим образом—на национальной почве. Однако в наиболее передовых странах раскрывался уже и интернациональный характер этой борьбы.

В Англии поражение континентальной революции 1848 г. имело своим последствием то, что чартизм совершенно заглох. К тому же законодательное установление 10-часового рабочего дня произвело на рабочих в умственном, нравственном и физическом отношениях живительное действие, которое должно было ощущаться ими как своего рода возрождение, а развитие тред-юнионов испытало грандиозный подъем во время лихорадочного промышленного оживления 50-х г. г. Однако, начиная с кризиса 1857 г., произошел ряд событий, из которых английские рабочие могли извлечь поучение, что на почве современного буржуазного общества для них не уготовано постоянного места. Эпоху в этом смысле составила, в особенности, американская междоусобная война, о которой Маркс сказал, что она бьет набат для европейского рабочего класса подобно тому, как американская война за независимость XVIII века пробила набат для европейского среднего класса. Хлопковый кризис поверг рабочих английской текстильной промышленности в ужасающую нужду, и, тем не менее, английский пролетариат обнаружил свое превосходство над господствующими классами, симпатии которых к американским рабовладельцам разбилась об его геройское сопротивление. С другой стороны, у тред-юнионов пропала скоро охота почить на лаврах, так как капиталисты начали при каждом пререкании

с рабочими грозить, что они парализуют деятельность профессиональных союзов путем ввоза более дешевых рабочих рук с континента. Аристократия английского рабочего класса, которая в опасном самообольщении стала ограничиваться борьбой за заработную плату и продолжительность рабочего дня, волей или неволей принуждена была вступить в международную область пролетарской классовой борьбы.

Во Франции итальянская война доставила лишь непродолжительную отсрочку обреченному на казнь бонапартистскому режиму. Лавина, приведенная в движение героем 2 декабря, продолжала катиться дальше против его воли. Он вынужден был сыграть роль орудия в руках итальянской демократии, а французская демократия делала ему более сильную оппозицию, чем когда-либо раньше. Тем больше мотивов было у Бонапарта попытаться овладеть рабочим движением. Момент мог казаться ему довольно благоприятным. Французский пролетариат был разбит на секты; рядом со старыми остатками тайных обществ и утопических школ существовали бланкисты и прудонисты, из которых первые видели спасение в борьбе на баррикадах, а вторые—в мелко-буржуазных игрушках. Попытка 60 парижских рабочих принять участие в выборах в законодательный корпус встретила суровое порицание со стороны Прудона, так как рабочие примкнули политически к радикальной буржуазии, и презрительные насмешки со стороны радикальной буржуазии, так как рабочие обнаружили стремление к самостоятельности. Вообще французские рабочие встретили такое же глумление со стороны французской буржуазии, какое немецкие рабочие встретили со стороны буржуазии немецкой. Это было на-руку Бонапарту, и он деятельно пустил в ход свою систему заигрывания с рабочими, более искусно, чем его подражатель Бисмарк, но одинаково безуспешно. Уже при первом ходе ему не повезло: разрешив французским рабочим выбрать делегатов, которые должны были посетить на средства правительства лондонскую всемирную выставку 1862 г., он содействовал чему угодно, только не осуществлению бывших у него задних мыслей.

Французские рабочие выбрали, конечно, из своей среды наиболее толковых людей, которые быстро сошлись в Лондоне с вождями английских рабочих. 5 августа 1862 г. в Лондоне состоялся «праздник международного братства», и происходивший здесь обмен мнений пробудил желание устроить постоянную связь между пролетариями по сю и по ту сторону Ламанша. На первых порах эта связь установилась сама собою, так как некоторые французские делегаты остались в Лондоне, где они нашли работу Завязанные сно-

шения стали более тесными, благодаря польскому восстанию 1863 г. Старые полонофильские традиции культурных народов Западной Европы проснулись с наибольшей силой в западно-европейском пролетариате. Можно оставить в стороне вопрос, действительно ли Бонапарт, как утверждали многие, поощрял братание английских и французских рабочих в польском деле только в интересах своего якобы популярного деспотизма; во всяком случае несколько французских рабочих, появившихся 22 июля 1863 г. на большом польском митинге в Лондоне, были посланы не на его счет, а на счет французских мастерских. Они хотели сообща с английскими рабочими агитировать в пользу польского восстания, при чем опять выдвинулась сама собою идея международного рабочего союза. Комитет, в состав которого входил сапожник Оджер и другие вожди английских тред-юнионов, выпустил воззвание к парижским рабочим, где он благодарил их прежде всего за поддержку в польском вопросе, но затем указывал, что братство народов необходимо для защиты рабочего дела, ибо всякий раз, как английские рабочие хотят улучшить свое социальное положение путем сокращения рабочего дня или увеличения заработной платы, капиталисты угрожают им ввозом французских, немецких, бельгийских и других иностранных рабочих; такая грязная конкуренция возможна лишь потому, что между рабочими классами всех народов нет систематической связи.

Этот адрес, переведенный профессором Бисли (Beesly) на французский язык, произвел сильное впечатление в парижских мастерских. Началась усердная агитация в пользу изложенной в нем идеи, и новые денежные сборы среди парижских рабочих дали возможность послать ответ их на лондонский адрес через особую депутацию. Для приема депутации английский комитет созвал рабочих всех стран на 28 сентября в St.-Martin's Hall, на большой митинг, в котором председательствовал проф. Бисли. Толен прочел французский ответный адрес, который начинал с польского восстания («снова Польша задушена в крови своих детей, и мы остались бессильными зрителями») и затем выставлял требование, чтобы голос народа был выслушиваем во всех крупных социальных и политических вопросах. Деспотическая власть капитала, — говорилось далее в адресе, — должна быть сломлена. Вследствие разделения труда человек обращен в механическое орудие, и свобода торговли без солидарности рабочих должна привести к промышленной крепостной зависимости, более бесжалостной и пагубной, чем крепостное состояние, сломленное в дни великой революции. Рабочие всех стран должны объединиться, чтобы противопоставить непреодолимую преграду этой роковой системе,

которая делит человечество на кучку жирных мандаринов и массу голодающих, невежественных существ.

После оживленных прений митинг выбрал комитет из рабочих различных стран, поручив ему выработать временную программу и устав международного рабочего общества, которые действовали бы до тех пор, пока международный конгресс в Брюсселе не примет в ближайшем году окончательного решения по этому предмету. Комитет почти всецело состоял из английских рабочих, но в первом своем заседании от 5 октября он усилил свой состав представителями других национальностей. Теперь в него входило около 50 членов. Из них около половины все еще составляли английские рабочие, за которыми были также сохранены должности президента, казначея и секретаря. Вслед за Англией шла Германия, представленная 10 членами, большинство которых—Маркс, Эккартус, Фердинанд Вольф, Леснер, Лохнер, Пфендер—уже при adлежали раньше к «Союзу коммунистов». Франция имела 9 представителей, Италия—6, Польша—2 и Швейцария—также 2. В корреспондирующие секретари были назначены Маркс для Германии, Ле Любэ—для Франции, Вольф (домашний секретарь Маццини)—для Италии, Гольторп—для Польши и Юнг—для Швейцарии. Комитет заседал в помещении Совета тред-юнионов; его финансовое хозяйство началось 3 фунтами стерлингов, собранными в первом заседании.

Важнейшая задача комитета состояла прежде всего в том, чтобы выяснить себе самому сущность и цель проектируемого союза. Заранее представлялось очевидным, что нельзя было и помышлять о разрушительном вмешательстве в существующие уже национальные рабочие организации; точно так же не могло быть речи о создании, наряду с ними, новой организации, способной мешать их национальному развитию. Такие вопросы, как всеобщее избирательное право, республика и т. п., как бы важны они ни были, должны были по-прежнему остаться в ведении национальных рабочих организаций; они имели совершенно различное значение для немецких и английских, для французских и итальянских рабочих. Требовалось лишь одно: водрузить знамя, которого никогда не должны были терять из виду борющиеся рабочие армии отдельных стран, если они не хотели сбиться на обманчивые ложные пути, если они хотели выйти на большую и общую победную дорогу современного пролетариата. Требовалось создать почву для международных действий рабочего класса, организацию, в пределах которой немецкие лассальянцы, французские последователи Прудона и английские тред-юнионисты могли бы единодушно работать вместе для устранения препятствий, встречаемых осво-

бождением рабочих в международной области. После того, как комитет уяснил себе это, был назначен подкомитет для составления программы и устава.

В новом заседании от 1 ноября этот подкомитет представил свои предположения. Дело шло главным образом о выборе между двумя проектами, из которых один был выработан Маццини, поручившим защиту его в комитете Вольфу, а другой внесен Марксом. Маццини пользовался тогда большой популярностью среди английских рабочих, но он не понимал современного рабочего движения: пролетарская классовая борьба, настоящий пульс этого движения, была ему непонятна и потому ненавистна. Программа его возвышалась максимум до несколько социалистической фразеологии, от которой пролетариат давно уже ушел вперед в начале 60-х г.г. Точно так же его устав был порождением духа прошлого времени: составленный на строго централистский лад заговорщичьих политических обществ, он погрешал, в частности, против жизненных условий тредюнионов, вообще же — против жизненных условий международного рабочего союза, который не должен был создавать никакого нового движения, а только связать существующее, но пока еще разрозненное классовое движение пролетариата в различных странах. Чего не постигал Маццини, то превосходно понимал Маркс. Его учредительный адрес (так наз. *Inauguraladresse*) и устав были единогласно приняты и сохранили руководящее значение для «Международной Ассоциации Рабочих», как они сами окрестили новый союз.

Об учредительном адресе проф. Бисли сказал как-то раз впоследствии, что это, вероятно, самое сильное и убедительное изложение дела рабочих против среднего класса, какое когда-либо было дано на десятке маленьких страниц. Адрес начинается с установления крупного основного факта, что нужда рабочего класса не уменьшилась в промежуток с 1848 до 1864 г.г., несмотря на то, что именно этот период является беспримерным в летописях истории по развитию промышленности и росту торговли. Положение это адрес доказывает, сопоставляя документально, с одной стороны, ужасающую статистику Синих книг о нищете английского пролетариата, с другой — цифры, которые канцлер казначейства Гладстон привел в своих бюджетных речах в доказательство опьяняющего роста богатства и могущества, происшедшего в указанный период, но всецело ограничившегося имущими классами. Адрес вскрывает это вопиющее противоречие на примере английских условий, так как Англия стоит во главе европейской промышленности и европейской торговли, но он прибавляет, что с другой местной окраской и в несколько меньшем масштабе отмеченное противоречие

существует во всех странах континента, где развивается крупная промышленность.

Повсюду опьяняющий рост могущества и богатства ограничился имущими классами, если не считать того, что незначительное число рабочих, как напр. в Англии, стало получать несколько более высокую заработную плату, снова уравновешенную, однако, общим повышением цен. «Везде и повсюду масса трудящихся классов опускалась во все более глубокую нищету, по меньшей мере в той же степени, в какой высшие классы поднимались по общественной лестнице. Во всех странах Европы установлено теперь, как неопровержимая истина, несомненная для всякого беспристрастного наблюдателя и оспариваемая только теми, у кого есть интерес возбуждать в других обманчивые надежды,— что ни усовершенствование машин, ни использование науки для промышленности и земледельческого производства, ни вспомогательные средства и изобретения в способах сообщения, ни новые колонии и эмиграция, ни завоевание новых рынков, ни свобода торговли, ни все эти вещи вместе взятые не в состоянии устранить нищету промышленных масс, что, напротив,—на ложной основе существующего строя всякий новый шаг в развитии творческой силы труда направлен лишь к углублению социальных противоположностей и обострению социального конфликта. В столице британского королевства смерть от голода поднялась в течение этого периода опьяняющего хозяйственного прогресса почти на ступень социального института. В летописях мира этот период характеризуется участвующим повторением, расширенным объемом и более смертоносными действиями социальной чумы, именуемой торговлей и промышленными кризисами».

Окинув взглядом поражение, испытанное рабочим движением в 50-х г.г., адрес находит, что это время имеет и свои искупающие черты. В особенности выдвигаются два крупных факта. Во-первых, законодательное установление 10-часового рабочего дня, с его столь благотворными последствиями для английского пролетариата. Борьба за законодательное ограничение рабочего дня была прямым вмешательством в великую борьбу между слепым властвованием законов спроса и предложения, составляющих политическую экономию буржуазии, и регулированием общественного производства в общественных интересах, составляющим содержание политической экономии рабочего класса. «И потому билль о 10-часовом рабочем дне был не только большим практическим успехом, но и победою принципа: впервые при ярком свете дня политическая экономия буржуазии потерпела поражение пред политической экономией рабочего класса».

Второй крупный факт, в котором выразилась еще большая победа политической экономии труда над политической экономией собственности, это — кооперативное движение, это — фабрики, устроенные на начале кооперации и призванные к жизни немногими смелыми «руками», несмотря на отсутствие посторонней поддержки. Трудно преувеличить ценность этих великих социальных опытов. «Они доказали делом, вместо теоретических доводов, что производство в крупном масштабе и согласно требованиям современной науки может происходить без существования класса предпринимателей, дающего занятие классу рабочих; что для плодотворности орудий труда нет надобности в монополизации их, как орудий эксплуатации трудящегося и господства над ним; что наемный труд, подобно рабскому труду, подобно крепостной зависимости, есть только переходящая и подчиненная форма, которая обречена на гибель и должна исчезнуть пред ассоциированным трудом, охотно, бодро и радостно исполняющим свою тяжелую задачу». Адрес объясняет затем, что кооперативный труд, ограничивающийся случайными опытами отдельных рабочих, не в состоянии все-таки сломить капиталистическую монополию. «Быть-может, именно по этой причине аристократы с благородным на первый взгляд образом мыслей, филантропические краснобаи буржуазии и даже деловитые политико-экономы стали совершенно неожиданно обращаться с противными комплиментами к той самой системе кооперативного труда, которую они тщетно пытались задушить в зародыше, которую они выщучивали, как утопию мечтателей, или клеймили, как гнусную выдумку социалистов». Только расширение кооперативного труда до национальных размеров и поддержание его государственными средствами может спасти массы. Но собственники земли и капитала будут всегда пускать в ход свои политические привилегии, чтобы защитить и увековечить свои экономические монополии. Поэтому великий долг рабочих классов состоит в завоевании политической власти. Этот отдел адреса вполне сходится по своему смыслу с положениями, которые Лассаль развивал в своем «Открытом письме» относительно значения кооперативного труда для пролетариата.

Подчеркивая долг рабочих классов завоевать себе политическую власть, адрес говорит, что рабочие, повидимому, сознали этот долг: доказательством служит одновременно наступившее среди них оживление в Англии, Германии, Франции и Италии, одновременное стремление их к политической реорганизации рабочей партии. «Одним элементом успеха рабочие располагают — массами; но массы лишь тогда имеют надлежащий вес, когда они объединены

союзом и ведутся к сознательной цели». Опыт прошлого учит, что игнорирование братских уз, которые должны были бы существовать между рабочими различных стран и побуждать их твердо поддерживать друг друга во всех случаях их освободительной борьбы, — что такое игнорирование мстит за себя общей неудачей их разрозненных усилий. Это соображение побудило митинг в St. Martin's Hall'e к основанию Международной Ассоциации Рабочих.

Еще одно убеждение господствовало над умами на этом митинге. Раз освобождение рабочих классов требует их взаимной братской помощи, то как могут они выполнить эту великую миссию, когда внешняя политика правительств преследует преступные замыслы, развивает национальные предрассудки и расточает в разбойничьих набегах кровь и достояние народа? Адрес ссылается на американскую междоусобную войну и польское восстание. «Так как захваты варварской державы, голова которой находится в Петербурге, а руки деятельно работают во всех европейских кабинетах, ниоткуда не встречают противодействия, то для рабочих становится ясным их долг быть осведомленными о тайнах международного государственного искусства, следить за дипломатическими ходами своих правительств, в случае нужды противодействовать им изо всех сил, а когда они не в состоянии помешать таковым, — соединяться для одновременного публичного обвинения и для провозглашения простых законов нравственности и прав, которые должны в такой же степени регулировать отношения отдельных лиц, как быть верховными законами для сношений между нациями. Борьба за такую внешнюю политику составляет часть общей борьбы за освобождение рабочих классов». И учредительный адрес Международной Ассоциации Рабочих заканчивается, как некогда Коммунистический Манифест, словами: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Устав начинается с мотивов, которые могут быть резюмированы в следующих положениях: освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса; борьба за него есть борьба не за новые классовые привилегии, а за уничтожение всякого классового господства. Экономическое подчинение трудящегося человека лицу, присвоившему себе орудия труда, т.-е. источники жизни, лежит в основе рабства во всех его формах, в основе социальной нужды, духовной приниженности и политической зависимости. Поэтому экономическое освобождение рабочего класса есть великая цель, по отношению к которой всякое политическое движение должно служить только средством. Все попытки, направленные к достижению этой великой цели, терпели до сих пор неудачу вследствие отсутствия единства

между различными отраслями труда в одной и той же стране и между рабочими классами различных стран. Освобождение рабочего класса—не местная и не национальная, а общественная задача: она обнимает все страны, в которых существует современное общество; она может быть разрешена лишь путем планомерной, совместной работы всех этих стран. Ввиду этого устав заявляет, что Международная Ассоциация Рабочих и все примыкающие к ней общества и отдельные лица признают истину, право и нравственность основой своего поведения в своих взаимных отношениях и относительно всех своих ближних без различия расы, религии или национальности. Долг человека—требовать прав человека и гражданина не только для самого себя, но и для всякого, исполняющего свой долг. Нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав.

В организации Интернационала главную роль играл Генеральный совет, который должен был состоять из рабочих различных стран, представленных в Ассоциации. До первого конгресса исполнение функций Генерального совета взял на себя комитет, выбранный в St. Martin's Hall's. Генеральный совет должен был служить международным посредником между рабочими организациями различных стран, осведомлять постоянно рабочих каждой страны о движениях их класса в других странах, устраивать статистические исследования о положении рабочих классов, ставить на обсуждение во всех рабочих обществах вопросы общего интереса, в случае международных столкновений вызывать однородные и одновременные шаги ассоциированных обществ, издавать периодические отчеты и т. под. Генеральный совет выбирался конгрессом, собиравшимся раз в год. Конгресс определял местонахождение Генерального совета, равно как место и время ближайшего конгресса. Генеральному совету предоставлялось, однако, право пополнять свой состав путем кооптации и, в случае нужды, менять место конгресса, но не откладывать его на более поздний срок. Рабочие общества отдельных стран, примкнувшие к Интернационалу, сохраняли в неприкосновенности свои особые организации. Ни одному независимому местному обществу не возбранялось сноситься непосредственно с Генеральным советом, но, как необходимое условие для успешной деятельности Генерального совета, устав рекомендовал рабочим обществам отдельных стран объединяться, по мере возможности, в национальные корпорации, представленные центральными органами.

Учредительный адрес и устав Интернационала были составлены с мастерством, которое признал даже человек, наиболее усердно старавшийся впоследствии расшатать

союз: мы разумеем Бакунина. Маркс не создал Интернационала, как Лассаль не создал германской социал-демократии, но подобно тому, как Лассаль дал германскому, так Маркс дал международному рабочему движению форму, в которой оно могло развернуть мощную деятельность. Интернационал был наследником «Союза коммунистов», в манифесте которого уже было высказано, что соединенные действия цивилизованных, по крайней мере, стран образуют одно из существеннейших предварительных условий для освобождения современного пролетариата. Но как велико было различие между Интернационалом и «Союзом коммунистов»! Из тайного общества пропаганды, объявлявшего беспощадную войну буржуазному обществу, вырос союз, основанный на самой широкой гласности, охватывавший общества с самыми разнообразными тенденциями, лишь бы они написали на своем знамени интересы рабочего класса. Тем не менее обе эти организации оживлял один дух, тот творческий дух, который равномерно преследовал свои великие цели при всей смене средств, требуемой сменой времен.

Пока Интернационал существовал, Маркс был его истолкователем; еще до того, как митинг в St. Martin's Hall'e выбрал Маркса в учредительный комитет, он принимал участие в подготовительных шагах. Его заветным желанием было, как говорит в одном месте Энгельс, вместе с оживлением европейского пролетариата «создать рабочую ассоциацию, которая охватывала бы самые передовые страны Европы и Америки и в воплощенном, так сказать, виде показывала бы международный характер социалистического движения как самим рабочим, так и буржуазии и правительствам,— пролетариату в ободрение и укрепление, его врагам— на страх». В этих словах метко охарактеризовано также внутреннее существо Интернационала. Он никогда не был тем тайным союзом с огромными материальными средствами, который наполнял тревогой угнетателей пролетариата, и одна тень которого продолжала еще пугать их. Он всегда был только нравственной силой, подбадривавшей рабочих, укреплявшей их, ведшей их вперед, и, как таковая, он образует выдающийся пограничный знак в истории XIX века.

Со времен всемирной Римской империи идея международного братства никогда не угасала вполне. На свой лад ее воплощала собою римская церковь средних веков. Затем она, казалось, была совершенно затемнена развивающимся капиталистическим способом производства, который создал отдельные нации и в то же время вверг их в беспощадную войну за всемирный рынок. Тем не менее она не переставала всплывать в умах буржуазных идеологов, либо когда

буржуазный класс какой-нибудь нации в опьянении вышними триумфами казался преодолевающим национальные рамки, либо когда буржуазный класс другой нации отчаялся достигнуть когданибудь национальной самостоятельности. Всемирное гражданство французских революционеров и немецких классиков, при всем его внешнем сходстве, имело совершенно противоположное происхождение. Буржуазная международность расплывалась каждый раз, как бесплотный призрак, в буре и натиске национальной борьбы, чтобы затем выплыть все-таки опять наружу. Антагонистическое существо капиталистического способа производства выражается, между прочим, в том, что он все теснее связывает народы земного шара и одновременно проводит между ними все более глубокую пропасть.

Этот антагонизм исчезает вполне только в современном пролетариате, повсюду имеющем одинаковые интересы. Поэтому идея международного братства выступает уже у великих утопистов гораздо яснее и решительнее, чем у буржуазных мыслителей, мечтавших о всемирном гражданстве. Сен-Симон прогивопоставлял союзу феодализма союз наиболее развитых наций—немцев, французов и англичан—для обеспечения мира и культуры; Фурье хотел разрушить старую систему государств при помощи большой федерации его фаланстеров; Оуэн основал союз всех классов и наций для пропаганды идей социализма, которые должны принести освобождение миру. Чем яснее современный пролетариат сознавал свои интересы, тем решительнее он должен был освободить идеал всеобщего братства народов от тумана фантастических предствлений. Интернационал развился из сочувствия национальному восстанию и всегда оставался верным другом национальных освободительных стремлений; точно также он подошел к международной идее с того конца, с которого она начала вступать в мир действительности в образе трезвых, практических, реальных фактов. Одним из главных корней его было стремление тред-юнионов оградить себя от ввоза дешевых рабочих рук из-за границы.

Вообще английские рабочие общества составляли главную опору Международной Ассоциации,—факт уже сам по себе достаточный для надлежащей характеристики басен, будто Интернационал был обществом мечтателей или заговорщиков. Когда четыре года спустя немецкая прогрессивская партия напала на остроумную мысль выставить, в противовес пропаганде Интернационала, примерных мальчиков—английских рабочих, то Маркс имел возможность указать, что все сколько-нибудь значительные партии движения среди британского пролетариата представлены своими

вождями в Генеральном совете Интернационала: Совет тред-юнионов был представлен Оджером, Апплгартом и Гоуэллем, остальные объединенные тред-юнионы—Лоу, Бекли, Лолом, Гельсон и Морисом, английские кооперативные общества—Вестом и Вильямсом, Лига Реформы—Деллем, Коуэлль Степнеем и Локрафтом, Национальная Ассоциация Реформы—Вальтоном и Мильнером, атеистическая народная агитация—Коплендом и г-жей Гарриет Лоу; затем «Beehive» («Улей»), официальный орган тред-юнионов, служил в то же время официальным органом Генеральному совету Интернационала.

Кореньясь в суровой действительности, Интернационал принужден был медленно пробивать себе дорогу, пока он приобрел твердую почву под ногами, совершенно аналогично Всеобщему Германскому Рабочему Союзу, с той только разницей, что Маркс работал гораздо терпеливее и упорнее Лассалья. Лишь через два года после своего основания Интернационал укрепился настолько, что мог устроить свой первый конгресс. Но было бы в высшей степени неправильно рассматривать его историческую роль, как и роль лассалевского Союза, только с материальной точки зрения. Финансы Генерального совета, этот нерв всякой современной войны, были, выражаясь словами Маркса, постоянно возрастающей отрицательной величиной, тогда как его умственное и моральное влияние представляло, напротив, постоянно возрастающую положительную величину. Работа Интернационала принесла плоды сторицею, и пред пролетарской освободительной борьбой он имеет непреходящие заслуги.

Это применимо прежде всего к действию, оказанному им на Германию. Число немецких рабочих, непосредственно примкнувших к Интернационалу, всегда было очень незначительно: больше тысячи таких рабочих вряд ли насчитывалось в какой-либо момент. Но на развитие германской социал-демократии Интернационал оказал благотворное и прочное влияние.

Г Л А В А II.

Наследники Лассалья.

Злой рок, преследовавший Лассалья в последние дни его жизни, не пощадил и его завещания. Лассаль отказал некоторым своим друзьям порядочные ренты, очевидно желая поставить этих лиц в независимое положение и дать им возможность успешно вести агитацию, но цель не была достигнута: Бухер стал чиновником у Бисмарка, кандидат Алекси—пиетистом и реакционером, а Рюстов ничего не делал для пропаганды, хотя и остался честным демократом.

В этом еще не было, впрочем, большой беды. Гораздо более роковыми оказались те пункты завещания, которые относились непосредственно ко Всеобщему Германскому Рабочему Союзу. В преемники себе Лассаль рекомендовал Союзу франкфуртского уполномоченного Бернгарда Беккера, а этого последнего он настойчиво просил сохранить организацию Союза, которая приведет его к победе,—распоряжения, внушенные, очевидно, оппозицией Вальтейха, но вызвавшие только новые осложнения, вместо того, чтобы положить конец старым. Приблизительно так же обстояло дело с пунктом завещания, который отказывал секретарю Союза Вильмсу—сверх личной годовой ренты в 150 талеров «в награду за его честность»—по 500 талеров в год в течение 5 лет, чтобы он, по своему усмотрению, добросовестно употреблял их на агитацию в пользу Союза.

Еще не успел закрыться гроб Лассалья, как возгорелась первая распря между его матерью и графиней Гацфельдт. Отец Лассалья умер незадолго перед тем, а остальные члены его семьи—мать, сестра и ее муж, некий коммерции советник Фридланд, которого Лассаль от души ненавидел,—показали после его смерти, как глубоко они еще погрязли в предрасудках богатого еврейства. После долгих переговоров пришли к соглашению, что графине Гацфельдт выдается тело

Лассалья для погребения в Берлине, при чем она принимает на себя расходы в 10.000 франков и обязательство устроить похороны по еврейскому обряду. Графиня намеревалась провезти гроб через большие общины Союза и повсюду устроить торжественные траурные церемонии, но осуществить свое намерение в импозантной форме ей удалось только в Майнце. Когда гроб прибыл на пароходе в Кёльн, то полиция, по поручению семьи, заарестовала его и отправила в Бреславль, где он с недостойной поспешностью был тотчас же опущен в могилу на еврейском кладбище. Когда на гроб упал последний ком земли, то Фридланд, ухмыляясь, заметил: «Теперь великая борьба погребена».

В этом он, однако, жестоко заблуждался. Всеобщий Германский Рабочий Союз именно теперь и показал, что он пустил глубокие корни в рабочем классе. Траурные поминки по Лассале носили во всех общинах серьезный и возвышающий душу характер. Внезапная смерть любимого вождя не произвела нигде обескураживающего действия; напротив, она повсюду укрепила гордую уверенность в победе. Культ личности Лассалья, которому предавались при этом, заходил подчас несколько далеко, но в общем не дальше, чем это было понятно и извинительно при наличных условиях. Всего рельефнее он проявился в некоторых стихотворениях Людвига Вюркерт, клявшихся в верности «библии, церкви и Господу» или носивших еще более карикатурный оттенок. Во всем этом заключалось, однако, здоровое ядро.

Людвиг Вюркерт был ветераном до-мартовской демократии; уже пожилой человек, принадлежавший в течение четверти века к лучшим духовным проповедникам королевства Саксонии и затем отсидевший 4 года в каторжной тюрьме за выдающееся участие в майском восстании, он управлял теперь «Hôtel de Saxe» — «убежищем справедливости», как его прозвали скоро лейпцигские рабочие. Маститый представитель буржуазного радикализма, Вюркерт верил сначала в сказку о реакционере Лассале, пока его не смутил некролог одной демократической газеты, где было сказано, что «Лассаль все-таки был одним из наших». Тогда Вюркерт прочитал сочинения Лассалья, и у старого революционера спала словно пелена с глаз: в зале своего отеля он стал теперь говорить перед густыми толпами слушателей о Лассале и прославлять покойного гения в стихотворениях, благочестивые сравнения которых имели своим источником язык старого богослова, а не религиозные чувства масс. Все остальное, что появилось в прозе и стихах по случаю смерти Лассалья, было проникнуто вполне светским, боевым настроением; на поминках в Гамбурге впервые прозвучала «рабочая Марсельеза» молодого Якова Аудорфа, простые, не-

притязательные слова которой раздаются с тех пор на бесчисленных рабочих собраниях, совершенно оттеснив на задний план кокетливо отшлифованную «Союзную песнь» Гервега.

Ко времени, последовавшему непосредственно за смертью Лассалья, относятся также некоторые успехи рабочего движения, которые чрезвычайно порадовали бы его, если бы он дожился до них. В октябре 1864 г. должен был состояться в Лейпциге второй съезд немецких рабочих ферейнов, и 2-го октября в Оффенбахе собрался рабочий съезд майнского края для обсуждения вопросов, которыми следует заняться в Лейпциге. В качестве докладчика комитета Зоннеман расписал все великие блага, которые выпадут на долю рабочих, если только они останутся послушными слугами буржуазии, но на этот раз его обычные громкие фразы не были вознаграждены обычным одобрением. Напротив, рабочие сухо замечили, что они отдали бы все обещаемые им блага за всеобщее избирательное право. Зоннеман возразил, что всеобщее избирательное право, как показывает пример Франции, не может помочь рабочим улучшить свое положение, между тем как он, Зоннеман, готов, когда пробьет час, встать вместе с рабочими на баррикады. Однако это самоотверженное героическое было встречено веселым смехом, и комитет майнского края уехал домой с горестным сознанием, что наступает конец тем дням, когда рабочих можно было без труда водить за нос.

Действительно, на лейпцигском съезде звезда буржуазии стала меркнуть. Уже начало его сопровождалось дурным предзнаменованием. В отчете о прошлогоднем съезде, на котором будто бы были представлены 17.000 рабочих, был упомянут в числе участников один зولينгенский рабочий ферейн с 1.500 членами. И вот оба рабочих ферейна Зولينгена, единственные в этом городе, обратились к лейпцигскому съезду с резким протестом, объявляя «гносной ложью», утверждение, что они «когда-либо находились в переписке с почтенными господами Зоннеманом и Виртом»: зولينгенские рабочие стоят на стороне Лассалья, и 1.500 приверженцев, которых якобы имеет там Шульце-Делич, представляют собою плод фантазии. На лейпцигском съезде, заседавшем 22 и 23 октября, были представлены 40 образовательных рабочих ферейнов, между делегатами которых было лишь сравнительно немного рабочих.

Первый день был посвящен вопросу о свободе передвижения; говорились обычные фразы об этом мнимом средстве для уврачевания зол, от которых страдают рабочие. Но тут поднялся Фрицше, явившийся как представитель одного лейпцигского ферейна рабочих сигарного производства, и показал, что если свободы передвижения и необходимо до-

бываться, как естественного, прирожденного всем права, то с социальными реформами она не имеет все-таки ничего общего. Единственное, что может помочь рабочим, это—всеобщее избирательное право. Красноречивые рассуждения Францше вызвали бурные одобрения публики, сидевшей на трибунах, и делегатов от рабочих. Пришлось уже прибегнуть к «порядку дня», чтобы искусственным путем помешать Фрицше говорить вторично. На следующий день говорил Альберт Ланге о потребительных обществах. Он развил мысль, что, отнюдь не представляя собою панацеи, эти общества все же являются довольно полезными учреждениями, при том условии, если они основываются и управляются рабочими, а не учеными людьми буржуазии, которые вообще хорошо сделали бы, если бы поменьше вмешивались в рабочие дела, так как рабочие сами гораздо лучше разбираются в них. У закулисных деятелей съезда становилось все более скверно на душе, и когда Фрицше захотел выступить в заседании, посвященном вопросу о производительных товариществах, то они отняли у него слово путем заблаговременно внесенного предложения прекратить дебаты. По этому поводу возник горячий спор, лишь с большим трудом улаженный Альбертом Ланге, который одинаково пользовался уважением обеих сторон. Правда, достигнуть действительного примирения и он оказался не в силах: Фрицше покинул съезд, заявив письменный протест против «недостойного терроризма», которому подверглась свобода слова. Безуспешным натиск Фрицше, однако, не остался: хотя в комитет съезда и были выбраны Зоннеман и Макс Гирш, но рядом с ними туда попали также Альберт Ланге и Бебель. Таким образом, плотина, устроенная против революционного прилива, дала первые трещины.

Затем бомба лопнула и в майнском крае. На рабочем съезде, созванном к 27 ноября во Франкфурте-на-Майне для выслушания отчета о лейпцигском съезде образовательных ферейнов, приверженцы Лассалья оказались решительны в большинстве. Они сместили старый комитет майнского края и выбрали сначала временно, а затем окончательно—на многолюдном рабочем съезде 18 декабря—новый комитет, все девять членов которого принадлежали ко Всеобщему Германскому Рабочему Союзу. Велькер был выбран председателем этого комитета, Эльнер и Обервиндер—его секретарями. В то же время рабочий съезд объявил, что Шульце-Делич, Фаухер, Зоннеман и Макс Вирт неспособны быть вождями рабочих, так как они не защищают истинных интересов пролетариата, а занимаются распространением лжи.

Но если идеи Лассалья все глубже проникали в рабочий класс и беспрерывно основывались новые «общины» Союза,

то в ином положении находился вопрос, следует ли сохранить организацию и тактику рабочей партии в том самом виде, какой они имели при жизни Лассалья. С течением времени и та, и другая становились все более приротовленными к его личности, а между тем эта личность не могла быть заменена никем, и всего менее человеком, которого Лассаль рекомендовал себе в преемники. Бернгард Беккер ни по образованию, ни по таланту не возвышался над самым скромным средним уровнем; единственное, что говорило за его кандидатуру, это—репутация честного человека, которой он тогда пользовался.

Нетрудно объяснить себе, почему Лассаль остановил свой выбор на Беккере. Его надежды на быстрое развитие германского рабочего класса в большую политическую партию сильно упали, и потому он мог считать еще преждевременным ставить во главе Союза рабочего. Но раз он отказывался от этого, выбор его был весьма ограниченный. С Либкнехтом он был в натянутых отношениях, о Швейцере же, которого он при иных условиях наверно выбрал бы, нельзя было помышлять при большой непопулярности Швейцера в рабочих кругах. Даммер лишь в умеренной степени оправдал свое назначение в качестве лейпцигского уполномоченного. Таким образом, вряд ли оставался кто-либо, кроме Беккера, который хорошо вел франкфуртское отделение Союза и решительно осудил оппозицию Вальтейха. Насколько Лассаль в состоянии был обзреть положение вещей пред своей смертью, он в праве был думать, что сделал сравнительно лучший выбор, но дальнейшие события показали, что выбор все-таки был крайне неудачный.

Сначала Союз выполнил последнюю волю своего основателя: Вальтейх был исключен из правления, вопреки голосам Мецнера и Йорка. Если оппозиция Вальтейха не была прежде свободна от известного мятежного упрямства, то теперь он, к своей чести, молчаливо подчинился незаслуженной участи и не предпринял никакого враждебного действия против Союза. Выборы президента встретили еще некоторые формальные затруднения, но к 1 ноября они были произведены в большинстве общин. Все поданные голоса пали на Бернгарда Беккера, при чем он был выбран на срок, остававшийся до конца президентства Лассалья. 2 ноября вице-президент Даммер передал руководство Союзом Беккеру, а сам навсегда отошел от агитации.

Но теперь только и начались настоящие затруднения. Спор из-за организации и тактики возгорелся, когда в исходе 1864 г. состоялось первое общее собрание в Дюссельдорфе, и появились первые номера нового союзного органа.

1. Принципиальные разногласия.

Согласно буржуазному воззрению, история германской социал-демократии в ближайшие годы после смерти Лассалья представляла собою хаотическую путаницу личных распрей и мелочных дрязг. Если довольствоваться внешностью, то такое воззрение может показаться вполне правильным; не легко, действительно, разобраться во всех взаимных укорах и обвинениях. Но если смотреть в глубь событий,—а иначе историк никогда не придет к правильному суждению,—то сразу виден разумный закон развития, управлявший ими.

Вопрос о том, как ликвидировать политическое наследие Лассалья, допускал различный ответ. Ближайшим образом напрашивался взгляд, что агитацию пужно продолжать в том самом направлении, в каком она шла в момент смерти Лассалья. Самого ревностного своего защитника этот взгляд имел в лице графини Гацфельдт; для нее движение было то же, что Лассаль, и Лассаль то же, что движение. В ее скорби по умершем друге было дикое величие страсти, которое в человеческом смысле глубоко захватывало, но в политическом отношении было дурным советчиком. Графиня обращала каждое слово Лассалья в евангелие, где недопустимы какие бы то ни было поправки, и эта вера в букву тем легче должна была сбивать ее с правильного пути, что она пришла не через социал-демократию к Лассалю, а через Лассалья к социал-демократии. Графиня не была бы прирожденной аристократкой, если бы тактический поворот Лассалья не пробудил в ней склонностей и симпатий, от которых сам Лассаль был очень далек. «Великий министр», на которого Лассаль смотрел как на шахматную фигуру, стал для нее идеалом.

«Как лучший и единственный друг» Лассалья, графиня считала себя его призванным преемником. Поэтому избрание Беккера было вполне по душе ей. Она надеялась, что сумеет направлять этого ограниченного человека по своему желанию, и потому держалась так же строго за лассалевскую организацию, как за его тактику. Союз должен был остаться орудием Беккера, как Беккер был ее орудием. Сам Беккер «с глубочайшим благоговением и преданностью» прославлял графиню, как спасительницу Союза, который без ее помощи распался бы. Эти восхваления заключали в себе долю истины, поскольку графиня ревностно трудилась над сохранением в живых лассалевского детища, не щадя при этом своих богатых денежных средств. Но столь же верно было и то, что если бы ее намерения осуществились, то

рабочая партия, которую хотел создать Лассаль, неминуемо обратилась бы в фанатическую религиозную секту.

Напротив, Швейцер хотел сохранить Союз как социал-демократическую партию, и он был достаточно умен, чтобы понимать, что вместе с герцогом упал и плащ герцога. Швейцер с поразительной быстротой разобрался в социалистических теориях; не будучи самостоятельным теоретиком, он, тем не менее, в продолжение всего своего участия в революционном рабочем движении развивал идеи научного коммунизма правильнее и отчетливее, чем кто бы то ни было другой в пределах Германии. Но что составляло его преимущество даже пред великими социалистическими теоретиками, это—его превосходное знакомство с тогдашними немецкими делами и ясность взгляда, с которой он умел оценивать их политический смысл. Уроженец южной Германии, он тотчас же ориентировался в старо-прусской казарме с осмотрительностью, которой могли бы позавидовать старо-прусские демократы. Швейцер не обладал могучими страстями Лассалья, но по этой самой причине он не мог поддаться их увлекающему действию. Редко политический деятель понимал так хорошо, как Швейцер, что в политике не имеет смысла сердиться. В нем было мало огня настоящего агитатора, в его агитационных заявлениях звучит нередко вымученный тон, но никто не обладал в большей мере способностью растолковать рабочим массам в удобопонятной и ясной форме данное политическое положение или социальную проблему, никогда не становясь в то же время плоским.

От иллюзий, которым Лассаль предавался в последние месяцы своей жизни, Швейцер был достаточно огражден. Он твердо держался того мнения, что политическая организация рабочего класса есть дело безусловной необходимости, и что при данных условиях ее невозможно достигнуть иначе, как идя тем путем, на который вступил Лассаль. Он шел еще дальше и признавал, что тактический поворот Лассалья был вынужден силою обстоятельств; не отказываясь от него вполне, Швейцер обставлял его, однако, такими ограничениями, которые должны были устранить возможность всяких недоразумений. Несмотря на настояния графини Гацфельдт, Швейцер не согласился отстаивать шле-виг-голлштинскую резолюцию, которую Лассаль обдумывал в последние дни своей жизни. Он с величайшей определенностью подчеркивал, что рабочие должны безусловно следовать за прогрессистской партией, всякий раз как эта партия предпринимает серьезные действия для установления гражданских свобод. Но покуда прогрессистская партия попросту предавала интересы гражданской свободы и в

своем ослеплении нападала на пролетариат с бдльшей яростью, чем на правительство, до тех пор Швейцер защищал ту точку зрения, что рабочая партия должна держаться совершенно независимо, как по отношению к буржуазии, так и относительно юнкерства, что она должна зорко следить за тем, не может ли она извлечь выгоду из взаимных раздоров среди классов, являющихся угнетателями рабочих.

При свойственном ему хладнокровии Швейцер ни минуты не воображал, что может хитростью или лестью выманить гражданские свободы у феодальной реакции. Но он рассчитывал на то, что Бисмарк вынужден будет провести всеобщее избирательное право и, быть может, также свободу коалиций, а в этом он видел существенную выгоду для рабочего класса, лишенного почти всяких законных способов партийной организации. Избирательное право, которым обладал рабочий, теряло всякое значение вследствие системы трехклассных выборов; свободы коалиции не было почти нигде; свобода печати и союзов была отдана в жертву безграничному полицейскому произволу. Для того, чтобы рабочее движение стало политическим фактором, с которым приходится серьезно считаться, оно должно было прежде всего окрепнуть, оно должно было создать себе признанную законом почву, на которой оно могло бы развернуться; но пока буржуазная оппозиция не выполняла своего назначения, рабочее движение могло достигнуть указанной цели, только принципиально сохраняя полную свою независимость, эксплуатируя тактически борьбу между буржуазией и юнкерством и не обращая при этом внимания ни на жалобы прогрессистской партии, что оно служит реакции, ни на жалобы реакции, что оно дает себя водить за нос прогрессистской партии. Таким образом Швейцер хотел строить дальше на фундаменте, заложенном Лассалем, удерживая прежде всего уже приобретенную позицию и хладнокровно рассчитывая практические шансы социал-демократической агитации, но всегда готовый пожертвовать словами Лассала, чтобы тем прочнее и глубже утвердить пролетарское движение в духе Лассала.

Проникнутый этим стремлением, Швейцер старался столковаться с Марксом, Энгельсом и Либкнехтом. Чтобы издавать новый орган Союза, Швейцер и Гофштеттен переехали в столицу Пруссии, где они приобрели прусское право гражданства и право оседлости в Берлине. Еще при жизни Лассала Швейцер отправился к Либкнехту и тотчас завел разговор о сдержанном отношении «старых социалистов» к агитации Лассала. Либкнехт изложил ему опасения, которые эта агитация возбуждала в старых друзьях Лассала; в одном позднейшем заявлении он говорит: «Швейцер, по-

видимому, понял их правильность». Непосредственно после смерти Лассалья Швейцер предложил, чтобы Маркс взял на себя президентство во Всеобщем Германском Рабочем Союзе, но Маркс отклонил предложение, так как не хотел отождествлять себя с лассалевским движением и вообще не желал при существующих политических условиях возвращаться в Германию. В ответ на настоятельные просьбы Швейцера, Маркс и Энгельс выразили готовность сотрудничать в новом органе Союза, правда, с величайшей неохотой и лишь после прямого уверения Либкнехта, что можно полагаться на лояльность Швейцера. Сам Либкнехт вступил в редакцию.

Редакторы оказались весьма неравной парой, и не требовалось большой проницательности, чтобы предсказать этому браку немирный конец. С одной стороны был Либкнехт, революционер 1848 г., боровшийся с оружием в руках против контр-революции и в тяжком изгнании поддерживавший в себе старую, справедливую ненависть, страстный агитатор, пред взором которого неизменно светилась великая цель; с другой—Швейцер, дитя совершенно иного поколения, чем то, среди которого вырос Либкнехт, моложе последнего на целых 10 лет, организатор и политик, изморявший пытливым взором все препятствия, которые заграждали путь поступательному движению рабочего класса. Оба могли еще, пожалуй, столкнуться в академической беседе относительно общих принципов, но представлялось невозможным, чтобы они шли нога в ногу в повседневной практической деятельности. В конце-концов, Либкнехту хотелось ведь больше всего повалить здание, воздвигнутое Лассалем, и, совершенно не считаясь с конкретными политическими условиями, так или иначе существовавшими в Германии, сызнова начать социалистическую агитацию, исходя из радикальных начал. Впоследствии Либкнехт объяснил свои тогдашние намерения в том смысле, что он хотел на место Всеобщего Германского Рабочего Союза поставить, как рамку для немецкого рабочего движения, Интернационал; но это значило обратить политическую рабочую партию Лассалья и Швейцера в общество для социалистической пропаганды.

Швейцер отнюдь не становился во враждебное отношение к Интернационалу; в первых же номерах нового органа Союза он перепечатал его учредительный адрес. На запрос Фрицше, который говорил, что не в состоянии открыть в новой Ассоциации ни ясной программы, ни единой цели, ни определенных средств, Швейцер совершенно правильно ответил, что Интернационал есть связь, которая должна охватить все европейские культурные государства,—известное число стран, где условия в главных чертах *однородны*,

но не *одинаковы*. Какова ближайшая цель, которую следует себе ставить, и к каким средствам для ее осуществления нужно стремиться, — это зависит от особых условий данной страны, Интернационал же, при полном сохранении самостоятельности и своеобразности социал-демократических рабочих союзов в различных странах, ставит себе только одну задачу: установить в общем согласованность действий социал-демократических элементов во всех европейских культурных государствах, — что находит себе оправдание в общности народных интересов во всех культурных государствах. Против этого воззрения Швейцера нельзя было ничего возразить. Присоединение к Интернационалу, которое вследствие немецкого законодательства о союзах было невозможно для Всеобщего Германского Рабочего Союза, как корпорации, еще ничего не предрешало относительно политической организации и тактики национальной рабочей партии. Если бы немецкие рабочие захотели ограничиться присоединением к Интернационалу и работой в пользу его принципов в качестве отдельных лиц, — а иначе как отдельные лица они не могли этого сделать, — то они именно перестали бы быть политической партией, готовой и способной бороться на национальной почве.

Какой-либо политической программы действий, приуроченной к немецким условиям, Либкнехт не выставлял. Впоследствии он осудил «культ всеобщего избирательного права» и выразил сожаление, что Лассаль не провозгласил необходимости отказа от уплаты налогов, который был бы единственным средством победить феодальную реакцию. Между тем Лассаль уже в своих речах о конституции доказал при помощи убедительнейших аргументов, что при особых германских условиях отказ платить налоги не может дать никаких ценных результатов. Эта аргументация никем с тех пор не была опровергнута, а, напротив, признана неопровержимой всеми знатоками немецких дел. В довершение всего, известно, что в и. бирательной речи, обратившей на себя значительное внимание, Иоганн Якоби сделал осенью 1863 г. попытку побудить население к отказу от уплаты налогов; результат свелся к тому, что сам Якоби был приговорен к 6-месячному тюремному заключению, а вносить налоги отказалось ровно два плательщика, Джон Рейтенбах-Пликкен в Восточной Пруссии и Альберт Ланге на Рейне, с которых налоги были затем взысканы путем аукционной продажи их имущества. Столь же неподходящим было предложение Либкнехта заменить президента Всеобщего Германского Рабочего Союза директорией из трех лиц. Вся организация Союза была пригнана к диктаторскому руководству; если хотели устранить это

последнее, то нужно было также переделать коренным образом первую, трехглавая же диктатура была, пожалуй, еще хуже одноглавой. Впрочем, этой вскользь брошенной мыслью Либкнехт вряд ли имел в виду дать продуманный организационный план, взятый же сам по себе взгляд его был вполне последователен.

Ожидание Лассалья, что классовое сознание германского пролетариата можно будет одним усилием разбудить в непреодолимую силу, оказалось обманчивым. Совместные действия буржуазии и пролетариата были невозможны, это прямо высказал в описываемое время и Маркс. На годовом празднестве лондонского Коммунистического кружка для просвещения рабочих Маркс заметил, что немецкая буржуазия слишком труслива для проведения своей собственной программы; когда он приглашал в Коммунистическом Манифесте немецких рабочих низвергнуть сообща с буржуазией абсолютизм, то он ожидал, что она добьется, по крайней мере, того же, чего добилась английская буржуазия. Таким образом, раз Либкнехт отвергал использование рабочим пролетариатом одного правящего класса против другого, считая это недопустимой тактикой, то действительно оставалось только придать германскому рабочему движению форму Общества для социалистической пропаганды, как это было сделано полупоклоением раньше в «Союзе коммунистов». Ибо законными средствами партийной организации—свободой печати и союзов, правом стачек, избирательными правами—германский пролетариат либо все еще не обладал, либо он имел их пока только на бумаге.

2. Борьба мнений.

Противоположности, проснувшиеся в молодом рабочем движении после смерти Лассалья, шумно прорвались наружу прежде всего в распри между Беккером и графиней Гацфельдт. Преувеличенное благоговение Беккера перед графиней перешло в столь же преувеличенную ненависть, когда насмешки буржуазной печати над «юбочным президентом» и всякие другие мелкие поводы пробудили беднягу от честолюбивых мечтаний, которыми только начала было опьяняться его маленькая голова. Беккер стал теперь искать себе опоры в матери Лассалья и выпросил у нее 200 талеров для Союза,— шаг, который после гадкого поведения семьи Лассалья возбудил негодование не только графини Гацфельдт, но и всех, чтивших память Лассалья. У Беккера была, вероятно, еще и другая цель, когда он попытался привлечь на свою сторону старую госпожу Лассаль: она

оспаривала завещание своего сына, и ее расположение имело тем большую ценность для Беккера, что он спекулировал на получение ренты в 500 талеров, которую Лассаль завещал на 5 лет секретарю Союза Вильмсу для ведения агитации в пользу Союза.

Среди всех завещательных распоряжений Лассалья указанное распоряжение было, если не самым неудачным, то наиболее непосложимым. Он знал, что Беккер беден, как церковная мышь, и что Союз не в состоянии еще пока платить жалованье президенту; если постоянная личная рента в 150 талеров и упомянутый легат для целей Союза были, несмотря на это, завещаны Лассалем не рекомендованному им же президенту, а секретарю Союза, уже получавшему годовое жалованье в 400 талеров, то Лассаль должен был понимать, что он дает этим секретарю Союза опасный перевес над президентом. Возможно, что ему хотелось устроить так, чтобы Союзом фактически руководил Вильм, которого он очень ценил, а чтобы Беккер получил, в качестве президента, только своего рода почетный пост, служил в известном смысле буфером, о который могли бы разбиваться мелкие ревнивые чувства других рабочих против Вильмса. Но и в таком случае открывался широкий простор величайшей неурядице, которая не замедлила наступить, когда 27 декабря 1864 г. в Дюссельдорфе открылось первое общее собрание Союза.

На этом общем собрании были представлены 20 делегатами 34 местности: от Берлина явился делегатом Мецнер, от Франкфурта—Эльнер, от Эльберфельда—Гильман, от Дюссельдорфа—Леви, от Гамбурга—Перль, от Гарбурга—Иорк, от Дрездена—Ферстерлинг, от Лейпцига—Фрицше. Кассовая наличность Союза составляла 39 талеров. Ряд предложений был принят без серьезных дебатов; постановлено было, что годовщина смерти Лассалья должна торжественно справляться во всех общинах; что в силезских ткацких округах нужно освободить членов от половины взносов ввиду их бедности; что введенную Лассалем кассовую организацию следует распространить на весь Союз, с известными упрощениями для небольших общин. Важнейшим постановлением было слияние секретарской должности с президентской и назначение президенту годового жалованья в 500 талеров; оно было принято по предложению Фрицше, после того как Мецнер, Иорк, Перль, Леви и Ферстерлинг выяснили безусловную необходимость этой меры.

Такая необходимость, без сомнения, существовала. Было бы невыносимо ставить президента в зависимость от милости графини Гацфельдт или госпожи Лассаль. Пред этим соображением должны были отступить на второй план все

другие сомнения, как бы велики они ни были. Бесспорно, что таких сомнений, и притом важных, было не мало. Постановление общего собрания явно нарушало устав, буквальный текст которого не допускал соединения секретарской должности с президентской, а раньше трех лет устав не мог быть изменен. Власть президента была еще усилена, несоответствие между способностями Беккера и задачами, которые возлагались на него, было еще увеличено. Графиня Гацфельдт получала удобный предлог относиться к Беккеру, как к незаконному узурпатору, ссылаясь на факт грубого нарушения устава. Наконец, постановление распатало золингенскую общину, одну из самых старых и надежных твердынь Союза. Вильмс не мог, правда, жаловаться ни на какую формальную несправедливость: если его не выбрали вновь в секретари по истечении срока его службы, то при этом было прямо заявлено, что избрание его не имеет смысла ввиду недоверия, а составляет только уступку неумолимому давлению обстоятельств. Но он не обладал той способностью самоотречения, которую Вальтейх обнаружил в более трудном положении, и так как его друг Клингс стал на его сторону, то в золингенской общине образовалась сильная оппозиция, распространившаяся затем также на Гамбург, Лейпциг и другие общины.

Принципиальные разногласия проявились с гораздо большей еще силой в новом органе Союза. Первый пробный номер вышел в свет 15 декабря 1864 г. под названием: «Социал-Демократ», орган Всеобщего Германского Рабочего Союза». Издателями-редакторами были Гофштеттен и Швейцер, в качестве сотрудников были названы Бернгард Беккер, Иоганн-Филипп Беккер, Энгельс, Гервег, Гесс, Либкнехт, Маркс, Рюстов и Вутке. В программе указывались только три крупных пункта руководящего значения: солидарность народных интересов и народного дела во всем цивилизованном мире; вся громадная Германия — единое, свободное народоправство; уничтожение владычества капитала. Второй пробный номер вышел 21 декабря, третий — 30 декабря. Затем, начиная с 4 января, газета стала правильно выходить по вторникам, четвергам и субботам.

Заправляя редакцией Швейцер, и он повел дело в своем духе. Первая руководящая статья перечисляла заслуги Лассала пред рабочим классом, вторая трактовала о шлезвиг-голлштинском деле, развивая тот взгляд, что всякое возможное в пределах существующего положения вещей решение этого вопроса одинаково печально для нации, — получит ли завоеванную страну Австрия или Пруссия, или же Шлезвиг-Голлштиния станет самостоятельным государ-

ством. В первом случае была бы усилена язва Германии — дуализм обеих великих держав, во втором была бы вновь закреплена жалкая раздробленность Германии на мелкие государства. Если страну присоединит к себе Пруссия, то во всей этой беде будет, по крайней мере, одно утешение: у союзного сейма, единственного органа всей нации, как целого, будет умерщвлен последний жизненный нерв, и тогда сами условия толкнут к решительному перевороту, к тому, что нация мужественно восприняет, наконец, из теперешнего своего состояния.

В области внутренней политики Швейцер подчеркивал полную независимость социал-демократической партии. Правда, в борьбе буржуазии против абсолютизма кулаки пролетариата справедливо готовы к ее услугам, но если либеральная буржуазная партия занимает по отношению к народной партии столь же и даже более враждебное положение, чем монархическо-абсолютистская партия, то народной партии остается лишь одно: смотря по наличным обстоятельствам, работать для отдельных целей и в определенных конкретных вопросах сообща с той или другой партией, однако под тем неперменным условием, чтобы «подобного рода совместной работой для достижения отдельных целей не затрагивалось даже в малейшей степени самостоятельное принципиальное положение народной партии». На вопли либеральной печати по поводу «связи с реакцией» Швейцер отвечал, что эти праздные разговоры вообще несерьезны: «смирные профессора и раздуваемые денежные мешки вместе со своими наемными писателями отлично знают, что такое *мы* и что такое *они*»; немецкая социал-демократия вполне самостоятельная партия, и ее принципы перейдут в плоть и кровь национальной жизни, когда железный ход всемирной истории давным-давно растопчет в прах то, что хвастливо пыжится теперь.

Особенно громкие либеральные вопли по поводу «связи с реакцией» поднялись из-за пяти передовых статей о министерстве Бисмарка, напечатанных Швейцером в промежуток с 27 января до 1 марта. На самом деле статьи свидетельствовали только о том, что по ясности политического понимания Швейцер стоял неизмеримо выше прогрессистской печати. Когда перечитываешь их теперь, то они кажутся в известном смысле весьма тривиальными: события давным-давно подтвердили все, что Швейцер предвидел в такое время, когда лишь очень немногие умы Германии в состоянии были возвыситься до столь же пронизательного понимания политического положения.

В статьях о Бисмарке Швейцер исследовал исторически, какие факторы вообще способны к деятельному выступле-

нию в вопросе об объединении Германии. Таких факторов он находил только два: прусские штыки и немецкие пролетарские кулаки. Он показал, что союзный сейм, Австрия, средние и мелкие государства Германии обнаружили свое полное бессилие по отношению к немецкому вопросу.—в хорошем, как и в дурном. Разрешить этот вопрос можно только двумя путями: либо немецкая нация поможет себе сама посредством революции, и для всякого демократа это есть бесспорное разрешение немецкого вопроса в немецком духе; либо Пруссия, верная своим историческим традициям, слопает остальную Германию, и над этим способом разрешения немецкого вопроса работает в данный момент с большим успехом Бисмарк. «От его идеала различается коренным образом идеал, к которому стремится вся нация: создать немецкое народное государство, покоящееся в главных чертах на современных идеях. По внешности оба стремления имеют между собою то общее, что разделенные до тех пор части нации должны быть объединены в одно целое, но внутреннее различие их заключается в следующем: в одном случае объединение явилось бы только служебным средством для династическо-партикуляристских интересов, между тем как во втором оно было бы высшей национальной самоцелью». Но если прусская идея—враг идеи германской, то она также враг «предержавших властей» в Германии.

На основании прусской истории Швейцер доказывал, что прусский партикуляризм, будучи самым могущественным, является поэтому в общественном смысле наиболее вредным для национального развития, что он означает нечто совершенно иное, нежели лихтенштейнский или липпе-детмольдский, даже нежели баварский или швабский партикуляризм. Всякий прусский министр, взявшийся продолжать старые традиции прусского государства, будет самой силою вещей увлекаем вперед, он не может повернуть назад по этому пути. Политика прогрессистской партии в немецком вопросе страдает тем недостатком, что она не прусская и не германская. Она хочет германского единства под гегемонией Пруссии, не понимая, что германское единство может быть достигнуто только посредством германской революции, а прусская гегемония может создать только Великопруссию. Доказывать еще теперь проницательность этого исторического исследования значило бы ломиться в открытые двери.

Тем не менее, в статьях Швейцера о Бисмарке не все обстояло благополучно. Он был прав, конечно, когда видел в прусском партикуляризме нечто особое, для понимания чего требуется иметь в виду исторические условия его происхождения и существования, но он рисовал все-таки

своеобразный характер этих условий с живостью, нередко чрезвычайно походившей на прославление. То, что Швейцер говорил о «значительной политике» Бисмарка, было еще самым малым грехом. Альберт Ланге около того же времени признал за этой самой политикой «основные черты отваги и известной величественной простоты»; эта реакция умных людей против наивных ребяческих уловок, которыми «Национальный союз» думал свалить прусского министра, была достаточно понятна. Но то, что Швейцер делал прусское государство созданием «дельных правителей», что он восхвалял «могучий гений» старого Фрица, «человека во всех отношениях достойного удивления», и многое другое было столь же спорно исторически, сколько политически. Злобным противникам,—а Швейцер не мог не знать, что ему приходится бороться с очень злобными противниками,—достаточно было вырвать отдельные предложения из общей связи, чтобы возбудить представление, будто автор стремится опруссачить молодое рабочее движение. Этот нетактичный тон был особенно заметен в первых двух статьях и гораздо меньше в последних трех. В промежутке Швейцер получил весьма чувствительный урок: его политика была публично отвергнута Марксом и Энгельсом.

Неохота, с которой Маркс и Энгельс согласились сотрудничать в «*Социал-Демократе*», имела свои солидные основания. Раз агитация Лассалья вызывала в них тяжелые сомнения, и они не хотели взять на себя самих руководство германским рабочим движением, то всего разумнее было с их стороны предоставить вещи своему собственному течению, как они уже сделали это при жизни Лассалья. Полуответственность простого сотрудничества в органе Союза могла привести только ко всякого рода трениям. Что у Швейцера было искреннее намерение поставить агитацию на широком принципиальном основании, отвечающее воззрениям Коммунистического Манифеста, это он доказал, осуществив его и после резкой отповеди, полученной от авторов Манифеста. Маркс и Энгельс не доверяли ему, однако, и сообщения Либкнехта усилили скоро это недоверие. Если Либкнехт писал в Англию в таком же духе, в каком он вскоре после этого высказался публично, то при всей субъективной правдивости корреспондента Маркс и Энгельс не получали объективно верной картины тогдашних лиц и дел в Германии. В своей оценке ост-эльбских дел они и без того никогда не могли вполне отрешиться от взглядов прирейнских уроженцев; это сказалось в их суждении о Лассале и лассалевской агитации, как оно отразилось в 1848 г. на их суждении о Борне и тогдашнем рабочем движении в Берлине и Лейпциге.

Уже первую передовую статью «Социал-Демократа» о Лас-сале Маркс осудил, как «раболепное славословие», — приговор незаслуженно суровый, хотя мы готовы признать, что не всякое слово этой статьи может быть принято на вес золота. Швейцер просил о терпении, уверяя, что дело постепенно наладится. Затем, когда в январе 1865 г. умер Прудон, то Маркс по просьбе Швейцера написал тотчас же некролог о покойном, не упустив, однако, случая охарактеризировать в своей превосходной статье «всякий внешний компромисс с предерживающими властями», как нарушение «простого нравственного такта». В то же время Энгельс прислал перевод одной стародатской крестьянской песни, чтобы в комментарии к ней выяснить немецким рабочим необходимость борьбы против юнкерства. Само собою разумеется, что Швейцер напечатал обе заметки без всяких изменений. Но затем у Маркса нашлись новые поводы для замечаний: он был недоволен одним парижским письмом Гесса и отношением Швейцера к стачечному движению, которое начало тогда развиваться в Германии. Швейцер снова просил о терпении. 15 февраля он писал Марксу, что с благодарностью примет всякое теоретическое разъяснение, считая его поучительным для себя, но для того, чтобы судить о практических вопросах тактики данного момента, необходимо стоять в центре движения. К этому он прибавлял: «Не забывайте также, что Всеобщий Германский Рабочий Союз есть консолидированный организм и до известной степени связан своими традициями. Вещи in concreto всегда тащат с собою какой-нибудь мертвый груз, мешающий их свободному движению». На это Маркс и Энгельс ответили из Лондона и Манчестера публичным заявлением, что тактика, которой следует «Социал-Демократ», исключает возможность их дальнейшего сотрудничества в газете. В заявлении, помеченном 23 февраля, они говорят, что ни одной минуты не упускали из виду трудного положения газеты и не выступали ни с какими притязаниями, не подходящими для берлинского меридиана. Но они неоднократно требовали, чтобы по отношению к министерству и феодально-абсолютистской партии употреблялся по меньшей мере столь же смелый язык, как относительно прогрессистской партии. Свой взгляд на королевско-прусский правительственный социализм и на правильное отношение рабочей партии к подобным надувательским фокусам они развили уже в 1847 г. в «*Deutsche Brüsseler Zeitung*» и готовы еще теперь подписать каждое слово тогдашнего своего заявления. Одновременно с этим Либкнехт выступил из редакции, а несколько дней спустя от участия в газете отказались Гервег, Рюстов и Иоганн-Филипп Беккер; из объявленных сотрудников остались верными ей только Гесс и Вутке.

Буржуазия ликовала по поводу размолвки, и печатный орган Зоннемана с возвышенной точки зрения своей античной нравственности доказывал «рабочим демократического образа мыслей», что они не могут быть хорошего мнения о «таких вождях», как Маркс и Энгельс, позволивших себе вступить в сношения с «Социал-Демократом», несмотря на то, что, как известно, уже Лассаль заигрывал с реакцией. По поводу этой остроумной вылазки Швейцер заметил, что самые ядовитые противники лассалевской агитации считают все-таки поведение Маркса и Энгельса непоследовательным. К этому тактическому прикрытию не следует относиться особенно строго, но весьма неуместна была зато инсинуация Швейцера, будто Маркс и Энгельс ушли, убедившись, что они не могут играть первой роли в партии. Маркс резко и убедительно ответил на это в берлинской «Реформе», которую редактировал тогда Гвид Вейсс. Впрочем, Швейцер постарался возможно скорее перейти от «этих личных историй» к очередным политическим вопросам. К сожалению, он не принял в расчет злополучного Бернгарда Беккера, предпринявшего безнадежную попытку выказать себя достойным преемником Лассалья и богатырскими ударами сразить противников Союза. Беккер произнес 22 марта пред гамбургскими рабочими длинную речь, изобиловавшую выпадами личного характера против графини Гацфельдт, также как против Маркса, Энгельса и Либкнехта.

В берлинской общине дело дошло из-за этого до бурных сцен. Либкнехт выступил с рыцарской защитой графини против нападок Беккера, несмотря на то, что принципиально он уже порвал с ней, и опроверг отвратительные клеветы, которые Беккер собрал против него, Маркса и Энгельса из памфлета Фохта и тому подобных источников. Но его предложению берлинская община почти единогласно решила исключить Бернгарда Беккера из Союза, «как лжеца, клеветника и безнадежного идиота». Разгоряченный сражением Либкнехт, однако, сам способствовал увеличению сумятицы: на столбцах «*Rheinische Zeitung*», злобной противницы рабочего движения, он опубликовал заявление, где, между прочим, говорилось, что учение Лассалья представляет собою только «слабое и бледное повторение» принципов, уже много лет защищаемых им и его друзьями. Между тем незадолго до этого сам Маркс отдал в следующих выражениях хвастуна Блинда, который по отношению к рабочему классу был одного поля ягодой с «*Rheinische Zeitung*»: «Я очень далек от намерения сделать такого человека, как Лассаль, и действительный смысл его агитации понятными смешному клоуну, за которым не стоит ничего, кроме его собственной тени. Я убежден, напротив, что г. Карл Блинд только

исполняет призвание, возложенное на него природой и Эзопом, когда он лягает мертвого льва». Этим была, конечно, образцово указана граница, которую непременно нужно было соблюдать, когда о личности и деятельности Лассала приходилось говорить с буржуазией.

Во время этой неприятной распри появилась небольшая брошюра о прусском военном вопросе и германской рабочей партии, задуманная и, вероятно, также написанная Энгельсом еще до публичного столкновения; во всяком случае, она совершенно свободна от полемики, хотя последний отдел ее составлен так, что постоянно имеется в виду тактика Швейцера. В первых двух отделах Энгельс осветил вопрос о прусской военной реформе с точки зрения правительства и буржуазии,—осветил с историческим беспристрастием научного исследователя, которое было непонятно даже для таких людей, как Рюстов и Гесс, не говоря уже о либеральных политических деятелях. Третий отдел исследовал отношение пролетариата к конфликту между правительством и буржуазией из-за конституции. Энгельс приходил к следующим выводам: необходимо поддерживать прежде всего рабочую партию в организованном состоянии, насколько это позволяют теперешние условия; толкать прогрессистскую партию вперед к действительному прогрессированию, заставлять ее елико возможно переделывать в более радикальном направлении свою собственную программу, беспощадно бичевать и осмеивать всякую ее непоследовательность, всякую слабую сторону ее; вопрос о военной реформе в тесном смысле предоставить своему собственному течению, в сознании, что рабочая партия также проведет когда-нибудь свою собственную, германскую «реорганизацию армии»; реакции отвечать на ее лицемерные зазывания гордыми словами старой Гильдебрандовой песни: «Дары надо принимать копьём, острие против острия».

Эта программа не заключала в себе, строго говоря, ничего такого, что противоречило бы воззрению Швейцера, и Швейцер мог бы даже защищаться ссылкой на Энгельса против шумного упрека Гервега, что «Социал-Демократ» не принял статьи Рюстова о прусской военной реформе. Рюстов стоял в этом вопросе на точке зрения, хотя и более радикальной, но по существу одинаковой с буржуазией. И Гервег, оставаясь вполне последовательным, действительно напал на Энгельса почти столь же резко, как на Швейцера. Чтобы открыть истинную разницу между мнениями Энгельса и Швейцера, приходится войти в несколько более подробное рассмотрение доводов, при помощи которых Энгельс пришел к своим заключительным положениям.

Изобразив бонапартистские замашки прусского правительства, Энгельс высказал в своей брошюре мнение, что, *если* это правительство октроирует всеобщее избирательное право, но оставит его такими оговорками, при которых оно именно и перестанет быть всеобщим избирательным правом. Энгельс ссылаясь на опыт Франции, заявляя, что в Германии следует ожидать еще худшего. Германский пролетариат не так сосредоточен в немногих центрах и не имеет такого продолжительного боевого опыта, как французский. Затем в Германии общее правило составляет не мелкий крестьянский собственник, а крупное землевладение; если треть германских пролетариев находится под командой капиталистов, то две трети их подчинены власти феодалов. «Пока сельский пролетариат не будет вовлечен в движение, до тех пор городской пролетариат Германии не может достигнуть и не достигнет ни малейших результатов, до тех пор всеобщее и прямое избирательное право является для пролетариата не оружием, а западней». Вот в чем заключалось действительное разногласие между Энгельсом и Швейцером. Дальнейшие рассуждения Энгельса насчет того, что все рабочее движение в Германии пользуется лишь терпимостью, что правительство ежеминутно может задушить его, не только не оспаривались Швейцером, а напротив — этот неоспоримый факт был именно движущей пружиной его тактики. Так же мало он возражал когда-либо против того, что рабочий класс не обязан благодарностью реакции, когда последняя из ненависти к буржуазии делает социальные уступки, вроде права коалиций, фабричного надзора, максимального рабочего дня и т. д., или против того, что когда буржуазный класс предаст гражданские свободы, то рабочие должны все-таки вопреки буржуа продолжать агитацию за свободу печати и право собраний.

Швейцер постарался вывернуться как-нибудь из весьма неудобного положения, в которое его поставила глупая речь Беккера в Гамбурге. Отречься от Беккера ему никак нельзя было, если он хотел избежать полного распада того, что еще держалось вместе, и потому он опять приложил все усилия к возможно скорейшему прекращению личной перебранки. Как только Союз перенес кризис, Швейцер стал избегать всяких личных нападок, всегда высоко ставил Маркса и Энгельса, как выдающихся теоретиков, и отрицал только за ними возможность верного суждения о практических делах германской агитации. Во время самого кризиса Гесс, не могший забыть отдела о немецком социализме в Коммунистическом Манифесте, сделал в одном своем письме из Парижа мимоходом вылазку против памфлета Энгельса, и Швейцер пропустил ее. Но сам

Швейцер ответил после кризиса в совершенно деловом тоне и с достоинством, не называя по имени Энгельса, который в своей брошюре также не называл его.

Против всеобщего избирательного права, — писал Швейцер, — делаются два возражения. Первое состоит в том, что при существующем образовательном уровне народа, особенно сельского населения, всеобщее избирательное право, даже честно и правильно применяемое, может стать опорой реакционных сил. Против этого можно возразить главным образом следующее: на первых порах важно не столько, чтобы в народное представительство посылались большинство, сколько, чтобы народный голос раздавался вообще в признанных и облеченных формальным авторитетом государственных корпорациях, — что почти невозможно при трехклассной системе выборов. Если бы рабочая партия была представлена в парламенте, хотя бы только в небольшом числе, то уже это одно составило бы крупное, весьма крупное приобретение.

Второе возражение, — что без соответственного дополнения полной свободой печати и полной свободой союзов всеобщее избирательное право идет на пользу не народному делу, а делу угнетателей народа, — в действительности совсем не есть возражение. Само собою разумеется, что рабочая партия требует всеобщего избирательного права только как последовательного развития всех прав, заключающихся в понятии свободного государства; без этих прав всеобщее избирательное право было бы жалким данаевым даром от враждебного народу произвола и деспотизма, скрывающегося под мантией народолюбия. Но и в этом случае представлялось бы еще вопросом, не следует ли приветствовать даже такое избирательное право, как относительный прогресс и меньшее зло в сравнении с существующим избирательным законом?

На этот вопрос, — говорит Швейцер, — можно ответить и «да» и «нет». «Да», если принять в соображение, что при чрезвычайной косности масс такое избирательное право дает все-таки в руки важное орудие воздействия на них. «Нет», если иметь в виду, что обладание правом, в значительной мере призрачным, может представить для развития масс большую опасность, нежели прямое лишение их важного права. «И мы действительно думаем, что в нашей партии мнения относительно этого «да» или «нет» расходятся. Но насчет одного — и в данном случае это самое главное — мы согласны все: что если бы правительством где-либо было дано всеобщее избирательное право без одновременного обеспечения соответственных прочих народных прав, то первое, даже единственное употребление полученного права голоса

должно было бы состоять в завоевании и обеспечении упомянутых других прав. Ибо свобода, свобода нужна нам прежде всего». Таким образом, если Энгельс говорил, что дарование всеобщего избирательного права прусским правительством будет не оружием, а западной, то Швейцер полагал, что из него действительно хотят сделать западную, но оно может стать оружием. Вот в чем заключалась суть разномыслия, существовавшего между Энгельсом и Марксом, с одной стороны, и Швейцером — с другой.

Три с половиною года спустя, 13 октября 1868 г., Маркс писал Швейцеру: «Я признаю безусловно ум и энергию, отличающие вашу деятельность в рабочем движении. Этот взгляд свой я не скрывал ни от кого из своих друзей». Прибавляя затем: «Я не игнорирую трудностей вашего положения и никогда не забываю, что каждый из нас зависит больше от обстоятельств, чем от своего желания», Маркс в других выражениях признал ту самую мысль, которую Швейцер высказывал, когда 15 февраля 1865 г. просил Маркса о снисхождении, — мысль, что *in concreto* вещи всегда тащат с собою какой-нибудь мертвый груз, мешающий их свободному движению. В своем чрезвычайно трудном положении Швейцер не всегда соблюдал надлежащие границы своей тактики, нарушив их, напр., в отдельных местах статей о Бисмарке, но правильность самой тактики подтвердил исторический ход вещей.

Остается упомянуть еще о споре относительно задач рабочей партии, возгоревшемся в это же время между Альбертом Ланге и Швейцером. Примирительное положение занято Ланге на лейпцигском съезде немецких рабочих ферейнов, на ряду с избранием его в комитет, побудили его высказаться в связной форме по рабочему вопросу, чтобы не навлечь на себя упрека в двусмысленном поведении. Его небольшая книга была чрезвычайно богата тонкими и меткими замечаниями о рабочем движении, но страдала тем основным недостатком, что признавала закон народоселения Мальтуса, получивший как будто окончательное подтверждение в теории Дарвина, которая стала распространяться как раз в это время. Естественно-научное образование Ланге все же ставило преграду его социологическому мышлению, как далек ни были Ланге от безнравственных выводов, которые делались и продолжали делаться из Мальтуса вульгарными экономистами.

В своих практических требованиях Ланге стоял гораздо ближе к Лассалю, чем к Шульце. Требования эти были следующие: полная самостоятельность рабочего движения, независимые действия рабочего класса, прежде всего в политической, а затем — в кооперативной области, служебное подчине-

ние образовательных стремлений этим, более неотложным целям, демократизация государства путем неограниченной свободы ассоциаций и печати, всеобщего и бесплатного обучения всем необходимым и общим для всех граждан предметам, финансового и законодательного содействия производительным товариществам, в особенности товариществам для ведения крупного хозяйства в земледелии. Относительно действия всеобщего избирательного права Ланге был более скептического мнения, чем Лассаль, но он соглашался, что оно должно быть даровано, раз массы его требуют, и признавал также, что нет лучшего, нет более справедливого и обещающего больший успех агитационного средства для проведения социальных идей. С такой программой Ланге стал, конечно, невозможен для буржуазии; тем больше горечи вызывало в нем «полное невнимание, которое его книга встретила в кругах рабочих и их вождей». Действительно, Швейцер дал о книге довольно неблагоприятный отзыв, далеко не отвечавший ее идейному значению, и, повидимому, Ланге не встретил также особенно дружжелюбного приема, когда изложил свои взгляды в лекции пред дуисбургским отделением Всеобщего Германского Рабочего Союза.

Отчасти эта незаслуженная судьба Ланге объясняется, может-быть, появлением его книги как раз в тот момент, когда умы были глубоко взволнованы кризисом в Союзе. Но, с другой стороны, причина была также и та, что Ланге хотел примирять там, где не было больше места примирению, как искренно он ни уверял, что далек от всяких соглашательских намерений. Дав исход своему раздражению замечанием о «ново-прусской фальсифицированной социал-демократии в Берлине», Ланге затем, со своей справедливо взвешивающей манерой, попробовал все-таки столкнуться со Швейцером насколько это вообще было возможно.

В «*Нижне-Рейнском Вестнике*» («*Vote vom Niederrhein*») — газете, выходившей три раза в неделю и издававшейся Ланге в Дуисбурге с осени 1865 г. до лета 1866 г. — он объявлял ошибкой, хотя и весьма извинительной по наличным условиям, что Лассаль слишком односторонне рассматривал кооперативное дело с мещанско-филистерской точки зрения Шульце, упуская при этом из виду истинно-социалистический дух, пустивший корни в английских и французских, а отчасти уже и в немецких кооперативных товариществах рабочих. «Когда возвратившиеся из изгнания евреи строили свой храм, то они в одной руке держали меч, а в другой — лопатку. Так должны были бы относиться друг к другу Всеобщий Германский Рабочий Союз и кооперативные товарищества. Их задача не одинакова, но они допол-

няют друг друга». Как явствовало уже из книги Ланге о рабочем вопросе, это и был собственно пункт, смущавший Ланге в агитации Лассалья. Ланге отнюдь не хотел беспринципного затушевывания противоположностей, он не хотел лишь отказываться от соединения вещей, вполне совместимых. Но он упускал из виду право той односторонности, без которой невозможна никакая крупная практическая деятельность.

Швейцер охотно соглашался, что «ошибка» Лассалья имела свои невыгодные стороны; но зато она составляла, по его мнению, решительное преимущество лассалевской агитационной программы. «Противоположная ошибка была бы в состоянии вызвать в лучшем случае доктринерскую полемику нескольких специалистов, но не зажигательную рабочую агитацию». Зло, по поводу которого скорбит Ланге, скоро исправится на практике и уже начинает исправляться. Но никоим образом не следует поддерживать далеко еще не побежденную и не изжитую иллюзию, что кооперативные товарищества, покоящиеся на так назыв. «самопомощи», способны произвести прочное и серьезное улучшение в классовом положении пролетариата. На это Ланге возразил, что в замечаниях Швейцера есть, пожалуй, известная доля истины, но надо иметь в виду, что масса рабочих страдает не переоценкой самопомощи, а простым безумием. Как раз те рабочие, которые вовлечены в настоящее кооперативное дело, стоят уже вследствие этого ближе к стремлениям Всеобщего Германского Рабочего Союза, нежели индифферентная масса.

В то же время Ланге выступил, однако, против некоторых непрошенных замечаний, с которыми в спор вмешался Зоннеман. Этот капиталистический мыслитель утверждал, что съезд немецких рабочих ферейнов есть истинная социал-демократия, вполне согласная во взглядах с социал-демократами Англии, Франции и Америки, тогда как Всеобщий Германский Рабочий Союз висит в воздухе со своей фантастичекой политикой будущего, которая, с одной стороны, требует всеобщего избирательного права, следовательно — господства большинства, а с другой — хочет заранее предписать этому большинству определенную социалистическую программу. Ланге ответил Зоннеману, что единодушные немецких рабочих ферейнов с американскими, английскими и французскими социал-демократами еще не сделало больших успехов, что оно начинается только вместе с освобождением их от боязливой и одностороннего руководства Шульце и в этой мере обусловлено косвенно влиянием лассалевской агитации. Политика Всеобщего Германского Рабочего Союза не представляет собою ничего неслыханного. Приверженцы Лассалья едва ли рассчитывают на полную по-

беду, если будет выбран парламент на основании всеобщего избирательного права. «Позволительно утверждать, однако, что весь характер собрания изменится, когда в него войдет хотя полдюжины решительных социал-демократов. Тотчас же изменилась бы также вся манера обсуждения социального вопроса в печати». А ведь это уже есть некоторый успех, — тем более что при трехклассных выборах в парламент не прошел бы ни один человек социал-демократического направления, каков бы ни был их результат в прочих отношениях.

Эти замечания Ланге Швейцер мог отметить с чувством нравственного удовлетворения. Его спор с Ланге пришел к тому же пункту, к которому пришел его спор с Энгельсом, — одним доказательством больше в пользу того, что этот пункт был центром тяжести всего спора, возгоревшегося после смерти Лассалья и разрешенного рабочими практически задолго до того, как он был покончен теоретически.

3. Решение рабочих.

Заявление, в котором Маркс и Энгельс отказывались от дальнейшего участия в «Социал-Демократе», появилось в 29 номере этой газеты. Несмотря на короткое время, деревцо успело пустить настолько крепкие корни, что благополучно перенесло бурю.

Победы, которые принес рабочему делу конец 1864 г., продолжались без перерыва и в начале 1865 г. Бернгард Беккер не был искусным агитатором, и тем не менее, когда он посетил в январе силезские ткацкие округа, его появления было достаточно, чтобы привлечь в Союз более тысячи членов; скоро там было уже 10 общин, из которых одна насчитывала 500, другая—400, а большинство—свыше 200 членов. Новый комитет майнского края созвал на первое воскресенье февраля большое собрание в Майнц, в курфюрстскую Мраморную залу, где 2.000 рабочих при общем ликовании высказались за принципы Лассалья. Уже раньше Гильман с блестящим успехом произвел смелый натиск на Ремшейд, Гаген, Изерлон; среди привлеченных новых членов находились Газенклевер и Тельке.

В Изерлоне разыгралась история, привлекавшая к себе в течение нескольких месяцев общественное внимание далеко за пределами кругов, близких к Союзу. Всякий раз когда какой-нибудь бюрократ доводил полицейский произвол до каких ему вздумается пределов, всегда оказывалось, что его усмотрению не поставлено никаких границ. Так, бургомистр Изерлона Гюльзман решил попросту не дать рабочему дви-

жению возникнуть там; везде, где ему мерещился малейший признак движения, он запрещал, преследовал, арестовывал. Между прочим, он распорядился, чтобы полицейские чиновники, присутствующие на собраниях, распускали всякое собрание, в которых будут говорить о «рабочих» и «рабочих союзах». Разумеется, высшая бюрократия милостиво взирала на подвиги благонамеренного карьериста. Тельке удалось, однако, смирить его, хотя в борьбе с отчаянным злом ему приходилось подчас пускать в ход отчаянные средства.

Так, напр., по его инициативе изерлонский «Рабочий ферейн» послал 22 марта королю Вильгельму телеграфное поздравление с днем рождения, а на вечер того же дня Тельке созвал «веселое собрание» членов, чтобы принять королевский ответ. Действительно, ответ пунктуально и всемилостивейше прибыл, но полицейские чиновники запретили прочесть его вслух на том основании, что он адресован «Рабочему ферейну», а это слово, согласно приказу бургомистра, не должно быть произнесимо публично. Тут пришлось явиться на сцену ландрату, который не осмелился запретить прочтение депеши и таким образом против воли дал здорового щелчка по носу верному слуге Гюльзману. Невозможно перечислить все шахматные ходы, при помощи которых Тельке загнал бургомистра в тупик; в сентябре 1865 г. бедняга дошел до того, что издал указ изерлонским трактирщикам и кабатчикам, угрожавший им отнятием промыслового свидетельства, «если окажется, что бывший вольнонаемный писец, ныне не имеющий занятия Карл-Вильгельм Тельке терпим в помещениях этих лиц или ему отпущаются какие-либо яства и питания». Всякие оправдания незнакомством с личностью названного Тельке не будут принимаемы во внимание. Обжалование этого распоряжения не возбраняется, правда, но у тех, которые будут жаловаться, будет отнято разрешение на дальнейшее занятие трактирным промыслом, «как у лиц, недостаточно благонадежных для надлежащего занятия этим промыслом». Такого избытка комизма не вынесла даже прусская полиция. Скоро Тельке имел возможность расписаться в «Социал-Демократ» в получении громадных вестфальских колбас и других приношений, доставленных ему буржуазными любителями веселой шутки, чтобы спасти его от голодной смерти.

Главное же—агитация начала теперь распространяться в Берлине. Лассаль сказал уже в своей ронсдорфской речи, что «Берлинский рабочий ферейн» начинает выказывать строптивость против прогрессистской партии. Его обвинили за это в хвастовстве, но после его смерти оказалось, что никакого хвастовства тут не было. Чем больше развивалась крупная промышленность, тем настоятельнее ощущалась

рабочими потребность в свободе коалиций; если бы у прогрессистской партии были хорошие советники, она своевременно выступила бы в защиту этого логического вывода из ее собственного учения о свободе торговли. Со свойственной ей половинчатостью она хотела, однако, подобно известному филистеру 1848 г., республики с великим герцогом во главе. Пресловутый «Центральный ферейн для блага рабочих классов», в котором заправилами были манчестерцы, решил в октябре 1864 г. предпринять агитацию в пользу свободы стачек,—но свободы стачек с намордником: предлагалось издать особые уголовные законы против злоупотребления ею. Привлеченные к совещаниям рабочие заметили, правда, это скрытое намерение, но еще раньше, чем они успели выразить свое недовольство, почтенный Гнейст захватил их врасплох, ловко воспользовавшись для этого порядком дня, и Центральный ферейн высказался за такую свободу коалиций, которая фактически не была ею. Раздражение по этому поводу все шире распространялось в рабочем мире, и Берлинский рабочий ферейн созвал на 22 января 1865 г. массовое собрание в Tonhalle, чтобы протестовать против резолюций Центрального ферейна, в особенности—против всякого ограничения свободы коалиций, не установленного общими законами страны.

Этим движением весьма искусно воспользовался «Социал-Демократ». Не скрывая того, что свобода коалиций есть простой логический вывод из либерального хозяйственного строя и не имеет ничего общего с социализмом, он защищал ее, как неотъемлемое право рабочего класса. На рабочее собрание от 22 января были приглашены прогрессистские депутаты, но из них явилось только человек 20, и среди этих великих народолюбцев ни один не нашел даже словечка, которое согрело бы сердца рабочих. Они старались изобразить заправил Центрального ферейна благородными друзьями человечества и заявляли, что рабочие не должны удивляться, если прогрессистская партия отстаивает и другие интересы, кроме интересов рабочего класса. С своей стороны рабочие явственно обнаружили в своих речах, что им прямо-таки надоело предводительство прогрессистов. Докладчик Дитман заявил, что культ благородных народолюбцев есть идолопоклонство, и что рабочие не хотят больше оставаться под властью исключительных законов; пусть ценность всеобщего избирательного права была преувеличена Лассалем, но ведь оно все-таки право рабочего класса, а право должно остаться правом. Так говорил тот самый рабочий, который каких-нибудь два года назад председательствовал в суде, предавшем анафеме Лассалья. Собрание единогласно приняло предложенный Дитманом протест, и тогда Шульце вместе с Фаухером

действительно снизошли до внесения в палату депутатов предложения, чтобы из прусского промышленного устава 1845 г. были вычеркнуты параграфы 181 и 182, из которых первый запрещал стачки предпринимателей, а второй — стачки рабочих.

Тут вмешался, однако, «Социал-Демократ» и раскрыл непозволительную игру с рабочими, которую представляло собою это предложение: дело в том, что Шульце и Фаухер умолчали о параграфах 183 и 184 промышленного устава, из которых первый угрожал денежным штрафом и тюремным заключением за образование союзов фабричными рабочими, подмастерьями, подручными или учениками, а второй грозил теми же карами за гражданско-правовое нарушение рабочими договора найма, равно как за грубое непослушание и упорную строптивость их по отношению к хозяевам. Беригард Беккер дал уполномоченным Всеобщего Германского Рабочего Союза инструкцию созвать повсюду большие рабочие собрания и провести на них резолюцию о том, что предложение Шульце-Фаухера не удовлетворяет справедливых притязаний рабочего класса, что рабочие должны требовать неограниченной свободы коалиций и устранения всех исключительных законов, содержащихся против них в промышленном уставе.

Попытка инициаторов предложения оправдать свой хитрый маневр только подлила масла в огонь. Шульце заявил, что параграф 183 уже отменен, мол, конституцией, разрешающей все союзы, направление которых не противно уголовным законам; прямо отменить его значило бы подвергнуть сомнению юридическую силу конституции и посягнуть на священнейшие основные права народа. Отговорка была в лучшем случае печальным доказательством того, что эти господа позволяли себе с рабочими. Согласно толкованию высшего суда — формально обязательному, сколь бы предосудительно оно ни было — ограничительные специальные законы не отменялись общими началами конституции. Устранение параграфа 183 не посягало ни на какое «священное основное право», а удаляло только закорючку, делавшую право союзов пролетариата еще более призрачным, чем право союзов буржуазии. Далее Шульце сказал, что параграф 183, может быть, и отвратителен, но он не может быть отменен мимоходом, а только заодно с теми ограничениями, которые вообще еще стесняют личную свободу. Если Шульце действительно был настолько ограничен, чтобы искренно верить в значение этой увертки, то «*Volkszeitung*» была бесспорно еще искреннее, заявив, что прогрессистская партия хочет сохранить уголовное наказание за нарушение договора личного найма, натурально —

только для рабочих. Газета милостиво соглашалась, что наказания, устанавливаемые параграфом 184, могут быть смягчены, но рабочий, нарушающий договор, совершает юридическую неправду, а неправда должна быть караемая. Только «невежественные науськиватели» могут утверждать, что уголовные кары за нарушение договора личного найма имеют какое-либо отношение к свободе коалиций, «и подобного-то сорта господ натравливают вас, рабочие, на людей, которые со знанием дела, осмотрительно и заботливо отстаивают ваши интересы».

В тот самый день, как разразилось это нравственное негодование, «богатые знаниями, осмотрительные и заботливые люди» решили сделать то, чего требовали «невежественные науськиватели»: комиссия палаты депутатов, которой поручено было обсудить предложение Шульце-Фаухера, распространила его также на параграфы 183 и 184. Хлыст социал-демократов поднял прогрессистских трибунов с сибаритского капиталистического ложа; Фаухер со вздохом признал, что «серьезное распространение движения» не допускает дальнейших колебаний. В середине февраля состоялись в палате депутатов знаменитые дебаты о свободе коалиций, вызвавшие в этом представительстве денежные мешков такое же смешение языков, как при вавилонском столпотворении. Шульце кричал: не разнуздывайте зверя, Фаухер объявлял тред-юнионы реакционным пережитком средневековых цехов, Леонор Рейхенгейм разыгрывал из себя оскорбленную невинность и прославлял силезских текстильных фабрикантов, как любвеобильнейших доброжелателей страждущего человечества. Четвертый герой прогресса обещал, что товарищества Шульце сделают решительно каждого рабочего зажиточным бюргером, пятый полагал, наоборот, что можно помочь отдельным рабочим, но не рабочему классу, шестой возбуждал бурный смех прелестной острогой, что Альберт Ланге отнесется к Лассалю, как Книппердоллинг к Магомету. Опьяненное этими ораторскими триумфами, прогрессистское большинство хотело затем принять предложение комиссии, но когда оно ближе присмотрелось к своему детищу, то оказалось, что, не поняв совершенно ясной постановки вопроса президентом, оно постановило отменить только параграфы 181 и 182. Вполне естественно, что рабочие заподозрили в этом смехотворном казусе коварную уловку; однако «Социал-Демократ» успокоил их: он писал, что в рабочем собрании подобная оплошность была бы, конечно, невозможна, но на этот раз злая воля основательно изгнана из прогрессистов энергичным выступлением рабочих. Великие парламентарии хотели лишь

показать, что там, где кончается их злая воля, начинается их бездарность.

Консервативная партия и правительство показали себя в прениях о свободе коалиций с не лучшей стороны, чем прогрессисты. Вагенер выступил со своим любимым коньком—всеобщего, но искаженного в сословном направлении избирательного права—и внес знаменитое предложение побудить правительство, чтобы оно взяло на себя инициативу в разрешении социального вопроса. Бисмарк фантазировал на тему о «королях оборванцев» (rois des gueux), которыми будто бы всегда выказывали себя Гогенцоллерны. Министр торговли ф.-Итценплитц официально заявил, что правительство готово дать свободу коалиций, но этим далеко еще не все сделано: предполагается назначить комиссию, куда будут привлечены также предприниматели и рабочие, для обсуждения вопроса о возможности «значительного улучшения материального быта рабочих» путем развития современного кооперативного дела, потребительных, кредитных и производительных товариществ. «Социал-Демократ» отнесся серьезно к этому заявлению или сделал вид, что принимает его в серьез, желая использовать его против прогрессистов; вероятно, это и был пункт, не понравившийся Марксу в позиции, занятой Швейцером относительно стачечного движения. В прочих отношениях эта позиция вполне соответствовала воззрениям, которые часто высказывал Маркс.

Какой-либо сектантской тенденции нельзя открыть и следа в тогдашнем «Социал-Демократе». Повсюду он пользовался фактическими движениями рабочего класса, чтобы энергично отстаивать пролетарские интересы. Он помогал советом и делом чулочникам в Апольде, сукноделам в Бурге, наборщикам в Лейпциге, вообще везде, где поднималась борьба за лучшие условия труда. Особенно большое внимание обратила на себя лейпцигская стачка наборщиков весной 1865 г.; это была первая забастовка, которая могла сколько-нибудь развернуться, так как в королевстве Саксонии уже в течение нескольких лет существовала некоторая свобода коалиций. Наборщики добивались повышения заработной платы, которой они лишь наполовину достигли после 10-недельной борьбы; сила их была сломлена вследствие того, что книгопечатням удалось привлечь в достаточном числе штрейкбрехеров. «Социал-Демократ» был почти единственной в Германии газетой, не нападавшей на забастовщиков и не осыпавшей их бранью, и буквально единственной, с искусством и выдержкой защищавшей их дело. Газета красноречиво разъясняла рабочим, насколько предосудителен образ действий срывателей стачек, а это

что-нибудь значило в такое время, когда Зоннеман и подобные ему друзья рабочих восхваляли штрейкбрехерство, как необыкновенно достойный подвиг, и превозносили, например, франкфуртских кузнецов, которые, в качестве «черноногих», сорвали стачку парижских кузнецов.

Этим ходом вещей вполне объясняется, почему масса Всеобщего Германского Рабочего Союза высказалась в пользу тактики Швейцера. Какое-либо пристрастие к его личности не играло тут никакой роли. Швейцер был по-прежнему очень мало любим среди рабочих; на дюссельдорфском общем собрании он не был выбран вновь в правление, когда по жребию выступил из последнего, и признание «Социал-демократа» органом Союза произошло также не без затруднений. Признавая тактику Швейцера наиболее полезной для пролетарских интересов, рабочие массы руководились исключительно своим естественным классовым инстинктом. Всего менее пугало их мнимое «кокегничанье с реакцией». Политика либеральной буржуазии вызвала в пролетариате такое отвращение к этой партии, что Швейцер с полным правом мог тогда, как и впоследствии, отвергнуть от себя упрек, будто он натравливает рабочих на буржуазную оппозицию; он мог с полным правом говорить, что не только не разжигает ненависти к прогрессистской партии, а, напротив, довольно часто сдерживает ее по рассудочным мотивам политики.

Первое решение в пользу его тактики было вынесено рейнско-вестфальским рабочим съездом, происходившим 12 марта в Бармене; на съезд прислали своих представителей Дюссельдорф, Эльберфельд, Вермельскиркен, Золинген, Изерлон и некоторые меньшие общины. Было постановлено, что рабочие могут быть вполне довольны поведением «Социал-Демократа», так как он оберегает независимость рабочей партии; верно также, что нужно выждать правительственных предложений по рабочему вопросу, прежде, чем судить о них: нет ничего невозможного в том, что правительство отменит трехклассные выборы и введет вместо них всеобщее избирательное право. Из трех ораторов, защищавших эту резолюцию, двое принадлежали к старым революционерам времен «*Neue Rheinische Zeitung*»; это были Гильман и затем Резер, не отказавшийся от служения делу коммунизма, как это сделали Беккер и Бюргерс, вместе с которыми он был осужден в кельнском процессе коммунистов. Резолюция рейнско-вестфальского съезда партии получила постепенно одобрение всех общин Союза. Вторая годовщина Союза, отпразднованная 23 мая 1865 г. во Франкфурте в присутствии делегатов от 32 общин, прошла с большим подъемом; в то же время «Социал-Демократ» объявил, что с 1 июля он начнет выходить ежедневно.

Правда, существовала еще оппозиция, из которой развились особые оппозиционные общины в Берлине, Альтоне, Кельне, Золингене, Майнце и других местах. Они нашли себе общий орган в *«Полярной Звезде»* (*«Nordstern»*), предожившей себя в распоряжение графини Гацфельдт. Если кто хочет еще теперь иметь вещественное, так сказать, доказательство того, почему тактика Швейцера должна была победить, то достаточно положить рядом *«Социал-Демократ»* и *«Полярную Звезду»* за 1865 г. Из первого выпукло и ярко выступает пред нами все, что жило и действовало в тогдашнем рабочем мире, во второй мы находим только немногие туманные силуэты его. Глубокий смысл заключался в словах Лассалля, что дух масс, сообразно их массовому положению, направлен всегда на объективные деловые цели, что голоса отдельных, самолюбивых лиц тонут в этом аккорде голосов, не будучи даже услышаны. Сколько таких голосов бесследно заглухло в *«Полярной Звезде»!* Если ограничиться только более известными именами, то помещенные в этой газете заявления Гервега и Рюстова были тем беднее содержанием, чем более пышный вид они имели. Рабочие могли также весьма равнодушно отнестись к тому, что Мартини, никогда не интересовавшийся Союзом, теперь впервые обмакнул свое перо в чернила, чтобы заявить о своем уходе из него. Даже «откровенное слово», которым честный Иоганн-Филипп Беккер дожимал в ряде номеров «Бернардика», должно было подействовать в конце концов утомляющим образом. Этот старый борец попытался, по крайней мере, организовать оппозиционные общины. Однако единственным результатом его усилий было то, что они совершенно распались. Против его плана обратиться президентство Союза в директорию из 3 членов, подчиненную контролю комитета из 11 членов, восстала изо всех сил графиня Гацфельдт, и дело кончилось ничем, после одного или двух делегатских собраний, состоявшихся в Лейпциге и не давших никаких положительных результатов. Обломки оппозиции вернулись затем, большей частью, к старому ядру партии.

Маркс и Энгельс не имели ко всему этому никакого отношения, но Либкнехт столкнулся очень скоро в берлинской оппозиционной общине со сторонниками графини Гацфельдт, с которыми он, конечно, ни в каком случае не мог столковаться. Рядом с этим Либкнехт читал в фереине типографских подмастерьев лекции о крестьянской войне, о которых *«Социал-Демократ»* дал благоприятный и объективный отзыв. Летом 1865 г. Либкнехт был выслан из Пруссии, и почти в одно время с ним той же участи подвергся Бернгард Беккер. Феодалная реакция всегда

старается с чисто материнскою заботливостью о том, чтобы одинаково грубым своим отношением к различным направлениям рабочего движения выяснить этому последнему необходимость крепко сомкнуть свои ряды.

4. Тактика и организация.

Буржуазная оппозиция в палате депутатов покрыла себя своеобразными лаврами не только в прениях о свободе коалиций. В шлезвиг-голлштинском вопросе она вообще не имела больше программы, и всего менее она имела таковую в конституционном конфликте. Даже со своими преувеличенно резкими словами она не двигалась больше с места. Когда Гнейст угостил военного министра «каиновой печатью клятвопреступления», и Роон сухо возразил, что Гнейст «нахал», то провинившийся депутат смиренно поджал хвост, а председательствовавший в этот момент вице-президент ф. - Унру удовольствовался тем, что скорчил удивленную физиономию, словно кот, услышавший гром.

От столь жалкого положения вещей старому Циглеру, попавшему в эту компанию, стало раз не в моготу,—и в потрясающей речи, какая вряд ли когда раздавалась в здании палаты, он крикнул прогрессистской партии горькие слова Арманда Марраста: «Извращенность проникла у вас в мозг, вы не в состоянии больше мыслить, как следует». В берлинской «*Реформе*» Гвидо Вейсс писал по поводу речи: «Начав в безобидном тоне, не спеша развивая свою мысль, даже делая отступления в пестрых картинах пережитого, она вдруг прыгнула на улыбающегося слушателя и нанесла ему удар острыми когтями,—не знаем липь, в грудь ли, или только в толстое брюхо». Увы, только в брюхо. «*Народная Газета*» замолчала речь, отведя ей семь непонятных строчек, а в «*Эльберфельдской Газете*» один официозный парламентский корреспондент высказался в том смысле, что Циглер — комический персонаж палаты: толку от его речей немного, но все же они забавны. Это стоячее болото нельзя было больше всколыхнуть, даже когда его хлестали розгами.

После того, как сессия ландтага закрылась в июне среди традиционной перебранки, прогрессистская партия захотела по обыкновению прославить при звоне бокалов подвиги, которых она не совершила. На этот раз Бисмарк расстроил, однако, ее план, потому ли, что он не в состоянии был подавить в себе врожденные насильнические инстинкты,—предположение всегда вероятное относительно него,—или потому, что он сам, как многие тогда думали, страдал от

жалкого состояния оппозиции и хотел немного подстегнуть ее, чтобы сделать себя в глазах короля более необходимым в качестве спасителя отечества. 11 июля начальник кельнской полиции запретил банкет депутатов, который должен был состояться в рейнской столице 22 и 23 июля. Запрещение было актом чистейшего полицейского произвола, оно лишено было всякого законного основания или хотя бы только кажущегося основания. Была минута, когда могло показаться, что прогрессистская партия, наконец, решилась вести себя мужественно. Кельнский комитет по устройству празднества, во главе которого стоял городской гласный Классен-Каппельман, объявил во всеобщее сведение, что празднество, несмотря ни на что, состоится, и из 250 приглашенных депутатов 160 обещали явиться, отчасти в очень резких письмах.

«Социал-Демократ» поспешил, с своей стороны, обратиться к рабочим с приглашением энергично поддержать прогрессистскую партию в том случае, если она, действительно, хочет защищать на практике одно из прав гражданина. По распоряжению Бернгарда Беккера во всех городах Германии, где был представлен Всеобщий Германский Рабочий Союз, состоялись 23 июля большие рабочие митинги, на которых рабочие выразили свое полное сочувствие прогрессистской партии и обещали ей свою деятельную поддержку в отстаивании законно существующего права собраний. На берлинском митинге был по предложению Швейцера выбран постоянный комитет для обсуждения дальнейших шагов, и этот комитет созвал на 30 июля массовый митинг в Альгамбру. Тем временем «Социал-Демократ» почти ежедневно подвергался полицейской конфискации, берлинская и магдебургская общины Союза были распущены якобы за нарушение закона о союзах, а Бернгард Беккер получил приказ в течение 24 часов оставить прусскую территорию. Тем больше народу привлекло массовое собрание 30 июля; оно выразило энергичный протест против высылки Беккера и Либкнехта, равно как против всякого ограничения права союзов и собраний.

Но буржуазная оппозиция была весьма далека от подобной энергии. Вместо 160 депутатов, обещавших приехать в Кельн, явилось только 80. В особенности заметно было отсутствие президентов палаты депутатов; взамен себя Грабов отслужил свой бюст весом в 45 фунтов, чтобы к нему могли обращаться с приветственными тостами и кликами «hoch!». Подобно гостям, хозяева празднества также были без главы: Классен-Каппельман уехал на оба дня празднества в Бельгию, из боязни, что его могут арестовать. Для публики геройское бегство оправдывалось тем, что арест народного любимца

может вызвать кровопролитную драку, которой во что бы то ни стало надо избежать; по секрету же авгуры были согласны между собою относительно того, что после ареста Классена-Каппельмана испарились бы и те несколько десятков депутатов, которые еще явились. Пиршеству в Кельне помешали затем войско и полиция. На следующий день участники празднества отправились в Оберланштейн, где они устроили свой пир без помехи со стороны нассауской армии, явившейся на сцену слишком поздно. Однако до протеста против полицейского произвола дело не дошло; ограничились благодарственным письмом Классену-Каппельману, подписать которое также отважились только 46 депутатов. Профессор Экгардт, южно-германский демократ, приехавший в Кельн, чтобы смотреть с восторгом на обещанные геройские подвиги прогрессистов, писал полусмеясь, полувозмущенный: «Бисмарк, ты можешь спокойно спать! Эти господа не сделают никакой революции, они хотят быть предметом безобидных чествований, спокойно кушать, красиво говорить, фигурировать в газетах, но оказать тебе сопротивление — нет, по крайней мере, не при помощи оружия, скорее уж — негодования»¹⁾. С еще большим чувством горечи писал либеральный историк Баумгарген, живший тогда за границей: «Я хотел бы, чтобы господа, устроившие этот банкет, были в течение последовавших недель за границей и видели, с каким пренебрежением европейские нации говорили о Германии».

Под Германией нужно разуметь, однако, лишь германскую буржуазию, так как немецкие рабочие в полной мере выполнили свой долг, не заботясь о благодарности буржуазии, которой они не требовали и не получили. В Берлине «Народная Газета» брюзжала по поводу того, что приверженцы Шульце из рабочих пошли заодно с приверженцами Лассалю, когда у них оказался общий интерес, в Кельне brave буржеры срывали уличные афиши, приглашавшие рабочих на митинг протеста, а во Франкфурте Зоннеман писал с нескрываемым злорадством: «Социал-демократы играют ва банк и проиграют игру». Для боязливых буржуа, которые ни за что так не дрожали, как за капитал, вложенный в их газеты, быть может, и представлялось проигранной игрой, когда «Социал-Демократ» был в течение короткого времени 12 раз конфискован полицией и почти столько же раз подвергся судебным преследованиям на основании всевозможных каучуковых параграфов, принесших ответственному редактору Швейцеру в общей сложности 16 месяцев тюрем-

¹⁾ Игра слов: Rüstung — вооружение, Entrüstung — в обычном словоупотреблении означает негодование, буквально же — разоружение. — *Перев.*

ного заключения и лишение на один год почетных гражданских прав. Но в политическом смысле игра была выиграна, весьма выиграна. Ни одна газета в Германии не защищала угрожаемого права союзов хотя бы и в отдаленной степени с такой последовательностью и мужеством, как «Социал-Демократ»; в этой борьбе, как уже раньше в борьбе за право коалиций, рабочие нашли в «Социал-Демократе» вождя, на которого можно было неизмеримо больше положиться, чем на всю прогрессистскую печать. Поворот в воззрениях рабочих выступил настолько резко, что когда Берлинский рабочий фёрейг пригласил Шульце-Делича прочесть 1 октября публичную лекцию в Альгамбре, то последний дал обещание лишь под условием, чтобы лекция не сопровождалась никакими прениями.

Гарантированный против всяких неудобных возражений, Шульце закончил свою лекцию тонким замечанием, что всем социалистам место в сумасшедшем доме. Ссылаясь на эти слова, Швейцер созвал берлинских рабочих также в Альгамбру на 8-ое и 15-ое октября, чтобы при полной свободе обсуждения развить им социалистическую программу и доказать, что она не такая уж безумная, как утверждает Шульце. Рабочие явились толпами. Они скоро заметили, что предлагаемая им умственная пища совершенно иного сорта, нежели заимствованные напевы Шульце, и их интерес так быстро возрос, что упомянутый выше постоянный комитет из рабочих, выбранный по поводу кельнского банкета, созвал на 6-ое ноября массовый митинг в Альгамбру для прений относительно «обоих главных направлений в социальном вопросе». Комитет пригласил, с одной стороны, Шульце-Делича, Фаухера, Принс-Смита и Михаэлиса, с другой—Швейцера и Вутке. Шульце и Фаухер были в отъезде, Вутке не мог явиться по другой причине, а Михаэлис и Принс-Смит надменно отказались прийти. В переполненном собрании Швейцер не нашел больше ни одного противника, который хотя бы сколько-нибудь был равен ему по силам. Он совершенно правильно оценил свой успех, сказав, что, ввиду массы предрассудков, распространяемых господствующими классами, трудно, конечно, в систематической форме познакомить рабочих с социалистическими принципами, но раз это удастся, последние с неопределимой силой достигают все более решительного господства. Рядом с такими открытыми для всех рабочими собраниями, Швейцер устраивал еще, взамен распущенной полицейскими властями общины Союза, открытые собрания социал-демократических рабочих, на которые являлось от 400 до 500 лиц. К сожалению, многообещающая агитация была скоро прекращена арестом Швейцера, последовавшим в

последних числа ноября, тотчас после первого осуждения его.

Все это встревожило в конце концов прогрессистскую партию. По свидетельству Альберта Ланге, вожди ее тотчас после смерти Лассалья отдали пароль—замалчивать рабочее движение, но эта тактика не дала больших результатов. Затем, когда защита права союзов рабочей партией произвела глубокое впечатление во всей Германии, то противовес ему должен был составить слух, что в феодальных кругах устраиваются денежные сборы в пользу Швейцера и Гофштеттена. Дважды пущенная анонимно в прогрессистских газетах, эта жалкая клевета дважды потерпела фиаско. В третий раз ее подхватил после ареста Швейцера браваый Евгений Рихтер; прибавив к ней несколько фраз, выхваченных из личной полемики, происходившей во время кризиса во Всеобщем Германском Рабочем Союзе, он из всего этого состряпал бессмысленную сплетню, которую издал анонимно под заглавием *«История социал-демократической партии в Германии после смерти Фердинанда Лассалья»*. Pamфлет отличался такой же злобностью, как характер его составителя; тем не менее прогрессистская партия со значительными издержками разослала его всем доступным для нее рабочим ферейнам. Фридрих Стефани, впоследствии достойный товарищ Евгения Рихтера по части осыпания бранью рабочего класса, отказался тогда, в качестве председателя Пригородного Ремесленного Ферейна, раздать членам присланный ему даром тук этой грязной брошюры; сверх других лестных замечаний по адресу автора, он сказал в публичном заявлении: «Эта «история» социал-демократической партии представляет собою в высшей степени неприятный, если не прямо отвратительный пасквиль против отдельных лиц социал-демократической партии, в особенности против редактора ф.-Швейцера, который сидит теперь в тюрьме и потому не имеет даже возможности защищаться». Если так выражался сомнительный друг рабочих, то легко представить себе, какая участь суждена была этой дряни, когда она попадала в настоящие рабочие руки.

Нечего было делать: «королю в социальном царстве» приходилось выступить с «научным» опровержением социализма, если он хотел и впредь импонировать рабочим. И вот почти через 2 года после появления лассалевского *«Бастия-Шульце»*, Шульце-Делич опубликовал свой ответ под заглавием «Упразднение предпринимательского риска г-ом Лассалем» (*«Die Abschaffung des geschäftlichen Risiko durch Herrn Lassalle»*). Продолжительность работы, вопреки поговорке, не сделала ее лучшей. Правда, Шульце удалось выудить одно, два противоречия в рассуждениях Лассалья.

о производительных ассоциациях при содействии государственного кредита, поскольку это требование Лассалья носило еще на себе некоторые следы мелко-буржуазного социализма, но даже столь незначительного успеха апостол бережливости достиг только при помощи фикции, что лассалевские требования были вообще рассчитаны на капиталистическое общество, на мир индивидуальных хозяйств, имеющих своим основанием капитал и спекуляцию. В общем же обе «мысли», на которых покоилась книжка Шульце, угощали друг друга, подобно двум клоунам в ширке, звонкими оплеухами. Чтобы расхвалить свою самопомощь, Шульце объявлял, что экономическая судьба отдельного человека зависит, главнейшим образом, от его личных способностей и деловитости; для спасения же предпринимательской прибыли он заявлял, наоборот, что кто вкладывает свой труд и состояние в какое-нибудь дело, тот постоянно подвергается опасности потерять то и другое и за этот неустрашимый риск должен быть вознагражден прибылью на капитал. Понятно, что буржуазная печать отметила эту пачкотню как «блестящее опровержение» Лассалья, но в тех кругах, для которых она собственно предназначалась, она подверглась уничтожающей критике.

Под духовным влиянием социал-демократической агитации образовательные рабочие фрейны становились все более строптивыми. Уже на своем третьем съезде, происшедшем в августе 1865 г. в Штутгарте, они приняли резолюцию о том, что каждый рабочий должен участвовать в борьбе за всеобщее избирательное право, а теперь их орган, «*Кобургская Рабочая Газета*», всегда так храбро бранивший Лассалья и так хорошо отзывавшийся о Шульце, разнес новейшее произведение Шульце, как смесь неисправимой ограниченности и лукавого обмана. Свою рецензию газета заканчивала следующими словами: «Право, даже не заинтересованный лично критик принужден сдерживаться изо всех сил, чтобы не дать выхода свосму оскорбленному чувству справедливости в сильнейшем взрыве заслуженнейшего негодования и не бросить автору упрёка в рассчитанном вероломстве. Но каким образом г. Шульце доходит до таких вещей, глубоко задевающих человеческую совесть? Как объяснить себе факт, что человек, пользовавшийся до сих пор уважением, оказывается столь бессовестным? Очевидно, что какой-то изъян в голове сбивает с толку его сердце. Мы видим только одно решение загадки: г. Шульце слепо стоит на точке зрения предпринимателей и не может даже представить себе такого строя, в котором прекратилась бы теперешняя конкуренция индивидуальных капиталов, прекратилась спекуляция и война всех миллионов талеров

между собою. О рабочем г. Шульце ничего не знает, так таки ни единого слова, хотя он удивительным образом всегда обращается к рабочим... О борьбе крупного капитала с наемным трудом, этом гигантском вопросе, он не знает ни аза; он ни аза не понимает в огромном кризисе XIX-го столетия. Он топчется и бьется над второстепенным вопросом: при помощи каких средств может удержаться ремесло против распространения крупной промышленности? Вот его специальность, тут следовало бы предоставить ему полную свободу, тут он никого не стесняет. Если бы г. Шульце только знал свою кслюдку, если бы он только не утверждал всегда, что говорит о «рабочем вопросе» или даже разрешает рабочий вопрос! Мы надеемся оказать ему настоящей рецензией ту услугу, что он, наконец, познает самого себя и впредь будет высказывать свои мнения только относительно практических, государственно-полицейских мероприятий, а от социального вопроса будет предусмотрительно держать свои пальцы подальше. Ибо если допустить даже, что Лассаль был величайшим пустомелей своего века, то Шульце-Делич не становится еще оттого ни на йоту более толковым человеком». Таким образом вернейшие вассалы начали бунтовать против «короля в социальном царстве».

После этой подготовительной работы с буржуазной стороны Швейцер сам дал отпор дерзкому походу, на который отважился «мертвый Шульце против живого Лассалья». Он сделал это в ряде блестящих статей, написанных в тюрьме, — единственной, к сожалению, экономической работе его, известной и теперь еще в большой публике благодаря отдельной перепечатке. Швейцер обратил здесь особое внимание на практическую осуществимость и громадные преимущества обобществленного производства, о производительных же ассоциациях при содействии государственного кредита говорил, как о простом лишь переходном средстве; другими словами, он опирался гораздо больше на «*Бастия-Шульце*», чем на «*Открытое письмо*» Лассалья. Так он всегда стремился, рассуждая в *духе* Лассалья, отметить все, что могло заключаться спорного и подающего повод к недоразумениям в *словах* Лассалья. Взгляд, будто Швейцер был Эпигоном Лассалья в том смысле, что он из-за скорлупы не видел ядра, совершенно неоснователен: достаточно перелистать старые годы «*Социал-Демократа*», чтобы убедиться в полной беспочвенности этого взгляда.

Не то, чтобы Швейцер теоретически ушел дальше Лассалья, чтобы он открыл точки зрения, только позднее развитые Марксом в «*Капитале*». В этом отношении можно лишь сказать, что Швейцер правильнее Лассалья сумел

оценить многое из более ранних сочинений Маркса. В иностранной полемике с «*Norddeutsche Allgem. Zeitung*» он перепечатал раз классическую программу исторического материализма, изложенную Марксом в предисловии к «*Zur Kritik*» (1859 г.), и сумел превосходно использовать ее для исторической характеристики великой французской революции. Точно так же он разъяснил в духе Маркса, что выражение «рабочее сословие», часто употребляемое еще Лассалем, неточно, что старые исторические сословия исчезли в современном буржуазном обществе, и на их место вступили классы. Но в вопросах, которые Маркс выяснил только впоследствии, в главном своем труде,—в вопросах о железном законе заработной платы, о морально-правовом воззрении на прибавочную ценность и т. п.,—Швейцер следовал по стопам Лассалья, с тою лишь разницей, что он при этом всегда шел прямо в направлении к их революционной конечной цели,—конечной цели, поставленной уже в Коммунистическом Манифесте.

Производительные ассоциации при содействии государственного кредита Швейцер рассматривал как клин, который должен расколоть капиталистическое общество и проложить дорогу социалистическому. Он старательно предупреждал недоразумение, будто при помощи указанных ассоциаций предполагается создать новый класс зажиточных мелких буржуа, и настойчиво подчеркивал, что производительные ассоциации по принципам Лассалья и Шульце различаются между собою не степенью, а принципиально. Производительные ассоциации, которых хочет для рабочих буржуазия, представляют собою обыкновенные предприятия для получения дохода, обыкновенные денежные спекуляции, лишенные более глубокого значения, между тем как производительные ассоциации, которых добивается для себя пролетариат, являются социальными, охватывающими всего человека попытками осуществления великой цивилизаторской идеи.

Полемизируя с одной консервативной газетой, Швейцер писал по поводу лассалевского стомиллионного плана: «Всякий разумный и честно судящий человек знает, что Лассаль хотел лишь показать этим, с какими сравнительно небольшими средствами можно положить начало новому способу производства. Но никогда и нигде он не говорил, что он принял бы теперь эти деньги, если бы они были предоставлены в его распоряжение, и что он желал бы употребления их теперь на такие цели». Сообразно с этим Швейцер всегда придавал большую важность правильному разъяснению идеи всеобщего избирательного права и государственной помощи, которых требовал Лассаль. Он несколько

не скрывал того, что всеобщее избирательное право представляется совершенно различной вещью, смотря по тому, требует ли его буржуазная или социальная демократия; не скрывал он также, что государство — вещь совершенно различная, смотря по тому, идет ли речь о государстве имущих, или о государстве неимущих классов. Для буржуазной демократии имущих классов всеобщее избирательное право есть требование равноправия, свободной личности, для социальной же демократии, для демократии рабочих классов оно означает непосредственное господство над всеми органами государственной власти. Для имущих классов государство есть средство держать в покорности нечуждые классы, для неимущих же классов оно есть средство уничтожить все социальные неравенства. Поэтому имущие классы чрезвычайно заинтересованы в существовании сильной государственной власти, но в этом отнюдь не заинтересованы рабочие классы. Их интерес заключается не в том, чтобы во главе государственной власти стоял президент и всего менее безответственный президент, а напротив — в том, чтобы самим вести государственные дела через ответственные органы, и чтобы государство совершенно покрывалось обществом. Конституционная монархия и буржуазная республика представляют собою государственные формы, наиболее совместимые с интересами имущих классов, в интересе же неимущих классов лежит социальная республика, где верховное положение занимает народ, а не один привилегированный общественный класс, или же сильная, самодержавная королевская власть, которая из ревности к могуществу имущих классов ищет себе опоры в массах. Разумеется, такая монархическая власть не может уничтожить основы классового антагонизма и не может дать политической свободы. Это возможно только путем установления чистого, социального народоправства, — идеального государства, которое рабочий класс должен добыть путем борьбы.

Только в одном случае Швейцер не оберег духовного наследия Лассалья от лозунгов, способных подать повод к недоразумениям, а еще обогатил его одним таким лозунгом. В первую годовщину смерти Лассалья он напечатал черновик речи, произнесенной Лассалем пред берлинскими рабочими, где говорилось следующее: «Насколько я отношусь с особой враждебностью именно к реакции, насколько я отношусь враждебно к прогрессистской партии лишь в той мере, в какой она сама стоит еще на одной почве с реакцией, — об этом вы легче всего можете судить по заявлению, сделанному недавно в палате одним реакционным депутатом, графом Вартенслебеном. Дело в том, что г. Вирхов занес в самое помещение палаты клевету, будто я нахожусь в союзе с

реакцией. В ответ на это гр. Вартенслебен заявил буквально следующее: „Лассаль так же мало может быть назван нашим союзником, как союзником прогрессистской партии. Он стоит у ворот, как наш общий враг“. Против верности этого заявления нельзя ничего возразить. Граф Вартенслебен называет меня общим врагом реакционеров и прогрессистской партии, который подступил уже к воротам и которого они должны, следовательно, отразить общими силами. Предо мною исчезают, таким образом, различия и противоположности, разделяющие в прочих отношениях реакционную и прогрессистскую партии. Несмотря на эти различия, они сливаются предо мною в одну общую реакционную партию“. На эти слова Лассалья «Социал-демократы часто ссылались в ближайшее время, когда каждый почти день приносил газете какую-нибудь новую клевету прогрессистов и новую полицейскую придирку. Отсюда развилась затем постепенно фраза о „реакционной массе“, будто бы образуемой всеми другими партиями относительно рабочей партии,— фраза, которая впоследствии, когда настоящее происхождение ее было забыто, крайне несправедливо стала разсматриваться как принципиальная часть лассалевской политики и в этом смысле вызвала много недоразумений. Правда, она вызвала их больше в теории, чем на практике, ибо буржуазный либерализм вряд ли когда упускал случай выказать рабочему движению по меньшей мере столь же яростную вражду, как феодальная реакция.

Нисколько не поступаясь социал-демократическим принципом, Швейцер в течение одного года достиг своей тактикой значительных успехов. Пролетариат майнского края, также как промышленного округа Бергиш-Марк, проникся насквозь социалистическими стремлениями. Из Гамбурга пропаганда проникла в Шлезвиг-Голштинию, из Дрездена и Лейпцига в Хемниц, Глаухау, в Рудные горы. В Брауншвейге развилась многообещающая маленькая община под заботливым руководством Вильгельма Бракке, молодого купца, который, горя огнем чистейшаго идеализма за дело бедных и обездоленных, сочетал в себе пылкий энтузиазм с практической энергией. В прусской провинции Саксония Всеобщий Германский Рабочий Союз пустил разветвления в Магдебурге, Наумбурге, Эрфурте, а отсюда распространился на тюрингенские мелкие государства, Апольду, Веймар, Иену. В Ост-Эльбии силезские общины развивались во все более крепкую опору Союза, в Штеттине собирались первые сторонники, особенно же радостные перспективы открывались в Берлине. И почти еще более исполненным значения, чем непосредственное распространение Союза, было течение, кото-

рым пролетарское движение все сильнее увлекалось на сторону социализма.

Практически необходимость классовой борьбы вдолбило в голову рабочим массам то упорное сопротивление, которое встречала со стороны буржуазии всякая попытка улучшить их жизненный быт, теоретически же они были просвещены борьбою со своими товарищами социал-демократами, в которую всячески старалась втянуть их буржуазия. Утверждение прогрессистов, что только негодные подонки пролетариата жаждут золотого дождя лассалевских казенных денег, все больше оказывалось тенденциозной ложью. Факт, который тотчас же разглядел Альберт Ланге, вынуждены были теперь признать и более умные буржуазные газеты, а именно, что в социал-демократическом движении участвуют как раз наиболее интеллигентные и энергичные пролетарии, что в лице Всеобщего Германского Рабочего Союза нарождается совсем иного рода сила, чем безобидные образовательные фрейны и потребительные общества Шульце. В качестве энергичного агитационного средства не последнюю роль сыграли социал-демократические празднества; проникнутый классовым сознанием пролетариат сумел уже с первых шагов своих показать расслабленной от старости буржуазии, как должны праздновать свои торжества политические партии. В речах, произносимых на празднествах простыми рабочими, прорывалось богатство нарождающейся духовной силы; так, напр., речь, произнесенная в Аугсбурге осенью 1865 г. на поминках по Лассалю стригалем-подмастерьем Валем,—совсем еще молодым человеком, к сожалению умершим в следующем году от рака желудка,—обратила на себя значительное внимание даже в буржуазных кругах.

Несмотря на все эти успехи, задача, поставленная смертью Лассалья, была разрешена только на половину. Организация молодой рабочей партии не стояла на одной высоте с ее тактикой. Правда, строгая централизация Союза обнаружила столь крупные преимущества при политических выступлениях в пользу свободы коалиций и права союзов, что никому не могло прийти в голову посягнуть на нее. Она произвела моральные действия, далеко превосходившие материальный политический вес Союза. Но моральное действие, как бы велико оно ни было, далеко еще не есть политическая сила; рядом с духом, умеющим просвещать и убеждать, рабочее движение нуждалось еще в теле, которое могло бы действовать и наносить удары.

В этом отношении дело обстояло невесело. Как политический организм, Всеобщий Германский Рабочий Союз все еще не стоял твердо на ногах: в частности, ему попрежнему не хватало опоры хорошего финансового управления. «*Социал-*

Демократ издавался на частные средства Гофштеттена; он имел пока только несколько сот подписчиков и далеко еще не покрывал своих расходов. Личная диктатура Лассала выродилась в руках Бернгарда Беккера в карикатуру. Немногие разумные распоряжения, сделанные Беккером, были продиктованы ему Швейцером; там, где он пытался действовать самостоятельно, он почти всегда приносил только вред. Единственной его заслугой пред Союзом осталась агитационная поездка, предпринятая им в январе 1865 г. по ткацким округам Силезии. Подобно тому, как он своим личным вмешательством обострил спор между Марксом и Швейцером, так он и в других отношениях дискредитировал Союз, напр., когда разыгрывал из себя «президента человечества» или когда вызвал неприятный трактирный скандал во Франкфурте, явившись в качестве непрошеного гостя на прогрессистскую пирушку, или когда своим бестактным поведением смутил только что привлеченных рабочих в Брауншвейге, как о том свидетельствует Бракке. Так дело ни в коем случае не могло идти дальше. Прочно удержать за собою завоеванную с трудом почву Союз мог, только сбросив с себя все сектантское и расширившись в настоящую рабочую партию, которая при всей своей строгой централизации была бы, однако, организована так, чтобы случайная неспособность президента не могла парализовать ее деятельности. Таково было мнение Швейцера, с которым более или менее соглашался ряд самых дельных членов Союза, как Аудорф, Бракке, Фрицше, Йорк и другие.

Антагонизм между президентом Союза и редакцией союзного органа прорвался наружу, когда Беккер потребовал, чтобы второе общее собрание было созвано на 25 ноября 1865 г. во Франкфурте, где он жил со времени своей высылки из Берлина. Формально он имел право сделать это распоряжение, но фактически оно было дальнейшим шагом к вырождению Союза в секту. Первое общее собрание происходило в Дюссельдорфе, затем годовщина основания Союза, в некотором роде неформальное общее собрание, праздновалось во Франкфурте, теперь Беккер хотел, чтобы и второе общее собрание заседало на юго-западе, между тем на северо-востоке готовилась большая политическая катастрофа, а в его центральном пункте—Берлине начали высоко вздыматься волны рабочего движения. Это значило увести Союз подальше от места, где решались политические судьбы Германии, и вместе с тем продлить бездарную диктатуру Беккера по меньшей мере на один год. Как раз во Франкфурте у него сохранились еще некоторые приверженцы от его прежних, лучших дней, и можно было предвидеть, что на общее собрание, если оно состоится здесь,

явится мало народу из других городов. В особенности от бедных саксонских и силезских общин нельзя было требовать, чтобы они на протяжении одного года послали в третий раз своих делегатов в сравнительно дорогую и далекую поездку. Между тем для реорганизации Союза было необходимо возможно более многолюдное общее собрание, и потому Швейцер предложил, чтобы оно заседало в Лейпциге, — месте, подходившем во всех отношениях больше, чем Франкфурт.

Однако письменные представления, которые он сделал Беккеру, не имели никакого успеха. Беккер ответил сначала пустыми отговорками, а затем угрозами. Тогда «Социал-Демократ» выступил открыто и потребовал 19 ноября перенесения общего собрания в Лейпциг, при чем он сослался только на соображения справедливости, говорившие в пользу Лейпцига. Требование его было принято с живым сочувствием во многих общинах. Однако Беккер отложил 21 ноября общее собрание на неопределенное время и сложил с себя звание президента, передав свои функции вице-президенту Фрицше.

Хотел ли этим Беккер раз-на-всегда устраниться от дел, или только создать замешательство, которое в конце концов доставило бы ему все-таки победу, — на этот вопрос тем труднее ответить с определенностью, что Беккер вообще не был человеком ясных решений. Во всяком случае он вызвал большое замешательство, еще усилившееся вследствие того, что как раз в эти дни Швейцер был арестован. Фрицше, разделявший планы Швейцера, отправился 26 ноября во Франкфурт, чтобы принять от Беккера акты Союза, но здесь он застал нескольких делегатов, которые прибыли на отложенное тем временем общее собрание и теперь добились того, что Фрицше созвал на 30 ноября во Франкфурте новое общее собрание. Заседание было очень бурное, так как общему собранию, созванному Фрицше, не доставало даже той формальной юридической силы, на которую все-таки могло притязать общее собрание, первоначально созванное Беккером. Мотивы, руководившие поведением делегатов, приехавших во Франкфурт, были, повидимому, различного свойства: одни, как Газенклевер и Тельке, полагали и говорили, что забота о находящемся в опасности существовании Союза должна первенствовать над всяким другим требованием; другие, как Гильман, судя по их позднему поведению, противились основательной реорганизации Союза и связанному с нею устранению финансовой неурядицы по менее почтенным мотивам. Намеки Фрицше на необходимость изменения устава не встретили сочувственного отклика, и когда он 30 ноября открыл созванное им общее

собрание, то он тотчас же получил своего рода вотум недоверия в форме предложения об избрании другого председателя. Фрицше покинул тогда общее собрание, передав свои вице-президентские функции Гильману, и отправился назад в Лейпциг, чтобы там сложить с себя также должность уполномоченного. Отныне он посвятил себя преимущественно организации профессионального союза сигарников, подготовлявшейся уже в течение некоторого времени.

Франкфуртское общее собрание заседало 30 ноября и 1 декабря. На нем были представлены 20 делегатами, приехавшими большей частью из майнского края и промышленного округа Бергиш-Марк, 9.421 член из 58 мест. После бурных прений был принят ряд резолюций, представлявших собою и компромисс, и временное решение. Общее собрание выразило «Социал-Демократу» свое «решительное неодобрение» за то, что он подверг публичной критике вполне правомерный образ действий Беккера относительно назначения общего собрания, но на место Беккера оно выбрало в президенты Тельке, на срок одного года и с той оговоркой, что избрание его должно быть утверждено путем плебисцита среди членов Союза. До тех пор делами Союза должен был заведывать вице-президент Гильман. В кассиры Союза был выбран Фёрстерлинг, на место Леви. Эти решения повлекли еще за собою жестокие распри во многих общинах, особенно потому, что их юридическая сила была весьма спорна. Однако желание обеспечить прежде всего существование Союза одержало верх над всеми сомнениями, и 1 января 1866 г. Тельке получил возможность принять на себя руководство Союзом, так как плебисцитом его избрание было утверждено.

«Социал-Демократ» также согласился, что до поры до времени нужно признавать постановления франкфуртского общего собрания, чтобы охранить Союз от всякого раскола. Но к этому он прибавил, что при первой возможности следует созвать новое общее собрание с целью обсудить реорганизацию Союза, и он продолжал готовить эту реорганизацию в смысле собирания всех социал-демократических элементов. Альберт Ланге, находившийся теперь в самом дружеском согласии с дуисбургскими членами Союза, метко охарактеризовал в «Нижне-Рейнском Вестнике» весь кризис, сказав, что «Социал-Демократ» ставит себе задачей образование социал-демократической партии и устранение тех односторонностей, которые мешают этому стремлению осуществиться, противники же его считают необходимой как бы сектантскую замкнутость Союза. Один золингенский сектант публично назвал его за это «врагом рабочих», но собрание рейнско-вестфальских членов Союза, заседавшее

17 декабря в Дуисбурге, дало Ланге почетное удовлетворение. С такой же точки зрения, как Ланге, смотрел на положение вещей Вальтейх; он прислал в «*Социал-Демократ*» несколько строк, где выразил готовность оправдать пред ближайшим общим собранием или в органе Союза свое поведение в конфликте с Лассалем. Гильман счел возможным воспользоваться напечатанием этого коротенького и вполне достойного по тону заявления, как оружием против «*Социал-Демократа*», обвинив газету в «низком оскорблении нашего великого учителя Лассалья». Но он получил такой меткий ответ насчет «президентского терроризма и сектантского фанатизма», что предпочел не продолжать спора. Зато он в предпоследний день своего вице-президентства без дальних разговоров отнял у «*Социал-Демократа*» право именоваться органом Союза. Газете это пришлось, однако, вполне на руку; начиная с своего последнего номера за 1865 г., она стала именовать себя «органом социал-демократической партии».

Вступление в должность Тельке обещало положить конец этим неурядицам. Энергичный и толковый человек, Тельке был создан из совсем другого материала, чем Беккер: строгий лассальянец и насквозь прокинутый сознанием важности строгой централизации, он не был все-таки недоступен более широким воззрениям Швейцера. В первом же своем публичном заявлении он обещал, что за исключением неотложных случаев он для всех важных распоряжений всегда будет испрашивать согласие правления. Он охотно согласился также на план пересмотра устава и признал «*Социал-Демократ*» органом Союза впредь до окончательного решения правления. Таким образом, можно было надеяться, что создана организация, которая позволит собрать плоды тактики. К сожалению, оставалось еще сделать очень многое, чтобы развить Союз в политическую силу; в кассе Союза находилось ровно шесть талеров, когда Тельке принял руководство им. Должно было пройти много месяцев, пока оказалось бы возможным наверстать то, что было упущено при Беккере, и это в такое время, когда каждый день становился дорог.

Ибо на политическом горизонте скопились тяжелые грозные тучи, и раньше, чем молодые всходы «революции снизу» могли быть укрыты от опасности прочной оградой, над ними разразилась грязным потоком «революция сверху».

Г Л А В А III.

Революция сверху.

1. Габсбургско-гогенцоллернский конфликт.

Как только венский мир, заключенный в октябре 1864 г., отдал герцогства Шлезвиг и Голштинию в общее владение Австрии и Пруссии, между этими державами начался раздор из за добычи. По своим абсолютистским вожделениям и склонности к реакционным государственным переворотам, по полному отсутствию национального образа мыслей берлинский и венский кабинеты стояли друг друга, но в шлезвиг-голштинском вопросе Бисмарк имел в руках более сильные козыри, чем одинаково реакционные соперники его на Дунае.

Ослепленная завистью и мучимая сверх того страхом перед воображаемой «революцией», венская политика при первом же появлении на сцену шлезвиг-голштинского вопроса пошла на прусскую удочку. Этим она задела партикуляризм средних и мелких государств Германии и поставила в опасное положение надежнейшую опору своей гегемонии в Германском союзе. Совладение Шлезвиг-Голштинией тем меньше могло вознаградить ее, что она вообще не знала, какое употребление сделать из этого неприятного дара судьбы. Таким образом, ей ничего больше не оставалось, как с сердечным сокрушением вернуться к своей старой политике и решиться на то, чтобы разрешение шлезвиг-голштинского вопроса было передано Союзному совету, другими словами — чтобы эльбские герцогства были выданы аугустенбургскому претенденту.

Этого нельзя было, однако, осуществить без согласия прусского совладельца, а между тем Бисмарку и в голову не приходило разыгрывать из себя великодушные в пользу аугустенбургца. Самое большее, на что он соглашался,

это—допустить беспомощного претендента, как прусского вассала, но он так некрасиво приготовил это блюдо, поданное в февральских условиях 1865 г., что оно стало несъедобным для австрийской ревности; с другой стороны, он при помощи своих официозных перьев приправил его такими насмешками и издевательствами, что оно должно было внушить отвращение династическому самомнению аугустенбургца и прочих князьков божией милостью. Прусская дипломатия работала для увеличения могущества гогенцоллернского дома, как австрийская—для увеличения могущества Габсбургов; национально-немецкие мотивы были одинаково чужды той и другой, и упреки в содействии «революции», которыми они бомбардировали друг друга, следовало относительно обеих сторон понимать лишь в пиквиковском смысле. На стороне Бисмарка было только то преимущество, что сохранение режима Союзного совета и создание бессильного карликового государства в эльбских герцогствах находилось в вопиющем противоречии со всеми экономическими интересами Германии,—обстоятельство, благодаря которому прусская политика аннексий и насилия приобрела больший смысл.

Летом 1865 г. все созрело уже для полного разрыва между Австрией и Пруссией, но оба противника не чувствовали еще себя достаточно сильными, чтобы решить спор оружием. Они еще раз кое-как замазали трещину гаштейнским договором, сохранившим совместное право владения, но отдавшим герцогство Голштинию в управление Австрии, а герцогство Шлезвиг—в управление Пруссии. Все понимали, что этим выиграна только короткая отсрочка, и никто не знал этого лучше, чем сами высокие договаривающиеся стороны. Обе они искали союзников, и опять-таки Бисмарк имел в руке более сильные козыри. Россия была расположена к прусскому правительству за его полицейские услуги во время польского восстания, что же касается Бонапарта, то жестокие затруднения во внешней и внутренней политике заставили его бросить итальянскому движению новую кроху в виде Венеции, от которой Австрия не хотела отказаться ни за деньги, ни за приятные слова. В сентябре 1865 г. Бисмарк предпринял поездку ко двору Бонапарта, чтобы получить от этого возвышенного «защитника национальностей» милостивое разрешение на «германское объединение». Заговоры с иноземными правительствами для династических завоевательных целей были исконным приемом прусской политики, и Бисмарк отнюдь не изменял славным традициям старого Фрица, когда думал подняться до степени «национального героя» наступательным прусско-итальянским союзом против Австрии под благосклонным покровительством Бонапарта.

Широко распространенное тогда мнение, что он вошел в определенные обязательства уступить Франции, в случае успеха, часть германской территории, было, пожалуй, преувеличенно в этой форме; несомненно лишь одно, что он постоянно поддерживал аппетит Бонапарта к клочкам немецкой земли,—факт, совершенно достаточный для характеристики его «немецкого патриотизма». Не следует, конечно, упускать из виду, что все другие «немецкие государственные мужи», жительствовавшие ли они в Вене, Мюнхене, Дрездене или других местах, поступили бы в однородном случае совершенно так же. Приносить национальные интересы в жертву династическим целям было их исконным ремеслом, и занимались они им с большой охотой; возможно лишь, что у них не оказалось бы способности Бисмарка в конце концов надуть все-таки Бонапарта. В нравственном отношении все они были одного калибра, и если Бисмарк в чем-либо превосходил их и своего приятеля на Сене, то в двух качествах, весьма много значащих в политике: во-первых, он имел волю, во-вторых, цель.

В теснейшей связи с протекторатом Бонапарта и итальянским союзом находился бисмарковский план преобразования Германского союза. Бисмарк сказал генералу Говоне, итальянскому уполномоченному, явившемуся для переговоров в Берлин, что из шлезвиг-голлштинского вопроса легко можно создать *casus belli*, но для большой войны это слишком мелкий повод. Необходимо возбудить общий вопрос о Германии; раз дело пойдет о крупном национальном интересе, Европа будет тем спокойнее смотреть со стороны. Европа означала в этом случае Бонапарта, и союзная реформа Бисмарка выступила на сцену с бонапартовским клеймом. После того, как прусско-итальянский наступательный союз против Австрии был заключен 8 апреля 1866 г., прусское правительство обратилось 9 апреля к союзному сейму с предложением созвать на известный, подлежащий ближайшему определению, день собрание, которое должно составиться путем прямых выборов и всеобщего избирательного права всей нации: собрание должно будет получить и обсудить предложения германских правительств относительно реформы союзной конституции; тем временем следует изготовить эти проекты путем соглашения правительств между собою.

Официальная мотивировка предложения содержала обычный набор фраз, которым всякий бонапартизм любит прикрывать свою безыдейную, но богатую интригами политику. Всеобщее и прямое избирательное право рекомендовалось как консервативный принцип, который с консервативной точки зрения заслуживает предпочтения пред всякой другой системой выборов, основанной на искусственных комбинациях.

Действующая союзная конституция отдает, мол, Германию во время больших европейских кризисов либо во власть революции, либо в жертву иноземному владычеству: чтобы избежать того и другого, необходима реформа Германского союза, которая, согласно опыту 1848 г., не может быть достигнута ни посредством односторонних действий правительств, ни посредством односторонних действий нации; лишь путем совместной работы обоих факторов может возникнуть новое, жизнеспособное творение на основе и в рамках старого Союза. Бисмарк рекомендовал, таким образом, как непогрешимое лекарство против немецких неурядиц, пресловутый принцип соглашения, о который потерпели крушение парламенты революционного года. Либо он действительно сделался жертвой одной из тех курьезных ошибок, которым был подвержен его пристрастный ум при анализе исторических событий, либо для него не имело значения, пустить ли в ход для сокрытия своих истинных целей кучею фраз больше или меньше,—чему также можно привести многочисленные примеры из его политической деятельности.

Эти истинные цели недвусмысленно вытекали из заявлений его официальной и официозной печати. По бонапартистскому образцу Бисмарк играл двойную игру, при том двойную игру в двойном отношении: во-первых, двойную игру между династиями и нацией, во-вторых, двойную игру между буржуазией и пролетариатом. «Крестовая Газета» говорила правительствам средних и мелких государств Германии: берите то, что вы еще можете получить; того, что предлагает вам Бисмарк, вам никогда не предложат опять. Собственными силами вы никогда не справитесь с буржуазно-национальным движением; если вы хотите побить парламентаризм его собственным оружием, то вам нужен германский парламент. Правда, в нем только и разыграется настоящим образом парламентский спектакль, но «против всех подобных бесчинств существует весьма простой рецепт—на них не обращают внимания. Что это возможно, убедительнейшим образом доказывается последними шестью годами прусской истории». Напротив, «*Norddeutsche Allgemeine Zeitung*» писала: «Пруссии с прискорбием приходится констатировать наличность видимых оснований для представления, что немецкие правительства становятся под ружье против национальной реформы. Совершенно ясно, что Вюртемберг, Ганновер, Саксония, Гессен-Дармштадт и другие союзные государства не из любви к принцу аугустенбургскому хотят ринуться в борьбу, которая может им стоить жизни. Мы будем очень близки к истине, если скажем, что вооружающиеся правительства, поднимая грандиозную борьбу против Пруссии, выставляют в то же время войска против осу-

ществления всяких национальных требований, хотя бы самых скромных». Затем главная официозная газета почти без стеснений грозила «революцией», иначе говоря — тем, что у строптивых деспотов-пигмеев Пруссия силою отнимет их владения.

Рядом с этой двойной игрой между династиями и нацией шла двойная игра между буржуазией и пролетариатом. Полу-официальная «*Provinzialkorrespondenz*» соблазняла прогрессистскую партию миражем, что «преобразование» Союза, объединив германские военные силы, переложит прусские военные тягости на всю Германию и, таким образом устранил конституционную распрю. С другой стороны, вполне официальный «*Staatsanzeiger*» («*Государственный Указатель*») подал к столу весьма лакомое для буржуазии блюдо, перечислив, в качестве основных черт союзной реформы, ряд экономических реформ: свободу передвижения, свободу промысла, единую систему монет, мер и весов, защиту германской торговли за границу, германские консульства и еще многое другое, обещающее довольно основательно снести преграды, которые стесняли капиталистический способ производства.

На тот случай, если бы с буржуазией дело все-таки не выгорело, предполагалось поймать на удочку пролетариат при посредстве всеобщего избирательного права. Бисмарк полагал, что может теперь рискнуть и пустить в ход этот козырь. Расчет свой он основывал на массах сельского населения Ост-Эльбии, живших в духовной тьме, куда не проник еще даже слабый луч политической сознательности. Он надеялся далее отказом в жалобаньи депутатам в такой же мере ограничить пассивное избирательное право, в какой он расширял активное избирательное право устранением классовых выборов. Затем он все еще ублаживал себя прекрасной мечтой о «монархисте» Лассале. Правда, пробил уже не один будильник, который мог бы нарушить эти приятные грезы; берлинская полиция впоследствии откровенно признала в одном официальном докладе, что первоначально она считала Всеобщий Германский Рабочий Союз «рассудительной и законной агитацией» и потому терпела его, невзирая на нарушение § 8 закона о союзах (запрещавшего вступление политических союзов в сношения друг с другом), но во время истории с кельнским празднеством у нее открылись глаза, и она поспешила закрыть берлинскую общину Союза. Но что было понятно обыкновенному полицейскому рассудку, того далеко еще не постиг гениальный государственный муж. До поры, до времени Бисмарк полагал, что может играть с огнем.

Комиссия для обсуждения рабочего вопроса, назначение которой правительство обещало во время дебатов о свободе

коалиций, была созвана летом 1865 г., но после многословных прений она снова разошлась, не оставив после себя ничего, кроме кучи негодной макулатуры или—как принято выражаться на языке прусской бюрократии—«ценного материала». Чтобы прогнать красный призрак, нужны были более сильные средства. В октябре 1865 г. Бухер написал Марксу, предлагая ему сотрудничество в официальном «Государственном Указателе». Осекшись у Маркса, он обратился с тем же предложением к приват-доценту Евгению Дюрингу, как раз тогда сделавшемуся известным, благодаря некоторым работам по полигической экономии. Дюринг подхватил старую идею Сисмонди о недостаточном потреблении рабочего класса, как главном недуге капиталистического способа производства, но хотел лечить его не при помощи устанавливаемого государством нормального рабочего дня, как предлагал Родбертус, а при посредстве самостоятельной инициативы рабочих, которые должны в свободных коалициях завоевать себе лучшие условия труда. Дюринг согласился сотрудничать в «Государственном Указателе», но скоро разбранился с редакцией. Тем не менее в апреле 1866 г. к нему явился Вагенер и заказал для «интимного употребления» совета министров записку по вопросу о том, нельзя ли «сделать что-нибудь для рабочих». Дюринг поставил и эту работу. Затем 9 мая получил отпуск из тюрьмы Швейцер; до тех пор все медицинские свидетельства о болезни, которые он представил в течение зимы, оставались безрезультатными. Наконец, с начала 1866 г. графиня Гацфельдт возобновила с удесятеренной силой свои происки, никогда не прекращавшиеся вполне. В своем ослеплении она представляла себе прусский проект переустройства Германского союза, как осуществление национальной программы Лассалья, и ее демагогическая деятельность была в конечном счете направлена к тому, чтобы сделать Всеобщий Германский Рабочий Союз орудием Бисмарка; находилась ли она в более близких или более отдаленных отношениях к «великому министру», черпала ли она обильные денежные средства, которыми швыряла направо и налево, из своего собственного кармана или из иных фондов,—этот вопрос не представляет особого значения.

Так выглядела «революция сверху». Против жалкого режима союзного сейма она была необыкновенно сильно вооружена, и сразить ее можно было только путем революции снизу. Но революция снизу была совершенно невозможна. Рабочий класс, который хотел сделать ее, не был еще в состоянии ее сделать, а буржуазный класс, который мог ее произвести, давным-давно не хотел этого больше даже на словах, а не то что на деле. Как только события начали при-

нимать оборот, указывавший на близость войны, хваленая сплоченность прогрессистской партии обратилась в дикую разногласицу. У одних через всю позолоту национальных фраз пробился прусский партикуляризм. Твестен заявлял, что нужно «предпочесть всякую альтернативу поражению прусской политики», а Циглер говорил своим избирателям в Бреславле, что сердце демократии всегда у знамен страны. Другие опять-таки изливались в бессильных жалобах по поводу опасности, которой угрожающая война подвергает материальные интересы буржуазии, и в столь же бессильных проклятиях по поводу нарушения внутреннего мира. В этом направлении особенно выделялся «Национальный союз», торжественно осудивший также бисмарковскую реформу Германского союза. Честная компания Беннигсена так много сделала для прусской гегемонии, что ей почти ничего не осталось больше делать в этом направлении, а теперь она кричала караул, когда прусская гегемония показала свое лицо таким, каким оно было и не могло не быть.

Третью группу образовала Немецкая народная партия, которая, отчаявшись в успехе политики прогрессистов и «Национального союза», уже больше года как начала отделяться от нее. Среди этой партии было много честных и дельных демократов, как Бюхнер, Экгардт, Ладендорф, Пфау, но были также весьма сомнительные элементы—франкфуртские захолустные республиканцы вроде Зоннемана, аугустенбургские и вельфские партикуляристы, проливавшие по поводу угрожаемых прав своих наследственных князей такие же, если не более горючие слезы, как по поводу прочих нечестивых деяний Бисмарка. Когда в сентябре 1865 г. в Дармштадте состоялось учредительное собрание Немецкой народной партии, то сразу же обнаружилось, что по двум решающим вопросам дня, по вопросу национальному и социальному, невозможно никакое единение. Партикуляристы упорно держались за свой излюбленный федеративный принцип, при чем оставалось еще неизвестным, следует ли его понимать в монархическом или в республиканском смысле, что же касается требования социальных реформ, которым Бюхнер и Экгардт хотели положить начало сближению со Всеобщим Германским Рабочим Союзом, то оно не понравилось биржевым демократам. Орган Немецкой народной партии, издававшийся в Маннгейме «*Немецкий Еженедельник*» («*Deutsches Wochenblatt*»), заявил, что хочет трактовать национальный и социальный вопросы, как открытые вопросы!

В наиболее жгучем очередном вопросе все-таки состоялось известного рода соглашение: решено было, что «конфедерация средних и мелких государств» должна образовать

зародыш немецкого единства и свободы. Людвиг Пфау объяснил в особом летучем листке, что этим не имеется в виду подогреть старую идею триады—раздела Германии между Австрией, Пруссией и союзом средних и мелких государств; эта идея триады есть «трехголовый урод, зачатый на обесчещенном ложе революции от профессорского самомнения и прислужничества пред государями». Коалиция государств средней величины, к которой стремится Немецкая народная партия, должна быть не конечным пунктом, а началом, не целью, а средством, первым ядром, вокруг которого могли бы сгруппироваться затем остальные немецкие племена. С другой стороны, Экгардт писал в «*Deutsches Wochenblatt*», что Немецкую народную партию напрасно упрекают в одновременном служении легитимистскому и республиканскому знаменам: это противоречие только кажущееся. Члены партии—республиканцы, но тем не менее их намерения искренни, когда они говорят о конфедерации средних и мелких государств: это—последнее предложение немецкого народа своим князьям. Если эти последние хотят монархического союзного государства, то Немецкая народная партия готова призвать народ на помощь им; если они не хотят его, то должны примириться с перспективой быть съеденными Бисмарком. Раз даже самые честные и ясные головы в Немецкой народной партии не могли вырваться из круга таких, без сомнения, искренних, но безнадежно туманных представлений, то очевидно, что она далеко не была призвана к разрешению вопроса об единстве Германии.

Среди этого дикого хаоса борющихся интересов и мнений должна была теперь найти свой путь молодая рабочая партия.

2. Рабочий класс перед австро-прусской войной.

Со времени статей о Бисмарке «*Социал-Демократ*» последовательно проводил одну и ту же политическую программу по немецкому вопросу, с той лишь разницей, что он остерегался теперь от двусмысленных арабесков, которыми были украшены статьи о Бисмарке. Если там он говорил о «значительной политике» Бисмарка, то теперь он комментировал паломничество Бисмарка ко двору Бонапарта насмешливым вздохом на счет «бедной Пруссии», которая «полна великих планов» и в то же время «предусмотрительно спешит в Париж», чтобы снискать себе милость Бонапарта «ценою немецкой земли». От старо-прусской демократии Вальдеков и Циглеров «*Социал-Демократ*» держался совершенно в стороне. Он говорил, что прусская гегемония есть прусская

гегемония, и если бы она выступала как замаскированная реакция, как мнимый либерализм, то господствующая путаница еще усилилась бы. Пруссия по своему внутреннему существу абсолютистское государство, либеральной Пруссии никогда не существовало и не может никогда существовать. «Ожидать, что это может измениться, значит ждать чего-то внутренне невозможного». С таким же правом можно надеяться, что муфтии и улемы Турции начнут проповедывать христианскую веру.

Столь же резко, как против «прусского абсолютизма», *«Социал-Демократ»* выступил против «австрийского конкордатного режима». Австрия—убежище немецкой раздробленности, и вот почему реакционные правительства средних и мелких государств Германии стоят на ее стороне. Но если пруссификация и австрификация есть нечто общественно-вредное и достойное ненависти, то «триада» смешна и презрительна во всех своих формах. *«Социал-Демократ»* приветствовал Немецкую народную партию, как заслуживающую в сущности сочувствия организационную попытку тех буржуазно-демократических элементов, какие еще сохранились в Германии; выразив готовность к совместным с ней тактическим действиям, как только этого потребуют интересы рабочего класса, *«Социал-Демократ»* в то же время беспощадно вскрыл неясность ее программы по национальному и социальному вопросам. Он обратил внимание на то обстоятельство, что разные Бейсты, Дальвики и прочие дипломаты средних и мелких государств, которые хотели теперь разыгрывать из себя «чисто германских государственных людей», являются «министрами эпохи самой кровавой и грубой реакции, княжескими прислужниками до мозга костей». Относительно «конфедерации средних и мелких государств Германии», к которой стремилась Немецкая народная партия, газета ограничилась убийственным замечанием, что «если бы дело приняло серьезный оборот, и каким-нибудь государям пришлось, например, окончательно и бесповоротно решать вопрос, отказаться ли им от своего неограниченного суверенитета в пользу народа или в пользу какого-нибудь большого княжеского дома, то эти государи предпочли бы броситься, хныча, к ногам своего коллеги, чем прелехать при ликовании народа по улицам своей столицы».

Едиственный путь к немецкому единству и свободе *«Социал-Демократ»* видел в немецкой революции. Так как последний шанс такой революции был дан в осложнениях, которые могли быть вызваны вооруженным столкновением немецких великих держав, то газета не присоединялась к воплям буржуазии о мире. Точно так же Альберт Ланге писал в *«Нижне-Рейнском Вестнике»*, что если кто-нибудь

из более глубоких соображений действительно желает, чтобы Бисмарк попыткой осуществления своей программы расчистил путь республиканской партии, то он скорее всего предоставит теперь Бисмарку идти спокойно своей дорогой, пока возврат сдана для него невозможным. Затем на одном собрании лейпцигских прогрессистов и членов «Национального союза», где раздавались горькие жалобы по поводу угрожающей войны, Бебель заявил в качестве единственного оппонента, что не надо все таки быть столь боязливыми: из войны может получиться нечто совсем иное, нежели думают воюющие, народ поднимется в надлежащую минуту и окончит войну в желательном ему смысле. Стоять настороже, вооруженным к бою и готовым к действиям, не доверяя никому, но твердо полагаясь на себя,—такова была политика, которую «Социал-Демократ» рекомендовал рабочему классу во время кризиса 1866 г.

Первую возможность практического вмешательства он усмотрел в шахматном ходе Бисмарка со всеобщим избирательным правом. Газета не заблуждалась, конечно, на счет мотивов Бисмарка и на заманивания официозной печати отвечала: «Что касается нас, то мы отдаем себе ясный отчет в своих желаниях; мы не хотим ни Великопруссии, ни Великоавстрии, а свободной и единой Германии, свободной и единой по воле нации. Если Пруссия хочет помочь осуществлению этого желания,—хорошо, пусть попытается стать прямой противоположностью того, чем она была до сих пор. В этом смысле, т.е. если она сделает свое дело нашим, мы можем впредь до изменения обстоятельств идти вместе с нею, но ни в каком другом... Именно таким, не более и не менее благоприятным для великопрусской идеи, представляется нам настроение рабочих, чтобы охарактеризовать подобающую им позицию относительно прусского правительства и его властолюбивых вождов. Все стальное принадлежит к области официозных пожеланий и иллюзий». «Социал-Демократ» открыто высказывал, что Бисмарк предпринял свое «половинчатое и вялое созвание парламента не в силу свободной воли, а вынужденный положением вещей»; столь же открыто газета высказывала, что было бы «верхом убожества» со стороны рабочих, если бы они дали себя обмануть этим. Но она советовала использовать затруднительное положение прусского министра. Исторический прогресс никогда еще не был достигаем по доброй воле власть имущих, но зато довольно часто он совершался благодаря разумно использованным затруднениям их. Рабочий класс должен воспользоваться представляющимися ему оружием «не так, как хотят они (власть имущие), а так, как хотим мы». Поэтому «Социал-Демократ»

отдал пароль: «Мы участвуем в выборах! мы выбираем не *потому*, что Бисмарк созвал этот парламент, и не *вопреки* тому, что он созвал его. Мы участвуем в выборах потому, что отвергаем бессильную политику пассивного взирания со стороны; что мы желаем принимать участие во всех общественных делах и что только мы, рабочая партия, в состоянии помешать трусливому буржуазному либерализму вновь предать народное дело». В то же время «Социал-Демократ» рекомендовал энергичнейшую агитацию в пользу всеобщего избирательного права, чтобы толкать Бисмарка вперед по пути, на который он вступил против своего желания.

Вратце резюмированная здесь тактика проходит красною нитью чрез все статьи, напечатанные «Социал-Демократом» по немецкому вопросу до и после ареста Швейцера. Возможно, что, отпуская его из тюрьмы, правительство руководилось какими-нибудь задними мыслями, но Швейцер так же мало заплатил желаемую цену, как Маркс пошел на предложение Бухера. За все это время в «Социал-Демократе» нельзя найти ни одной фразы, которая прямо или косвенно была бы направлена к содействию прусской насильнической политике. Политика, которую Швейцер рекомендовал рабочему классу, была, несомненно, та самая политика, которую рекомендовал бы последнему Лассаль, если бы он находился еще в живых.

Не в тогдашней тактике Всеобщего Германского Рабочего Союза заключалось его большое место, а в его организации. Союз не был еще настолько крепко сплоченным организмом, чтобы нависающая военная гроза не произвела в нем глубокого потрясения. В преобладающей массе немецких рабочих еще не проснулось классовое сознание, а там, где оно проснулось, рабочие не отдавали еще себе такого ясного отчета относительно своих классовых интересов, чтобы не быть вовлеченными в водоворот немецких дел, стремительно шедших к общей катастрофе. Старое, испытанное войско Союза держалось достаточно храбро, но оно не было достаточно сильным, чтобы справиться с бурными волнами, которые подняла «революция сверху».

Нигде в Германии национальный и социальный антагонизм не проявлялся, на одинаково небольшом пространстве, так резко, как в Саксонии. Буржуазия и пролетариат стояли непосредственно друг против друга в этой маленькой, но в промышленном отношении высоко развитой стране, которой теперь угрожала опасность стать театром военных действий, так как она врезалась клином между Пруссией и Австрией. Саксонской политикой руководил австрийский клевет Бейст, быть может, самый ловкий и во всяком случае самый подлый

из тех дипломатов-пигмеев, которые теперь направо и налево бросали немецко-национальные фразы, еще не успев обсохнуть от крови и грязи белого террора. Военные приготовления Бейста возбудили недовольство саксонской буржуазии: она ни за что не хотела нарушения правильного хода торгово-промышленных дел, а отчасти—особенно в больших торговых и промышленных центрах страны—ей надоели допотопные порядки маленького государства и хотелось, чтобы ее скушала Пруссия. Саксонский пролетариат очутился вследствие этого в весьма затруднительном положении: он не мог проникнуться энтузиазмом ни в пользу Бисмарка, ни в пользу Бейста; он не мог произвести революции, но в то же время не мог столь легко занять положение выжидательной готовности, как, напр., рейнско-вестфальский пролетариат, ибо военный пожар был слишком близок от него.

В других отношениях саксонский пролетариат как раз в это время проходил весьма отрадный фазис развития. Саксонские образовательные рабочие ферейны составляли главное ядро всех вообще немецких ферейнов этого рода. Дрезденский ферейн процветал под руководством сапожника Кнефеля, лейпцигский ферейн поддерживал на прежней высоте Бебель, и среди преподавателей этого ферейна особенно энергично работал Либкнехт, который после высылки из Берлина поселился в Лейпциге. Благодаря усилиям Бебеля саксонские образовательные рабочие ферейны соединились в областную федерацию, всего—29 ферейнов с 4.579 членами, с которыми был связан ряд кооперативных учреждений—5 сберегательных касс, 2 кредитных товарищества, 5 потребительных обществ, 1 кооперативная пекарня, 4 больничных кассы, 2 кассы для инвалидов, 2 похоронные кассы и 1 ассоциация ткачей. Между этими ферейнами и саксонскими общинами Всеобщего Германского Рабочего Союза установились уже весьма дружественные отношения; оба направления устраивали обыкновенно сообща большие народные собрания, и как раз в описываемое время лейпцигский образовательный рабочий ферейн весьма решительно порвал с прогрессистско-манчестерской агитацией «Народной Газеты». На первых порах национальный вопрос также не подавал повода к разномыслию. 28 апреля в Дрездене состоялось собрание из 2.500 рабочих, созванное Ферстерлингом и Кнефелем и происходившее под их общим председательством. Оно потребовало созвания учредительного германского парламента на основе равного и прямого избирательного права, при тайной подаче голоса и неограниченной избираемости; парламент должен был не только урегулировать политическое положение, но и приступить к социальному вопросу.

Собрание высказалось также за вооружение всего народа для поддержания учредительного парламента. Принципиально эта резолюция вполне совпадала с позицией *«Социал-Демократа»*: она без обиняков заявляла, что только немецкая революция может спасти немецкое единство и свободу. Но, понятно, этим еще не решался вопрос о тактическом положении, которое пролетариат должен занять относительно борющихся держав.

Вопрос этот стал жгучим, когда лейпцигская буржуазия под предводительством органов городского самоуправления потребовала от саксонского министерства немедленного разоружения и открыла, таким образом, пруссофильскую агитацию. Для противодействия ей состоялось 8 мая в Лейпциге народное собрание почти из 6.000 человек, в котором, по примеру дрезденского собрания, участвовали оба направления саксонского пролетариата. В собрании присутствовали Фрицше, Вутке, Бебель и Либкнехт; председательствовал Штейнерт, руководивший лейпцигской общиной Всеобщего Германского Рабочего Союза, как преемник Фрицше. В своем справедливом противодействии бисмарковским тенденциям буржуазных денежных мешков это собрание перешло за те границы, которые хотел соблюсти *«Социал-Демократ»*. Старые демократы 1848 г. заявили, что против прошлого Бейста можно, конечно, сказать многое, но теперь он вместе с Австрией стоит на немецкой точке зрения. Резолюция, внесенная Бебелем, в существенных чертах примыкала еще к дрезденской резолюции, но высказывалась уже односторонне против прусской завоевательной политики и одобряла вооружения министерства Бейста, как «оборонительные мероприятия»; резолюция, внесенная Вутке, почти без оговорок поощряла политику Бейста. Обе резолюции были единогласно приняты, после того, как в их пользу, кроме инициаторов и некоторых других лиц, говорили также Фрицше и Либкнехт. Таким образом произошло первое значительное отклонение от политики *«Социал-Демократа»*.

В майнской области положение дел было приблизительно такое же, как в королевстве Саксонии, с той лишь разницей, что здесь антагонизм между буржуазией и пролетариатом был еще далеко не так развит. Буря, всколыхнувшая до дна немецкую жизнь, показала, что в юго-западной Германии мелко-буржуазные элементы еще очень сильны. На народном собрании из 3.000 человек, состоявшемся 20 мая во Франкфурте, господствующее влияние принадлежало застрельщикам Немецкой народной партии, хотя в нем принимали участие и рабочие, напр., Бебель от образованных рабочих ферейнов и Велькер от Всеобщего Германского Рабочего Союза. Постановления этого собрания отли-

чались весьма характерным образом от дрезденских и лейпцигских резолюций. Они высказывались исключительно против воинственной политики Бисмарка и называли всякий нейтралитет трусостью и предательством. Безусловно отвергая прусский проект переустройства Германского союза, они требовали немедленного обращения Шлезвиг-Гольштейнии в особое государство и затем, без упоминания о том или ином избирательном праве, «учредительного парламента, облеченного надлежащей властью»; наконец, они требовали «от правительств законодательного введения общенародного вооружения», — требование, напоминавшее поговорку о «деревянном железе». Против этих резолюций Велькер высказался уже весьма решительно, тогда как Бебель еще одобрял их и вошел в комиссию из деятелей Немецкой народной партии, которой поручено было выработать программу сопротивления прусскому властолюбию. Эта программа была вскоре обнародована: придерживаясь резолюций франкфуртского собрания, она делала некоторую уступку постольку, поскольку она рядом с гегемонией Пруссии отвергала также прямо гегемонию Австрии. Она хотела установить немецкое единство в виде федеративного союза немецких государств на основе самоопределения и уменьшить опасность войны со стороны Австрии требованием, чтобы союзники преследовали в борьбе не династическую, а национальную политику. Требование само по себе было превосходно, но обращенное к Бейсту с компанией, оно могло иметь на практике ровно такое же действие, как обращенное к гиенам приглашение не разрывать могил, а пастись на лугу, как овечки.

Съезда немецких рабочих фрейеров в этом году не было в виду беспокойного времени, но комитет собрался 10 июня в Маннгейме, где обнаружилось, что меньшинство склоняется к точке зрения, дружественной по отношению в Пруссии, а большинство — к точке зрения Немецкой народной партии. В комитете раздавалось много жалоб на безучастие образовательных рабочих фрейеров; за значительным большинством их числились недоимки по взносам в кассу. Неурядица среди немецкого пролетариата казалась настолько великой, что Альберт Ланге потерял надежду на успешную работу и прекратил издание «*Нижне-Рейнского Вестника*». В последнем номере от 29 июня он писал, что всегда стремился подвинуть рабочих к солидарности, к размышлению и правильному пользованию своей силой; между тем массы разжигаются теперь агентами, преследующими совершенно иные цели и имеющими, повидимому, в своем распоряжении обильные денежные средства. Затем Ланге переехал осенью в Швейцарию, откуда ему, к со-

жалению, суждено было вернуться в Германию уже смертельно больным человеком.

Агенты с богатыми средствами возбуждали также оживленные жалобы «*Социал-Демократа*», но он называл вещи собственными именами и обвинял графиню Гацфельдт в том, что она стоит за спиной этих агентов: она старается привлечь на свою сторону рабочих призрачной надеждой на золотые горы и могущественных покровителей; между тем Всеобщий Германский Рабочий Союз никогда не должен забывать, что он представляет собою немецкую демократическую партию, для которой свобода имеет такое же значение, как равенство, и которая без свободы никогда не может достигнуть равенства. Так как графиня Гацфельдт не могла, конечно, выступить пред рабочими со своими истинными намерениями, то она ухватилась за два внешних повода. Первым поводом было то, что полицейские власти Лейпцига, где официально имел местопребывание Всеобщий Германский Рабочий Союз, не хотели признать избрания Тельке в президенты. пока он не докажет, что с потерей прусской национальной кокарды он не лишился почетных гражданских прав. Второй повод заключался в слиянии президентской должности с секретарской, нарушавшем устав Союза. 12 марта графиня имела с Тельке свидание в Фовинкеле близ Эльберфельда и предложила ему здесь произвести «спасительный государственный переворот»: Тельке должен был путем властного приказа объявить неимеющим силы все, что произошло в Союзе со времени дюссельдорфского общего собрания, и провозгласить себя непосредственным преемником Лассалья, а Вильмса—секретарем Союза. Взамен графиня обещала устранить противодействие лейпцигской полиции его избранию. Тельке остался твердым, но чтобы по возможности отнять у графини всякий повод к новому раздору, он издал 29 марта распоряжение, которым секретарская должность снова отделялась от президентской, и секретарем Союза назначался Газенклевер. 1 мая Газенклевер должен был переехать в Изерлон, местожительство Тельке; насчет жалованья между ними состоялось «соглашение, не затрагивающее положения кассы». Далее Тельке, впредь до признания полицией его избрания, назначил вице-президентом гамбургского уполномоченного Перля.

Все это было, конечно, не в интересах графини Гацфельдт. Несмотря на то, что во время своих переговоров с Тельке она указывала на Гильмана, как на главного виновника финансовой неурядицы в Союзе, она теперь, смело переменяв фронт, сделала своей второй рукой человека, против которого выставила столь тяжкие обвинения, и Гильман

пошел на эту незавидную роль. Гильман, графиня Гацфельдт и лейпцигская полиция стояли на той точке зрения, что пока избрание Тельке в президенты не получило признания властей, он не может также делать в качестве президента никаких распоряжений, которые имели бы юридическую силу; единственным законным представителем Союза остается тогда Гильман, которому франкфуртское общее собрание доверило руководство плебисцитом, доставившим президентство Тельке.

Поведение полицейских властей было в высокой степени двусмысленно. Пристрастная юстиция ноябрьского государственного переворота в Пруссии лишила национальной кокарды не мало честных людей, в том числе и старого Циглера, любившего отпускать шутки по поводу потери этого драгоценного украшения. Но в то время, как прусские юнкеры просили его не так уж часто дразнить их старыми глупостями, о которых они неохотно вспоминали, нашлось бюргерско-городское учреждение, лейпцигская полиция, которое свило отсюда моральную петлю для Тельке. Тщетно Тельке доказывал судебными постановлениями, что он давно находится опять в обладании почетными гражданскими правами, даже если действительно был когда-либо лишен их: лейпцигская полиция требовала удостоверения от изерлонских полицейских властей, а в выдаче такого удостоверения отказывал интимный враг Тельке, бургомистр Гюльзман. Но этого мало! Чем усерднее лейпцигская полиция искала сучка в глазу Тельке, тем больше она оставляла без внимания бревно в глазу Гильмана: последний уже около года находился под конкурсом и по саксонскому закону о союзах не мог быть даже членом, а не то что председателем политического фёрейна. Странное поведение лейпцигской полиции объясняется, вероятно, тем самым обстоятельством, которое на первый взгляд придает ему вдвойне странный вид: в качестве городского учреждения, полиция была зависима от городского совета и городских гласных, как раз в это время начавших благожелательно относиться к бисмарковской политике,—совершенно так, как графиня Гацфельдт, которая не могла достаточно нахвастаться своим влиянием на лейпцигскую полицию.

10 мая Гильман произвел переворот, на который не согласился Тельке. Он назначил на 20 мая выборы нового президента путем плебисцита в общинах Союза, созвал на 3 июня экстренное общее собрание в Бармен и назначил Вильмса секретарем Союза, поманив его соблазнительной перспективой, что он получит, наконец, легат, завещанный Лассалем. Тельке ответил на переворот, созвав правление на 21 мая в Гамбурге. Тут пошла невообразимая сумятица.

Старые члены Союза остались, правда, верными знамени, и назначенные Гильманом президентские выборы были произведены 20 мая только в немногих общинах. Но теперь снова обнаружилось, насколько печальное положение финансовой части ослабило способность Союза к энергичным действиям. «Социал-Демократ» вынужден был уже к 1 апреля прекратить ежедневные выпуски и стал опять выходить только три раза в неделю, так как члены Союза не переставали жаловаться на слишком высокую подписную плату. В то время, как графиня Гацфельдт сыпала золото пригоршнями, союзная касса была пуста, и Тельке не в состоянии был даже собрать деньги на проезд в Гамбург, чтобы присутствовать на созванном им заседании правления. Правление вообще собралось в недостаточном для законности решений числе; на-лицо было только шесть членов его, большинство—из самого Гамбурга или близких городов: кроме Аудорфа и Перля явились еще Йорк из Гарбурга, Деквиц из Бремена, Бракке из Брауншвейга и Фёрстерлинг из Дрездена.

Из Берлина прибыл Швейцер, как представитель союзного органа, но вместе с ним приехала и графиня Гацфельдт. Теперь она открыто выступила со своими планами. Она обещала вывести Союз из всех его затруднений и из своего кармана платить жалованье президенту и секретарю, под тем условием, что в президенты будет выбран Гильман. Большинство присутствующих членов Союза ответило ей, как Лионель в «Орлеанской Деве»: «Сударыня, ступайте к себе домой! Мы хотим победить при помощи хорошего оружия, а не при помощи женщин». Но графиня все-таки привлекла на свою сторону Деквица и, главное, кассира Союза Фёрстерлинга, который тотчас отправился в рейнскую область к Гильману и Вильмсу. Организация Союза теперь совершенно распалась в том смысле, что в нем не было больше ни одного должностного лица, которое имело бы бесспорное право на свой пост.

При таких обстоятельствах Швейцер и оставшиеся верными члены правления решили, что надо уступить точке зрения лейпцигской полиции. Они рассчитывали, что большинство членов ни в каком случае не будет введено в обман прозрачной игрой графини Гацфельдт. Зато раз общее собрание откажется выбрать в президенты креатуру графини Гацфельдт, наступившей неурядице будет кратчайшим способом положен конец. В виду того, что Тельке не приехал в Гамбург и, следовательно, невозможно было столкнуться с ним, решено было через посредство «Социал-Демократа» публично выставить кандидатуру Перля, за которого должны подать голос все члены, не желающие, чтобы

Союз попал в руки графини Гацфельдт и людей, стоящих за ее спиной. Исполняя это поручение, «Социал Демократ» настоятельно убеждал рабочих, что они должны, наконец, позаботиться о разумном управлении финансами Союза: недостойно их полагаться на подарки и отказы по завещанию. При «неслыханном ведении денежных дел», господствующем до сих пор в Союзе, нежелание рабочих жертвовать своими грошевыми и пфенигами представляется вполне понятным; но отсюда следует только, что они непременно должны создать и поддерживать хорошую финансовую организацию. Германское рабочее движение не должно разбиться о такое ничтожное препятствие, о которое никогда еще не терпели крушения английские и французские рабочие союзы.

Энергичное вмешательство произвело надлежащее действие. Графиня Гацфельдт и ее подставные фигуры направили теперь свои усилия на то, чтобы выиграть еще несколько времени для интриг; они отложили общее собрание с 3 на 17 июня, и сверх того, когда большинство рейнско-вестфальских рабочих отвернулось от Гильмана, перенесли собрание из Бармена в Лейпциг. Но все эти уловки не помогли делу: 17 июня в Лейпциге съехалось третье общее собрание, и в президенты был выбран на остающуюся часть года Перль, получивший 6.082 голоса, против Гильмана, за которого было подано 3.140 голосов. На собрании были представлены 12 делегатами 34 места. Большинство, поданное за Перля, было бы еще гораздо значительнее, если бы железнодорожные сообщения с западом не были уже прерваны, так что из рейнско-вестфальских общин, почти сплошь голосовавших за Перля, был представлен на общем собрании только Бармен. Гильман обещал подчиниться решению большинства и получил благодарность общего собрания за свое поведение, что не помешало, конечно, ему и его покровительнице уже на следующий день начать новые интриги.

Спор из-за должности секретаря потерял свою практическую остроту благодаря тому, что Газенклевер и Вильмс были оба призваны на военную службу в качестве запасных. Временным секретарем был назначен И. Левин из Гамбурга, а кассиром — И. М. Гирш из Эрфурта. Гирш служил управляющим в одной виноторговле, но, несмотря на свою профессию, это был истинный пролетарий; сын ткача, уже с 4 лет помогавший при ткацком станке, он прошел через все невзгоды ткачей, пролетаризованных машинным производством, пока благодаря случаю не попал в виноторговлю, где первое время служил мальчиком для посылок.

Таким образом Союз был на время упрочен опять и мог снова подумать о политических выступлениях. В продол-

жение всей этой неделей тянувшейся неурядицы был парализован в политическом смысле и «Социал-Демократ»; он оборвал посередине начатый ряд статей о «Габсбургах, Гогенцоллернах и немецкой социал-демократии» горьким замечанием, что смешно заниматься социал-демократической политикой, пока Всеобщий Германский Рабочий Союз из фрейна для игры в союз и личных передраг не стал снова серьезной партией действия. Легенда, будто после досрочного освобождения из тюрьмы Швейцер занимался частью в «Социал-Демократе», частью во время агитационных поездок по Германии, предательскими махинациями в пользу политики Бисмарка, представляет собою, действительно, не более как легенду. За месяц июнь ему пришлось трижды высказываться публично: в статье, помещенной в номерах «Социал-Демократа» от 6 и 8 июня, в лекции, которую он читал 11 июня в Эрфурте пред 1.500 рабочими, наконец — в лекции, которую он прочел в Лейпциге 16 июня, накануне общего собрания. Статья и лекции одинаково свидетельствуют и об его честности и об его таланте.

Статья в «Социал-Демократе» была посвящена кредитным кассам, которые прусское правительство учредило в середине мая для выпуска билетов на сумму в 25 миллионов талеров: билеты должны были приниматься всеми государственными кассами по полной нарицательной стоимости, но в сделках между частными лицами прием их не был обязателен. Целью касс было объявлено «удовлетворение потребности в кредите», которая тем сильнее давала себя чувствовать, особенно мелким бюргерам, чем больше политический кризис влек за собою кризис хозяйственный. В этой мере кредитные кассы были несомненно орудием бисмарковской политики. Консервативная и либеральная печать одинаково преувеличивала их значение, но в противоположных направлениях. Консервативные газеты изображали дело в таком виде, что учреждение касс есть удивительно гениальное изобретение правительства, которое хочет радикально помочь экономическим страданиям масс. Напротив, либеральные газеты предостерегали против приема «фальшивых денег», так как конституционное право правительства на учреждение кредитных касс по меньшей мере весьма сомнительно, добиться же последующего утверждения их палатой депутатов, которое во всяком случае необходимо, правительству никогда не удастся. Сверх того либеральная печать утверждала, что кредитные кассы будут помогать только крупному капиталу, — от какого обстоятельства brave господа манчестерцы вдруг пришли в необыкновенный ужас.

Имея пред собою эту демагогию справа и слева, Швейцер исполнил первый долг публициста — разоблачить комедию

и просветить массы относительно чрезвычайно важного для них вопроса, как обстоит дело с новыми деньгами. Исследовав прежде всего финансово-технические условия выпуска этих денег, он пришел к заключению, что хотя клочок бумаги не есть деньги, а может только заменить деньги, однако билеты кредитных касс так же надежны, как прусские бумажные деньги вообще. Выпущена ли одна бумага согласно конституции, а другая нет, это безразлично для денежного обращения: больше чем какой бы то ни было другой элемент человеческого общества, оно интересуется только реальным положением дела, а не доктринерски-теоретическим пререканием, в которое давно выродился прусский конституционный конфликт. Если дела пойдут хорошо для Пруссии, то прием билетов кредитных касс не представляет никакой опасности, в противном случае, нет, конечно, никакой гарантии, ибо в минуты нужды правительства не церемонятся с обязательствами, которые они приняли на себя.

Относительно самих кредитных касс Швейцер писал, что они всего меньше представляют собою гениальное откровение: это—неоднократно уже примененное правительствами средство принести населению незначительное облегчение во время больших кризисов. В общем экономическом положении они решительно ничего не меняют. Вина за настоящий хозяйственный кризис падает на тех, которые ради династических целей вызвали опасность войны; кредитные кассы не устраняют кризиса, а только немного ослабляют его. Крупному капиталу названные кассы идут на пользу лишь постольку, поскольку в капиталистическом обществе все идет в конце концов на пользу этому капиталу; за этой общей оговоркой они приносят пользу преимущественно мелкому капиталу, «но, конечно, в форме, единственно возможной при настоящих условиях и не весьма утешительной». Что касается рабочих, то они эксплуатируются капиталом, все равно—крупным ли или мелким; им кредитные кассы оказывают, пожалуй, ту услугу, что возможность быть предметом дальнейшей эксплуатации все же предпочтительнее простого голодания. Если бы агитация прогрессистов против кредитных касс могла дать в результате твердо обеспеченное бюджетное право народного представительства, то рабочим следовало бы, конечно, стоять в первых рядах борцов, но на это нет ни малейшей надежды, после того как трусливая либеральная буржуазия давно упустила надлежавший момент для решительных действий.

Лекция, которую Швейцер читал 11 июня в Эрфурте, касалась социализма и частной собственности на землю. Швейцер объяснил в весьма популярной форме существо поземельной ренты и рассеял химерические фантазии, в кругу

которых еще теперь продолжают вращаться реформаторы земельной собственности. Он показал, что только обобществленное производство может исцелить те ужасные страдания, которые влечет за собою для рабочих частная собственность на землю. Лекция принадлежит не только к лучшим вещам Швейцера, но и к лучшему из того, что социалистическая литература дала до сих пор по земельному вопросу; на одинаково небольшом количестве страниц вопрос этот, быть может, никогда еще не был изложен с такой прозрачной ясностью.

Наконец, лекция Швейцера в Лейпциге рассматривала задачу социал-демократической партии в настоящем. Швейцер повторил вкратце то во зрение на немецкий вопрос, которое было развито в «Социал.-Демократе». Бесконечно печальная особенность положения, его невыразимое проклятие заключается в том, что вопрос идет только о господстве Пруссии или Австрии в Германии, третий же исход невозможен больше ни в настоящий момент, ни в доступном предвидении будущем. Молодая рабочая партия, существующая всего несколько лет, не может мановением волшебного жезла изменить это положение, она в состоянии только констатировать в настоящий роковой момент, что если восстание народа против его династий невозможно, то вину за это несет либеральная, в особенности же мало-немецкая буржуазия, готаизм. Рабочая партия не может проникнуться энгуизмом ни в пользу прусского абсолютизма, ни в пользу австрийского режима, который ставит себе главной задачей держать народ в духовной тьме, она может только направить свои усилия на то, чтобы усгупку, вырванную у прусского правительства давлением политического положения, сделать действительным завоеванием. «Во всей Пруссии, а затем и во всей Германии, насколько простирается наше влияние, мы должны устраивать массовые собрания, которые властно и даже угрожающе потребовали бы от прусского правительства всеобщего избирательного права, как неотъемлемого права народа». Что касается вопроса, не следует ли все-таки рабочим в споре между Пруссией и Австрией стать активно на сторону одной из них, то ответ гласит: «Пока еще нет! Но если нам удастся подвинуть прусское правительство дальше по пути уступок нам, если дела примут такой оборот, что наш операционный базис сможет быть только в Пруссии, а в Австрии руки останутся у нас по-прежнему связанными,—тогда да, тогда мы станем на известную сторону,—не против права и свободы нации, как утверждают лжецы и недалекие болтуны, но бесспорно против австрийского правительства и режима Союзного Сейма; тогда мы будем надеяться и желать, тогда мы сделаем все

зависящее от нас, чтобы победа осталась не за знаменами Австрии, а за знаменами Пруссии, не за знаменами Бенедика, а за знаменами Бисмарка и Гарибальди». Согласно с этим воззрением общее собрание постановило на следующую день, что нужно безотлагательно и во всевозможной энергией повести агитацию в пользу всеобщего избирательного права, на основе которого должен выбираться не только германский парламент, но и ландтаги отдельных стран.

Когда это постановление было принято, жребий немецкого народа был уже брошен.

3. Рабочий класс после австро-прусской войны.

В течение немногих недель положение дел совершенно изменилось. Быстрыми ударами прусская армия разбила австрийские военные силы и войска немецких государств средней величины, ставших в решительный момент на сторону Габсбургов. Побежденные правительства, включительно с венским двором и за исключением баденского, проявили свой немецкий патриотизм тем, что бросились в объятия Бонапарта, прося его помощи. Французский протест остановил победное шествие прусского оружия, и мир был заключен согласно французским предложениям. «Революция сверху» осталась верной своему характеру и в том отношении, что она остановилась на полдороге, сдерживаемая властным словом иноземного деспота.

Таким образом, все осталось в неопределенном положении. Австрия отказалась от всякого вмешательства в немецкие дела, но вместе с тем ее немецкие провинции были потеряны для Германии. Государства к северу от Майна образовали союзное государство, так что могущество прусского дома, еще значительно усилившееся благодаря аннексии Шлезвинг-Гольштинии, Ганновера, Кургессена, Нассау и Франкфурта, тяготело теперь подавляющим образом над множеством мелких вассалов. Напротив, государства к югу от Майна—Бавария, Вюртемберг, Баден и часть Гессен-Дармштадта—висели в воздухе; от их усмотрения всецело зависело, разыгрывать ли из себя, отдельно или сообща, роль европейских держав, или же вступить в «национальную связь» с Северо-германским союзом,—как им заблагорассудится.

С самого же начала ясно было, что это положение вещей не может долго длиться, и фактически никто не верил в его долговечность. Правда, получить всю Германию, включительно с немецко-австрийскими провинциями, можно было только путем революции снизу,—революции, которая после подавляющих успехов прусского оружия отодвинулась

в большую даль, чем когда-либо со времени мартовских дней 1848 г. Но майнская линия, как бы она ни соответствовала традициям прусского государственного искусства, и какова бы ни была роль, которую она играла в переговорах Бисмарка с Бонапартом, потеряла свой старый смысл измены отечеству, с тех пор как Австрия была выброшена из Германии. Не прусский народный учитель победил при Кенигсгретце, как хотела объяснить победы игольчатого ружья известная риторическая фраза, а Немецкий таможенный союз, создавший за 30 лет своего существования одну обширную хозяйственную область. Экономические потребности этой области, в которой капиталистический способ производства завоевывал каждый день новые полосы, — вот что было реальной почвой, из которой выросли стремления к национальному единству. Политические узы, соединявшие эту хозяйственную область с Австрией, могли быть разорваны тем легче, чем больше они составляли стеснительные путы для ее сплочения в одно экономическое целое, но по той же причине собственные экономические связи ее не могли быть уничтожены путем государственно-правовых измышлений. Южно-германские государства не могли разыгрывать роль европейских держав, они не могли также стать французскими или австрийскими вассалами, — разве, если бы крупная хозяйственная область, сросшаяся за 30 лет в одно целое и находившаяся в восходящем периоде капиталистического развития, разбилась на тысячу кусков. Но это предположение относилось к категории исторических невозможностей.

Бисмарк понял положение и с бесспорной ловкостью сумел приспособить к нему свою политику. Он был теперь деятельно занят осуществлением программы, которую развил или будто бы развил в 1864 г. русскому статскому советнику Эверту: «Одних я куплю, — сказал тогда Бисмарк, — других запугаю, третьих поколочу и, наконец, привлеку всех на свою сторону, поведя их против Франции». Бисмарк наложил узду на алчность короля, который прежде ни за что не хотел воевать, так что его изо всех сил пришлось толкать к войне, а теперь грозил отречением от престола, если ему не дадут проглотить на старо-пруссский манер столько земли и людей, сколько в данный момент находилось в его власти. Подобно самой Австрии, южно-немецкие государства получили мир на очень мягких условиях; оборонительно-наступательные союзы, выговоренные у них за это и сохранившиеся сначала в тайне, Бисмарк ценил гораздо выше нескольких квадратных миль баварской или швабской земли. Что касается честного Бонапарта, осторожно зондировавшего теперь почву

насчет возможных «компенсаций», то Бисмарк повел себя согласно правилу: «на одного мошенника полтора»! Отныне он начал разыгрывать из себя строгого блюстителя немецкой чести, не в силу немецкого образа мыслей, который всегда был чужд ему и его королю, а из правильно понятого интереса прусской политики. Он по-прежнему не стеснялся применять метод «оттяжек» к аппетиту Бонапарта на счет немецкой территории, но эта тактика служила ему теперь только приманкой, чтобы заманить лисицу в капкан.

На свой лад буржуазия также поняла положение, но именно лишь на свой лад. Раньше, чем вспыхнула война, Бисмарк распустил палату депутатов, и его спекуляция на националистическую струнку удалась теперь лучше, чем в 1833 г. В тот самый день, когда произошла главная решающая битва австро-прусской войны, т.е. 3 июля, прогрессистское большинство палаты депутатов растаяло на выборах первой степени, и вдобавок господствовавшая до тех пор партия теперь раскололась. Подобно тому, как от старой феодальной партии отделилась свободно-консервативная фракция, понявшая, наконец, что без известных уступок капитализму нельзя получить опруссачения Германии, так от партии прогрессистов отделилась национал-либеральная фракция, отказавшаяся, наконец, без всяких фраз от притязаний буржуазии на политическое господство, лишь бы удовлетворены были материальные интересы этого класса. Она была глубоко тронута, когда Бисмарк внес предложение об индемнитете, т.е. о снятии с правительства ответственности за ведение финансового хозяйства последних лет без утвержденного парламентом бюджета; не понимая или не желая понимать, насколько этот индемнитет необходим правительству, не сделав ни единой попытки изменить 99 статью конституции таким образом, чтобы бюджетное право палаты депутатов было недвусмысленно обеспечено на будущее время, значительное большинство палаты депутатов вотировало закон об индемнитете, чтобы в награду выслушать затем от короля, что при одинаковых обстоятельствах он всегда будет поступать так же, как в годы конституционного конфликта. Вагнер был не неправ, когда истолковывал этот сорт индемнитета в том смысле, что им не заглаживаются противозаконные действия правительства, а, напротив, подтверждается правота последнего.

Добро бы еще, если б из остатка прогрессистской партии, удержавшего свое старое название и старую программу, развилась мелко-буржуазная демократия! Но и об этом не было речи. В растаявшей прогрессистской партии находились весьма различные элементы; рядом с мелко-буржуазными

демократами сидели конституционные зайцы вроде Клас-сена-Каппельмана, фанатические пруссаки вроде Вальдека и Циглера, сикофанты крупного капитала вроде Евгения Рихтера, который рожден был состоять управляющим у Блейхредера и с гуря от неудавшегося призвания напал на несчастную мысль разыгрывать роль вождя партии и политического деятеля. Только один человек из старой прогрессистской партии, Игнати Яуби, был проникнут честным и мужественным желанием по-прежнему держать высоко знамя бурgeoisких идеалов, наперекор победоносным властителям; вместе с римским законом 12-ти таблиц он говорил: *contra hostem aeterna auctoritas esto*, против врага свободы право народа никогда не угасает.

На такую жалкую политику, какой занималась буржуазия, пролетариат не был способен. Его великие конечные цели вообще не затрагивались германским переворотом, речь могла идти лишь о том, не изменился ли путь к этим целям. И вопрос получил тотчас свое разрешение постольку, поскольку победа прусского духа означала также победу реакции, и борьба за политическую свободу, без которой пролетариат не в состоянии достигнуть своих социальных целей, стала вследствие этого еще более трудной и, следовательно, еще более необходимой. Теперь осталось решить лишь одно: каким образом можно всего успешнее вести освободительную борьбу пролетариата, становясь ли на почву нового порядка, или же вне этой почвы? Дело шло о правильном ответе на вопрос: был ли день Кениггреца историческим решением, или грубой, случайной удачей авантюристской политики; указал ли он развитие Германии новым путем, или загнал его в тупик, откуда его нужно первым делом вывести? Неодинаковое решение этого вопроса внесло на много лет раздор в немецкий рабочий класс, заплативший этим последнюю дань жалкой раздробленности Германии.

Всеобщий Германский Рабочий Союз решил, что надо бороться на почве нового порядка. Во время самой войны агитация в пользу всеобщего избирательного права, необходимость которой была признана лейпцигским общим собранием, приняла внушительные размеры. По распоряжению нового президента Перля, переехавшего временно в Берлин, первыми начали устраивать большие собрания силезские члены Союза; собрания происходили в течение первой недели июля в Эрнсдорфе, Дрейсиггубене, Лангенбилау, Петерсвальдау, Штейнзейферсдорфе, Штольбергсдорфе, Вюсте-Гирсдорфе и закончились силезским рабочим съездом в Вюсте-Вальтерсдорфе. На второй неделе июля рабочих создали северо-германские «общины» союза в Гам-

бурге, Альтоне, Киле, Пиннеберге, Эльмсторне, Глюкштадте, Итцегое, Бремене, Гарбурге, Ганновере, Брауншвейге, Магдебурге, Штеттине; этот ряд собраний заключился северо-германским рабочим съездом в Гамбурге. Во второй половине июля то же сделали общины в средней и южной Германии: Лейпциг, Тонберг, Штеттериц, Нейштадт, Оберкендлер, Грюна, Плауэншер Грунд, Гроссенгайн, Глаухау, Дрезден, Лейсниц, Белен, Наумбург, Апольда, Берфельден, Эрфурт, Майнц, Франкфурт на М., Оффенбах, Аугсбург, Аш в Б.; заключение составил средне и южно-германский рабочий съезд в Лейпциге. Вслед за ними двинулись рейнско-вестфальские общины: Кельн, Бармен, Эльберфельд, Ронсдорф, Ремшейд, Золинген, Вальд, Вермельскирхен, Дюссельдорф, Герресгейм, Гильден, Дерендорф, Дуисбург, Мейдерих, Дюнальд, Мюльгейм, Альтена, Гаген, Изерлон, Герде и еще многие другие; в августе вся эта, в своем роде грандиозная, манифестация закончилась рейнско-вестфальским рабочим съездом в Бармене.

К этому времени пороховой дым рассеялся в достаточной степени, чтобы можно было обозреть результаты войны. Ни одна газета в Германии не обнаружила при этом такой ясности и широты кругозора, как «Социал-Демократ». Беспощадно бичуя жалкое пресмыкательство австрийского кабинета и мелкого «сброда государств» пред Бонапартом, газета в номере, три раза под ряд конфискованном полицией, отнеслась с таким же суровым осуждением к агитации за майнскую линию, которую вели в трогательном согласии друг с другом «Крестовая Газета» и «Национальная Газета». «Если вы требовали крови и железа только для того, чтобы из постыдной раздробленности нашего отечества сделать еще более постыдную разорванность его, — писал «Социал-Демократ», — то ясно, что вы бессовестно проливали драгоценную кровь нашего народа ради презренных династических интересов». Накануне заключения мира «Социал-Демократ» отнесся скептически как к пруссофобскому воплю по поводу созданной теперь майнской линии, так и к пруссофильскому шуму по поводу созданного теперь единства Германии. «Новая Германия не есть Германия майнской линии... Проектируемый южно-германский союз может по положению вещей вести лишь настолько призрачное существование в сравнении со сплоченной северо-германской державой, что об образовании им серьезного противовеса Пруссии вряд ли может идти речь; мало того — национальные стремления и там будут с внутренней необходимостью тяготеть к Пруссии. Весь юг будет побочной страной, испытывающей постоянное внутреннее влечение соединиться с главной страной». Но если нет основания говорить о майнской ли-

нии в традиционном смысле, то прусское правительство заслуживает, тем не менее, сурового порицания. Оно не может оправдать пролитой крови, если из этой войны не получится истинно-национальное создание. Официальная газета прусского правительства требует, как своего рода патриотического долга, прекращения агитации за создание государственного организма, обнимающего все отечество. «Но в данном случае важно не то, что приятно или неприятно прусскому правительству и его *«Государственному Указателю»*: важно вечное и неотъемлемое право нации. Совершенно верно, что мы не получаем никакой майнской линии, но столь же верно и то, что мы не добились единства Германии. Национальная агитация не должна успокоиться до тех пор, пока вся Германия, вся великая Германия не будет стоять в законченном виде в центре Европы».

Точка зрения *«Социал-Демократа»* проявилась, быть может, наиболее характерным образом в его критике речи, которой Иоганн Якоби протестовал в прусской палате депутатов против нового положения вещей в Германии. *«Социал-Демократ»* напечатал речь на самом видном месте газеты, за что опять поплатился полицейской конфискацией, и прибавил от себя: «Как этой речи не возбуждать нашего почтительного удивления! Среди отчаянного дезертирства и хаотического разложения мы слышим, как раздается энергичный голос человека, который, не смущаясь могучим впечатлением от отрывка всемирной истории, разыгравшегося пред его глазами, не смущаясь изменой и отпадением в собственном лагере, поднимает старый клич свободы — боевой клич всей своей долгой жизни». Однако против замечания Якоби, что он не может радоваться победам Пруссии, что они отодвинули вождеденную цель немецкого единства и свободы в еще большую даль, чем прежний Союзный сейм и режим, существовавший до войны, — против этого замечания *«Социал-Демократ»* возразил, что тут нужно устранить одно недоразумение. Бесспорно, прусские победы прискорбны, так как установление немецкого единства начато династической войной, а не самостоятельным и народным восстанием нации. «Но решительные события свершились, мы не можем повернуть назад всемирную историю. Обе великие державы Германии вели борьбу за господство над нашим отечеством, победа осталась за Пруссией, отныне существует только одна немецкая великая держава. Это не есть то решение, которого мы хотели, но это есть решение, и именно оно фактически существует. Но раз положение дела было таково, что вопрос был поставлен только между Австрией и Пруссией, а не между нацией и ними, то либеральные элементы Германии и, в особенности, рабочий

класс должны радоваться, что пруссаки стояли под Веною, а не австрийцы под Берлином. Мы хотели бы быть правильно понятыми: что вопрос был поставлен только между Габсбургами и Гогенцоллернами, об этом следует глубоко пожалеть, и не на нас, новую, едва основанную рабочую партию, может пасть за это вина. Но раз уж вопрос фактически стоял так, то лучше было, чтобы победила Пруссия, а не Австрия. Что дала бы нам победа Габсбурга? Новый союзный режим со старою слабостью и беззащитностью Германии против других держав, со смехотворно-мелочными порядками внутри страны, и вдобавок — иезуитство, железный гнет и расслабляющую продажность. Мы знаем, конечно, что и Пруссия не приносит нам особенно много хорошего, но здесь есть, по крайней мере, надежда на лучшее, и именно к осуществлению этой надежды должна теперь направиться агитация всех демократических элементов в Германии. Нет, мы не стоим дальше от единства Германии, чем во время союзного режима».

Не может подлежать никакому сомнению, что этот взгляд на дело соответствовал воззрениям, господствовавшим в рабочих массах, особенно — в северо-германских, но отчасти также в средне- и южно-германских. После всех бедствий, которые режим Союзного Сейма принес именно пролетариату, было вполне естественно, что этот класс отнесся к обороту дел, который сулил дать ему, по крайней мере, немного больше простора, как к меньшему из двух зол, раз уж нельзя было получить ничего лучшего. Из среды Всеобщего Германского Рабочего Союза не раздался ни один звук протеста против позиции, занятой «Социал-Демократом», но зато было немало заявлений, становившихся на прусскую сторону гораздо решительнее «Социал-Демократа». Газенклевер, который был призван на службу из запаса и находился на постое в фамильном замке герцога Аугустенбургского, напечатал в «*Flensburger Zeitung*» стихотворение в честь объединителя Бисмарка, а Тельке развил в длинном ряде статей партийную программу, клонившуюся к «полному объединению Германии под скипетром гогенцоллернской империи с полной политической и промышленной свободой». Вмешательство Швейцера носило и в данном случае, как и тогда, когда обнаружили антипатии рабочих к прогрессистской партии, не разжигающий, а сдерживающий характер.

В ряде статей, озаглавленных «Наша партийная программа», он развил против Тельке мысль, что социальное требование пролетариата, освобождение труда от оков капитала, стоит выше всякой смены политических порядков. Столь же ясно, что немецкая социал-демократия может требовать разрешения рабочего вопроса только от на-

родного государства, что немецкие рабочие никогда не должны становиться орудиями властолюбивых юнкеров. Победа Пруссии над Австрией сделала реакционные элементы в Пруссии более могущественными, чем когда-либо, следовательно, по части свободы все остается при старой борьбе. Но насчет единства произошла перемена в том отношении, что немецкий дуализм устранен. «Прусское правительство имеет ту заслугу, что оно создало ядро национальной силы, которое не есть еще, правда, основа могущества и величия, но может и должно стать ею, и если нация исполнит свой долг, непременно станет ею». Из-за этого не следует, конечно, забывать, что прусское правительство действует в интересе специфического пруссачества, что интерес, якобы испытываемый им к немецкому единству, представляет собою только пустое уверение. Но такие заверения фатальны в политике: что-нибудь ведь приходится предпринять, чтобы сделать их правдоподобными. Так, прусское правительство выступило с проектом германского парламента на основе всеобщего избирательного права, и хотя от этого плана остались вследствие хода событий одни развалины, однако даже северо-германский парламента, каким бы слабым средством он ни был против столь могущественного теперь прусского правительства, должен быть использован рабочим классом в интересе национального дела: при известных условиях он все-таки может стать силою. Но никоим образом национальная задача не может заключаться в том, чтобы повернуть назад события 1866 г., восстановить старый дуализм, или поставить на место реакционных прусских кругов еще гораздо более реакционные австрийские круги.

В Берлине находится центр силы, на который нужно воздействовать, чтобы создать немецкое единство. «Не только южно-германские государства должны быть привлечены к существующему теперь ядру, немецкая Австрия также принадлежит нам и будет принадлежать нам, пока в ней звучит немецкая речь». Но необходимо единое, а не союзное государство. Союзное государство, в котором одно государство могущественнее всех остальных, вместе взятых, есть постоянное противоречие в себе самом, открытая ложь. В особенности делу свободы оно угрожает большей опасностью, чем единое государство, ибо правительство преобладающего в Союзе государства имеет фактически всю мощь в своих руках, тогда как противостоящая ему народная сила неестественно разделена и разобщена. «Возможно, конечно,—и это сбивает многих с толку,—что в каком-нибудь мелком захолустном государстве дозволяется говорить несколько громче, чем в главном государстве, но

не надо забывать следующего: все, что там говорится и делается, вообще не имеет никакого значения». Таким образом, рабочий класс должен поддерживать прусское правительство против партикуляристских и габсбургско-дуалистических стремлений, в особенности же он должен это делать, со всем пылом любви к отечеству, в возможных конфликтах с иноземными правительствами, падкими до вмешательства в немецкие дела. Но вместе с тем рабочий класс должен всегда помнить, что он не имеет дела с свободлюбивым народным правительством, он должен, не смущаясь лживыми панегириками власть имущим, бдительно сохранять на каждом шагу демократическое недоверие— этот палладиум всех истинно народных партий.

Когда Швейцер опубликовал изложенную программу, саксонские рабочие сошлись уже под влиянием войны на другой программе, которая была обсуждена и принята 19 августа 1866 г. на «собрании саксонской демократии» в Хемнице. Собрание состояло исключительно или почти исключительно из делегатов от саксонских рабочих ферейнов; большинство делегатов, как Росмеслер, Бебель, Либкнехт, Кнефель, адвокаты Шрапс и братья Фрейтаг, были присланы образовательными рабочими ферейнами, меньшинство—общинами Всеобщего Германского Рабочего Союза в Дрездене, Лейпциге, Глаухау, Лимбахе и Хемнице. После 6-часового обсуждения была принята программа, рекомендовавшая участвовать в выборах в северо-германский парламент, но лишь для того, чтобы вести там непримиримую борьбу с положением вещей, созданным войною, поддерживать полностью великонемецкие демократические объединительные стремления и добиваться созвания учредительного парламента с представителями от всех немецких государств, в том числе и от немецких областей Австрии.

Прочие требования хемницкой программы сводились к следующему: полная демократизация государства, всеобщее избирательное право во всех областях государственной жизни (на выборах в парламент, в палаты отдельных государств, коммунальные представительные собрания и т. д.), замена постоянного войска народным ополчением, свобода печати, свобода союзов и собраний, местное самоуправление, независимость судов, отделение школы от церкви и от государства, реформа народных школ и т. п. Как специальные требования для пролетариата выставлялись: освобождение труда и рабочих от всякого гнета и всяких пут, улучшение быта рабочего класса, свобода передвижения, свобода промысла, обще-германское право оседлости, поощрение и поддержка кооперативного дела, в особенности — производительных товариществ, для смягчения антагонизма между капиталом

и трудом. Все эти требования соответствовали по внешности программе Всеобщего Германского Рабочего Союза, но существенно отличались от нее в том отношении, что были выставлены в буржуазно-демократическом смысле: под всеобщим избирательным правом они не подразумевали завоевания государственной власти рабочим классом; точно так же они под государственным содействием производительным товариществам не разумели революционного переворота в капиталистическом способе производства. Хемницкая программа была обсуждена под председательством того самого Росмеслера, который в свое время так резко выступил против программы Лассалья, — теперь он был достаточно честен, чтобы до известной степени признать свою тогдашнюю несправедливость к Лассалю, — и новая партия назвала себя Саксонской народной партией, рассматривая себя как ветвь Немецкой народной партии.

Так как главное ядро ее составляли все-таки рабочие, то в ней не могло, конечно, быть такой идейной неразберихи, как в Немецкой народной партии, которая после своих первых запутанных совещаний в Дармштадте и Франкфурте все еще не знала, чего она хочет и в национальном и в социальном вопросе. В одном только Вюртемберге Немецкая народная партия до некоторой степени организовалась, и здесь ее швабский партикуляризм дал удивительные плоды. Так, главный ее орган «*Der Stuttgarter Beobachter*» («*Штутгартский Наблюдатель*») воспользовался случайным фактом, что веймарский ландтаг вычеркнул несколько тысяч талеров из герцогского гражданского листа, чтобы «согласно своей роли верного Экк» обратить внимание южно-германских государей на великую опасность, угрожающую им со стороны северо-германского союза; если бы они решились действовать сообща с Немецкой народной партией и основать парламентский и военный южно-германский союз, то народ чувствовал бы себя настолько обязанным пред ними, что «при общеизвестном образе его мыслей потрясение экономической основы престолов стало бы совершенно невероятным». От подобных глупостей Саксонская народная партия была, конечно, застрахована. Ее точку зрения в немецком вопросе совершенно ясно выражали слова программы: «Объединение Германии в демократической государственной форме; не надо никакой наследственной центральной власти, никакой малой Германии под гегемонией Пруссии, никакого территориального расширения Пруссии путем аннексий, никакой Великогермании под гегемонией Австрии, никакой триалы. Демократическая партия должна вести самую решительную борьбу с этими и им подобными династическо-партикуляристскими стре-

млениями, которые могут повести только к неволе, раздроблению и иноземному владычеству». В принципе это воззрение совпадало со взглядом Всеобщего Германского Рабочего Союза; разница заключалась лишь в неодинаковом отношении к вопросу, не требуется ли изменить тактику ввиду коренных перемен, вызванных 1836 годом. Хемницкая программа отвечала на этот вопрос отрицательно, тогда как «Социал-Демократ» давал на него утвердительный ответ.

Члены Всеобщего Германского Рабочего Союза, участвовавшие в обсуждении хемницкой программы, послали отчет о нем в орган Союза, который в нескольких редакционных примечаниях к корреспонденциям рекомендовал «осторожность»: кто действительно расположен к рабочим, тот может просто присоединиться к социал-демократической партии. Однако до какой-либо открытой ссоры дело не дошло. Да в сущности обе организации могли отлично ужиться рядом. Хотя социалистическое рабочее движение и взяло свое начало в королевстве Саксонии, однако именно здесь оно не приняло размеров, которые отвечали бы промышленному расцвету страны, и было далеко не так сильно, как в Гамбурге, в рейнской провинции и Вестфалии. Некоторые пытались объяснить указанное явление тем, что саксонские рабочие были-де слишком просвещены, чтобы на них не действовал отталкивающим образом якобы пруссофильский и сектантский характер Всеобщего Германского Рабочего Союза. Но факты противоречат такому объяснению: как раз действительно пруссофильская и действительно сектантская форма немецкого рабочего движения, правверное лассальянство графини Гацфельдт, свила себе около этого времени гнездо в Саксонии и нашла здесь более благодарную почву для распространения, чем где-либо в другом месте. Гораздо ближе к истине другое предположение, в пользу которого говорит много обстоятельств, а именно, что, с одной стороны, буржуазный радикализм был еще достаточно здоров в Саксонии для удержания под своим знаменем более передовых рабочих слоев, а с другой—что значительные слои саксонского пролетариата, особенно среди рабочих, занятых в кустарной промышленности, были еще сравнительно очень неразвиты.

Если это предположение верно, то можно было считать отрядным прогрессом, что демократические элементы саксонского пролетариата организовались на основе программы, которая по своему содержанию была уже исполнена пролетарского духа; стоило ей сбросить с себя буржуазную форму, чтобы совпасть с программой Всеобщего Германского Рабочего Союза. С ее иной тактикой по национальному вопросу приходилось мириться, как с необходимым злом,

потому что воззрение хемницкой программы, несомненно, отвечало воззрениям саксонских и вообще многих средне- и южно-германских рабочих кругов. Справедливые опасения могло возбуждать лишь другое обстоятельство,—что Саксонская народная партия, хорошо понимая, насколько ей не по силам одной произвести велико-германскую революцию, старалась примкнуть к Немецкой народной партии, с которой она в сущности не имела ничего общего, кроме чисто-отрицательной черты—ненависти к Пруссии. К тому же эта ненависть проистекала тут и там из совершенно различных источников: у Саксонской народной партии источником ее был, главным образом, демократическо-революционный образ мыслей, у Немецкой же народной партии—преимущественно захолустно-партикуляристские предрассудки или другие мотивы, пользовавшиеся велико-германской программой, как блестящей маской для весьма темных целей. К знамени, под которым собирались Зоннеман и подобные ему враги сознательного пролетариата, члены Всеобщего Германского Рабочего Союза питали столь же нескрываемую, сколько справедливую антипатию

Через две недели после хемницкого собрания состоялся первый конгресс Интернационала. Он заседал в Женеве, где Иоганн-Филипп Беккер создал организационный центр для немецких секций Интернационала и издавал с начала 1866 г. ежемесячник «*Der Vorbote*» («Предвестник»), как центральный орган немецких секций. В Германии существовали еще пока только небольшие и разрозненные секции Интернационала: в Силезии, Саксонии, Шлезвиг-Гольштейнии, на Рейне. На конгрессе, заседавшем в течение первой недели сентября, присутствовало в общем 60 делегатов, среди которых было 3 немца, 7 англичан, 7 французов; большинство составляли, как это было вполне естественно, швейцарские делегаты. Генеральный совет был представлен Оджером, Эккариусом и часовщиком Юнгом; Юнг руководил заседаниями конгресса. Программа и устав Интернационала были окончательно утверждены, с несущественными изменениями, при чем предложение французских делегатов, чтобы в члены Ассоциации допускались только люди физического труда, было отклонено значительным большинством голосов. Подробное изложение происходившего на конгрессе относится, однако, к истории Интернационала; в настоящем сочинении может идти речь только о тех постановлениях конгресса,—в них лежал, впрочем, его центр тяжести,—которые поставили общие цели общей освободительной борьбе международного пролетариата.

Постановление об организации самими рабочими статистического исследования о положении современного рабо-

чего класса во всех странах могло пока претендовать только на академическую ценность, в качестве плодотворной инициативы. Относительно кооперативных обществ конгресс принял резолюцию в духе «Учредительного адреса»: крупное значение их состоит в том, что они наглядно показывают, насколько излишне для целей производства подчинение труда ярму капитала, но произвести сами переворот в капиталистическом обществе они не в силах. Чтобы предотвратить вырождение кооперативных обществ в буржуазные торговые предприятия, конгресс рекомендовал им обращать часть своего общего дохода в фонд для пропаганды и предоставлять равную долю в прибылях всем занятым у них рабочим, все равно—акционеры ли они, или нет; только в виде временной меры конгресс допускал выдачу акционерам небольшого процента на их пай.

Наибольшую важность имели резолюции женевского конгресса относительно рабочего законодательства и профессиональных рабочих союзов,—того оружия пролетарской «освободительной борьбы, значение которого английские рабочие склонны были преувеличивать, а французские и немецкие—умалять. Конгресс выставил основное правило, что рабочий класс должен завоевать себе законы об охране труда. «Добиваясь таких законов, рабочий класс отнюдь не укрепляет преобладающей власти. Напротив, эту власть, пускаемую ныне в ход против него, он обращает в свое собственное орудие». Посредством общего закона он достигает таких результатов, которых невозможно было бы достигнуть путем разрозненных индивидуальных усилий. Конгресс рекомендовал ограничение рабочего дня, как условие, без которого все другие освободительные стремления пролетариата обречены на неудачу; оно необходимо для восстановления физической энергии и здоровья рабочего класса, для доставления ему возможности развиваться духовно, поддерживать общественные сношения, участвовать активно в социальной и политической жизни. Как законодательный максимум рабочего дня, конгресс предложил 8 часов, которые должны приходиться на определенный период суток, так, чтобы этот период обнимал указанные 8 часов труда и перерывы для принятия пищи. Восьмичасовой рабочий день должен иметь силу для всех совершеннолетних, мужчин и женщин одинаково, считая совершеннолетними всех, кому исполнилось 18 лет. Ночные работы нужно принципиально воспретить, а неустраняемые исключения должны быть определены законодательством. Женщинам должно строжайшим образом воспретить ночную работу, равно как всякий другой вид труда, опасный для женского организма или противный нравственности женского пола.

В тенденции современной промышленности привлекать детей и подростков обоого пола к участию в общественном производстве конгресс усматривал вполне законное явление и благотворный прогресс, как ни огвратительна форма, в которой он осуществляется при господстве капитала. При разумном общественном устройстве каждый ребенок, начиная с 9-ти-летнего возраста, должен был бы становиться производительным работником, точно так, как ни для одного взрослого лица не следовало бы делать исключения из общего закона природы, который велик работать, чтобы иметь возможность есть, притом работать не только одной головой, но и руками. В теперешнем обществе следует разделить детей и подростков на три класса и с каждым из них обращаться различно: на детей от 9 до 12 лет, детей от 13 до 15 лет, наконец — подростков 16 и 17 лет. Рабочее время первого класса, в мастерской или при домашней работе, должно ограничиваться двумя часами, второго класса — четырьмя, третьего — шестью часами, при чем для третьего класса необходимо установить по крайней мере часовой перерыв для принятия пищи и отдыха. Но производительный труд детей и подростков должен допускаться лишь в том случае, если он связан с образованием. Под этим последним следует разуметь три вещи: умственное образование, физическую гимнастику и техническое обучение, которое сообщает учащимся общие научные основы всех процессов производства и в то же время посвящает подрастающее поколение в способы практического употребления элементарных инструментов во всех отраслях труда.

Что касается профессиональных рабочих союзов, то жевевским конгрессом была принята резолюция, объявляющая их деятельность не только дозволигельной, но и необходимой. Они являются средством противопоставить концентрированной социальной силе капитала единственную социальную силу, которой располагает пролетариат: его численность. Покуда существует капиталистический способ производства, не только нельзя обойтись без рабочих союзов, но нужно еще придать их деятельности всеобщий характер путем международных соединений. Сознательно противясь непрерывным захватам капитала, они бессознательно становятся центрами для организации рабочего класса, подобно тому, как средневековые коммуны стали такими центрами для буржуазного класса. Таким образом, если рабочие союзы необходимы уже для ежедневной, партизанской борьбы между капиталом и трудом, то они могут иметь еще гораздо большее значение как организованные ордия для уничтожения системы наемного труда. До сих пор рабочие союзы обращали слишком исключительное внимание на

непосредственную борьбу против капитала, в будущем они не должны держаться в стороне от общего политического и социального движения своего класса. Они достигнут наибольшего распространения, если масса пролетариата убедится, что их конечная цель не только не проникнута узостью и себялюбием, а напротив—имеет в виду всеобщее освобождение поработанных миллионов.

Так первые международные ассизы современного рабочего класса, исходя из ясного и широкого мировоззрения, подготавливали освобождение человечества, в то время как по Европе катилось еще эхо от грома битв, открывших новую эпоху «крови и железа».

4. Первая проба всеобщего избирательного права.

При всей громадности достигнутых им успехов Бисмарку и думать нельзя было о том, чтобы взять назад козырь, пущенный им в ход перед войною. Ему нужна была капля демократического елея, с одной стороны—чтобы помазать себя пред Европой, как исполнителя национальной воли, с другой—чтобы смягчить неблагозвучный скрип дверей, через которые должны были войти в храм немецкого единства средние и мелкие княжества северной Германии.

Сверх того, Бисмарк не без основания рассчитывал, что под впечатлением победоносной войны всеобщее избирательное право даст ему парламент еще более послушный, чем прусская палата депутатов. Это почтенное народное представительство было такого же мнения и старалось обеспечить себя, урезав полномочия северо-германского рейхстага в еще большей степени, чем это хотел сделать Бисмарк; прусская палата отняла у рейхстага право «соглашения» и оставила ему лишь совещательный голос, сохранив за ландтагами отдельных государств право утвердить или отвергнуть решения рейхстага. Бисмарк согласился на это с сугубым удовольствием: отныне он мог себя чувствовать тем свободнее по отношению к северо-германскому рейхстагу, а с другой стороны, как опытный политик, он очень хорошо знал, что раз правительства столкнутся насчет конституции Северо-германского союза с парламентом, избранным на основе всеобщей подачи голосов, то пензовые представительства отдельных государств бессильны будут изменить что-либо в этом.

Для рабочего класса вопрос мог идти лишь о том, есть ли возможность выковать пригодное для его целей оружие из всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, которое давал Бисмарк. «Социал-Демократ» указывал,

что северо-германский рейхстаг, безоружный, без надежды сплотить вокруг себя революционные народные силы стоит лицом к лицу с правительством, победоносным внутри и вовне, имеющим в своем распоряжении большую армию и все другие средства власти большого государства. Не часто встречался парламент, в такой степени лишенный всякой реальной силы. Тем не менее рабочие должны выбирать, и по следующим основаниям: во-первых, из простого ничего-неделания и пассивного взирания со стороны вообще ничего не выходит; во-вторых, очень важно, чтобы рабочие могли обосновать свои требования в правильно устроенном государственном собрании и, таким образом, пробить брешь в системе замалчивания и оклеветания, применяемой их противниками; в-третьих, возможно, хотя и не особенно вероятно, что обстоятельства, сделавшие парламент бессильным, изменятся. Следовательно, пароль должен быть: выбирать, и не только выбирать, но и выбирать после основательной подготовки.

И Швейцер не преминул взяться за эту подготовку. Амнистия, объявленная после войны, освободила его от неотбытой еще части тюремного заключения и от множества новых обвинений. Руки были у него опять свободны, и он деятельно пустил их в дело. Там, где общины Всеобщего Германского Рабочего Союза были закрыты полицией, как, напр., в Берлине, он устроил социал-демократические рабочие кружки, а чтобы помочь немного кассе Союза, он прочел в одном аристократическом отеле «Под Липами» за входную плату в 1 талер шесть лекций о труде и капитале, привлечших многочисленную публику из бюргерских кругов. Все это, как и другие пущенные им в ход средства, было, однако, лишь каплей в море. Опустошительные следствия войны всего тяжелее отразились на рабочем классе, и невозможно было ожидать, чтобы он принес значительные денежные жертвы для выборов. Трудно было представить себе более неблагоприятное время для реорганизации Всеобщего Германского Рабочего Союза, и в довершение всего графиня Гацфельдт с неослабевающей энергией продолжала свои происки. Она объявила избрание Перля в президенты не имеющим силы, так как оно состоялось на общем собрании, а не путем плебисцита среди членов Союза. Правда, графиня имела против себя ясный и недвусмысленный текст устава, но за искусственными толкованиями, с целью обратить этот смысл в его прямую противоположность, у нее, конечно, дело не стало. Говорить в настоящее время об ее хитроумных толкованиях и мудрствованиях значило бы попусту тратить слова; фактически единственной целью графини было избрание в президенты Союза одной из ее

креатур, и для достижения этой цели она располагала, к сожалению, средствами, еще более действительными, чем интерпретаторские фокусы, по части которых ей мог бы позавидовать любой правоверный богослов.

Силу ее составляли два фактора: во-первых, престиж, которым она была окружена в глазах многих рабочих, как старая подруга Лассалья, якобы точнее всех знавшая его волю; во-вторых, всегда полная боевая касса, что помогло ей привлечь на свою сторону отдельных влиятельных агитаторов в центрах движения — Гильмана на Рейне, Ферстерлинга в Саксонии, Флориана Пауля в Силезии, затем некоторых членов в Гамбурге. При их содействии она пустила в массы и провела через рабочие собрания избирательную программу, которая правомерно опиралась на отдельные слова Лассалья, но по существу носила наполовину утопически-революционный, наполовину узко-национальный характер, и в своем практическом выводе — «через единство к свободе!» — была сходна, как две капли воды, с национал-либеральной программой. Графиня надеялась теперь, что на общем собрании, которое Перль созвал на 27 декабря в Эрфурт, она достигнет, наконец, своей цели и добьется избрания Ферстерлинга в президенты.

На четвертом общем собрании обнаружилось, однако, что старое ядро Союза было непоколебимо: 12 делегатов, представлявших 26 местностей, в том числе Аудорф, Эльнер, Тельке, и не думали плясать под дудку графини. Из графининых оруженосцев явилось 6 человек, среди них Ферстерлинг и Деквиц. Они тотчас увидели, что их игра проиграна, и, ссылаясь на то, что Перль не может созвать законного общего собрания, отказались предъявить для проверки свои полномочия, будто бы полученные от Бремена, Гамбурга, Дрездена и Хемница. Графиня Гацфельдт сама также приехала в Эрфурт, и Швейцер еще до общего собрания завязал с нею мирные переговоры, в которых необыкновенно далеко пошел навстречу ее притязаниям. Он согласился, чтобы президент не получал впредь никакого жалованья, а содержание секретаря было определено в 400 талеров, как при жизни Лассалья, главное же — по его настоянию общее собрание приняло программу, пущенную графиней в массы, произведя в ней лишь некоторые беспорные, хотя отнюдь не коренные улучшения. Затем 12 делегатов устроили вместе с шестью сторонниками графини совещание, где Аудорф выступил с предложением, чтобы выборы президента, в которых по предъявлении и проверке полномочий должна была принять участие и оппозиция, были потом подвергнуты плебисциту всех членов союза. После многих часов обсуждения Ферстерлинг и его товарищи

ушли с этим предложением к графине, но так как они до полуночи все не возвращались, то общее собрание выбрало Перля президентом, Аудорфа секретарем и И. М. Гирша кассиром. Убедившись в том, что на избрание Ферстерлинга в президенты нет никаких шансов, графиня отказалась от всякого компромисса.

Рекомендованная Швейцером тактика общего собрания была, несомненно, крайне рискована. Она стоила «Социал-Демократу» сотрудничества последнего из «старых социалистов», оставшегося еще верным ему: Моисей Гесс отверг эрфуртскую избирательную программу. Действительно, опасения могло возбуждать уже то обстоятельство, что первый пункт ее—где говорилось о необходимости устранить всякую федерацию и всякий союз государств, объединить все немецкие народности в одно внутренне и органически слившееся государство и шествовать через единство к свободе,— что этот пункт обнаружил слишком большую притягательную силу для разных сомнительных друзей рабочей массы, утверждавших, что «в этом главном вопросе» они сердцем и душой заодно с пролетариатом. Эти господа заявляли также, что «в существенных чертах» они могут принять и остальные пункты избирательной программы: всеобщее избирательное право и жалование депутатам для всех немецких парламентов, обеспечение всех народных свобод, решающий, а не совещательный только голос для северо-германского рейхстага, свободные рабочие ассоциации согласно принципам Тассала, должностяющие положить начало разрешению социального вопроса; если они делали какую-либо оговорку, то лишь в том смысле, что с государственным кредитом для рабочих ассоциаций нет надобности особенно торопиться. Несомненно, что в этом заключалась большая опасность, да и само по себе уже было неприятно, что молодая рабочая партия шла в первую избирательную битву с сомнительным знаменем. Но Швейцеру казалось еще более опасным выставлять безукоризненную избирательную программу накануне выборной кампании и зажечь, таким образом, братоубийственную войну в среде самого пролетариата: он считал еще более неприятным вступать на поле сражения с рассыпавшимися рядами. Раз графиня Гацфельдт была связана своей собственной избирательной программой, то можно было ожидать, что буржуазные попытки использовать эту программу в своих целях разобьются сами собою о дисциплинированное ядро Союза. Сверх того, Швейцер дал рабочим добрый совет: ставить буржуазным друзьям рабочих лишь на втором месте вопрос об их отношении к эрфуртской избирательной программе, а прежде всего спрашивать их, хотят ли они представлять пролетариат, как класс, и

в случае уклончивого ответа, тотчас же поворачиваться к ним спиною.

К счастью, вера Швейцера в здравый смысл рабочих оправдалась. Каких-нибудь практических ошибок эрфуртская избирательная программа не повлекла за собой, но зато она совершенно парализовала на время выборов агитацию графини Гацфельдт. Графиня дала исход своей злобе по этому поводу в недостойной форме, постаравшись разрушить все шансы Швейцера в обоих избирательных округах, где он мог выставить свою кандидатуру с некоторой надеждой на успех,—к великому ликованиею его прогрессистских и реакционных противников. В Эльберфельде-Бармене она натравила на Швейцера Гильмана и наводнила избирательный округ памфлетом, отпечатанным в Женеве и исполненным самых неосновательных обвинений против Всеобщего Германского Рабочего Союза; в Рейхенбахе-Нейроде ее агенты открыто агитировали против Швейцера и за ландрата Олария. Швейцеру это вряд ли повредило, но графиня сама уничтожила последний остаток престижа; которым она пользовалась еще до тех пор в глазах рейнских и силезских рабочих.

Из-за ее вечных интриг Всеобщий Германский Рабочий Союз вступил в избирательную битву почти небооруженным, подставляя ничем неприкрытое тело пикам и копьям правительственной власти и множеству невидимых, но тем более опасных оружий денежной силы. Недостаток внешних средств рабочие старались восполнить поистине пламенным рвением. Правительство лишь очень поздно назначило день выборов на 12 февраля 1867 г., и для решительной борьбы социал-демократия имела в своем распоряжении всего несколько недель. Сравнительно наибольший успех выпал на ее долю в промышленном округе Бергшп-Марк, где она получила 18.000 голосов. В Альтене-Изерлоне за Газенклевера было подано 1.124 голоса, в Гагене получил 1.589 голосов врач Рейнке, самоотверженной деятельностью снискавший себе большую любовь среди рабочих и ошибочно принявший свой гуманный образ мыслей за социалистические убеждения. Риттинггаузен, сохранивший еще некоторые утопические слабости до-мартовского социализма и видевший в прямом законодательстве народа единственный рычаг социалистического общества, получил в Кельне 1.095 голосов; за Швейцера было подано в Дюссельдорфе 664 голоса, за портного Шоба в Мюльгейме на Рейне—1.059, за металлиста Бема в Дуисбурге—1 686, за Мартини в Золингене—1.487, за Аудорфа в Леннепе-Метмане—4.034 и за Швейцера в Эльберфельде-Бармене—4.668 голосов.

В Эльберфельде-Бармене соперниками Швейцера были Бисмарк, как консервативный кандидат, и президент прусской палаты депутатов Форкенбек, как кандидат либеральной партии. В этой борьбе, привлékшей к себе внимание всей Германии, приняли участие 70% всех имевших право голоса. Ругательства, с которыми обрушились на Швейцера консервативные и еще больше—либеральные газеты, превзошли всякую меру; ему не только до тошноты напоминали об его грехах молодости, но и бросили обвинение в мошенничестве и воровстве. И вся злобность его противников из буржуазного лагеря была почти превзойдена еще клеветническими нападками графини Гацфельдт и ее клеветов. Однако рабочие в Эльберфельде-Бармене не дали ни на минуту сбить себя с толку; они заявили просто: мы подадим голос за Швейцера, хотя бы он был убийцей и разбойником. Они очень хорошо знали, почему их кандидат стал мишенью всех этих нападков. Гильман, который в течение двух лет был самым любимым агитатором прирейнского края, получил в качестве соперничающего со Швейцером социал-демократического кандидата ровно 52 голоса. Правда, рабочие не могли еще пока реализовать свою победу в виде трофея: Швейцер не попал даже в перебаллотировку, так как Бисмарк получил 6.523, а Форкенбек—6.123 голоса.

После Рейнской провинции социал-демократическая избирательная агитация достигла наибольших успехов в северо-западной Германии. В обоих округах города Гамбурга за Перля было подано 3.223 голоса, Йорк получил в Гарбурге 3.660, а саксонский писатель Вальстер в Брауншвейге—2.267 голосов. За этими 9.000 голосов шла Силезия с ее 4.000 голосов, из которых 3.109 приходилось на Швейцера в Рейхенбахе-Нейроде, а 891—на ткача Генриха Шнабеля в Вальденбурге, старого ревностного члена Союза.

В королевстве Саксонии получили приблизительно по тысяче голосов Вюркерт, как кандидат города Лейпцига, и Фрицше, как кандидат сельского округа Лейпциг,—первый несколько больше, второй несколько меньше. Сверх того за Всеобщий Германский Рабочий Союз было еще подано в Саксонии около 6.000 голосов, из них 800 в Дрездене, 1.300 в Хемнице и 3.081 во Фрейберге; почти все они были, однако, получены сторонниками графини Гацфельдт. Из кандидатов Саксонской народной партии победителями вышли Бебель в Глаухау-Мееране и Шрапс в Цвиккау-Криммичау, оба—только на перебаллотировке. Либкнехт потерпел еще на этот раз поражение в Штольберге-Шнееберге, вероятно, потому, что он был лишен возможности вести деятельную предвыборную агитацию. Дело в том, что после

обнародования прусской амнистии Либкнехт съездил в Берлин и произнес там речь в фрейе подмастерьев печатного дела; его арестовали и за нарушение приказа о высылке предали суду, приговорившему его к 3-месячному тюремному заключению, которое ему пришлось полностью отбыть. Таким образом, первый плод «немецкого единства» оказался довольно горьким для Либкнехта. Даже судьи были немного сконфужены скандальным приговором, и в мотивах своего решения пролепетали несколько фраз в свое оправдание, но клоповник городской тюрьмы не превратился оттого для Либкнехта в светлый храм новорожденной немецкой свободы. В трех избирательных округах, в которых выставили свои кандидатуры Бебель, Шрапс и Либкнехт, кустарная промышленность вела страшную предсмертную борьбу с машинным производством: в Глаухау-Мееране в 1863 г. работало 30.700 ручных ткацких станков, а в 1880 г. — всего только 3.194; в течение полупоколения механический ткацкий станок сделал «лишними» в одном только названном округе по меньшей мере 40.000 человек. Сколько голосов Саксонская народная партия получила всего на февральских выборах 1867 г., нельзя с уверенностью сказать, так как она не имела еще тогда собственного органа, который точно регистрировал бы ее развитие: насколько можно судить по разбросанным заметкам, за нее было подано от 12 до 15 тысяч голосов.

Но Саксонская народная партия имела два мандата, тогда как Всеобщий Германский Рабочий Союз со своими 40 тысячами голосов не завоевал ни одного места. В перебаллотировку попал только Аудорф в Леннепе-Метмане; в нескольких других округах — Дюссельдорфе, Эльберфельде-Бармене, Рейхенбахе-Нейроде — от социал-демократических избирателей зависел исход борьбы между консервативными и либеральными кандидатами. Для выборов «Социал-Демократ» отдал пароль: ни в каком случае не заключать избирательных компромиссов; лучше голосовать согласно своим принципам и за собственного кандидата, хотя бы в самом незначительном меньшинстве и без всякого шанса на успех, нежели вступать, в ущерб принципам, в неестественные союзы. Однако «Социал-Демократ» считал дозволенным входить, смотря по местным условиям, в такие сделки с другими партиями, при которых рабочие могли бы, без нарушения обоюдных принципов, голосовать в одном избирательном округе за кандидата той или иной буржуазной партии, под условием, что эта партия обязется обеспечить победу социал-демократическому кандидату в другом округе. На главных выборах такого случая вообще не представилось, но на перебаллотировках пришлось серьезно считаться с этой возможностью.

В феврале 1867 г. положение было весьма несложно. Если бы прогрессисты поддержали в Леннепе-Метмане социал-демократического кандидата против бисмарковца Зибеля, то социал-демократы могли доставить либеральным кандидатам победу против консервативных кандидатов в округах Дюссельдорф, Эльберфельд-Бармен и Рейхенбах-Нейроде. Однако brave прогрессисты уже тогда, как и почти всегда впоследствии, исповедывали тот курьезный взгляд, что их «твердокаменность» отнюдь не будет запятнана, если они на перебаллотировках будут голосовать лучше за самого неразумного реакционера, чем за самого разумного социал-демократа, но что социал-демократические избиратели, которые на перебаллотировках не будут носить шлейфа прогрессистов, заклеят себя, как «наемников реакции». Прогрессисты решили голосовать в Леннепе-Метмане против Аудорфа и за Зибеля.

Социал-демократическим избирателям пришлось, таким образом, действовать независимо. В Дюссельдорфе они голосовали за прогрессистского кандидата, находя, что политическая свобода, чрезвычайно важная для народного блага вообще, является, в особенности, необходимым фундаментом для стремлений рабочего класса. Напротив, в Эльберфельде-Бармене они решили воздержаться на перебаллотировке от подачи голоса, так как за кандидата консервативной партии рабочая партия не может голосовать по принципиальным основаниям, но идти рядом с прогрессистской партией она на этот раз также не может вследствие беспримерно злобного поведения последней. Оба решения были предложены и проведены Швейцером как в Дюссельдорфе, так и в Эльберфельде, вопреки страстным возражениям рабочих, которые всего охотнее подали бы голос за консервативного кандидата, чтобы выразить таким путем свой протест против невыносимых условий труда у прогрессистских фабрикантов. Впрочем, эльберфельдское решение вполне оправдывалось обстоятельствами. Будет ли сидеть в северо-германском рейхстаге Бисмарк или его «добрый друг» Форкенбек, который, в конце концов, делал все по его желанию, это было сравнительно безразлично, но для рабочей партии было делом настоятельной необходимости разрушить, наконец, систему лжи относительно социал-демократической агитации, которую прогрессистская партия все еще морочила значительную часть рабочего класса. В Рейхенбахе-Нейроде дела были в таком же положении, как в Эльберфельде-Бармене, но ход их был неодинаков в обоих округах постольку, поскольку силезские рабочие действительно воздержались от голосования или, быть может, даже помогли либеральному кандидату Твестену, так что он

одержал победу над Олеарием,—тогда как рейнские рабочие решили вопрос в пользу Бисмарка и против Форкенбека.

Кроме озлобления по поводу прогрессистских избирательных приемов, на решение рейнских рабочих повлияло, вероятно, еще и то соображение, что вследствие победы Бисмарка, выбранного уже в одном округе Альтмарка, представится случай для новой избирательной борьбы. Швейцер назвал решение рабочих «роковым шагом», но прибавил, что это «внушительный урок» для прогрессистской партии, во-первых, как расплата за возмутительные глумления буржуазии над пролетариатом и недостойное урезывание его избирательных прав, во-вторых, как выражение признательности—не кандидату консервативной партии, а министру, по собственному побуждению вернувшему народное право, требовать которое либеральная оппозиция так упорно забывала. Действительно, Бисмарк отклонил мандат, и на вторичных выборах за Швейцера было подано 4.919 голосов, а за либерального кандидата Гнейста—4.291. Так как Швейцер не получил абсолютного большинства, то пришлось прибегнуть к перебаллотировке, и тут-то консерваторы сами рассеяли всякие иллюзии насчет их мнимых симпатий к рабочим, так как они склонили победу в пользу Гнейста. Таким образом, исчезла последняя надежда на то, что сознательный пролетариат будет представлен в первом северогерманском рейхстаге. Но нельзя сказать, чтобы рабочие Эльберфельда-Бармена бесплодно напрягали все свои силы в течение восьми недель. Как заявил Швейцер в прощальном слове к своим избирателям, они извлекли из выборов двойной урок: во-первых, что прогрессистская партия яростно старается затормозить рабочее дело, не останавливаясь ни перед какими, даже самыми предосудительными средствами; во-вторых, что, несмотря на все свои красивые фразы, консервативная партия также изменила в решительный момент.

Относительно общего результата выборов «Социал-Демократ» писал: «Давно и страстно ожидаемое 12 февраля прошло,—и мы побиты на всех пунктах. Подобного исхода ждали немногие из наших, и не один, конечно, останавливается пред ним, как пред неразрешимой загадкой. Все эти большие, шумные собрания с их энтузиазмом и их триумфами, это бурное движение в массах—и все-таки потерпели поражение, кое-где почетное, во многих местах—постыдное». Это чувство горького разочарования было, к несчастью, более чем основательно. Если даже там, где поражение было почетно, избирательные успехи не отвечали справедливым ожиданиям, то были обширные полосы Германии, где социал-демократическая агитация пустила корни уже в течение многих лет, где громадные избирательные собрания,

казалось, обеспечивали верную победу, и где, тем не менее, у партии в самый день выборов почва уходила из-под ног, как зыбкий песок. Так вышло, например, в тюрингенских округах, в области Майна, месте стольких триумфов. Во Франкфурте Велькер получил жалких 150 голосов, тогда как золотой телец, которого коалиция буржуазных партий противопоставила ему в лице Ротшильда, получил в 40 раз больше голосов. Еще более жестоко было поражение в Берлине, а ведь там рабочее население начало уже двумя годами раньше собираться вокруг знамени социал-демократии: за типографского подмастерья Фейстеля, общего кандидата тех берлинских рабочих кругов, которые не желали больше итти на буксире у партии прогрессистов, было подано во всех шести округах около 75 голосов.

Бесспорно, можно было привести много обстоятельств, извинявших и объяснявших поражение. В Берлине, среди филистеров которого процветал грубейший шовинизм, реакция выставила своими кандидатами министров и генералов, получивших дотации в награду за войну 1866 г., и чтобы помешать их победе, многие рабочие решились в последний момент отдать свои голоса прогрессистским кандидатам. На Рейне и в других местах сделала свое дело хитрая избирательная геометрия. Так, напр., победе Аудорфа в Лене-не-Метмане помешало, главным образом, то обстоятельство, что ткацкие деревни в долине р. Вуппер были соединены не с Золингеном, как при выборах в прусскую палату депутатов, а с Ремшейдом, где еще довольно крепко держалась ремесленная форма производства. Сюда прибавились большие пропуски в избирательных списках, придирки полиции, угрозы голодом со стороны фабрикантов и прочие меры из позорного арсенала избирательных приемов бюрократии и капиталистов. Но в противоположность буржуазной оппозиции, склонной искать причины своих избирательных неудач где угодно, только не в себе самой, пролетарская оппозиция всегда следовала похвальному правилу «подметать прежде всего пред собственными дверьми» всякий раз, когда она не достигала того, чего хотела. Она сумела честно отдать себе отчет в своих ошибках и ясно понять, что она стоит пред неумолимой альтернативой.

Многочисленные успехи, которых она достигла в течение последних четырех лет, потому распылялись у нее каждый раз под руками, что у нее не было здания, где она могла бы хранить добытые сокровища. В руках консервативной партии была старая и прочная организация государственной власти, либеральная партия имела в своем распоряжении вездесущее влияние социальной власти денег, и если рабочая партия хотела успешно бороться со столь сильными

противниками, то она также должна была создать себе постоянную, прочную организацию. Дело не могло идти так дальше, чтобы один туго набитый кошелек, каким располагала графиня Гацфельдт, в продолжение ряда лет обращал рабочее движение во всеобщее посмешище. И без того знамя, вокруг которого не переставала собираться вновь старая гвардия, грозило упасть; незначительные средства «Социал-Демократа» почти истощились, и дальнейший выход его в свет был возможен лишь в том случае, если Всеобщий Германский Рабочий Союз станет твердо на ноги в финансовом отношении. Дело шло отнюдь не о том, чтобы разрушить организацию Лассалья, ибо ей Союз был обязан, по крайней мере, еще своей моральной силой, а о том, чтобы осуществить ее в действительности, чтобы за моральной силой поставить и политическую.

Переводя дело на лица, это значило, что моральную диктатуру, принадлежавшую Швейцеру с тех пор, как умер Лассаль, необходимо было превратить в диктатуру политическую. Нерасположение рабочих к Швейцеру постепенно рассеялось; в этом отношении клеветнические наветы, которыми его осыпала буржуазная печать, достигли как раз обратного действия, чем имелось в виду их авторами. Швейцер был слишком умен, чтобы вообразить себе, будто массовое пролетарское движение может долго оставаться под диктатурой одного человека, но, с другой стороны, члены Союза также были слишком рассудительны, чтобы не видеть необходимости временной диктатуры при тогдашних, во многих отношениях критических обстоятельствах. По свидетельству Тельке, даже Йорк, демократ до мозга костей, которому была не по душе уже диктатура Лассалья, считал временную диктатуру необходимой в течение более продолжительного срока, чем хотел сам Швейцер. Всякая диктатура имеет роковые последствия для самого диктатора; не избежал этого рока и Швейцер, который дорого заплатил за свою вину, потеряв свое честное имя. Но это несколько не меняет факта, что в 1867 г. самые старые и верные члены Союза признавали его диктатуру необходимой.

Он был уже фактическим руководителем избирательной кампании, и по окончании ее созвал на 19 мая, через президента Перля, экстренное общее собрание в Брауншвейге. На собрание явилось 18 делегатов, представлявших 45 мест с 2.508 членами. Число членов было крайне незначительно и составляло едва $\frac{1}{4}$ числа, представленного на лейпцигском общем собрании предшествующего года, но покуда отсутствовал строгий контроль над уплатой членских взносов, эти цифры вообще имели лишь крайне проблематическую ценность. Пятое общее собрание приняло первым де-

лом программу, показывавшую дверь сторонникам графини Гацфельдт. Главными пунктами ее были: единое и свободное народоуправство (*Volksstaat*); обобщественное производство и, в качестве перехода к новому общественному строю, производительные ассоциации при содействии государственного кредита согласно принципам Фердинанда Лассалля; общность интересов рабочего класса у всех культурных народов; введение всеобщего и равного избирательного права в целях воздействия на государственную власть, — при прямой и тайной подаче голоса и жалованием депутатам. Руководствуясь этой программой, решено было просмотреть списки Союза и вычеркнуть всех членов, которые не примыкают к ней безусловно. Затем постановлено было выбрать вновь всех уполномоченных, при чем пребывание их в должности было ограничено временем от одного обыкновенного общего собрания до другого. За президентом было сохранено право утверждать их избрание; формально президент получил даже неограниченное право назначать уполномоченных, так как полиция открыла в факте их избрания признак «самостоятельных союзов». Но вместе с тем была назначена комиссия, которая должна была принимать и передавать ближайшему общему собранию жалобы на президента по этому предмету. Для предотвращения полицейских преследований были устранены также все другие зачатки недозволенного «образования филиальных отделений Союза», уничтожено обозначение местной совокупности членов «общинной», и твердо установлен характер единства и замкнутости *союза* путем признания, что местопребыванием его является Лейпциг, и что он подчинен саксонскому закону о союзах, а в отдельных местах могут происходить лишь *собрания* членов, — меры предосторожности, имевшие кратковременный успех в Берлине и некоторых других местах, но оказавшиеся бессильными дать прочную защиту против полицейского произвола при растяжимости и неполноте немецких законов о союзах. Для обеспечения хорошего финансового управления было, между прочим, постановлено, что по меньшей мере половина местных взносов должна быть передаваема в кассу Союза, и кассир должен ежемесячно публиковать в «Социал-Демократе» названия недомочных мест. Кассиром выбрали И. М. Гирша, но так как он вскоре после того был арестован и приговорен ко многим месяцам тюрьмы за напечатание первого социал-демократического песенника, то должность его перешла к Бракке. Президентом был выбран Швейцер, и секретариат перенесен в место его жительства; Аудорфа, уехавшего через год после этого в Россию, заменил стенограф Роллер.

Первым последствием этой реорганизации Союза было то, что с графиней Гацфельдт были покончены всякие счеты. Она основала теперь отдельную секту под названием «Лас-салевого Всеобщего Германского Рабочего Союза». Ей удалось отколоть приблизительно шестую часть старого Союза: большинство членов в королевстве Саксонии и отдельные группы в Киле, Бремене и других местах. В президенты она провела Фёрстерлинга; рядом с ним ее правой рукой был молодой Фриц Менде, которому не доставало самых элементарных умственных и нравственных качеств, необходимых для рабочего вождя. Поведение графини, преступное по отношению к памяти ее покойного друга, не может быть извиняемо решительно ничем. Ее интриги не представляли больше опасности, так как можно было предвидеть,—и это действительно сбылось,—что те несколько тысяч честных рабочих, которых она морочила именем Лас-салья, скоро придут к более правильному взгляду на вещи и тогда вернуться к старому Союзу или примкнут к Саксонской народной партии. Но было в высшей степени обидно, что буржуазия получила возможность в течение нескольких лет изощрять свое тупое остроумие на безобразной агитации графини.

Своими резолюциями на брауншвейгском общем собрании Всеобщий Германский Рабочий Союз опять встал в авангарде европейского социалистического движения. Пробным камнем был в этом отношении второй конгресс Интернационала, происходивший в начале сентября в Лозанне. На конгрессе явились 64 делегата, большей частью швейцарцы, за которыми следовали 17 французов, 6 немцев, 6 англичан, 2 итальянца и 2 бельгийца. Среди немецких делегатов находился Альберт Ланге, Людвиг Бюхнер и Ладендорф.

Конгресс постановил, что социальное освобождение рабочего класса нераздельно связано с его политическим освобождением, что завоевание политической свободы есть дело первой и безусловной необходимости. Это вполне совпадало с брауншвейгской программой. Но затем на конгрессе Интернационала обнаружились глубокие разногласия по вопросу об обобществлении земли, относительно которого Всеобщий Германский Рабочий Союз давно уже составил себе ясное мнение. Это социалистическое требование не значилось прямо в программе занятий Лозаннского конгресса, но оно прорвалось наружу по нескольким поводам. О нем говорили, напр., когда был снова поднят вопрос о кооперативных товариществах, относительно которых конгресс постановил, что, ограниченные рамками капиталистического общества, они могут только создать крайне жалкое пятно

сословие; его обсуждали также, когда был поставлен и решен в утвердительном смысле вопрос об обращении средств сообщения и перевозки в государственную собственность. В пользу индивидуальной земельной собственности выступили особенно страстно французы, тогда как другие, отстаивавшие общую собственность, напр., Ладендорф, были очень далеки от коммунистическо-революционного понимания этой идеи. Можно сказать, что почти один только Эккарнус и Лесснер, старые члены «Союза коммунистов», сидевшие теперь в Генеральном совете Интернационала, трактовали вопрос столь же основательно и ясно, как его уже полтора года перед тем трактовал Швейцер в своей эрфуртской речи.

Месяц спустя в Гере собрался 4-й съезд немецких рабочих ферейнов, и на нем обнаружилось, что умы начинают все сильнее расходиться в разные стороны. Улих внес ряд резолюций, согласно которым народная школа должна быть устроена сообразно «вечным законам человеческой души», а Зоннеман поразил съезд интересным сообщением, что он разрешил, наконец, социальный вопрос и устроил во франкфуртской Sozietätsdruckerei (Артельной Печатне) производительное товарищество, где он является простым «сотрудником» наборщиков, которые через 5 лет будут в братском общении с ним владеть типографией. Само собою разумеется, что дело шло о капиталистической афере; франкфуртская Артельная Печатня представляет собою теперь миллионное предприятие, где «друг рабочих» Зоннеман эксплуатирует «своих» наборщиков не хуже любого капиталиста. Отрадную противоположность этим безобразным рекламам составляли речи Бебеля и суконщика Моттелера; первый из них со свойственным ему красноречием изобразил страшное несчастье в Лугауской каменноугольной копи, где свыше ста рабочих погибли жертвою преступной алчности капитала и непростительного забвения долга со стороны саксонской горной полиции, а Моттелер развернул в своем докладе потрясающую картину страданий, которые выпадают на долю детей, занятых на фабриках. Оба требовали беспощадных мероприятий государственной власти против капиталистической эксплуатации.

Более энергичные элементы рабочих ферейнов испытывали неудержимое стремление объединиться теснее, чем это удавалось до тех пор при посредстве рассеянного по всей Германии комитета. И здесь также пришлось при помощи всяких тонких различий обойти ловушки немецких законов о союзах. Одному из более значительных ферейнов была поручена забота об общих делах съезда, и местонахождение этого ферейна было сделано местом съезда;

в его комитет должны были входить 7 членов: шесть заседателей, выбираемых руководящим фереинном из собственной среды, и седьмой—председатель, избираемый самим съездом. В сущности вопрос шел о том, остаться ли съезду под капиталистической опекой или развиваться как самостоятельная пролетарская организация. Кандидатами на должность председателя выступили Бебель и Макс Гирш. Бебель победил значительным большинством; таким образом, был сделан большой шаг вперед.

Тем временем реорганизация Всеобщего Германского Рабочего Союза энергично подвигалась вперед. 22 ноября в Берлине заседало шестое общее собрание, на котором были представлены 20-ю делегатами 3.408 членов. Число членов все еще было несколько неопределенно, общее собрание не настаивало еще на этот раз на практическом исполнении брауншвейгской резолюции, согласно которой на собрания должны были допускаться только делегаты от мест, выполнивших свои обязательства по отношению к кассе союза. Но дела кассы были уже приведены Бракке в образцовый порядок. Число подписчиков *«Социал Демократа»* с начала года почти утроилось, и поднялось с 450 до 1.200; до 10 экземпляров получали 83 пункта, до 25 экземпляров—25 пунктов, впереди всех шли Франкфурт с 50-ю, Эльберфельд-Бармен с 175-ю и, в особенности, Гамбург с 375 экземплярами. Единогласное переизбрание Швейцера разумелось само собою. Однако общее собрание произвело в уставе очень важное изменение, которое проектировалось уже в Брауншвейге, но было еще тогда отложено: президент должен был впредь выбираться путем плебисцита среди членов Союза, по крайней мере, за 6 недель перед всяким обыкновенным общим собранием. Постановление это было принято 2.264 голосами против 838; воздержались от вота 360 голосов под предводительством Швейцера. В оппозиции находились, в особенности, гамбургские и изерлонские члены. Хотя постановление имело своей целью по возможности демократизировать фактическую диктатуру президента, но оно было весьма обоюдоостро, так как усиливало власть президента в сравнении с другими должностными лицами и органами Союза.

Восстановленное согласие не омрачалось пока ничем. Швейцер, всегда стремившийся будить самостоятельную мысль рабочих, впервые устроил на этом общем собрании публичное заседание, в котором обсуждался ряд важных вопросов. Порядок дня был несколько перегружен: предполагалось говорить о Пруссии и немецком вопросе, о всеобщем избирательном праве, об отмене законов против ростовщичества, о женском труде, об арестантском труде, о фаль-

сификации пищевых средств и рекламе, о нормальном рабочем дне и английском фабричном законодательстве. При этом не обошлось, конечно, без многих односторонних и поверхностных суждений, но все-таки железная выносливость ораторов и слушателей произвела импонирующее впечатление на более умные органы буржуазной печати. Они писали: «Почет этим социал-демократам! Где это люди из народа терпеливо высиживали до сих пор 11 часов подряд в слабо натопленном помещении, чтобы обсуждать вопросы о реформах? На больших научных конгрессах участники устраиваются удобнее и облегчают себе умственное напряжение благовременным утолением жажды и голода».

Приподнятому настроению берлинского общего собрания не мало способствовало то обстоятельство, что Всеобщий Германский Рабочий Союз как раз перед этим не без урона, но с честью выдержал свой первый парламентский поход.

5. Первые парламентские шаги социал-демократии.

Конституция, которую рейхстаг, выбранный 12 февраля, выработал вместе с союзными правительствами Северо-германского союза, оказалась составленной вполне по указаниям Бисмарка. Главной виновницей этого была буржуазия присоединенных или еще не присоединенных государств средней и малой величины, у которой слюнки текли при мысли о прелестях единой и большой хозяйственной области; подобно тому, как она поставляла блаженной памяти «Национальному союзу» самых крикливых героев слова, так она поставляла теперь прусскому абсолютизму самых смиренных перебежчиков в лице тех же «государственных мужей». Остатки старых прогрессистов со справедливым гневом, хотя и обнаруживая обычную идейную путаницу, плакались в одном официальном документе: «Новая конституция дала правительству больше прав и отняла больше прав у народа, чем они имели раньше». Но всеобщее избирательное право все-таки осталось, хотя Бисмарк и настоял, чтобы депутаты не получали жалованья, сделав из этого пункта кабинетный вопрос. «Уж мы не дадим нашим депутатам умереть с голоду», — сказали рабочие и бодро приняли опять за дело, когда на 31 августа 1867 г. были назначены выборы в северо-германский рейхстаг, для которого в новой союзной конституции был предусмотрен трехлетний законодательный период.

Выраженные в цифрах избирательные успехи социал-демократии остались еще на этот раз довольно далеко позади того, чего она достигла на февральских выборах. За исклю-

чением эссенского округа и города Ганновера, впервые выступивших на арену борьбы с 1.100 голосами каждый, социал-демократия не завоевала новой территории, и за исключением Эльберфельда и Бармена, где Швейцер сразу же получил 6.100 голосов, нигде не было достигнуто такое количество голосов, как 6-ю месяцами раньше. Даже испытанная твердыня Гамбург, где выставил свою кандидатуру книгопродавец Август Гейб, дала лишь немногим более 2.000 голосов. Но среди бодрого настроения, вызываемого успешным ходом реорганизации, Союз не испытывал особого разочарования от исхода выборов,—тем более, что всем другим партиям приходилось жаловаться на еще больший упадок энергии. Кроме Эльберфельда-Бармена Швейцер попал еще в перебаллотировку в Рейхенбахе-Нейроде, несмотря на то, что он получил в этом округе на половину меньше голосов, чем в феврале. Далее предстояли перебаллотировки в Эссене, между Газенклевером и консервативным кандидатом ландратом Левенсом, и в Леннепе-Метмане, между Рейнке и старым Лудольфом Кампгаузенем. Рейнке вел летом в вестфальских газетах продолжительную полемику с прогрессистом Гаркортотом относительно оправдания социализма и снискал этим признательность и уважение рабочих, так что он был выставлен социал-демократическим кандидатом не только в Леннепе-Метмане, но и в целом ряде других рейнско-вестфальских избирательных округов: в Дюссельдорфе, Мюльгейме, Дуисбурге, Золингене, и Гагене. Швейцер, которому брауншвейгское общее собрание поручило руководство выборной кампанией, тщетно обращал внимание рабочих на то, что они не должны так застенчиво пугаться рабочих кандидатур; мнение, что рабочий не обладает достаточным престижем для роли парламентского кандидата, Швейцер назвал «проклятым предрассудком», который нужно вырвать с корнем, так как господствующие классы внушили его рабочим только в своих собственных интересах. Как это часто бывает, лучшим наставникам оказался и в этом случае лишь практический опыт.

Для перебаллотировок Швейцер отдал пароль, что рабочие должны участвовать в них во всяком случае, хотя бы дело шло только о двух буржуазных кандидатах. Эта тактика необходима по двум основаниям: по принципиальному основанию, так как при неразрывной связи между всеми политическими и социальными отношениями у рабочих всегда найдется какой-нибудь интерес, чтобы победил тот, а не иной кандидат; по практическому—так как политическая партия должна при всяком случае активно проявлять свое существование. Что касается вопроса, какую из борющихся партий рабочие должны поддерживать, то здесь

нужно руководиться прежде всего предшествующим поведением этих партий по отношению к рабочим, особенно во время главных выборов. Как молодая партия, социал-демократия должна прежде всего утвердиться и разбить систему оклеветания, при помощи которой старые партии хотят помешать ее росту. В Дюссельдорфе, напр., поддержка рабочих склонила во время февральских выборов победу в пользу прогрессистской партии, а между тем выходящая там «Рейнская Газета» в течение всего лета только и делала, что печатала злобные, полные брани статьи по поводу рабочего движения. От этого гнусного способа борьбы надо отучить либералов; там, где они провинятся в нем, рабочие должны на перебаллотировках голосовать безусловно за противника либералов: дело партии стоит выше всякого другого соображения. Напротив, там, где либералы вели борьбу с рабочей партией честно и по существу дела, на что они, конечно, имеют полное право,—там рабочие должны на перебаллотировках подавать голос за либерального кандидата, при чем так называемые национал-либералы не могут быть, однако, причисляемы к либералам: они не более как реакционеры в овечьей шкуре либералов и в общественном смысле еще вреднее открытых консерваторов.

Согласно этим руководящим началам были проведены перебаллотировки в промышленном округе Бергиш-Марк. В Дюссельдорфе рабочие помогли бисмарковскому кандидату Михаэлису одержать победу над прогрессистским кандидатом Бюргерсом, тогда как в Эльберфельде-Бармене часть консервативных и национал-либеральных избирателей решила победу Швейцера против кандидата прогрессистов Леве-Кальбе. Эта тактика социал-демократов встретила тогда осуждение с различных точек зрения и, бесспорно, она имела свои неудобные стороны. Неправда только, что она покоилась на каких-то тайных и предательских сделках с консервативной партией или с правительством. Она была, напротив, возвещена в «Социал-Демократе» задолго до главных выборов, притом не как принципиально правильная, а, наоборот, как принципиально неправильная тактика, к которой с.-д. вынуждена прибегать в определенных крайних случаях из-за беспринципной и недостойной политики прогрессистов. Во всяком случае, она обладала тем преимуществом, что достигла цели, для достижения которой была принята. Как только прогрессистская партия увидела, что рабочие не позволяют, чтобы их третировали пинками, как безвольную «голосующую скотину», она покорилась необходимости и стала вести себя приличнее. По взаимному соглашению социал-демократические избиратели в Гагене и Золингене подавали голос за прогрессистских канди.

датов, а прогрессистские избиратели в Эссене и Леннепе-Метмане голосовали за социал-демократического кандидата. Результат получился тот, что Гаркорт победил в Гагене и Рейнке в Леннепе-Метмане; Газенклевер в Эссене и Евгений Рихтер в Золингене провалились. В Рейхенбахе-Нейроде Швейцер был побежден либеральным кандидатом Твесеном.

Таким образом Всеобщий Германский Рабочий Союз завоевал два места в северо-германском рейхстаге. Что касается Саксонской народной партии, то она не только удержала избирательные округа Глаухау-Мееране и Цвиккау-Криммичау, но приобрела еще два новых: Либкнехт вышел победителем в Штольберге-Шнееберге, а врач Гетц в лейпцигском сельском округе. Ферстерлинг приобрел избирательный округ Хемниц при обстоятельствах, возбуждавших некоторое сомнение. На перебаллотировке соперником его был велико-германский демократ, и в то время утверждали, что 3.500 голосов, на которые увеличилось — сравнительно с общими выборами — число голосов, поданных за Ферстерлинга, шли отчасти из враждебных рабочим кругов, надеявшихся повредить социал-демократическому делу, если они дадут Ферстерлингу возможность выступить в рейхстаге.

Так ли это было или нет, но во всяком случае, когда 10 сентября открылась первая сессия рейхстага, то уже при дебатах по поводу адреса Ферстерлинг бестолковым повторением отрывков из сочинений Лассалья сделал себя в парламентском смысле невозможным. Но Всеобщий Германский Рабочий Союз также потерял одного из своих депутатов, так как Рейнке воспользовался первым представившимся случаем, чтобы отречься от пролетарской классовой борьбы и заявить, что задача социализма заключается не в создании розни между буржуазией и пролетариатом и взаимном натравливании их друг на друга, а в их примирении. Союзу ничего больше не оставалось, как разорвать всякие сношения с этим парламентским представителем, что и было сделано на берлинском общем собрании. Гетц и Шрапс были по существу буржуазными демократами, которые вместе с обострением пролетарской классовой борьбы превратились скоро в ярых врагов социал-демократии, а Бебель находился еще в процессе перехода от буржуазно-радикальных к социал-демократическим воззрениям. Таким образом, парламентская защита пролетарско-революционной точки зрения находилась преимущественно в руках Либкнехта и Швейцера и между ними тотчас же возгорелся старый спор о наиболее правильной тактике.

Либкнехт видел в Северо-германском союзе реакционное порождение насилия и неправды, которое нужно во что бы

то ни стало разбить; чтобы избежать его укрепления, Либкнехт отвергал всякое практическое сотрудничество в законодательных работах рейхстага: парламентская трибуна была для него только местом, с которого он мог бросать в массы свой протест против нового порядка вещей в Германии. Швейцер смотрел, напротив, на Северо-германский союз, как на очень прискорбный и неприятный, но все же бесповоротный факт, с которым социал-демократии приходится считаться и на почве которого она должна устроиться, как крайняя оппозиция, если она хочет остаться политической партией. В то время как Либкнехт язвительно называл его «двойником Багенера», Швейцер не говорил, что Либкнехт работает на службе или в интересах депоседированных князей и австрийского правительства; он заявлял только, что не может разделять точки зрения Либкнехта, так как после перехода буржуазии в бисмарковский лагерь разрушение Северо-германского союза не представляется больше возможным, разве путем насилия иностранных государств, что означало бы попасть из огня в поля. По мнению Швейцера, рабочий класс должен был стоять заодно со всеми другими классами нации против интриг Бонапарта и мечтаний о реванше австрийского уже ныне премьера Бейста; напротив, Либкнехт видел в затруднениях, которые Бонапарт и Бейст создавали Бисмарку, логическую участь всякой насильнической завоевательной политики.

Соответственно с этим Либкнехт воспользовался обсуждением нового союзного закона о воинской повинности, чтобы произнести речь, где он заявил, что история перешагнет через насильническое творение, представляемое Северо-германским союзом, означаящим не что иное, как разделение, ослабление и порабощение Германии; что она перешагнет через северо-германский рейхстаг, представляющий собою только фиговый лист абсолютизма. Либкнехт протестовал против постоянных армий, как орудия насильнической политики, вроде бисмарковской. Резолюции об устройстве народного ополчения по швейцарскому образцу он не внес только потому, что запутался в сетях парламентской процедуры. Речь Либкнехта, словно безжалостный бич, ударяла по всем больным местам «революции сверху», и невообразимый шум, поднятый вокруг оратора сытыми патриотами господствующих классов, только вдвойне делал честь его мужеству. Но нравственная чистота и резкость его критики не ручаются еще во всем за ее правильность. Если Либкнехт предвидел, что Бисмарку придется померяться силами с Бонапартом, и что тогда судьба Северо-германского союза будет лежать на весах военного счастья,

то Швейцер видел еще несколько дальше,—что по всему состоянию исторического развития чашка весов должна склониться в пользу Бисмарка.

После речи Либкнехта Швейцер попросил слова, чтобы выдвинуть пункты, в которых он расходился с точкой зрения Либкнехта. В то время существовал еще список ораторов, и Швейцер записался туда, как противник законопроекта. Когда затем к президенту поступило предложение о закрытии дебатов, то перед голосованием по поводу этого предложения был оглашен список ораторов, и оказалось, что среди депутатов, записавшихся говорить против законопроекта, Швейцер занимал 9-е место, между тем как ораторов в пользу законопроекта осталось в списке всего только два. Ввиду этого Швейцер, чтобы получить возможность сказать хоть что-нибудь, перенес свое имя на сторону ораторов, желавших говорить в пользу законопроекта,—парламентский обычай, который при существовании списка ораторов практиковался у всех партий, когда дело шло о краткой поправке или заявлении, не касавшихся самого существа обсуждаемого предмета. Об этом совершенно безразличном эпизоде решительно не стоило бы упоминать теперь, если бы он не составлял издавна главного доказательства в пользу мнимой измены Швейцера: он, дескать, выступил «за» прусский милитаризм и документальным доказательством тому служит официальный список ораторов рейхстага.

В действительности Швейцер не говорил и не голосовал за союзный закон о воинской повинности; он просто сделал краткое заявление, о котором в праве был сказать, что он делает его от имени многих тысяч рабочих, избравших его своим вождем: заявление в том смысле, что он сходитяся с Либкнехтом в оппозиции против внутренних порядков Северо-германского союза, но не в стремлении разбить самый этот союз. В особенности Швейцер подчеркнул, что по отношению к иностранному вмешательству он и рабочие его направления стоят на стороне Пруссии. Если он употребил при этом рискованное выражение, что он не хочет чернить тех качеств Пруссии, которые враждебный мир признал в прошлом году с чувствами уважения и удивления, то это преувеличение было вызвано преувеличением Либкнехта, что Северо-германский союз презирают за границу еще больше, чем блаженной памяти Союзный сейм. Теперь, когда эти разногласия давно отошли в область истории, было бы несправедливо придирааться к словам того или другого. Однако, когда Либкнехт говорил, что кто заодно со Швейцером признает творение политики «крови и железа», тот отделен широкой и непроходимой пропастью от социал-демократии, то его воззрение было верно лишь постольку,

поскольку одна часть сознательного пролетариата была отделена тогда от другой его части широкою, но не непроходимую пропастью. Не прошло и десятилетия, как эта пропасть была заровнена.

В сущности, новый спор между Либкнехтом и Швейцером сводился к их старому разногласию. Речь Либкнехта преследовала только цели пропаганды; когда во времена конституционного конфликта радикальные демократы мечтали о швейцарском народном ополчении, то Энгельс, пожимая плечами, писал: «В том виде, в каком они представляют себе это дело, оно невозможно теперь для страны с 18 миллионами жителей и легко доступными для неприятеля границами, оно невозможно в таком виде даже для других условий». Несомненно, это было хорошо известно и Либкнехту, но ему важна была именно только пропаганда демократических идеалов. Напротив, Швейцер защищал тот взгляд, что политическая рабочая партия должна заниматься практической политикой, конечно—не в смысле буржуазного оппортунизма, а оставаясь на принципиально-пролетарской почве. Он подал голос против военного закона, но полагал, что парламентский рычаг надо приложить не к нему, а в другом месте, если хотят добиться каких-нибудь выгод для рабочего класса.

Не в военной, а в экономической области лежал центр тяжести Северо-германского рейхстага. Этот слабый парламент бессилён был помешать распространению военного устройства Пруссии на Саксонию и те две дюжины мелких государств, которые принадлежали к Северо-германскому союзу. Но он вполне мог оказать влияние на экономическое законодательство, которое должно было несколько вымести обломки феодально-цехового строя. Удовлетворение ее материальных интересов—такова была цена, за которую буржуазия продала Бисмарку свои политические идеалы; эту цену Бисмарк был принужден, да и готов заплатить. Практическая политика социал-демократических депутатов в Северо-германском рейхстаге должна была, по мнению Швейцера, заключаться в следующем: в тот момент, когда буржуазия примется расчищать почву, на которой она намеревалась с сугубой основательностью эксплуатировать пролетариат, тотчас преградить ей дорогу, выдвинув неотъемлемые права рабочего класса.

При отмене законов о ростовщичестве Швейцер внес предложение сохранить, по образцу английского законодательства, воспрещение взимать ростовщические проценты при ссудах до 100 талеров, и обосновал свое предложение в превосходной речи, где впервые развивались в стенах немецкого парламента некоторые из главных положений научного

коммунизма. Так же хорошо защищал он предложение прогрессистской партии об отмене законов против коалиций. Но главной его парламентской работой в эту короткую сессию был законопроект о защите труда против капитала. Проект состоял из 47 параграфов; частью он заключал лишь сводку существующих уже постановлений прусского законодательства относительно запрещения детского труда и выдачи заработной платы товарами вместо денег, но сверх того он требовал 10-часового рабочего дня для всех взрослых рабочих, назначения фабричных инспекторов с достаточно широкими полномочиями и, наконец, постоянных парламентских комиссий «для собирания сведений об условиях городского и сельского труда в области Северо-германского союза». Действие закона должно было распространяться на все предприятия, занимающие не менее 10 наемных рабочих, притом не только на фабрики в тесном смысле слова, но и на сельско-хозяйственные имения, судостроительные верфи, железные дороги, пароходы, наконец, также на домашнюю промышленность. Основываясь на опыте английского фабричного законодательства, Швейцер придавал особое значение устройству действительного фабричного надзора, которым достигаются гораздо большие результаты, чем самыми строгими запретами и наказаниями, красующимися на все терпящей бумаге свода законов. Отдельные прогрессистские депутаты, которым Швейцер показал свой проект, заметили свысока, что это ведь почти ничего: они внесут поправки в смысле усиления строгости проектируемого закона. Швейцер, зная с кем имеет дело, сухо ответил: «Буду очень рад».

Чтобы собрать 15 подписей, требовавшихся для внесения его проекта в рейхстаг, Швейцер обратился прежде всего к депутатам, выбранным рабочими. Однако Ферстерлинг и Рейнке отказали, а Либкнехт заявил от себя и от имени своих ближайших единомышленников, что они не могут подписать никакого предложения, направленного к укреплению Северо-германского союза посредством важных институтов. Швейцер обратился тогда к мудрым критикам из прогрессистской партии, и они действительно обещали свои подписи, но уже на следующий день взяли обещание назад, ссылаясь на состоявшееся постановление фракции. Совершенно та же комедия повторилась с национал-либералами: сначала обещание, затем постановление фракции и, наконец, отказ. Более сговорчивыми оказались консерваторы, но они поставили условие, чтобы из проекта были выделены сельско-хозяйственные рабочие, на что Швейцер, разумеется, не согласился. Наконец, после несказанных усилий, Швейцер добился обещания прогрессистов, национал-либералов и консерваторов, что когда президент поставит вопрос, кто под-

держивает предложение, то из их среды встанет по 5 человек. Однако президент Симсон, заядлый буржуа, всегда обнаруживавший самую беззастенчивую пристрастность по отношению к парламентским представителям рабочего класса, заявил, что этого ему недостаточно: он хочет видеть 15 подписей. Начались новые попытки Швейцера, новые отговорки партий и опять упорство президента, пока закрытие непродолжительной сессии не вывело боязливых патриотов из затруднительного положения.

Впоследствии Либкнехт и другие обвиняли Швейцера в том, что своим проектом он хотел отдать рабочее движение в руки Бисмарку и при этом действовал заодно с Вагенером. На самом деле в основу проекта было всецело положено английское фабричное законодательство; в нем не было ничего такого, что не повторялось бы точно так же в позднейших социал-демократических законопроектах об охране труда. С другой стороны, Бисмарк принадлежал в то время, как и всегда, к самым упрямым противникам всякой законодательной охраны труда, а новый союзный совет—представительство союзных правительств—отнесся с полным равнодушием к проекту Швейцера, и даже принятое рейхстагом предложение прогрессистской партии о признании свободы коалиций он бросил до поры до времени в корзину. Что Швейцер вел с прогрессистами, национал-либералами и консерваторами переговоры насчет поддержки проекта, это совершенно верно, и было тотчас же подробнейшим образом рассказано самим Швейцером в *«Социал-Демократе»*; довольно вероятно также, что он говорил при этом случае с Вагенером. Но он предпочел отказаться лучше от поддержки консерваторов, чем купить ее противоречащей принципам уступкой, и потому мы не видим оснований для упреков по его адресу.

Швейцер действовал просто согласно тому воззрению, которое женеvский конгресс Интернационала формулировал в предшествующем году, сказав, что законы об охране труда не укрепляют правительственной власти, а обращают ее, напротив, в орудие рабочего класса.

ГЛАВА IV.

Главное сочинение научного коммунизма.

1867 год составляет эпоху в истории германской социал-демократии еще и потому, что в этом году появился первый—и в течение многих лет остававшийся единственным—том великого произведения, где Маркс довел до классической законченности свою критику политической экономии. Изобразив процесс производства капитала, Маркс поднялся на высоту, с которой ясно расстилалась вся область современных социальных отношений, подобно тому, как ниже лежащие местности расстилаются пред туристом, стоящим на вершине горы.

В первом отделе своего нового сочинения Маркс резюмировал еще раз то, что было сказано им о товаре и деньгах в работе 1859 г. Он сделал это в еще несравненно более богатом изображении, в широких, как мир, рамках и в картине, полной тончайших оттенков. Немногие вещи в мировой литературе могут сравниться по литературному мастерству с этими главами. Их прославленная трудность существует только для читателя, не прошедшего еще диалектической школы мышления; при серьезном усилии пред каждым здравым умом открывается источник познания, брызжащий ключом из глубин созидающейся человеческой жизни и притом столь ясный и прозрачный, что можно сосчитать каждую песчинку на его дне.

Во втором отделе Маркс переходит к исследованию вопроса о превращении денег в капитал. Если в товарном обращении происходит обмен равноценностей, то каким образом владелец денег может покупать товары по их действительной ценности, продавать их также по их действительной ценности, и, тем не менее, извлекать в конце процесса большую ценность, чем та, которую он внес в обращение в начале этого процесса? Это удается ему по той причине,

что при теперешних общественных отношениях он находит на товарном рынке один товар, обладающий особенным свойством; потребление его является источником новой ценности. Товар этот—рабочая сила. Таким образом Маркс разрешил загадку, которую не удалось решить классической экономии, и над которой тщетно бился мелко-буржуазный социализм; он объяснил разницу между *вознаграждением* труда и *продуктом* труда, находившуюся, казалось, в вопиющем противоречии с капиталистическим законом ценности.

Рабочая сила существует в образе живого рабочего, которому нужна определенная сумма средств для поддержания своего существования и существования своей семьи, обеспечивающей сохранение рабочей силы и после его смерти. Рабочее время, требующееся для производства этих средств существования, представляет собою ценность рабочей силы. Но эта ценность, уплачиваемая в форме заработной платы, значительно меньше той ценности, которую покупатель рабочей силы может выжать из последней. Прибавочный труд рабочего сверх времени, необходимого для возмещения его заработной платы, есть источник прибавочной ценности, постоянного накопления капитала. На неоплаченный труд рабочего содержатся все нетрудящиеся члены общества: из него покрываются поземельная рента землевладельца, прибыль капиталиста, государственные и местные налоги, на нем покоится весь общественный строй, среди которого мы живем.

Правда, неоплаченный труд сам по себе не представляет исключительной особенности современного буржуазного общества. С тех пор, как существуют имущие и неимущие классы, неимущий класс всегда принужден был отдавать другим неоплаченный труд. Пока часть общества обладает монополией средств производства, до тех пор рабочему, свободному или несвободному, приходится сверх рабочего времени, необходимого для поддержания его собственного существования, работать еще некоторое время, чтобы произвести средства существования для собственников средств производства. Наемный труд есть лишь особая историческая форма системы неоплаченного труда, господствующей со времени разделения классов,—особая историческая форма, которая должна быть исследована, как таковая, чтобы быть правильно понятой.

Для превращения денег в капитал владелец денег должен найти на товарном рынке свободного рабочего,—свободного в том двояком смысле, что он, будучи свободной личностью, располагает своей рабочей силой, как товаром, и что у него нет других товаров для продажи, другими словами—что он свободен от всех вещей, требующихся для реализации

его рабочей силы. Это не есть естественно-историческое отношение, ибо природа не производит, с одной стороны, владельцев денег и товаров, а с другой—лиц, у которых нет ничего, кроме собственной рабочей силы. Но вместе с тем мы не имеем здесь перед собою социального отношения, общего всем историческим периодам, а имеем перед собою результат продолжительного исторического развития, продукт многих хозяйственных переворотов, гибели целого ряда более старых формаций общественного производства.

Обращение товаров есть исходный пункт капитала. Производство товаров, обращение товаров и развитое товарное обращение, торговля, образуют исторические предпосылки, при которых капитал возникает. Новейшая биография капитала ведет свое начало от возникновения современной мировой торговли и мирового рынка в XVI столетии. Иллюзия вульгарных экономистов, будто существовала некогда избранная часть общества, накопившая богатство, и масса ленивых бездельников, у которых, в конце концов, не осталось для продажи ничего, кроме собственной шкуры, эта иллюзия есть плоское ребячество, столь же плоское ребячество, как полусвет, в котором буржуазные историки изображают разложение феодального способа производства, рассматривая его исключительно как освобождение рабочего, вместо того, чтобы представить его одновременно и как превращение феодального способа эксплуатации в капиталистический. Одновременно с тем, как рабочие перестали принадлежать непосредственно к орудиям производства, в качестве рабов и крепостных, орудия производства перестали принадлежать им, как они принадлежат, напр., самостоятельно хозяйствующему крестьянину и ремесленнику. Земля, средства существования и орудия производства были отняты у народных масс при помощи ряда насильственных и жестоких актов, которые Маркс, пользуясь историей Англии, подробно описывает в своей главе о первоначальном накоплении. Таким путем возникли свободные рабочие, в которых нуждается капиталистический способ производства; капитал явился на свет, покрытый с головы до пят кровью и грязью, сочащимися из всех его пор. Раз став на ноги, он не только поддерживал разобщение между рабочим и собственностью на условия реализации труда, но и стал воспроизводить это разобщение во все более широком масштабе.

От прежних видов неоплаченного труда наемный труд отличается тем, что движение капитала беспредельно, что его алчность к прибавочному труду ненасытна. В хозяйственном строе, где главная роль принадлежит не меновой, а потребительной ценности продукта, прибавочный труд ограни-

чивается более или менее широким кругом потребностей, но из самого характера производства не вытекает никакой беспредельной потребности в прибавочном труде. Иначе происходит дело там, где преобладает меновая ценность. Как производитель чужого трудолюбия, как выжиматель прибавочного труда и эксплуататор рабочей силы, капитал превосходит по энергии, безмерности и успешности все прежние способы производства, основанные на прямом принудительном труде. Для него важен не процесс труда, не производство потребительных ценностей, а создание меновых ценностей, которое дало бы ему возможность выжать больше ценности, чем им было вложено. Жажда прибавочной ценности не знает чувства утоления; у производства меновых ценностей нет той границы, которую ставит производству потребительных ценностей удовлетворение потребностей.

Подобно тому, как товар есть единство потребительной и меновой ценности, так процесс производства товара есть единство процесса труда и образования ценности. Процесс образования ценности продолжается до того пункта, где ценность рабочей силы, заплаченная в форме заработной платы, возмещается равной ценностью; дальше этого пункта он становится процессом производства прибавочной ценности, процессом увеличения ценности. Как единство процесса труда и увеличения ценности, он становится капиталистическим процессом производства, капиталистической формой производства товаров. В процессе труда действуют совместно рабочая сила и средства производства; в процессе увеличения ценности те же составные части капитала фигурируют, как постоянный и переменный капитал. Постоянный капитал обращается в средства производства, в сырье, вспомогательные материалы, орудия труда; он не меняет размеров своей ценности в процессе производства. Переменный капитал обращается в рабочую силу и меняет свою ценность в процессе труда: он воспроизводит свою собственную ценность и создает еще излишек, прибавочную ценность, которая сама может изменяться, быть большей или меньшей. Таким образом Маркс прокладывает ясный путь для исследования прибавочной ценности, различая при этом две формы ее: абсолютную и относительную прибавочную ценность, из которых каждая играла хотя и не одинаковую, но решающую роль в истории капиталистического способа производства.

Абсолютная прибавочная ценность производится тогда, когда капиталист удлиняет рабочий день дальше того времени, которое требуется для воспроизводства рабочей силы. Если бы все шло по желанию капиталиста, то рабочий день содержал бы 24 часа, ибо чем длиннее рабочий день, тем большую прибавочную ценность он производит. Наоборот, у ра-

бочего есть верное сознание, что каждый час труда, в течение которого он работает сверх времени, необходимого для возмещения его заработной платы, отнимается у него неправильно; ему на собственном организме приходится испытывать, что значит работать слишком долго. Борьба за нормальный рабочий день ведется свободными рабочими с первого выступления их на историческую арену по настоящий день. Капиталист борется за свою прибыль, и конкуренция заставляет его, будь он лично благородным человеком или мерзавцем, растягивать рабочий день до крайней границы человеческой работоспособности. Напротив, рабочий ведет борьбу за свое здоровье, за несколько часов отдыха в течение дня, чтобы иметь возможность не только работать, есть и спать, но и проявлять свою человеческую личность в других видах деятельности. Маркс выпукло изображает полузекую междуособную войну за рабочий день, которую вел в Англии класс капиталистов с рабочим классом, начиная с того момента, как родилась крупная промышленность, побудившая капиталиста разбить все преграды, которые ставили эксплуатации пролетариата природа и нравы, возраст и пол, день и ночь, и кончая изданием закона о 10-часовом рабочем дне, который был завоеван рабочим классом, как непреодолимое общественное препятствие, мешающее ему самому продавать себя и свое потомство на смерть и рабство путем добровольного договора с капиталом.

Относительная прибавочная ценность создается тем, что рабочее время, необходимое для воспроизводства рабочей силы, сокращается в пользу прибавочного труда. Ценность рабочей силы понижается путем повышения производительной силы труда в тех отраслях промышленности, продукты которых определяют ценность рабочей силы. Для этого требуется непрерывное революционирование способа производства, технических и общественных условий рабочего процесса. Исторические, экономические, технологические и социально-психологические рассуждения Маркса по этому поводу, заключающиеся в главах о кооперации, о разделении труда и мануфактуре, о машинном производстве и крупной промышленности, принадлежат к значительнейшим вещам, которые он когда-либо написал. Даже один из его буржуазных биографов забавляется над тем, что академические учебники политической экономии, вместо того, чтобы черпать из этой богатой сокровищницы научного познания, все еще поверхностно повторяют рассуждения Адама Смита о разделении труда, которым минуло уже больше ста лет. Извинением для них может служить лишь то обстоятельство, что легче вырвать у Геркулеса его

палицу, чем найти у такого революционного мыслителя, как Маркс, мысль, которая непосредственно годилась бы для корма в университетском стойле.

Маркс не только показывает, что машинное производство и крупная промышленность создали ужасающую нищету в большей мере, чем какой-либо из предшествовавших им способов производства: он показывает также, что, непрерывно революционизируя капиталистическое общество, они готовят высшую социальную форму. Фабричное законодательство есть первое сознательное и планомерное воздействие общества на стихийно возникшую форму его производственного процесса. Пока оно регулирует труд на фабриках и мануфактурах, до тех пор оно кажется только вмешательством в эксплуататорские права капитала. Но сила фактов принуждает скоро законодательство регулировать также домашний труд и вмешаться в сферу родительской власти, следовательно, заставляет его признать, что крупная промышленность, вместе с экономическим основанием прежнего семейного быта и соответствовавшего ему семейного труда, разрушает и прежние семейные отношения. «Каким бы ужасным и отвратительным ни казалось разрушение старых семейных отношений при капиталистической системе, тем не менее, крупная промышленность, благодаря той решающей роли, которую она отводит женщинам, подросткам и детям обоого пола вне домашней сферы, в общественно организованных процессах производства, тем самым создает новое экономическое основание для высших форм семьи и отношений обоих полов. Разумеется, считать христианско-германскую форму семьи абсолютною столь же нелепо, как считать таковой форму древне-римскую, древне-греческую или восточную, которые, между прочим, все вместе образуют ряд последовательных форм развития. Настолько же ясно, что составление коллективного рабочего персонала из лиц обоого пола и самых различных возрастов может, при соответственных условиях, обратиться в источник человеческого развития, несмотря на то, что в своей стихийно-грубой капиталистической форме, где рабочий служит для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, оно является источником нравственной порчи и рабства». Машина, низводящая рабочего до роли простого ее придатка, создает вместе с тем возможность довести производительные силы общества до высоты, которая делает возможным для всех членов общества одинаково достойное человека развитие,—для чего все прежние общественные формы были слишком бедны.

Исследовав производство абсолютной и относительной прибавочной ценности, Маркс дает первую рациональную

теорию заработной платы, какую знает история политической экономии. Цена товара, это его ценность, выраженная в деньгах, а заработная плата есть цена рабочей силы. На товарном рынке появляется не труд, а рабочий, продающий свою рабочую силу; труд возникает лишь вследствие потребления товара, именуемого «рабочая сила». Труд есть субстанция и имманентное мерило ценностей, но сам по себе он не имеет никакой ценности. Тем не менее, на первый взгляд кажется, что труд вознаграждается в заработной плате, так как рабочий получает плату лишь по окончании работы. Форма заработной платы стирает всякий след деления рабочего дня на оплаченный и неоплаченный труд. С невольником дело происходит наоборот: невольник работает как будто на своего господина, и в течение той части рабочего дня, когда он только возмещает ценность своих собственных средств существования, весь его труд кажется неоплаченным трудом. Напротив, при системе наемного труда даже неоплаченный труд кажется оплаченным. Там отношения собственности скрывают труд невольника на самого себя, здесь же денежные отношения скрывают даровой труд наемного рабочего. Понятно, говорит Маркс, почему так важно превращение ценности и цены рабочей силы в форму заработной платы, или в ценность и цену самого труда. На этой форме проявления, скрывающей действительные отношения и показывающей нечто, прямо противоположное им, основываются все правовые представления как рабочего, так и капиталиста, все мистификации капиталистического способа производства, все капиталистические иллюзии свободы, все апологетические уловки вульгарной политической экономии.

Двумя основными формами заработной платы являются плата по времени и сдельная плата. На законах повременной платы Маркс изобличает, между прочим, корыстную вздорность фраз, пускаемых обыкновенно в ход ненасытными эксплуататорами, и прежде всего бравым Бисмарком, против законодательного ограничения рабочего дня, — фраз, будто вследствие такого ограничения понижается заработная плата. В действительности мы наблюдаем явление прямо противоположное: временное сокращение рабочего дня понижает заработную плату, но постоянное его сокращение действует на нее повышающим образом; чем длиннее рабочий день, тем ниже заработная плата.

Сдельная плата есть не что иное, как превращенная форма платы по времени; она представляет собою форму рабочей платы, наиболее соответствующую капиталистическому способу производства. Получив более значительное распространение во время мануфактурного периода (в тес-

ном значении этого термина), она в период «бури и натиска» английской крупной промышленности служила орудием для удлинения рабочего дня и уменьшения заработной платы. Сдельная плата очень выгодна для капиталиста, так как она делает в значительной степени излишним надзор за работой и, сверх того, дает разнообразные предлоги для вычетов из заработной платы и иных способов обсчитывания. Для рабочих сдельная плата соединена с рядом крупных невыгод. Рабочие при этой системе вознаграждения надрывают свое здоровье чрезмерным трудом, в надежде увеличить свой заработок, тогда как фактически система эта имеет тенденцию понижать последний. Затем, сдельная плата усиливает конкуренцию между рабочими и ослабляет среди них чувство солидарности; благодаря ей создается также между капиталистами и рабочими класс паразитических посредников, урывающих изрядный кусок от уплачиваемого вознаграждения за работу, и т. д.

Результатом отношения, связывающего заработную плату и прибавочную ценность, является то, что капиталистический способ производства не только непрерывно воспроизводит капиталисту его капитал, но и непрерывно воспроизводит бедность рабочих: он воспроизводит, с одной стороны, капиталистов, которым принадлежат в собственность все средства существования, все сырые материалы и все орудия производства, а с другой стороны—трудовую массу, вынужденную продавать этим капиталистам свою рабочую силу за количество жизненных средств, которого в лучшем случае едва хватает на поддержание ее в работоспособном состоянии и на воспитание нового поколения работоспособных пролетариев. Но капитал не только воспроизводится, он постоянно увеличивается и растет. Этому «процессу накопления» Маркс посвящает последний отдел в своем изображении процесса производства капитала.

Прибавочная ценность не только возникает из капитала, но и наоборот: капитал получается из прибавочной ценности. Часть ежегодно производимой прибавочной ценности потребляется, в качестве дохода, имущими классами, среди которых она распределяется; другая часть накапливается, как капитал. Неоплаченный труд, выжатый из рабочего класса, служит средством выжимать из него все большее количество неоплаченного труда. В потоке производства весь первоначально авансированный капитал становится вообще все меньшей величиной в сравнении с непосредственно накопленным капиталом, т. е. в сравнении с превращенной снова в капитал прибавочной ценностью или прибавочным продуктом, безразлично, функционирует

ли этот капитал в руках лица, которое накопило, или в чужих руках. Закон частной собственности, покоящийся на товарном производстве и товарном обращении, в силу своей внутренней и неизбежной диалектики обращается в прямую свою противоположность. Законами товарного производства, казалось, устанавливали право собственности на собственный труд. Лицом к лицу стояли равноправные владельцы товаров, средством для приобретения чужого товара было лишь отчуждение собственного товара, а собственный товар мог быть произведен только путем труда. Теперь собственность проявляется на стороне капиталистов, как право присвоить себе чужой неоплаченный труд или его продукт, а на стороне рабочего—как невозможность присвоить себе свой собственный продукт.

Когда современные пролетарии начали соображать эту связь явлений, когда лионский городской пролетариат ударил набат, а земледельческий пролетариат Англии стал пускать красного пегуха, то вульгарными экономистами была изобретена «теория воздержания», согласно которой капитал возникает вследствие добровольного «воздержания» капиталистов,—теория, которую Маркс бичует столь же безжалостно, как ее бичевал уже Лассаль в «*Бастия-Шульце*». В действительности накоплению капитала способствует вынужденное «воздержание» рабочих, насильственное понижение заработной платы ниже ценности рабочей силы с целью обратить часть необходимого потребительного фонда рабочих в фонд накопления капитала. Вот откуда берут фактически свое начало все вопли по поводу «роскошного» образа жизни рабочих, бесконечные причитания по поводу бутылки шампанского, будто бы когда-то вышитой берлинскими каменщиками, дешевые кухонные рецепты христианских социал-реформаторов и прочие капиталистические штуки.

Таким образом, закон капиталистического накопления состоит в следующем. Рост капитала подразумевает рост переменной его части, затрачиваемой на покупку рабочей силы. Если строение капитала остается неизменным, т.-е. если для приведения в действие определенной массы средств производства (постоянного капитала) требуется та же масса рабочей силы, то спрос на труд и фонд существования рабочих, очевидно, растут в той же пропорции, в какой растет капитал, и тем быстрее, чем быстрее капитал увеличивается. Подобно тому, как простое воспроизводство постоянно воспроизводит самые капиталистические отношения, так и воспроизводство в расширяющихся размерах, или накопление капитала, воспроизводит капиталистические отношения в более широком масштабе: оно воспроиз-

водит больше капиталистов и более крупных капиталистов на одном полюсе, больше наемных рабочих—на другом. Накопленные капиталы, стало-быть, равносильно увеличению пролетариата, и притом в предположенном выше случае оно происходит еще при условиях, наиболее благоприятных для рабочих, т.е. из их собственного прибавочного продукта, который все больше растет и увеличивает собою добавочный капитал, более значительная часть возвращается к ним назад в форме платежных средств, так что они могут расширять круг своих потребностей и тратить больше денег на платье, мебель и т. д. Но рабочие не перестают вследствие всего этого быть зависимыми и составлять предмет эксплуатации, подобно тому, как хорошо одетый и хорошо накормленный невольник не перестает быть невольником. Рабочие всегда принуждены отдавать известное количество неоплаченного труда; правда, оно может уменьшаться, но оно никогда не может опуститься до пункта, который угрожал бы серьезной опасностью капиталистическому характеру производственного процесса. Если заработная плата поднимается выше этого пункта, то стимул наживы притупляется, и накопление капитала ослабевает, пока заработная плата не опустится снова до уровня, соответствующего потребности капитала в нарастании.

Но золотая цепь, которую кует себе сам наемный рабочий, становится более свободной лишь в том случае, когда при накоплении капитала отношение между его постоянной и переменной частью остается неизменным. Фактически, однако, вместе с ростом накопления наступает крупный переворот в органическом строении капитала: постоянный капитал растет на счет переменного, возрастающая производительность труда ведет к тому, что количество средств производства растет сравнительно быстрее количества вкладываемой в них рабочей силы, спрос на труд не поднимается равномерно вместе с накоплением капитала, а испытывает относительное падение. То же действие, только в иной форме, производит концентрация капитала, происходящая (независимо от его накопления) вследствие того, что законы капиталистической конкуренции приводят к поглощению мелкого капитала крупным. Если добавочный капитал, образующийся вместе и поступательным ходом накопления, притягивает все меньшее и меньшее, сравнительно с его размерами, число рабочих, то, с другой стороны, воспроизведенный в новом составе первоначальный капитал все более и более отталкивает рабочих, которых он занимал раньше. Таким образом возникает относительное перенаселение, т.е. избыток рабочего населения сравнительно с потребностями самовозрастания капитала,

возникает запасная промышленная армия; эта армия в периоды застоя или посредственного состояния дел в промышленности не имеет правильного занятия и вознаграждается *ниже* ценности ее рабочей силы, или же вынуждена обращаться за помощью к общественной благотворительности, но в том и другом случае является фактором, парализующим силу сопротивления занятых рабочих и удерживающим их плату на низком уровне.

Но если запасная промышленная армия составляет необходимый продукт накопления или развития богатства на капиталистической основе, то она становится, в свою очередь, фактором капиталистического накопления, даже условием существования капиталистического способа производства. Вместе с накоплением капитала и сопровождающим его развитием производительной силы труда растет способность капитала к внезапному расширению, нуждающаяся в больших массах людей, чтобы внезапно устремлять их на новые рынки и в новые отрасли промышленности, без уменьшения производства в других областях. Характерный жизненный круг современной промышленности—десятилетний цикл, прерываемый мелкими колебаниями и состоящий из периодов среднего оживления, производства под высоким давлением, кризиса и застоя—покоится на постоянном образовании запасной промышленной армии, большем или меньшем ее поглощении и, затем, образовании ее вновь. Чем значительнее общественное богатство, чем значительнее функционирующий капитал, размеры и энергия его роста, следовательно—чем значительнее также абсолютная величина рабочего населения и производительность его труда, тем больше также относительный избыток населения или запасная промышленная армия. Ее относительная величина растет вместе с силами богатства. Но чем больше запасная промышленная армия в сравнении с действующей рабочей армией, тем более многочисленны рабочие слои, жалкое вознаграждение которых находится в обратном отношении к тяжести их труда. Чем значительнее, наконец, слой Лазарей рабочего класса и запасная промышленная армия, тем больше также размеры официального пауперизма. Таков абсолютный, общий закон капиталистического накопления.

Из него вытекает также историческая тенденция этого накопления. Рука об руку с накоплением и концентрацией капитала развивается во все больших размерах кооперативная форма процесса производства, сознательное техническое приложение науки, планомерная совместная эксплуатация земли, превращение средств труда в такие средства, которые могут быть прилагаемы только сообща, экономизиро-

вание всех средств производства вследствие употребления их, как производственных средств комбинированного общественного труда. Вместе с постоянным уменьшением числа магнатов капитала, которые присваивают себе и монополизируют все выгоды этого эволюционного процесса, возрастает также бедность, гнет, порабощение, вырождение и эксплуатация, но увеличивается также возмущение рабочего класса, который постоянно растет и дисциплинируется, объединяется и организуется самим механизмом капиталистического процесса производства. Монополия капитала становится помехой для того способа производства, который развился вместе с ней и под ее руководством. Концентрация средств производства и обобществление труда доходят до такого пункта, при котором они становятся несовместимыми со своей капиталистической оболочкой. Бьет час капиталистической частной собственности, экспроприирующих экспроприируют. Индивидуальная собственность, основанная на собственном труде, восстанавливается опять, но уже на основе завоеваний капиталистической эры, т.-е. на основе кооперации свободных работников и их коллективного владения землей и средствами производства, созданными самим трудом. Разумеется, процесс превращения капиталистической собственности, фактически покоящейся уже на общественном ведении производства, в собственность общественную далеко не так медлен, тяжел и труден, каким было превращение раздробленной частной собственности, основанной на собственном труде индивидов, в собственность капиталистическую. Там дело шло об экспроприации народной массы немногими узурпаторами, здесь дело будет идти об экспроприации немногих узурпаторов народной массой.

На протяжении немногих страниц невозможно, конечно, дать приблизительное понятие о богатстве мыслей и фактов, содержащихся в первом томе *«Капитала»*. То, что в подобном резюме имеет все-таки в большей или меньшей степени вид недоказанного утверждения, в самой книге построено камень за камнем, нештукатуренное и без прикрас, прочно скрепленное железной логикой и твердо покоясь на солидном фундаменте фактов. При всем обилии духовных сокровищ, разбросанных щедрой рукой по всему сочинению, оно носит на себе самую подлинную печать гения: читателя не оставляет сознание, что мастер еще более велик, чем его творение.

Критикуя политическую экономию, Маркс привел ее в законченное состояние. Он строил на фундаменте, заложенном Адамом Смитом и Рикардо; исследование капиталистического способа производства он продолжал с того

пункта, где названные самостоятельные мыслители оборвали его,—вернее говоря, где они принуждены были его оборвать, так как игра имманентных законов этого способа производства еще не достигла такого развитого состояния, чтобы глубокое познание их было возможно. Буржуазные преемники классических экономистов шли обратным путем: чем больше капиталистическое производство показывало свое подлинное и бесспорно некрасивое лицо, тем больше они отказывались от исследования и разъяснения и ударялись в прикрашивание и затушевывание, называя это «дальнейшим развитием науки». При появлении книги Маркса они попробовали сначала применить к ней свою излюбленную систему замалчивания, но когда эта тактика оказалась недействительной, то они подняли страшный вопль по поводу якобы ненаучной ее тенденции. Чрезвычайно характерна в указанном смысле критика, которой подвергся в «*Augsburger Allgem. Zeitung*» первый том «*Капитала*» спустя 8 лет после своего появления,—критика, исходившая не от первого встречного манчестерца, а, как это явствует из всего содержания, от какого-то видного представителя исторической школы.

Сей превосходный муж писал, что кто хочет основательно понять сущность капитала, тот должен научно исследовать действительную историю последнего. Для подобной работы требуются силы гиганта и терпение карлика. Кто хочет разговаривать о несправедливости нынешнего распределения богатств, тот должен исследовать факты, касающиеся современных прибылей и заработных плат, собственности, ее роста и ее гибели. Только таким путем он может доказать что-нибудь сведущим читателям. После подобного вступления читатель был бы вправе ожидать заключения, что Маркс удовлетворил всем указанным требованиям. Не тут-то было! «Маркс,—читаем мы,—сознательно и намеренно становится на точку зрения английской политической экономии первой четверти XIX века, пренебрежительно игнорируя или, пожалуй, действительно не зная всех дальнейших успехов в разработке науки. Он старается развивать дальше и дополнять Давида Рикардо, следуя его абстрактной манере, старается как бы досказать последнее недоговоренное слово Рикардо. Со всей гордостью самоучки он опирается на предпосылки, которые для него составляют нечто бесспорное, тогда как для других они являются чем-то давным-давно опровергнутым. Рикардо и другие старые авторы имеют, конечно, ту неоспоримую заслугу, что они применяли и усовершенствовали экономическую логику, но все это происходило давно и отошло в область прошлого. Кто рассчитывает в настоящее время двигать

вперед науку попытками разрешать при помощи экономической логики жгучие вопросы, связанные с капиталистической собственностью, тот ошибается и... проспал целое поколение в жизни науки». Это «целое поколение», которое будто бы проспал Маркс, было наполнено, с одной стороны, софизмами, при помощи которых Бастиа и его подражатели фальсифицировали учение Адама Смита и Рикардо, с другой — боязливыми усилиями Ропера и прочих мастеров «исторического метода» обойти как-нибудь неудобные логические выводы из классической экономии.

Мы можем ограничиться одним этим образчиком, так как при всей нелепости содержащихся в нем рассуждений он является классическим для той меры понимания, которую буржуазная экономия обнаруживала в течение многих лет и десятилетий, всякий раз, когда ей приходилось разбирать произведение Маркса. Со временем и для нее оказалось невозможным избежать его влияния. Самый ход вещей слишком разительно подтверждал выводы, сделанные Марксом, чтобы правильность его аргументации не стала очевидной даже для близоруких глаз. Ни один буржуазный экономист не осмеливается теперь больше повторять старую дребедень, которою 20 лет тому назад приветствовали в этих кругах первый том *«Капитала»*; можно даже без преувеличения сказать, что вся действительная работа, какую еще делает буржуазная экономия, находится прямо или косвенно под влиянием этой книги. Поскольку буржуазная экономия борется с научным коммунизмом не при помощи одних соломинок, а имея сколько-нибудь твердое оружие в руках, она выковала это оружие в огне *«Капитала»*. От своей судьбы она все-таки не уйдет, как не могут уйти от своей судьбы орды варваров, даже когда они прибегают к оружию цивилизации, чтобы защитить свои отжившие общественные порядки.

Однако и рабочему классу нужно было еще пройти через школу экономического развития, раньше чем произведение Маркса начало переходить в его плоть и кровь. Причина заключалась в положении вещей, на которое Маркс намекнул сам в предисловии к *«Капиталу»*, говоря, что Германию, как и всю остальную континентальную Европу, угнетает не только развитие капиталистического способа производства, но и недостаточность этого развития. Длинный ряд унаследованных зол, вытекающих из прозябания старых, отживших способов производства, с сопровождающими их общественными и политическими анахронизмами, затемнял еще для рабочих внутреннюю связь современных зол, раскрытую сочинением Маркса. Иоганн-Филипп Беккер назвал последнее библией рабочего класса, — теоретически неудачное, но

исторически верное сравнение. На первых порах пред «*Капиталом*» больше останавливались в изумлении, чем читали его; ему больше удивлялись, чем понимали его, его толковали больше с правоверным усердием, чем с критической вдумчивостью. Упрек по поводу «догматического фанатизма» имел в то время больше смысла, чем теперь, когда неудержимый прогресс германской крупной промышленности ежедневно показывает, насколько правильно Маркс понял типическую сущность английской крупной промышленности, насколько книга его была не догматическим, а историческим сочинением.

Историческое сочинение, изображающее определенный период в процессе развития человечества, не может быть непогрешимым источником мудрости на все грядущие времена, и никто не был более далек от подобной претензии, чем сам Маркс. За последние 30—40 лет капиталистический способ производства породил многие явления, которых Маркс не знал и не предвидел в их теперешнем виде; характерный жизненный путь современной промышленности не имеет больше формы того 10-летнего круговорота, о котором говорил Маркс. Однако всякое уклонение в фактах лишь подтверждало правильность общей тенденции, историческое господство которой Маркс подметил в капиталистическом способе производства. Обнищание, с которым сопряжен для рабочего класса капиталистический способ производства, тщетно пытаются опровергнуть указанием на успехи, достигаемые этим классом именно там, где названный способ производства достиг наиболее высокого развития. Тенденция капиталистического накопления, доказанная Марксом, в том и состоит, что чем дальше, тем больше крупная промышленность своим бичем голода и тяжкого труда сама обучает и дисциплинирует рабочую армию, которая вырвет ее капиталистические корни. Пресловутая мудрость, которая хочет убедить рабочий класс в несостоятельности экономической и политической классовой борьбы, выдавая с этой целью за плоды крупной промышленности то, что было с тяжелыми усилиями вырвано у этой промышленности пролетарской классовой борьбой,—эта мудрость может в лучшем случае сойти за «шутки висельника», которыми капиталистический способ производства сокращает себе горестные этапы своего неудержимого упадка.

«Хорошее дело требует времени»,—гласит поговорка, и первый том «*Капитала*» лишь постепенно стал духовным достоянием немецкого пролетариата, но этот отрадный процесс усвоения начался все-таки тотчас после появления книги. Первым рецензировал сочинение в «*Социал-Демократе*» Швейцер; он сделал это с полным пониманием его содержа-

ния в длинном ряде статей, вызвавших похвалу Маркса. Затем в двух номерах «*Демократического Еженедельника*», издававшегося Либкнехтом с начала 1868 г. в качестве органа Саксонской народной партии, была напечатана без подписи рецензия, принадлежавшая, несомненно, перу Энгельса. Первым немецким рабочим, одолевшим главное произведение научного коммунизма, был Иосиф Дицген, кожевник, живший тогда в Петербурге; он послал в «*Демокр. Еженедельник*» критическую рецензию о «*Капитале*», каждая строчка которой была проникнута духом этого великого сочинения.

Это обстоятельство всего больше порадовало Маркса; в знаках сочувственного понимания, которое встречал среди рабочего класса его гигантский труд, он видел «лучшую награду» для последнего. Дицгена, который через год после этого самостоятельно развил теорию исторического материализма в книге «*О сущности умственного труда человека*» («*Ueber das Wesen der menschlichen Kopfarbeit*»), Маркс любил называть «наш философ».

ГЛАВА V.

Профессиональные рабочие союзы в Германии.

Если кризис 1857 г. дал первый, хотя на первых порах лишь косвенный толчок к пробуждению европейского рабочего движения, то кризис 1866 г. произвел то же действие гораздо более непосредственным образом и в более сильной степени. Крупные крахи английских банковских фирм совершенно парализовали спекуляцию. Наступил общий застой в области обмена, многочисленные фабрики вынуждены были сократить или совершенно приостановить производство, заработная плата упала, безработица все больше увеличивалась и одновременно со всем этим цены предметов первой необходимости для рабочего класса значительно поднялись вследствие плохих урожаев 1866 и 1867 г.г.

Под этим экономическим давлением европейское рабочее движение испытало мощный подъем. В зависимости от уровня, достигнутого пролетариатом в отдельных странах, его человеческое возмущение против бесчеловечных порядков вылилось в различные формы. В Ирландии господствовал террор фениев. В Бельгии горнорабочие поднялись против ужасающей нужды и устроили голодный бунт, который буржуазное образцовое государство сумело подавить лишь порохом и свинцом. В Австрии, где разгром 1866 г. привел к кормилу правления немецкую буржуазию, тотчас же появилась пролетарская оппозиция, внутренняя сила которой еще не соответствовала, впрочем, ее импонирующему внешнему выступлению на политическую арену.

В тех странах, где рабочее движение достигло уже известной высоты, сопротивление жестоким ударам кризиса выразилось в стачках, сопровождавшихся более тесным присоединением к Интернационалу. Собрание делегатов от тред-юнионов, происходившее в 1866 г. в Шеффилде, «настоятельнейшим образом» убеждало эти союзы примкнуть

к Интернационалу, поддержка которого оказалась весьма полезной во время стачек лондонских машиностроительных рабочих, бронзовщиков, портных, корзинчиков и рабочих других промыслов. Когда весной 1867 г. хозяева парижских бронзовщиков прибегли к локауту, то помощь Интернационала обеспечила последним только что дарованную свободу коалиций; точно так же он весной 1868 г. доставил победу женеvским рабочим строительных промыслов, когда они объявили большую стачку с целью добиться повышения заработной платы и сокращения рабочего дня.

В Германии действие хозяйственного кризиса видоизменялось и затемнялось до известной степени действием политического кризиса, который принес с собою тот же 1867 г. Молодой дружбе между немецкой буржуазией и прусским абсолютизмом был нанесен первый удар вследствие назидательной перебранки по поводу того, кто виноват в господствующей среди населения нужде, дошедшей в отдельных частях страны,—например, в провинции Вост. Пруссии, до настоящего голода. Официозная печать объявила непримиримую войну пагубной экономической доктрине либеральной буржуазии, так как она де виновата во всей беде; напротив, либеральные газеты не менее энергично утверждали, что общую нужду создали правительства, ибо своими вечными вооружениями и растущей вследствие этого опасностью войны они парализовали производство и торговый оборот. Печать рабочего класса говорила спорящим братьям, что им нечего кивать друг на друга, однако она находила, что на этот раз в безработице виноваты ближайшим образом правительства. Буржуазный способ производства,—объяснял *«Социал-Демократ»*, — вообще открывает возможность для застоев в производстве, ведущих к массовой нужде, но правительство несет вину за то, что на указанной основе наступил теперешний специальный застой; подобным же образом *«Демократический Еженедельник»* (*«Demokratisches Wochenblatt»*) писал, что семя, посеянное политикой крови и железа, дает теперь жатву в виде безработицы, голода и народного обнищания.

1. „Демократический Еженедельник“ и „Социал-Демократ“.

Несмотря на это одинаковое воззрение, антагонизм между Всеобщим Германским Рабочим Союзом и Саксонской народной партией не только не ослабел с тех пор, как стал выходить *«Демократический Еженедельник»*, но еще значительно обострился.

Произошло это не потому, чтобы *«Социал-Демократ»* держался более слабо в политических вопросах. Напротив, как раз в это время Швейцер выступил против прусского правительства с резкостью, навлекшей на него перекрестный огонь судебных преследований и тюремных кар, а на газету—дождь полицейских конфискаций; резкость его статей вполне признала даже *«Народная Газета»*. Конечно, чтобы иметь возможность выходить хотя сколько-нибудь правильно, *«Социал-Демократ»* принужден был несколько сдерживаться в личных нападках на носителей правительственной власти в Берлине; от необходимости соблюдать такую сдержанность был избавлен *«Демократический Еженедельник»*, выходявший в Лейпциге. Эта вынужденная осторожность несколько не роняла, однако, достоинства *«Социал-Демократа»*, тем более, что по очередным политическим вопросам он высказывался гораздо убедительнее и популярнее *«Демократического Еженедельник»*. Сверх того он не без основания отзывался о тогдашней саксонской свободе печати приблизительно так, как Лессинг столетием раньше отзывался о прусской свободе печати при старом Фрице. За оскорбление Бисмарка *«Демократический Еженедельник»* не был привлечен к ответственности, он был привлечен к ней только за оскорбление Бонапарта. В общем он пользовался, однако, завидной свободой печати, тогда как *«Социал-Демократ»* оставался наиболее гонимым органом в Германии, и насколько несправедливо было бы порицать лейпцигскую газету за то, что она старалась использовать свое выгодное положение, настолько же берлинская газета не заслуживала упрека за то, что она не делала попыток прошибить стену лбом.

Действительные различия между обеими газетами заключались, во-первых, в том, что *«Социал-Демократ»* вел свою оппозицию, исходя из признания Северо-германского союза, как существующего факта, тогда как *«Демократический Еженедельник»* хотел бы разбить этот союз вдребезги; во-вторых, в общественно-научном познании *«Социал-Демократ»* ушел значительно дальше *«Демократического Еженедельник»*. Орган саксонской народной партии считался с возможностью, что творение 1866 г. будет уничтожено уже в ближайшем будущем. В противовес Бисмарку он выставял Бейста, который берет, мол, сол аморе свой «реванш за Кениггрец», вводя в Австрии парламентский режим, освобождая печать, устанавливая свободу собраний, подчинял армию рейхстагу, накладывая тонор на конкордат; даже для пресловутого «вельфского легиона» *«Демократический Еженедельник»* находил извиняющие слова. Напротив, по отношению к политической и, в особенности, социаль-

ной точке зрения «Социал-Демократа» он обнаруживал почти полное непонимание. «Демократический Ежедельник» заявлял, что Всеобщий Германский Рабочий Союз не имеет другой основы, кроме «нескольких вечно повторяемых лассалевских фраз о государственной помощи», приговор, с суровостью которого может сравниться только его несправедливость. Обилию поучительных статей, которые «Социал-Демократ» постоянно давал по вопросам научного коммунизма, «Демократический Ежедельник» мог противопоставить, как нечто равноценное, немногим больше двух рецензий, напечатанных им по поводу первого тома «Капитала». Чтобы пособить «теперешней дороговизне и застою в делах», он выступил даже снова с менцанско-социалистическим проектом бумажных рабочих денег. Затем, в ряде статей о «государственной помощи и самопомощи» «Демократический Ежедельник», защищая принципиально правильное воззрение, снабдил его, однако, весьма неправильным полемическим придатком, так как утверждал, что Лассаль бросил в массы лозунг государственной помощи, не уяснив себе, какое именно государство может и должно помогать; к этому «Ежедельник» прибавлял, что Лассаль «никогда, впрочем, не был политиком».

Более благоприятен был отзыв «Демократического Ежедневника» о Иоганне Якоби, от энергического вмешательства которого газета ожидала возрождения немецкой демократии. В январе 1868 г. Якоби произнес пред своими берлинскими избирателями речь о конечных задачах немецкой народной партии и вскоре после этого дополнил ее письмом к одному из своих приверженцев. Оба заявления верно отражают личность Якоби, как человека с благородным и чистым характером, но в то же время идеологического формального политика, для которого классовая борьба современного буржуазного общества осталась книгой за семью печатями. Его общие формулы могли в применении к конкретным вопросам дня означать нечто весьма революционное, но в то же время и нечто весьма реакционное. Его требование, чтобы каждый народ, каждая ветвь народа имели одинаковое право на свободу и самоопределение, можно было при некоторой доброй воле толковать, как национальную революцию; но так, как его понимал сам Якоби, т.е. в смысле права на самоопределение шлезвиг-голлштинцев и других родственных народностей, требование было решительно реакционно и сводилось в конечном счете к воззрению, которое не мало способствовало неудаче мартовской революции и против которого истинные революционеры, как Маркс, Энгельс и Лассаль, всегда вели беспощадную борьбу.

Столь же двусмысленна была социальная программа Якоби. Он требовал справедливого распределения продукта производства между капиталом и трудом, установления преград против злоупотребления своим могуществом со стороны крупного капитала и крупного землевладения; он требовал для рабочего справедливой доли в продукте производства, полной трудовой ренты, вместо скудной, едва хватающей на жизнь заработной платы. Это были идеологические фразы, которые могли означать все, что угодно, но именно потому должны были произвести и действительно произвели величайшую путаницу в умах. Бракке, человек с таким же чистым и благородным характером, как Якоби, толковал их в том смысле, что право рабочего на полную трудовую ренту и справедливое распределение продукта производства между трудом и капиталом не одно и то же; капитал не имеет права на дальнейшую эксплуатацию рабочей силы, а труду, который один создает все ценности, должен принадлежать полный продукт труда. Напротив, Зоннеман объяснял программу Якоби в том смысле, что заработная плата и рента— вещи одинаковые, что заработная плата гарантирует минимум трудовой ренты и что следует обеспечить рабочему, сверх заработной платы, еще участие в избытке продукта: предоставление такого участия лежит столько же в интересах фабриканта, сколько в интересах рабочего, ибо производство увеличивается благодаря тому, что рабочий знает, ради чего он трудится. Сказать, кто понимал правильно лозунги Якоби: честный ли социалист и революционер Бракке, или капиталист Зоннеман, озабоченный более интенсивной эксплуатацией рабочего,—это положительно превосходило силы человеческой проницательности.

Правда, *«Демократический Еженедельник»* отнюдь не забывал, что Якоби еще не социал-демократ, но он думал, что Якоби идет далеко навстречу социал-демократии: нужно схватить его руку, чтобы образовать большую демократическую партию и открыть политическую борьбу против бисмарковского цезарьянства в его собственной области. Независимо от принципиальной стороны вопроса, это воззрение было ошибочно уже в том отношении, что оно сильно преувеличивало политическое влияние Якоби. Последний не имел за собою ничего, кроме кучки буржуазных идеологов, располагавшей собственным органом в лице вновь основанной *«Zukunft»* (*«Будущности»*) Гвидо Вейса,—самой честной и остроумной, но в то же время наименее читаемой газеты в буржуазной прессе. Берлинское мелкое бюргерство держалось либо за *«Народную Газету»*, плывшую на буксире у буржуазии, либо, поскольку у него начинали открываться глаза на капиталистический способ производства,

хвталось за шарлатанскую приманку, которую бросал ему в «*Staatsbürgerzeitung*» снова вынырнувший откуда-то демагог Гельд. Честный союз с сознательным пролетариатом попрежнему внушал страх этому мещанству.

Швейцер,—который жил в водовороте этих условий и искусно сумел парализовать интриги Гельда, для чего снизошел даже до публичных словесных поединков с этим хвастливым болтуном,—отнесся к программе Якоби гораздо более трезво, чем «*Демокр. Еженедельник*», но отнюдь не враждебно. Он вскрыл ее половинчатость, но «от всей души» присоединился к мнению Якоби, что «народная партия и рабочие ферейны должны итти рука об руку; только таким путем может быть достигнута общая им обоим цель—облагорожение человека». Швейцер прибавил лишь к этому: «Да, мы желаем итти рука об руку с более решительными элементами бюргерства, но как самостоятельная рабочая партия с собственными принципами». Только когда многолюдное народное собрание близ Вольфенбюттеля приняло 19 июля 1868 г., по предложению Бракке и с его толкованием, резолюцию о том, что нет никакой принципиальной разницы в целях между программой Якоби и программой социал-демократии,—только тогда «*Социал-Демократ*» пустил в ход тяжелую артиллерию. Объяснив, по существу совершенно правильно, что принятие туманных фраз Якоби отбросило бы европейский социализм назад на целые десятилетия, он назвал их «бессмысленной, пустой болтовней важничающего буржуа»,—что значило, однако, согласно немецкой поговорке, вместе с водою выплеснуть из ванны и ребенка. Такому человеку, как Якоби, было совершенно чуждо всякое напускание важности на себя. Он, несомненно, был искренен в своем расположении к рабочим, хотя и не понимал, что нужно делать; ввиду диаметрально противоположных истолкований, которые встретила его программа, он предпочел совершенно смолкнуть.

Сказанного достаточно, пожалуй, для характеристики различий во взглядах между «*Демократ. Еженедильником*» и «*Социал-Демократом*». Говорить теперь о них с надменно-нисходительным видом было бы таким же дешевым подвигом, как видеть на одной стороне сплошное предательство, а на другой—сплошную мудрость. В действительности это были исторические антагонизмы, которые нужно было преодолеть, как таковые, путем борьбы, раньше чем они могли найти свое историческое примирение. До поры, до времени масса саксонских и южно-германских рабочих так же мало в состоянии была понять позицию «*Социал-Демократа*», как масса берлинских, эльберфельдских, гамбургских и вообще северо-германских рабочих могла понять «*Демократический Еженедельник*».

2. Гамбургское общее собрание и Нюрнбергский съезд.

От роста рабочего движения выиграли и Всеобщий Германский Рабочий Союз и Саксонская народная партия. Как бы далеко ни расходились в своих воззрениях «Демократ. Еженедельник» и «Социал-Демократ», все-таки они были единственными органами, где немецкие рабочие находили энергичную поддержку в трудные минуты своей жизни. Постоянно возрастающее влияние этих газет было приобретено ими не при помощи «демагогических фраз», как единодушно заявляли капиталистические и официозные писакы, а законнейшим в мире образом—благодаря той неизменной поддержке, которую они всегда и везде оказывали рабочему классу.

Как и в 1867 г., круг читателей «Социал-Демократа» в 1868 г. почти утроился: с 1.200 он поднялся до 3.400 с лишним платных подписчиков, живших в 215 пунктах. По прежнему далеко впереди шел Гамбург с 807 подписчиками, далее следовал Берлин с 224 подписчиками, а после него Эльберфельд-Бармен (161), Ганновер (154), Эссен (107), Брауншвейг (89), Гарбург (61), Альтона (60), Кассель (58), Франкфурт (53), Париж (50 подписчиков). В Париже уже несколько лет существовал сплоченный и преданный кружок приверженцев Лассалья, среди которых выдавались своим рвением и ясным взглядом на вещи Петерсен, старый товарищ Вейтлинга, и Лео Франкель, впоследствии министр труда в Парижской Коммуне.

Всякие узко-национальные тенденции были чужды Всеобщему Германскому Рабочему Союзу; он и здесь умел ясно различать, что было уже возможно и что не было еще возможно. Когда на рубеже 1867 и 1868 г.г. австрийское рабочее движение испытало мощный подъем, то Швейцер обратился к работникам Вены с превосходным манифестом, где изложил задачи и цели, общие рабочим всех культурных стран. В особенности он подчеркнул внутреннее единство, связывающее германских и австрийских рабочих. «Мы знаем, что образуем одну нацию и хотим остаться одной нацией. Нас никогда не убедят, что мы находимся за границей, когда мы стоим в венском Пратере или на горах Тироля. Всяду, где звучит немецкая речь, там и немецкое отечество». Но Швейцер не скрывал от себя, что при наличных обстоятельствах всякая попытка установить внешнее единство подвергла бы опасности единство внутреннее. К сожалению, Гофштеттен держался более фантастических взглядов по этому предмету. Во время своего пребывания в Вене, куда

он ездил с целью основать местную рабочую газету, Гофштеттен напутал так, что повредил одинаково и германскому и австрийскому рабочему движению. Предвидя совершенно правильно, что венская буржуазия начнет против него травлю, как против «бисмарковца» и «пруссака», Гофштеттен вступил в венский образовательный рабочий ферейн под чужой фамилией. Понятно, что когда маска была снята, то его шаг не только произвел в усиленной степени то самое действие, для предупреждения которого он был предпринят, но и возбудил недоверие венских рабочих. Швейцер исполнил лишь свой настоятельный долг, когда осудил этот поступок Гофштеттена, сделав это, впрочем, в самой деликатной форме по отношению к своему «преданнейшему и испытаннейшему другу» и с полным признанием заслуг Гофштеттена пред органом Союза.

Внутренняя организация Союза была теперь вполне закончена и превосходно функционировала. Правда, старая надежда Лассаля, что он сумеет привлечь в Союз всех сознательных рабочих, рассеивалась все больше и больше; даже в Эльберфельде-Бармене и в Гамбурге, где социал-демократически настроенные рабочие считались тысячами, членов Союза было приблизительно лишь по 500. Только в Изерлоне неутомимой энергии Тельке удалось организовать почти всех рабочих, исповедывавших социал-демократические принципы, и в этом сравнительно небольшом городе Союз имел 700 членов. Союз составлял только ядро партии, но к этому ядру, в случае надобности, легко присоединялась масса, превосходившая его в 6, 10 и 20 раз. Когда в марте 1868 г. происходили дополнительные парламентские выборы в Эссене, где числилось около 300 членов Союза, то Газенклевер сразу получил 2.065 голосов; на перебаллотировке с консервативным кандидатом он потерпел поражение лишь потому, что прогрессистские избиратели сочли реакционного кельнского полицеймейстера более достойным своим представителем, чем старого демократа Газенклевера. Зато, когда в июле 1868 г. Рейнке сложил с себя депутатские полномочия, то социал-демократии удалось удержать избирательный округ Лейпне-Метман: Фрицше получил здесь при первом голосовании 3.223 голоса и на перебаллотировке одержал победу над консервативным кандидатом, которого Шульце-Делич одобрительно рекомендовал, а большинство прогрессистских избирателей косвенно поддержало, воздержавшись от подачи голоса.

Благодаря заботам Бракке, финансы Союза были также приведены в порядок. Взносы членов составляли попрежнему ползильберггрошена в неделю, а в особенно бедных местностях, напр., в ткацких округах Саксонии и Силезии,

1/4 зильбергрошена, при чем половина поступающих взносов должна была везде отсылаться в кассу Союза. Управление было чрезвычайно экономно: берлинское общее собрание назначило секретарю, единственному платному должностному лицу Союза, месячное жалованье в 20 талеров, а за полгода со времени брауншвейгского общего собрания, в течение которого Роллер уже исполнял фактически секретарские обязанности, ему было ассигновано вознаграждение в 25 талеров. Если в середине 1867 г. президент располагал для целей Союза какими-нибудь 25 талерами в месяц, то полтора годами позже он имел уже в своем распоряжении ежемесячно от 300 до 400 талеров.

Значительная часть доходов шла пока на покрытие дефицитов союзного органа, с трудом поднимавшегося теперь на ноги, после того как он не раз стоял на краю гибели вследствие истощения денежных средств у Гофштетена. Чтобы поддержать газету, Швейцер вынужден был обратиться в феврале 1868 г. к членам Союза с воззванием, где настоятельно просил об устройстве чрезвычайного денежного сбора. Не желая доставить удовольствия буржуазии публичным объяснением цели сбора, он заявил только, что вопрос идет о важных интересах Союза и что он представит ближайшему общему собранию надлежащий отчет об употреблении поступающих денег. Воззвание имело тем не менее успех. Жалованья, в качестве редактора союзного органа, Швейцер не получал, точно так, как он не получал его в качестве президента Союза. Однако, когда Гофштетен уехал в Берлин, и дела по управлению Союзом стали все больше усложняться, то он взял на помощь себе в редакцию Вильгельма Гассельмана. Молодой студент-химик, родом из Бремена, Гассельман рано осиротел и, вынужденный с детства пользоваться помощью своих богатых родственников, он в избытке вкусил всю горечь, большей частью неразрывно связанную с такой долей. Эти грустные впечатления юности обусловили то выражение неприветливой замкнутости, которое отличало уже внешнюю манеру Гассельмана. Глубоко ненавидя капитализм и обладая притом живым умом, он скоро разобрался в области социальных и политических вопросов. Гассельман не мог сравниться по способностям со Швейцером, но был все-таки дельным журналистом и владел энергичным пером, которое, впрочем, больше било на чувство, чем будило мысль.

Таким образом после трехлетней тяжелой борьбы Швейцер все же достиг цели, которую поставил себе после смерти Лассалья. Сохраняя организацию и тактику Лассалья, он сумел направить германское рабочее движение на более широкие и свободные пути Коммунистического Манифеста.

С Марксом он поддерживал дружественные отношения. Когда летом 1868 г. возник проект понижения таможенных пошлин на ввозимое из за границы железно, и заводчики сделали попытку при помощи разных агитационных фраз поднять против него рейнско-вестфальских рабочих, то Швейцер обратился за советом к Марксу. После этого он разъяснил рабочим, что по положению мирового рынка немецкая железодельательная промышленность может вынести понижение таможенных пошлин на железно, но, с другой стороны, сохранение последних также не помешает ее прогрессу. Дело идет о конфликте внутри класса капиталистов, одинаково допускающем решение в том или ином смысле без нанесения ущерба национальному развитию. Рабочие должны, следовательно, руководствоваться только своим классовым интересом. Если протекционистские железозаводчики просят поддержки, то рабочие должны попросту ответить: «Хорошо, мы готовы на это, мы будем требовать, чтобы до понижения пошлин на железно было произведена анкета о положении железодельательной промышленности; мы ставим только условие, чтобы это расследование простиралось не только на интересы капиталистов, но и на интересы рабочих, в особенности на заработную плату, продолжительность рабочего дня и условия жизни рабочих, занятых в железодельательной промышленности». Пользуясь этими указаниями Швейцера, Тельке созвал в Гаген рейнско-вестфальский рабочий съезд, на который были приглашены и заводчики. Однако никто из этих лже-братьев не явился, после чего рабочий съезд принял резолюцию, что понижение таможенных пошлин на железно несколько не угрожает опасностью общим интересам рабочего класса и потому рабочие не имеют никакого основания оказать протекционистам действие железозаводчикам-протекционистам.

К слову сказать, этот случай был единственным, когда Швейцер определил в силу своих диктаторских полномочий социально-политическую позицию Союза. Он прямо бослался на то, что правильное суждение по вопросу о таможенных пошлинах на железно предполагает специальные познания и что он запросил мнение «самого крупного научного авторитета нашего направления». Применять диктатуру в смысле какого-нибудь субъективного произвола Швейцер никогда не пытался; он очень хорошо знал, что современные пролетарии—не послушное стадо баранов. Правда, непрекращающиеся преследования полиции и прокуратуры усердно играли в руку дурным диктаторским вождедениям, так как они толкали ко все более строгой централизации. Но Швейцер всегда считал крайне важным сохранять полное согласие как с общим собранием и правлением, так и с массой

членов Союза. Несмотря на формально принадлежавшее ему право, он ни разу не назначил уполномоченного, который не был бы предложен членами соответственной местности. Свою диктатуру он понимал лишь в смысле энергичных, ясных и быстрых действий; он представлял себе ее как молот, который может, конечно, энергичнее всего наносить удары, когда он зажат в одной руке, но который должен быть выкован всеми сообща.

Однако даже такая ограниченная диктатура все больше переставала отвечать положению дел. Когда в 1865 г. обнаружилось первое стачечное движение в Германии, то *«Социал-Демократ»* отнесся к нему благожелательно, но оставаясь при этом всецело на точке зрения Лассалля, согласно которой свобода коалиций, будучи неоспоримым правом рабочих, не может все-таки в сколько-нибудь значительной степени улучшить их положение. Затем многочисленные стачки, вспыхнувшие в 1867 г. в Англии и Франции, привели уже газету к более глубокому исследованию вопроса. Она сказала себе: всюду, где современная промышленность достигла известной высоты, стачки вспыхивают с могучей силой, вопреки всем увещаниям буржуазных и социалистических экономистов, вопреки всем невзгодам, которые рабочим приходится переживать на практике вследствие прекращения работ; не может быть, чтобы рабочие находились в столь полном и упорном заблуждении насчет собственных своих интересов; забастовки должны иметь какое-нибудь внутреннее оправдание. *«Социал-Демократ»* усматривал это оправдание в том, что на отношении рабочего найма пролетариат впервые познает себя, как обездоленный и угнетенный класс, и прилагает здесь впервые рычаг своего освобождения; что стачки обладают, следовательно, превосходным и в высшей степени ценным свойством пробуждать от сна всякое рабочее население, не дошедшее еще до сознания своего классового положения: они уясняют ему его приниженность в обществе и в то же время общность его интересов. Но так как *«Социал-Демократ»* продолжал держаться взгляда, что в экономическом отношении стачки непременно должны оставаться безрезультатными и являются только средством для развития классового сознания пролетариата, то он выводил отсюда заключение, что по общему правилу их нельзя одобрить там, где рабочий класс уже стремится открыто к достижению своих конечных целей.

В 1868 г. Швейцер подвинулся, однако, еще на один шаг дальше. Теорически он узнал, может быть, из сочинения Маркса, что с железным законом заработной платы дело обстоит не вполне благополучно, а практически ежедневный опыт показывал ему, что и сознательные рабочие отнюдь

не отказываются от забастовок и что экономическая бесплодность стачек отнюдь не есть непреложный догмат. Уже в конце 1865 г. Фрицше основал союз сигарников, затем около середины следующего года возник союз типографских подмастерьев; теперь и Шоб основал профессиональный союз портных, а Любкерт—союз плотников. В старых социал-демократических центрах, как Эльберфельд-Бармен, Эссен, Гамбург, вспыхнули многочисленные стачки, с переменным, но в общем довольно благоприятным исходом. Правда, завоеванное рабочими повышение заработной платы по большей части только уравнивало возросшие цены на насущные предметы потребления, и в этой мере оно скорее подтверждало, нежели опровергало железный закон заработной платы; однако даже в этом случае оно показывало, что, при известных обстоятельствах, стачки могут быть и весьма необходимым делом.

Особенно поучительно было то, что происходило в Берлине, где господствующая среди рабочих нужда рассеяла последний туман воинственно-патриотического ослепления. Рабочее движение возобновилось здесь с мощной силой; оно впервые началось также в Бреславле, родном городе Лассалья, слишком долго стоявшем в стороне от движения. В Берлине профессиональная организация типографских рабочих, как и сигарников, достигла значительных успехов: печатники добились устранения систематически применявшегося воскресного труда, а сигарники после доблестной борьбы, тянувшейся несколько месяцев, не допустили введения унижительных правил внутреннего распорядка, которые хотели навязать им фабриканты. Среди булочников, каменщиков и плотников началось движение против жалкой заработной платы и бесконечного рабочего дня; впервые приподнялась также завеса с ужасающих тайн производства готового платья и белья,—так наз. «конфекционной» промышленности, которая получила громадное развитие в Берлине и уже начала хвастать, что занимает первое место в мире.

Эксплоатация достигла в этой промышленности столь высокой степени, что обнаглевшие капиталисты не постеснялись сами выставить на дневной свет свои мошеннические приемы. Они давали обыкновенно работавшим на них мастерицам глажную шерсть, усыхавшую при переработке. и затем пользовались недостачей в весе при сдаче готового товара для вычетов из заработной платы и удержания представленных залогов. Одна фирма, «Шульц и Зибенмарк», зашла так далеко, что привлекла одну из своих жертв к уголовной ответственности за растрату, когда та вздумала воспротивиться подобному обирательству. На суде работница

была, однако, блистательно оправдана, так как свидетельскими показаниями было установлено, что фирма «Шульц и Зибенмарк» систематически обманывает и безжалостно эксплуатирует работающих на нее мастериц. Произведенная этим делом сенсация привлекла всеобщее внимание к условиям, господствующим в берлинской конфекционной промышленности, и оказалось, что единственную основу ее процветания составляет физическая и нравственная гибель десятков тысяч занятых в ней молодых работниц.

Эти несчастные создания вынуждены были трудиться от ранней зари и до позднего вечера, если хотели заработать столько, чтобы не слишком скоро умереть с голоду. Когда их усталые глаза отказывались, наконец, служить при освещении настолько скудном, что избалованное зрение зажиточных людей не могло бы при нем различить даже нитку, то их единственной отрадой, единственным наслаждением, которое давала им жизнь, были несколько часов тревожного сна. При всей этой муке они зарабатывали на шитье из фланели и суконных материй максимум 10 зильбергрошенов в день, на шитье белья—около восьми, на вышивальных работах—от 3 до 5 зильбергрошенов. Из этой ужасающей нищеты для работниц был лишь один выход—к проституции, которая вела их под полицейский надзор, в рабочий дом, в тюрьму, к смерти и позору.

Справедливость требует признать, что когда эти условия были разоблачены, то буржуазные круги были охвачены чувством неподдельного ужаса. Даже наиподлиннейшие манчестерцы выразили осуждение мошенническим приемам, при посредстве которых у работниц конфекционной промышленности хотели урвать жалкие гроши из их голодной платы. Только прусская полиция стояла вполне на высоте капиталистическо-уголовных способов грабежа. Она закрыла рабочие собрания, на которых должно было обсуждаться положение конфекционных работниц, под тем предлогом, что работницы приняли сами участие в них. Права на это она не имела даже согласно прусскому закону о союзах и собраниях; единственным стимулом полиции было в данном случае бескорыстно-сладострастное удовольствие, которое доставляли ей мучения этих «беднейших из бедных». «Социальная монархия» проявила себя именно так, как она должна была себя проявить.

Как и три года назад, «Социал-Демократ» снова выступил с величайшей энергией в защиту поправленного права союзов, не обращая внимания ни на какие полицейские конфискации. Прогрессиистские мудрецы приплелись только позже. Точно так же они лишь вяло присоединились к энергичным усилиям Швейцера, чтобы прошлогоднее пред

ложение о законодательном признании свободы коалиций было снова внесено в рейхстаг. Большинство рейхстага, состоявшее из консерваторов и национал-либералов, не хотело пока обязываться ни к чему, но было известно, что свобода коалиций будет принята в ближайшем году, хотя бы и с разными оговорками. Сколько полиция ни продолжала преследовать бастующих рабочих всякими придирами, однако прокуратура не возбуждала больше преследований за нарушение закона, воспреещающего коалиции, с тех пор как во время стачки суконщиков, происходившей в 1865 г. в Бурге, суды оправдали 278 рабочих, привлеченных к ответственности за недозволенное устройство стачки. Следовало ожидать, что законодательное признание свободы коалиций даст могущественный толчок стачечному движению и что ближайшее будущее рабочего класса принадлежит тред-юнионистской борьбе.

Швейцер не питал иллюзий в этом вопросе. Он попрежнему называл грубым, невозможным для всякого социалиста заблуждением предполагать, что капиталистический способ производства может быть сломлен забастовками, но в то же время он понимал, что масса рабочего люда не раньше приходит к классовому сознанию, не ранее выходит из под опеки полицейского государства и денежной силы, пока она не убедится из практического опыта, на какую невероятную ненависть способны господствующие классы, едва рабочие выступают с требованием хотя бы малейшего улучшения их быта. «Одним словом, стачки представляют собою исторически необходимую переходную стадию к полному господству социалистического и коммунистического движения». Отсюда вытекало само собою заключение, что нужно путем правильной организации стачек по возможности сократить эту переходную стадию, не дать существующему в рабочей массе течению разбросаться и раздробиться, что нужно снабдить его возможно более сильным оружием против капиталистического способа производства и поддерживать его тесную связь с политической агитацией.

Швейцер шел до этого пункта, но не дальше. Признать профессиональное движение равноправным и самостоятельным рядом с политическим движением, — на это он не мог согласиться. Оно было в глазах Швейцера только орудием, при помощи которого можно сообщить большую энергию политическому движению; он смотрел на него до известной степени как на крепость, за стенами которой могут быть обучаемы новобранцы и где в случае нужды могут найти также убежище боевые колонны пролетарской армии. Хотя все более и более выяснялось, что политическая организация обнимает лишь избранную часть рабочего класса

однако это не мешало полиции и прокуратуре свирепо преследовать ее и беспрестанно находить все новые поводы, чтобы так или иначе прижать Всеобщий Германский Рабочий Союз. Власти снова стали оспаривать легальность почти трети местных членских кружков, на том основании, что в них имело место недозволенное «образование филиальных союзов». Правда, в отдельных местах, между прочим—в самом Берлине, Союз добился оправдательных решений в первой инстанции, но прокуроры тотчас перенесли дела в высшие инстанции, решение которых по меньшей мере нельзя было предугадать. Созывая летом 1868 г. общее собрание Союза в Гамбург, Швейцер сделал это с недобрим предчувствием, что седьмое общее собрание будет, вероятно, последним,

Собрание заседало с 22-го до 26 августа. Швейцер созвал его в Гамбург в знак уважения к тамошним членам «за их образцовое для всего Союза поведение, отмеченное самым строгим порядком, верностью принципам, деятельной энергией и самоотверженностью». В благодарность за его великий научный труд Карл Маркс был официальным письмом правления приглашен на собрание в качестве почетного гостя. Неотложные дела помешали Марксу приехать, и он извинился в письме, где «с радостью» констатировал, что общим собранием внесены в программу публичных заседаний пункты, из которых должно исходить всякое серьезное рабочее движение: агитация за полную политическую свободу, регулирование рабочего дня и планомерное международное сотрудничество рабочего класса в великой всемирно-исторической задаче, которую он призван разрешить для всего общества. Общее собрание решило бороться всеми законными средствами за достижение политической свободы; оно объявило необходимым законодательное введение 10-часового рабочего дня и осудило, как верх социальной тирании, воскресный труд, отнимающий у рабочих последний день отдохновения и последний остаток семейного счастья. Наконец, им была принята резолюция, гласившая, что стремления рабочих могут увенчаться успехом лишь в том случае, если последние будут действовать солидарно во всех культурных странах, и, следовательно, долг немецкой рабочей партии идти заодно с теми рабочими партиями всех других культурных стран, которые руководятся одинаковыми с нею принципами.

Три публичных заседания общего собрания были внушительными манифестациями. Гамбургские рабочие выказали себя достойными своей старой репутации, доставив интеллигентную и благодарную аудиторию из 6 тысяч человек. Делах Союза в тесном смысле были посвящены 4

закрытых заседания. На общем собрании были представлены 36 делегатами 83 места с 7.274 членами, правильно уплачивающими взносы; 50—60 мест, привлеченных большей частью в течение последнего года, не прислали еще пока представителей. Общее собрание одобрило распоряжение президента, употребившего финансовые излишки прежде всего на поддержание союзного органа, при чем Швейцер, в качестве собственника «Социал-Демократа», остался ответственным пред Союзом в сумме 1.000 талеров. Далее общее собрание постановило впредь до приведения в равновесие бюджета «Социал-Демократа» приобретать нераспроданные экземпляры его для Союза и употреблять их для агитации. Оно отклонило, напротив, предложение вольфенбюттельских членов взять газету в собственность Союза, равно как предложение одного дюссельдорфского члена отделить редакторство от президентства; то и другое было признано нецелесообразным. С того момента, как «Социал-Демократ» начал бы покрывать свои расходы,—а достигнуть этого надеялись через полгода,—денежные средства Союза должны были употребляться на систематическую пропаганду путем рассылки платных агитаторов, прежде всего по королевству Саксонии и южной Германии. Для организации этой пропаганды президент получил необходимые полномочия. Жалованье секретаря было повышено до 25 талеров в месяц.

Важнейшая работа закрытых заседаний касалась отношения Союза к стачечному движению. Брауншвейгские члены внесли предложение, чтобы Союз взял на себя организацию забастовок. В ответ на это Перль предложил перейти к порядку дня, не рассматривая вопроса, тогда как Фрицше внес два контр-предложения. Общее собрание должно было объявить, во-первых, что стачки отнюдь не представляют собою средства изменить основы капиталистического способа производства, но они являются средством будить классовое сознание рабочих, пробивать брешь в системе полицейской опеки и, при условии правильной организации, устранять в теперешнем обществе некоторые из наиболее вопиющих социальных зол, вроде чрезмерно длинного рабочего дня и воскресного труда. Во-вторых, собрание должно было поручить президенту созвать общегерманский рабочий конгресс для основания всеобщих рабочих союзов. После оживленных прений предложение Перля было отвергнуто большинством 3.417 против 2.583 голосов, первое предложение Фрицше принято тем же большинством, а второе отклонено большинством 3.255 голосов против 3.044. Таким образом, общее собрание заняло принципиально дружественную позицию относительно стачек, но

объявило ненужной практическую организацию их самим Союзом.

После такого исхода голосования Швейцер и Фрицше заявили, что они созовут теперь конгресс профессиональных рабочих организаций в качестве членов рейхстага. Заявление их вызвало снова бурные дебаты по вопросу о том, составляет ли намерение Швейцера и Фрицше нарушение партийной дисциплины, или нет. Сам Швейцер объяснил, что общее собрание имеет, без сомнения, право воспретить президенту все, что оно находит вредным для Союза; если он не захочет подчиниться, то должен будет выступить из Союза. Но общее собрание, высказавшись, быть может, правильно — против того, чтобы Союз взял организацию стачек в свои руки, принципиально одобрило, однако, стачки. Отсюда, по мнению Швейцера, следует, что когда собрание не пожелало обязать президента Союза к созванию конгресса рабочих союзов, то оно не думало еще запрещать ему этим участие в конгрессе. Пусть оно выскажется теперь определеннее, но оратор не скрывает, что он тотчас же вынужден будет сложить с себя должность и выступить из Союза, если общее собрание запретит ему созвание конгресса. По его мнению, социал-демократическая партия, как наиболее передовой элемент среди рабочих, должна организовать стачечное движение; оратор не считает себя в праве продолжать ответственное руководство, раз у него есть сознание, что агитация может стать нежизнеспособной вследствие какого-нибудь существенного упущения. После этого общее собрание почти единогласно объявило, что оно не хотело выразить запрета: в качестве депутатов рейхстага Швейцер и Фрицше могут созвать конгресс.

К сожалению, об этом заседании не сохранилось подробного отчета, из которого можно было бы видеть, в какой мере оппозиция руководилась практическими сомнениями, и в какой — правоверным лассальянством. Известную роль сыграло то и другое: в кратких мотивах, которыми Перль обосновал свое предложение о переходе к порядку дня, он выдвинул только финансовые и формальные возражения, тогда как Швейцер весьма энергично защищался в «Социал-Демократе» против упрека, что, созывая конгресс, он покидает традиции Лассалья. В качестве решающего соображения он вполне правильно выдвигал тот факт, что в массах имеется налицо стачечное движение, которого не было при жизни Лассалья. Призвать к жизни подобное движение так же не входило в задачи Лассалья, как оно не может быть задачей всякого социалиста, но раз оно существует, каждый социалист должен позаботиться о том, чтобы указать ему правильную цель; будь Лассаль в живых, он поступил бы

таким же образом. Тотчас после закрытия общего собрания, еще из Гамбурга, Швейцер и Фрицше обратились к рабочим Германии с воззванием, в котором созывали на 27 сентября в Берлин обще-германский рабочий конгресс; здесь предполагалось обсудить и наладить все, что имеет отношение к забастовкам, и основать обширную самостоятельную организацию всего рабочего населения Германии для общих действий путем забастовок.

Десять дней спустя в Нюрнберге состоялся пятый съезд немецких рабочих фереинов. Со времени съезда в Гере Бель энергично и искусно руководил федерацией (Vorband) этих фереинов, но убедился скоро, что полное отделение передовых элементов от элементов, тянувших назад, стало неизбежной необходимостью. Лучше десять надежных, чем тридцать колеблющихся фереинов, писал он Альберту Ланге. Развитие пролетарского классового сознания совершалось внутри федерации вполне стихийным образом, подгоняемое убедительным красноречием экономических фактов, а отнюдь не адвокатским искусством Либкнехта, как уверяет ходячая легенда: Либкнехт и «*Демократический Еженедельник*» стояли еще пока далеко от федерации, как таковой; федерация имела собственный орган, «*Die Arbeiterkalle*», выходявший в Мангейме. Но чем больше пролетарские элементы рабочих фереинов приходили к сознанию, что федерация, если она хочет сохранить какое-либо значение, должна занять определенную позицию относительно жгучих вопросов в политической и социальной области, тем усерднее последовали буржуазные элементы фереинов для защиты последней позиции, которой буржуазия располагала еще среди пролетариата. Как только главный город федерации—Лейпциг—созвал съезд на 5-е сентября в Нюрнберге и высказал свое намерение предложить, в качестве программы федерации, главные положения из устава Интернационала, так обе стороны начали усиленно агитировать за посылку возможно большего числа делегатов на съезд, при чем буржуазная сторона не преминула пустить в ход различные средства, чтобы искусственно раздуть число рабочих и рабочих фереинов, оставшихся еще верными ей.

Все это не помогло им, однако, против стихийного течения в рабочих массах. Нюрнбергский съезд высказался за принятие программы, предложенной Лейпцигом, и за основание централизованных профессиональных рабочих союзов (Gewerksgenossenschaften); в то же время он отклонил предложение Зоннемана устроить кассы страхования рабочих на случай старости при содействии почты, другими словами—в виде учреждений, находящихся под надзором государства. При решающем вопросе о программе 72 фереина

с 69 голосами вотировали против 37 ферейнов с 46 головами. Буржуазное меньшинство сделало еще одну попытку спасти свое дело, выступив с утверждением, что за большинством стоит едва 1.800, за меньшинством же—8.800 членов рабочих ферейнов. Бебель тотчас раскрыл неосновательность этой сказки в кратком и ясном заявлении. Правда, и по его вычислениям меньшинство состояло из 5.876 членов, а большинство только из 6.480 членов, но скоро оказалось, что меньшинство, тотчас выступившее из федерации, вообще не обладало способностью к активной деятельности. Оно попыталось основать Немецкий Рабочий Союз (Deutscher Arbeiterbund), но дальше первых шагов дело не пошло. Ферейны меньшинства скоро присоединились опять к большинству или же совсем закрылись; из всех них теперь существует только «Берлинский рабочий ферейн», который в то время раскололся, впрочем, также на два ферейна, при чем один из них, сохранив свое старое название, удержал прогрессистскую программу, а другой назвал себя «Демократическим рабочим ферейном» и примкнул к федерации рабочих ферейнов.

Нюрнбергский съезд, как и съезд в Гере, знаменовал собою большой шаг вперед, но к основанию социал-демократической рабочей партии он еще не привел. Формально федерация рабочих ферейнов была сохранена, Бебель был снова избран ее председателем, а Лейпциг—главным городом. На съезд прислали делегатов австрийские и швейцарские рабочие ферейны, генеральный совет Интернационала был представлен Эккартем, а некоторые члены Всеобщего Германского Рабочего Союза, только что присутствовавшие на его гамбургском общем собрании, напр., Кирхнер из Гильдесгейма и Карл Гирш из Берлина, произнесли энергичные речи в смысле большинства. Тем не менее, среди большинства были еще разные элементы, имевшие столько же общего с пролетарской классовой борьбой, как вода с огнем: честные малые, как Ладендорф, ненадежные соратники вроде Зоннемана, всякого рода хитрецы из Немецкой народной партии, которые в крайнем случае готовы были принять интернациональную программу, так как она ничего еще не говорила о национальной программе рабочего класса. Немецкая народная партия была официально представлена на Нюрнбергском съезде; точно так же Нюрнбергский съезд послал своих официальных представителей на конференцию Немецкой народной партии, заседавшую 19 и 20 сентября в Штутгарте и разрешившуюся, наконец, после трехлетних родов программой по национальному и социальному вопросам.

Немецкая народная партия умалилась фактически до положения южно-германской партии, если не считать не-

многих аугустенбургских и гвельфских придатков, слабо прозябавших в Шлезвиге-Гольштинии и Ганновере, затем — нескольких приверженцев Якоби и, в особенности, Саксонской народной партии, состоявшей преимущественно из рабочих и деятельно развивавшейся в социал-демократическом направлении. Однако, именно благодаря своей местной ограниченности, Немецкая народная партия могла бы сыграть историческую роль в годы между Кениггрецом и Седаном, если бы, пользуясь бессилием и неспособностью южно-германских правительств и под прикрытием зависти всей Европы, она развернула энергичную демократическую пропаганду, которая явилась бы в то же время вернейшим средством отравить жизнь берлинской реакции. Но благоприятный момент был бесплодно упущен: как и в дни немецкой революции, заходистый партикуляризм одержал верх над всеми демократическими и республиканскими фразами, и, по горькому замечанию Ланге, единственной движущей пружиной Немецкой народной партии была слепая ненависть к Пруссии, только игравшая в руку врагу.

И мы, действительно, видим, что национальная программа, которую народная партия изложила, наконец, на бумаге осенью 1868 г.; была не чем иным, как отсталым партикуляризмом, замазанным пустыми фразами о свободе и самоопределении, социальная же программа ее была чем-то худшим еще. Немецкая народная партия, объявив принципиально, что она «примыкает к программе, принятой Нюрнбергским съездом», выставила ряд социальных требований, которые нигде не выходили за пределы буржуазного горизонта, вроде улучшения народной школы, свободы передвижения, промысловой свободы; в отдельных пунктах, напр., по вопросу об упразднении постоянных армий и участии рабочих в чистой прибыли от предприятий, они делали, впрочем, логические выводы из капиталистического строя несколько радикальнее или хитрее, чем северо-германские либералы. С программой Интернационала, к которой они якобы «примыкали», эти требования были в столь же дружеских отношениях, как капитал с трудом. После таких подвигов не приходится удивляться, если Маркс назвал конфликт между северо-германскими национал-либералами и южно-немецкими народниками «мелкими пустяками». Таково же было мнение Энгельса: национал-либералы и народники, — сказал он, — ведут столь запальчивую войну друг с другом лишь потому, что они представляют собою противоположные полюсы одной и той же ограниченности, и история ближайших лет докажет правильность этого утверждения.

Если нюрнбергское большинство имело еще известную связь с Немецкой народной партией, то постановления гам-

бургского общего собрания сходились гораздо больше с постановлениями, принятыми третьим конгрессом Интернационала. На конгрессе, заседавшем с 6-го до 12-го сентября в Брюсселе, присутствовало 97 делегатов, большая половина которых состояла из бельгийцев; Франция была представлена 18, Англия—11, Швейцария—8 и Германия—4 делегатами. По вопросу о необходимости политической работы и значении стачек для рабочего класса брюссельский конгресс принял такие же резолюции, как гамбургское общее собрание. Затем конгресс Интернационала впервые высказался в пользу общей собственности на землю, хотя необходимо добавить, что против резолюции голосовало крупное меньшинство, состоявшее, главным образом, из французских делегатов. Швейцар получил официальное приглашение на брюссельский конгресс, но не мог явиться, так как вследствие непрекращавшихся преследований прокуратуры он должен был соблюсти несколько судебных сроков. В своем ответе на пригласительное письмо он заявил, что Всеобщий Германский Рабочий Союз стоит вполне на почве Интернационала и от формального вступления в эту Ассоциацию его удерживают только германские законы о союзах.

Эти законы были именно теперь пущены опять в ход, чтобы разрушить также Союз как национальную организацию. Судебная палата вынесла во второй инстанции решение, что местный кружок членов в Берлине, будучи самостоятельным филиальным союзом, должен быть закрыт. Правда, решение это можно было обжаловать в высший трибунал, но 16-го августа лейпцигская полиция распорядилась вообще о закрытии Всеобщего Германского Рабочего Союза. Предлогом послужил на этот раз пункт устава, разрешавший употребление половины членских взносов на местные цели, «следовательно, члены Союза в отдельных местах являются не только членами Всеобщего Германского Рабочего Союза, но и членами местного союза, имеющего собственное кассовое управление». Так как дело шло только о предлоге, то Швейцар счел бесполезным обжаловать меру лейпцигской полиции, а просто распорядился о немедленном распусчении Союза, не «из послушания властям», как он объяснил членам, а «потому, что при наличных условиях это—самое разумное, что мы можем сделать». Швейцар понимал и открыто высказывал, что удар, нанесенный в Лейпциге, шел из Берлина. Доводить вопрос о «самостоятельных филиальных союзах» до высшего трибунала он не хотел, опасаясь, что решение последнего получит тогда обязательную силу для всех прусских судов. Между тем, распуская добровольно Союз, Швейцар оставлял себе возможность тотчас открыть его вновь в форме, исключаящей всякие юридические придирки.

3. Раздробление профессионального рабочего движения.

При всех своих прочих различиях гамбургское общее собрание и нюрнбергский съезд все-таки сошлись в двух решениях, открывавших, казалось, общее поле действий для всего сознательного пролетариата Германии: в присоединении к Интернационалу и в основании профессиональных рабочих союзов. «*Демократический Еженедельник*» так и смотрел на положение. В номере от 12-го сентября он писал: «В Гамбурге, Нюрнберге и Брюсселе мы видим те же стремления, те же цели: освобождение труда от оков капитала, устранение классового господства и рабства наемного труда, создание государства, основанного на свободе и равноправии». Одновременно с этим в «*Будущности*» («*Zukunft*») появилась корреспонденция из Лейпцига, где говорилось, что более или менее полное слияние демократических рабочих ферейнов с Всеобщим Германским Рабочим Союзом только вопрос времени.

Как почтенны ни были эти объединительные стремления, однако они выражались в формах, уводивших далеко в сторону от намеченной цели. В лейпцигской корреспонденции «*Будущности*» говорилось, что «кое-кто» противится по личным мотивам объединению германских рабочих. Еще яснее высказался «*Демократический Еженедельник*»: на второй странице того самого номера, первая страница которого содержала одобрение демократических резолюций гамбургского общего собрания, «*Еженедельник*» категорически требовал от «президента Всеобщего Германского Рабочего Союза», чтобы тот подверг дисциплинарному взысканию одного гамбургского члена Союза, сапожника Прааста, который, по словам одной народническо-гвельфской газеты, позволил себе на поминках по Лассале в Ганновере хвалить прусские территориальные захваты. При этом не было даже твердо установлено, действительно ли Прааст — к слову сказать, перешедший спустя год от Швейцера на сторону Либкнехта — был повинен в нарушении принципов: одно уверение газеты, боровшейся за единство и свободу Германии под сенью гвельфов, не могло, конечно, служить убедительным доказательством. Эта статья «*Демократ. Еженедельника*» была также тотчас перепечатана «*Будущностью*».

До сих пор Швейцер оставлял без внимания все нападки «*Демократ. Еженедельника*», направленные против его личной и политической честности. Теперь он ответил «*Ежене-*

дельнику», что Всеобщий Германский Рабочий Союз ни в коем случае нельзя делать ответственным за те или иные заявления отдельных его членов; точно так же президент не стоит, наподобие полицейского служителя и цензора, за спиной каждого оратора. Если хотят, однако, знать, как он сам относится к рассуждениям, приписываемым гамбургскому члену Союза, то он заявляет, что «к единому немецкому народоправству, составляющему предмет наших стремлений, нас не приближают ни территориальные захваты, милитаризм и полицейский режим Пруссии, ни бессмысленная и противная пруссофобия, разжигаемая в средних и малых немецких государствах Народной партией и орудиями прогнанных государей». По поводу лейпцигской корреспонденции «*Будущности*» Швейцер заявил, что Всеобщий Германский Рабочий Союз будет так же итти рука об руку с большинством нюрнбергских фереинов, как со всеми сходно мыслящими и дружественными партиями. О слиянии, однако, не может быть речи, разве если бы нюрнбергские фереины вступили во Всеобщий Германский Рабочий Союз, где их с радостью примут. Ни в каком случае стройная организация, основанная Лассалем, не может быть изменена, чтобы уступить место «туманной галиматье».

Это выражение было бесспорно очень невежливо, но представляло лишь маленькую грубость в сравнении с теми вещами, которые Швейцеру приходилось в течение 9-ти месяцев выслушивать от «*Демокр. Еженедельник*». Во всяком случае трудно было не понять, что Швейцер разумел под «туманной галиматьей»: он разумел не программу Интернационала, к которой только что сам примкнул, а туманные отношения нюрнбергских фереинов к Немецкой народной партии. Тем не менее, «*Демокр. Еженедельник*» впал в такую ошибку: по его мнению, Швейцер мог своими невежливыми словами иметь в виду «только» учение Маркса, от которого учение Лассала отличается лишь тем, что обламывает его острие. Таким образом Швейцер был снова объявлен «изменником делу социализма и демократии».

После этого единственным возможным полем для совместных действий оставалось профессиональное движение. Однако нюрнбергские фереины не послали своих представителей на рабочий конгресс, созванный Швейцером и Фрицше на 27-е сентября. Как объяснил впоследствии Либкнехт, они не прислали делегатов потому, что самолюбие их было слишком чувствительно задето объявлением Швейцера, что нюрнбергские фереины не будут допущены на конгресс. Между тем дело происходило следующим образом. После того как Всеобщий Германский Рабочий

Союз был распущен лейпцигской полицией, „Социал-Демократ“ объявил, что ввиду статьи закона о союзах, запрещающей политическим союзам вступать в связь друг с другом, на конгрессе не могут быть представлены „рабочие союзы, имеющие политическую программу, например, Всеобщий Германский Рабочий Союз и нюрнбергское большинство, как таковые». Во всем этом распоряжении дело шло исключительно о форме, долженствовавшей оградить конгресс от насилий полиции; основание жаловаться существовало во всяком случае только у ферейнов нюрнбергского меньшинства: они не имели политической программы, а между тем, как добавлял в примечании «Социал-Демократ», не могли все-таки быть представлены на конгрессе, как таковые, потому что это значило бы оказать фактически одной партии предпочтение пред другой. Для всех представителей существующих уже профессиональных союзов, для всех делегатов от собраний тех или иных промыслов, даже вообще от рабочих собраний, конгресс был открыт без всякого ограничения.

Скорее имеет некоторое основание другой упрек, делавшийся Швейцеру и Фрицше,—что они слишком поторопились с созванием конгресса, что им следовало выждать сначала результатов нюрнбергского съезда и затем совместно с главным городом победившего большинства взяться за организацию профессионального движения; особенно спешить, дескать, незачем было, потому что дарования свободы коалиций все равно нельзя было ожидать так скоро. Однако Швейцер и Фрицше имели основательные причины ковать железо пока горячо. Они хотели, чтобы полки их были уже организованы и боевая касса полна, прежде чем раздастся сигнал к борьбе. Затем им чрезвычайно важно было возможно скорее создать «бесповоротный факт» ввиду противодействия в рядах собственной партии, которому восьма сомнительная спекуляция на результаты нюрнбергского съезда дала бы только новую пищу. Но в особенности важно было расстроить хитрую игру прогрессистской партии, готовившейся как раз в этот момент овладеть пролетарским стачечным движением и направить его на ложные пути.

Утверждение, что Либкнехт и Швейцер приступили к основанию профессиональных рабочих союзов, после того как Макс Гирш предпринял поездку в Англию с целью изучить тред-юнионы и пересадить их на германскую почву,—это утверждение представляет собою чистейшую выдумку. Либкнехт отлично познакомился с тред-юнионами, еще живя изгнанником в Англии, и со времени своего возвращения в Германию направлял на них внимание не-

мецких рабочих путем многочисленных лекций. Что касается Швейцера, то он занимался в «Социал-Демократе» соответственными вопросами, по крайней мере, уже больше года, — еще задолго до того, как Макс Гирш пришла в голову остроумная мысль обмануть прогрессистски настроенных еще рабочих насчет их истинных интересов при помощи плохой подделки под тред-юнионы. Внимание Гирша обратили на тред-юнионы лишь в самой Англии, куда он поехал собственно для ознакомления с кооперативными обществами, и сделал это Луйо Brentano, действительно изучавший английские рабочие союзы. Хорошим образчиком «изучения», которым занимался Макс Гирш, может служить тот факт, что уже после многих недель расхваливания немецким рабочим третейских и примирительных камер, как панацеи в социальном вопросе, он обратился к Brentano с мольбою, чтобы тот пособил ему из своих материалов, так как сам он, «к сожалению, не имеет решительно никакого материала» об английских примирительных и третейских камерах. Если это грандиозное невежество Макса Гирша исключало возможность всяких заимствований у него со стороны Либкнехта и Швейцера, то легкомысленная поспешность, с которою Гирш намеревался все-таки приступить к основанию немецких профессиональных рабочих союзов, делала тем более желательным, чтобы его планы были возможно скорее расстроены.

Тем временем воззвание Швейцера и Фрицше произвело свое действие в немецких рабочих кругах. На рабочий конгресс, открывшийся 26 сентября, явилось 206 делегатов, представлявших 142.008 рабочих в 110 местах, притом рабочих самых различных промыслов. Наибольшее участие принимали, как это вполне естественно было, главные центры Всеобщего Германского Рабочего Союза: Берлин был представлен 27-ю, а если считать соседний Бранденбург, то даже 42 делегатами, из Гамбурга-Альтоны явились 22, из Эльберфельда-Бармена — 11, из Брауншвейга — 7 делегатов. Немало делегатов было также прислано из южной Германии, например, из Оффенбаха, Мангейма, Гейдельберга, Фрейбурга, Шпейера, Штутгарта, Аугсбурга, Вюрцбурга; были также представители из королевства Саксонии, из Дрездена, Фрейберга, Глаухау и Лейпцига.

Прогрессистской партии приходилось, таким образом, смотреть в оба. Лишь за два дня до открытия конгресса ей удалось созвать последний остаток оставшихся ей верными машиностроительных рабочих, человек 400—500, среди которых уже раздавались, однако, голоса, находившие неразумным сторониться от хорошего дела только из-за того, что почин в нем принадлежит социал-демократам. Шульце-

Деличу пришлось самому встать на защиту угрожаемой позиции; он произнес речь, где расхваливал себя, как прирожденного вождя рабочих, и шумел по поводу «праздной болтовни разных негодяев». Собрание выбрало 12 делегатов, которые должны были под предводительством Макса Гирша посещать рабочий конгресс и протестовать «против организации социальной войны». Эта попытка расстроить конгресс не имела, конечно, успеха, и когда Макс Гирш в первом заседании стал делать ненужные пространные замечания, то он был удален вместе со своими приверженцами, а Шульце, призванный к ответу представителем Швейцера, заявил,—обнаруживая больше осторожности, нежели правдолюбия,—что под «праздной болтовней разных негодяев» он не разумел воззвания Швейцера и Фрицше. Эта противоположность геройского мужества снискала еще Шульце весьма суровую резолюцию конгресса, заявившего вместе с тем, что в берлинских машиностроительных рабочих он признает своих братьев, удаление же их делегатов было направлено только против лиц, задавшихся целью устроить скандал на конгрессе. К сожалению, это заявление не успокоило оскорбленного корпоративного духа берлинских машиностроительных рабочих, которые теперь снова теснее примкнули к прогрессистской партии.

В прочих отношениях конгресс прошел вполне мирно и привел, после 4-дневных трудов, к основанию 10-ти рабочих союзов (Arbeiterchaften), объединенных в один большой Союз (Verband). На слове «Arbeiterchaft» остановились потому, что большинство делегатов опасалось, как бы название «Gewerkschaft» (промышленный союз) не вызвало у многих рабочих неприятные воспоминания о цеховых стремлениях. В образовавшиеся тотчас же 10 рабочих союзов вошли сапожники, портные, каменщики, пекари, рабочие по металлу, рабочие по дереву, ручные и фабричные рабочие, переплетчики, шорники, рабочие, занятые в горнозаводской промышленности и соляных коях, наконец, красильщики, ткачи и мануфактурные рабочие. Для отдельных союзов конгресс составил образцовые уставы, принятие, изменение или отклонение которых было предоставлено всецело их усмотрению. Обязательны были для них лишь правила Verband'a, в который им предоставлено было вступать, как только число их членов достигнет 500 человек. Сам Verband был организован по образцу Всеобщего Германского Рабочего Союза, как боевое товарищество для победоносного проведения рабочих забастовок. Президиум, состоявший из 3 членов и двух кандидатов к ним, выбирался путем плебисцита всех членов. Общее собрание должно было состояться из местных делегатов от отдельных рабочих со-

юзов, при чем каждому делегату принадлежало столько голосов, сколько членов было у рабочего союза в представляемом им месте. Наконец, в комитете каждый рабочий союз был представлен одним уполномоченным, располагавшим по одному голосу на каждые полные 500 членов своего союза. Комитету были предоставлены гораздо более широкие полномочия, чем соответствующему органу Всеобщего Германского Рабочего Союза (правлению). В частности, ему одному принадлежало решение вопроса, следует ли объявлять данную стачку делом Союза союзов; комитет должен был представлять собою решающую власть, президиум же—только исполнительную.

Из существующих уже профессиональных союзов в Союз вступили временно портные, под условием, что на это согласится их общее собрание; затем делегаты от сигарников и плотников заявили, что они будут настоятельно рекомендовать своим общим собраниям вступление в Союз. Напротив, представитель союза типографских рабочих отказался вступить, на том основании, что он уполномочен подать голос только за федеративное, а не за централистическое объединение отдельных профессиональных союзов. Конгресс после продолжительных прений отклонил предложение обобщать с учреждением Verband'a, пока не сорганизуются отдельные рабочие союзы, и только потом созвать общее собрание,—предложение, мотивированное тем, что не следует задевать самолюбие «других социалистических элементов». При этом ораторы большинства указали, что, при желании, на конгрессе могли иметь своих представителей все направления немецкого рабочего класса, что новое общее собрание было бы сопряжено с большими расходами и что необходимо лишить буржуазных противников рабочего дела всякого повода для новых интриг. Конгресс объявил себя первым общим собранием и назначил первый президиум, в который вошли Швейцер, Фрицше и фабричный рабочий Клейн из Эльберфельда. Точно также образовался тотчас первый комитет, для чего делегаты промыслов, желавших организовать в союзы, выбрали по одному уполномоченному. Органом Союза союзов был выбран «Социал-Демократ».

Швейцер дважды писал Марксу по поводу конгресса: 15-го сентября и 8-го октября. Текст этих писем до сих пор не опубликован, но зато мы знаем текст ответа, который Маркс послал Швейцеру 13-го октября. Судя по этому ответу, Швейцер просил Маркса высказать свое мнение относительно предложений, внесенных им в конгресс, и быть третейским судьей в вопросе о профессиональном рабочем движении между Всеобщим Германским Рабочим

Союзом и нюрнбергскими фереями. Маркс выразил готовность взять на себя посредничество и обещал полное беспристрастие, прибавляя, что в качестве секретаря Интернационала для Германии он уже неоднократно призывал к миру, и когда ему ответили, что войну провоцирует сам Швейцер,—в доказательство чего ему были присланы выдержки из «Социал-Демократа»,—то он заявил, что должен по необходимости ограничиться ролью беспристрастного третьего лица при дуэли. Трудно говорить лояльнее, чем говорит здесь Маркс, но и на этот раз его не осведомили, как следует, о действительном положении вещей в Германии. Войны Швейцер не провоцировал, и Маркс, вероятно, сам убедился в этом из присланных ему выдержек, где Швейцер только защищался против вызовов,—иначе он вряд ли писал бы Швейцеру в таком дружественном тоне. В этом самом письме он признает «безусловно энергию и ум», которыми отмечена деятельность Швейцера в германском рабочем движении; между тем «Демократ. Еженедельник» всего двумя неделями раньше в сотый раз обвинял Швейцера в измене демократии и социализму.

Но, при всей своей лояльности по отношению к Швейцеру, Маркс был также искренен с ним. Он не скрывал того, что устав Союза рабочих союзов принципиально несостоятелен. Насколько выбранная организация пригодна для тайных обществ и сектантских движений, настолько же она противоречит существу тред-юнионов. Он считает ее невозможной, но если бы она даже была возможна, то она не была бы желательна, особенно для Германии. Здесь, где рабочий с малых лет подчинен бюрократической дисциплине и верит в авторитет, в предрержащую власть,—здесь особенно важно научить его ходить самостоятельно. Сверх того, устав не может способствовать «быстроте действий», к которой стремится Швейцер: общее собрание, комитет, весь излишний президиум, эти три независимые власти различного происхождения, будут везде приходить в столкновение друг с другом; у тред-юнионов дело идет большей частью о денежных вопросах, а в них прекращается всякое диктаторство. При всем том Маркс допускал, что рациональной практикой, быть может, удастся устранить в большей или меньшей степени недостатки организации.

Маркс порицал Швейцера за то, что он ставит классовому движению требование занять подчиненную роль по отношению к сектантскому движению. Этот упрек был вполне справедлив, поскольку Швейцер хотел отвести профессиональному движению роль второстепенного вспомогательного средства для политической организации. Но он был несправедлив, поскольку Маркс говорил в этом письме о

Лассале, как об основателе секты, и о Всеобщем Германском Рабочем Союзе, как о сектантском движении; он был бы вдвойне несправедлив, если бы Маркс видел в нюрнбергских фрейнах и в Саксонской народной партии исключительных носителей классового движения среди германского пролетариата,—чего он не высказывал и, быть может, не думал также, но что можно было вычитать между строк его письма. Так дела не обстояли в Германии. Напротив, положение было таково, что Всеобщий Германский Рабочий Союз представлял собою несравненно более развитую форму классового движения, чем нюрнбергские фрейны и Саксонская народная партия. Того самого 13 октября, когда Маркс писал свое письмо в Лондоне, «Социал-Демократ» напечатал в Берлине статью Швейцера, объяснявшую понятие и существо Интернационала вполне в духе Маркса. В статье говорилось, что кто принадлежит к Всеобщему Германскому Рабочему Союзу, тот принадлежит также к Интернационалу, подобно тому, как гражданин кантона Ури является, например, также гражданином Швейцарии. Национальные организации рабочих необходимы, пока между отдельными культурными нациями существуют большие различия, с которыми пролетарская освободительная борьба должна считаться, но развитие идет и должно быть поощряемо в том направлении, чтобы центральное руководство Интернационала все больше могло заменить деятельность национальных центров рабочего движения. В этих взглядах пред нами всего менее выступает глава секты, и то обстоятельство, что Маркс ставил Швейцера на вид ошибки, от которых тот чувствовал себя свободным, невольно должно было умалить в глазах Швейцера значение других упреков, которые Маркс делал ему с полным основанием. Но раз Швейцер стоял на точке зрения, что профессиональное рабочее движение есть подчиненное вспомогательное средство политического движения, то его рабочие союзы были задуманы вполне последовательно и логично; его легкое отношение к неодобрению Маркса было, вероятно, обусловлено еще одним обстоятельством—признанием его противников из прогрессистского лагеря, что если бы дело шло о войне между капиталом и трудом, то его Союз рабочих союзов отлично организован.

Сами прогрессисты принялись тотчас по закрытии рабочего конгресса основывать профессиональные союзы, кладя в основу их пресловутый принцип, что между капиталом и трудом существует гармония интересов. Апостола сбережений Шульце, окончательно сыгравшего свою роль, должен был сменить апостол гармонии Гирш. Затупшевая тот факт, что рабочие, организованные в тред-юнионы, добились

признания их фабрикантами за равноправных людей в третьей-ских и примирительных камерах только путем многолетней и трудной борьбы, соединенной с громадными жертвами,—затушевывая этот факт, Макс Гирш воображал или делал вид, что воображает, будто война, которой тред-юнионы были исключительно обязаны своими успехами, составляла колоссальную ошибку, и относительный социальный мир, соблюдаемый английскими фабрикантами из почтения к мощи тред-юнионов, представляет собою естественный порядок отношений между трудом и капиталом. Нормальный устав прогрессистских промысловых союзов (так-наз. *Gewerkvereine*) был скопирован с уставов больших английских тред-юнионов, с той лишь разницей, что он выросил из них самую существенную особенность: вступать в союзы он приглашал предпринимателей так же, как рабочих, и Макс Гирш являл, что «его» профессиональные союзы отнюдь не должны обеспечивать «только права и интересы рабочих», но в такой же мере—права и интересы их эксплуататоров. Практические виды этой затеи были основаны на предположении, что немецкие предприниматели добровольно дадут «благонамеренным» промысловым союзам то, что тред-юнионы вырвали у английских предпринимателей путем борьбы. Первый заводчик, с которым предполагалось сделать пробу, был Борзиг: он должен был по просьбе прогрессистского союза машиностроительных рабочих уволить одного мастера давшего пощечину рабочему. Однако, когда Шульце-Делие и Макс Гирш обратились по этому делу к паровозному королю, то он ограничился тем, что выпроводил их вон, надавав им нравственных пощечин.

Можно было предвидеть, что прогрессистские промысловые союзы потерпят скоро крушение. Что же касается противодействия, которое оказывала всему профессиональному движению фракция графини Гацфельдт, правомерно цеплявшаяся за слова Лассалья, то оно не имело большого значения. Таким образом в вопросе о том, раздробится ли это движение, все зависело от того, войдет ли Всеобщий Германский Рабочий Союз в соглашение с нюрнбергскими фереями и Саксонской народной партией. Маркс сдержал свое обещание и вмешался в примирительном смысле. «*Демократ. Еженедельник*» писал о берлинском рабочем конгрессе сравнительно дружелюбно. Затем Бебель, в качестве председателя федерации немецких рабочих фереинов, напечатал в той же газете выработанный им устав для немецких «профессиональных рабочих товариществ» (*Gewerksgenossenschaften*), где он избрал средний, притом правильный средний путь между проектами Швейцера и Макса Гирша. Устав начинал постройку не с крыши, а с фундамента, и отказывался от всякой диктаторской централизации профессиональных рабо-

чих союзов, организуя вместо этого отдельные промыслы, как крепкие соединения для защиты интересов и прав их членов против капитала. Своей простой беспритязательностью устав производил более благоприятное впечатление, чем громоздкое, искусственное сооружение Швейцера и, тем более, доктринерская болтовня прогрессистского устава; в сравнении с ними он *much more workmanlike* (имеет гораздо более деловитый вид),— заметил один английский знаток трэд-юнионов.

В то же время собрание делегатов от лейпцигских промыслов, заседавшее 26 ноября под председательством Бебеля, приняло единогласно предложенную Либкнехтом резолюцию, согласно которой рабочие союзы (*Arbeiterschaf ten*) Швейцера и профессиональные рабочие товарищества (*Gewerks genossen schaf ten*) нюрнбергских ферейнов должны, отказавшись от всякого общения с прогрессистскими промысловыми союзами (*Gewerk vereine*), устроить по предварительному взаимному соглашению профессиональное общее собрание в целях соглашения и слияния, до тех же пор вступить в договорное отношение друг с другом, в особенности—поддерживать друг друга своими кассами и, если возможно, избрать сообща временный комитет. Это предложение, ставшее им известным из «*Будущности*», президиум и комитет швейцеровского Союза рабочих союзов единогласно и решительно отвергли 29 ноября. В принятой по этому поводу резолюции они заявляли, что единство рабочих есть первое условие для процветания профессиональных союзов. Между тем основание третьей группы рабочих союзов способствует розни: господа Бебель и Либкнехт могли бы поэтому не трудиться восстанавливать при помощи предлагаемого ими договорного отношения то единство, которое они сами нарушили. Если они действительно не хотят нарушать единства профессионального рабочего движения, то их долг вступить в Союз рабочих союзов, агитировать в его пределах за те изменения, которые им кажутся целесообразными, и во всяком случае—подчиниться большинству.

Таким образом раздробленность профессионального движения стала совершившимся фактом. Нельзя винить за это исключительно ту или другую сторону, другими словами—раздробленность, при всех своих прискорбных последствиях, была дана существующими условиями. Если бы объединительные попытки оказались даже более удачными, чем они фактически были, то рано или поздно они бы все-таки дошли до точки, где должны были рушиться. Трещина, проходившая через немецкий рабочий класс, проникала еще слишком глубоко, чтобы врачебное искусство могло в один день закрыть ее; она должна была совершенно обескровиться, раньше чем могло произойти основательное заживление изнутри.

ГЛАВА VI.

Социал-демократическая рабочая партия.

После закрытия берлинского рабочего конгресса Швейцер вместе с некоторыми товарищами по партии открыл 10 октября 1868 г. вновь Всеобщий Германский Рабочий Союз; чтобы по возможности отнять у властей всякие формальные поводы к придиркам и преследованию рабочего движения, он произвел в правилах о делопроизводстве союза те изменения, которые стали необходимыми вследствие различных судебных и полицейских решений. В то же время Швейцер перенес местонахождение союза в Берлин,—что также было поставлено ему в тяжкую вину и даже квалифицировано, как «негодяйский поступок», как выдача рабочего движения Бисмарку, хотя это была бесспорно самая правильная тактика, какую мог избрать Швейцер. В Лейпциге или Гамбурге Союз не находился в большей безопасности, чем в Берлине; как раз в Лейпциге полиция открыла теперь злобный и мелочный поход против начинающегося профессионального рабочего движения. Напротив, если бы Союз начал энергично развиваться в центре германской политики, при полной гласности и тщательном соблюдении законов о союзах, то он мог бы защитить себя против нападений лучше, чем во всяком другом месте.

Возможно, что пребывание Союза в Берлине входило в виды прусского правительства; получившего таким путем возможность, смотря по потребностям своей политики, терпеть или закрывать его; об этом свидетельствует, по крайней мере, то обстоятельство, что, несмотря на разные придирки, оно в течение нескольких лет не закрывало Союза, как такового. С тех пор как буржуазия стала покорной прислужницей Бисмарка, его демагогический интерес к рабочему движению значительно охладел. Докладная записка Дюринга, долженствовавшая быть актом государ-

ственного значения, опустилась до степени частного умозрения; Вагнер издал ее под своей собственной фамилией без разрешения автора, который разозлился и возбудил против него процесс. Тем не менее, Бисмарк знал, что самое трудное испытание его политики еще впереди, и потому он в конце 60-х гг. еще не занимался систематическим преследованием рабочего движения, наиболее отвечавшим его сердечным желанием. То было межеумочное положение, которому Швейцер покорился, так же, как Либкнехт и Бебель покорились межеумочному состоянию свободы печати в Саксонии; конечная его цель осталась прежняя: развить рабочее движение, несмотря на изменчивые внешние условия, в такую силу, чтобы насильническая политика реакционного полицейского государства не могла больше подавить его даже временно.

Швейцер в праве был видеть прекрасный успех в том обстоятельстве, что закрытие Всобщего Германского Рабочего Союза не повлекло за собой разложения в рядах партии. После трехнедельной остановки жизнь забила в ней с тем большей силой и интенсивностью. Когда 1 декабря 1868 г. Швейцер приступил к отбытию 3-месячного тюремного заключения, то он имел возможность объявить в речи по поводу финансового положения Союза, что с начала следующего года будет открыта систематическая агитация при помощи платных агитаторов,—чем была, наконец, достигнута цель, которую Лассаль поставил себе уже в «Открытом письме». На время заключения Швейцера руководство Союзом взял на себя Тельке, переехавший с этой целью в Берлин; Фрицше взял на себя руководство Verband'ом рабочих союзов, а Гассельман—«Социал-демократом». В начале 1869 г. некоторые дополнительные выборы доказали возрастающую силу партии. В Дуисбурге она впервые завоевала мандат, одержав победу уже при первой подаче голосов: Газенклевер побил 6.792 голосами обоих соперников, как консерватора, так и национал-либерала. В Целле Йорк получил на главных выборах 2.336 голосов, а на перебаллотировке—5.259 голосов и был побежден лишь незначительным большинством.

В исходе 1868 г. Швейцер получил отпуск из тюрьмы на несколько недель, чтобы похоронить своего отца и привести в порядок дела по наследству. Он воспользовался своей свободой, чтобы распорядиться относительно президентских выборов и созвать на Пасху общее собрание в Эльберфельде-Бармене, а также чтобы наладить агитацию в южной Германии и в королевстве Саксонии. «Демократ. Еженедельник» сделал по этому поводу очень злые замечания: Швейцер получил, дескать, отпуск по «семейным

делам», чтобы сеять рознь среди демократии именно в настоящий момент, когда творению Бисмарка грозит тяжелый кризис. Фактического основания эти злые намеки не имели: во-первых, творению Бисмарка не угрожал тяжелый кризис; во-вторых, Швейцер делал только то, что предписывали интересы Союза. Созвание общего собрания и назначение президентских выборов должны были свидетельствовать о возрождении организации; они были уступками демократическому началу. Что касается агитации в южной Германии и Саксонии, то Швейцер только исполнял постановление гамбургского общего собрания.

Даже в практическом проведении этого постановления он не действовал самовластно и воспользовался своим пребыванием во Франкфурте, чтобы обсудить вопрос об агитации в южной Германии вместе с 25 членами правления и уполномоченными. По их предложению он поручил агитацию технику ф. Бонгорсту из Висбадена, сапожнику Кельшу из Майнца и рабочему по металлу Гаустейну из Оффенбаха, определив продолжительность ее в 6 недель и отпустив на нее из кассы Союза 200 талеров. Затем он в Берлине принял подобные же меры относительно агитации в королевстве Саксонии, поручив ее гамбургскому портному Либишу и берлинскому сапожнику Шуману.

1. Агитация в южной Германии и в Саксонии.

В южной Германии рабочее движение после смерти Лассалья развивалось очень медленно. Старая ненависть к Пруссии, пробужденная вновь событиями 1866 г., перекинулась из мелко-буржуазных в пролетарские круги и воздала среди них недружелюбное отношение ко Всеобщему Германскому Рабочему Союзу.

Особенно в Вюртемберге социал-демократическая агитация нигде не сумела пустить прочных корней до 1869 г. Правда, иллюзии Шульце вымерли в федерации вюртембергских рабочих ферейнов; быстрота, с которой крупный капитал сметал с лица земли всякие мелкие учреждения самопомощи, артели ткачей, банки для ремесленников, товарищества для постройки рабочих жилищ, скоро раскрыла глаза рабочим. Во время австро-прусской войны федерация устроила в Биберахе годовичное собрание, участники которого обнаружили решительную склонность заниматься политическими вопросами, к величайшей досаде разных Эдуардов Пфейфферов, Килианов Штейнеров, Густавов Зиглей и прочих биржевых и фабричных магнатов Штутгарта, которые до тех пор задавали тон в образовательных рабочих

ферейпах. Их гнев имел то последствие, что местопребывание федерации было перенесено на общем собрании 1867 г. из Штутгарта в Геппинген, где она с тех пор и оставалась; здесь же выходила, в качестве ее органа, маленькая ежемесячная газета. Господа Пфейфферы с компанией удержали под своей опекой только штутгартский рабочий ферейн, которым они заправляли через надсмотрщиков и мастеров, служивших на фабриках красок Зигля. Рядом с ним существовал в Штутгарте демократический рабочий ферейн. Но если федерация и порвала с Шульце, то она все-таки примыкала пока только к швабской Народной партии, национальная касса которой покрыла также расходы по представительству федерации на нюрнбергском съезде. В начале 1869 г. в федерации числился 21 ферейн с 1.564 членами; после саксонских ферейнов они составляли самую сильную плору нюрнбергского большинства. В январском номере органа юртембергской федерации была объявлена война агитаторам Швейцера, если бы они вздумали появиться где-либо в Швабской земле.

В большей части южной Германии положение дела было таково же, как в Вюртемберге, а местами, даже в высоко развитых промышленных центрах, пролетарское движение получило еще меньшее развитие. Старые рабочие ферейны Фюрта и Нюрнберга остались и после нюрнбергского съезда на буксире у прогрессистов, и лишь самые передовые рабочие стояли здесь на точке зрения Народной партии. В Фюрте они были организованы в рабочий ферейн «Будущность», занимавшийся больше политическими вопросами, чем социальными, и относившийся враждебно к лассалевскому движению, не понимая еще классового характера этого последнего. В ферейне имели веский голос буржуазные демократы, но их влияние нашло себе скоро противовес в позументнике Габриеле Левенштейне, председателе ферейна. Левенштейн председательствовал рядом с Бебелем на нюрнбергском съезде; будучи необыкновенно практическим и деятельным талантом, он сумел на ближайших вопросах городского хозяйства и в борьбе с кликой городских заправил выяснить себе и своим товарищам классовые интересы пролетариата. В Нюрнберге от старого рабочего ферейна откололась после съезда небольшая часть, организовавшаяся самостоятельно под названием «Пионеров», а затем — «Образовательного рабочего ферейна». Это была маленькая кучка, которая сначала вела довольно идиллическое партийное существование, всегда исполненная бодрого настроения и всегда без денег. Постепенно она крепко прижалась, однако, старый рабочий ферейн, который с своей стороны открыл, что прогрессистские

заправили обращают на него внимание лишь тогда, когда он им нужен; сверх того, этому фрейну нанес непоправимый удар крах одного потребительного общества, с которым он находился в тесных сношениях.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы по ту сторону Майна Всеобщий Германский Рабочий Союз не сделал ровне никаких успехов. Из Майнца его пропаганда проникла в Вормс, Гейдельберг и особенно в Мангейм, где вокруг его знамени собралось скоро 400 членов. В Аугсбурге продолжала держаться энергичная и стойкая группа приверженцев Союза, во главе которой стоял теперь наборщик Таушер. Вместе с наборщиком Неффом Таушер агитировал также в Мюнхене, куда Нефф скоро переселился, чтобы сообща с наборщиком Францем работать среди пролетариата баварской столицы. Неумолимому рвению этих лиц удалось организовать разветвления Союза в Ансбахе, Вюрцбурге, Швейнфурте, Гофе, Кауфбейрене и Кольберморе, но ни в Фюрте, ни в Нюрнберге Союз, при всех их усилиях, не пустил прочных корней.

Тем временем экономическое развитие опрокинуло бумажные стены, за которыми окопалась свирепая пруссофобия южно-немецкого партикуляризма. Трезвый таможенный союз не позволял шутить с собою. Возобновление его было настолько в интересах буржуазии и пролетариата, что там, где эти большие классы современного гражданского общества ясно сформировались, они безжалостно игнорировали страдания захолустного духа, был ли этот дух монархическим, или республиканским. Когда баварская верхняя палата заупрямилась против возобновления договоров о таможенном союзе, то Таушер созвал на 29 октября 1867 г. собрание в зале «К трем королям», куда явились с одобрения своих предпринимателей тысячи рабочих. Таушер прочел громовым голосом и при бурном одобрении присутствующих проект адреса верхней палате, где ей ставилось категорическое требование утвердить договоры о таможенном союзе. Хотя уже сам Таушер выбрал резкий язык, необходимый для просветления юнкерских голов, однако некоторым либеральным журналистам форма адреса показалась еще «слишком солидной», и они предложили вставить фразу, где верхней палате давалось обещание, что если она будет дольше упираться, то услышит кулаки рабочих у своих дверей. С этим охотно принятым украшением адрес был послан в Мюнхен, а два дня спустя юнкеры капитулировали.

Воснию 1868 г. состоялись в южной Германии, на основании договоров о таможенном союзе, выборы в таможенный парламент. За рабочих кандидатов было подано

Всего несколько сот голосов, из них за Таушера в Аугсбурге—152, но практическое пользование всеобщим избирательным правом не осталось без прочного влияния на южно-германских рабочих. Не осталось без влияния и профессиональное рабочее движение, начавшееся в северной Германии. Союз сигарных рабочих распространил свою деятельность на Мангейм и даже на Штутгарт, где печатники также имели крепкую организацию, охватывавшую почти всех подмастерьев. В Аугсбурге за самое короткое время организовались 1.500 рабочих, в том числе 800 мануфактурных рабочих и 400 рабочих по металлу. В Нюрнберге рабочие по металлу, сапожники и портные также начали объединяться. В самых различных местах южно-германский пролетариат пришел в движение, и таким образом предзнаменования, при которых начали свою агитацию Бонгорст, Кельш и Гауштейн, были довольно благоприятны.

Однако южно-германская буржуазия сумела оценить опасность и пустила в ход все средства, чтобы отразить страшных пришельцев. Это удалось ей в Карлсруэ и Пфортгейме, но тем более постыдное поражение она потерпела во Фрейбурге, где «апостолам травли» загородил путь старый Венедей, которого поддержал при этом случае молодой и подающий надежды мыслитель Адольф Вагнер, обнаруживший, по достоверному свидетельству капиталистической прессы, «уничтожающее» красноречие. Но, с другой стороны, эта победа осталась единственным крупным успехом, достигнутым агитаторами на нетронутой еще почве. В прочих местах они лишь дали новый толчок агитации там, где она уже существовала: так происходило, напр., дело в Вормсе, Гейдельберге, Мангейме, затем—в Аугсбурге, Мюнхене и Вюрцбурге. В Фюрте и Нюрнберге, куда их сопровождал Таушер, им пришлось схватиться и с прогрессистами и с приверженцами Народной партии. Собрание в Фюрте было распущено полицией, а на нюрнбергском победили народники. Вюртемберг агитаторы обошли, за исключением небольшой экскурсии в Ульм, но и здесь лед был вскоре после этого разбит: около Троицына дня 1869 г. мебельщик Лейкгарт, родом штутгартец, работавший два года среди гамбургских членов Всеобщего Германского Рабочего Союза, вернулся назад в свой родной город и начал здесь социалистическую агитацию.

Для первого начала южно-германские агитаторы имели достаточный успех, и шум, поднятый буржуазной печатью, доказывал, какой страх испытывают ее патроны, несмотря на несколько пирровых побед, еще одержанных ими. Более неблагоприятные результаты дала агитация в королевстве

Саксонии, несмотря на то, что Либих и Шуман старались, не щадя своего здоровья, выполнить возложенную на них задачу. Они должны были восстановить единство немецкого рабочего движения, парализовать «сепаратные стремления» графини Гацфельдт и «господ Бебеля и Либкнехта», но такой труд был выше их сил. Правда, Союз графини Гацфельдт находился уже в состоянии внутреннего разложения, но борьба против профессиональных рабочих союзов как раз теперь зажгла опять фанатизм секты, и на дополнительных выборах в Рейхстаг Менде, одержавший победу над консервативно-партикулярным кандидатом. Тем не менее, этого противника легко можно было бы одолеть, если бы саксонские агитаторы не были вынуждены растратить свои лучшие силы в борьбе с рабочими и народными ферейнами, группировавшимися вокруг «*Демократического Ежедневника*».

В политическом отношении этот орган продолжал держаться пруссофобско-народнического курса; в своем новогоднем номере от 1869 г. он приветствовал «обновленную» Австрию, которая стоит в боевой готовности, чтобы отомстить за вероломное нападение 1866 г. В резкую противоположность этому «*Социал-демократ*» писал в это же время о «либеральном шарлатанстве австрийских буржуа», обнаруживающих по отношению к рабочим большую безжалостность, произвол и злобность, чем это когда-либо было видано в Пруссии. Недолго спустя после этого Маркс также сказал, что в Австрии либеральный средний класс больше, чем где-либо, выставляет напоказ свои себялюбивые инстинкты, свое умышленное убожество и мелочную злобу против рабочего класса. Точно так же Альберт Ланге не находил достаточно резких выражений для характеристики жалкого либерализма, которым Бейст пытался лицемерно прикрыть самые отвратительные реакционные меры. Но наряду с односторонней пруссофобией, пролетарский характер «*Демократического Ежедневника*» стал гораздо резче выступать с тех пор, как «Федерация немецких рабочих ферейнов» избрала его в декабре 1868 г. своим органом. Ослабленная нюрнбергским расколом, федерация принуждена была прекратить издание «*Arbeiterhalle*» в Мангейме. В «*Демократическом Ежедневнике*» Бебель редактировал теперь «местный и рабочий отдел», при чем он мало занимался высшей политикой, но тем убедительнее и искуснее проводил мысль о необходимости крепче организовать весьма недостаточно еще сплоченную федерацию. В этом деле его энергично поддерживал Моттелер, который мог сравниться с ним по своим организаторским способностям;

Моттелер развивал в Криммичау весьма успешную политическую и трэд-юнионистскую пропаганду, особенно среди рабочих текстильной промышленности.

Из 72 ферейнов нюрнбергского большинства пять постепенно выступили по различным причинам, зато в течение года прибавилось 42 новых, так что федерация считала 109 ферейнов с 10.000 членов. Тем не менее ей приходилось бороться с величайшими трудностями, в особенности финансовыми. Так как годичный взнос каждого члена в кассу федерации равнялся всего 1 зильбергрошену, то годовой доход ее составлял только 300 с лишним талеров, из которых нужно было покрывать не только агитационные и организационные расходы, но и значительные дефициты «*Демократического Еженедельника*». В циркулярном письме к членам федерации от марта 1869 г. Бебель призывал к добровольным экстренным взносам, указывая на то, что касса федерации все еще вынуждена прибегать к «поддержке посторонних друзей, стоящих вне нашего тесного круга». Этими друзьями были архитектор Деммлер из Шверина, столь же честный демократ, сколько видный художник, и в особенности революционный фонд, собранный некогда в Соединенных Штатах Кинкелем и Виллихом, а теперь управляемый Ладендорфом и другими эмигрантами в Цюрихе. Из этого фонда федерация немецких рабочих ферейнов получила в разное время 3.500 франков, истраченных большей частью на «*Демократический Еженедельник*».

В эту трудную реорганизационную работу ворвалась теперь враждебная агитация Всеобщего Германского Рабочего Союза, и необходимость дать ей отпор поглотила и без того незначительные суммы, которые могли бы быть употреблены на более полезные цели. Этим объясняется крайнее озлобление, с которым Бебель и Либкнехт напали на Швейцера, и успех их обвинений у саксонских рабочих. Они сами подчеркивали при этом, что стоят на одинаковой принципиальной почве со Всеобщим Германским Рабочим Союзом; действительно, первое собрание лейпцигских рабочих, в котором Бебель и Либкнехт выступили против Шумана, кончилось 11 февраля постановлением созвать на 7-е марта в Гогенштейне-Эрнстале, в связи с собранием Саксонской народной партии, саксонский рабочий съезд, чтобы открыть агитацию против саксонской реакции, начавшей теперь выпускать свои когти. Для созвания этого рабочего съезда был назначен комитет, где рядом с приверженцем графини Гацфельдт заседали по три члена Всеобщего Германского Рабочего Союза и Саксонской народной партии. Происходившее три дня спустя второе со-

брание лейпцигских рабочих, где говорил Либшиш, также кончилось своего рода объединительной попыткой: внесением предложения, чтобы Либкнехт и Швейцер объяснились в публичном собрании относительно их взаимных обвинений. Правда, впоследствии так и не удалось выяснить с точностью, было ли предложение принято или отклонено. Однако Либкнехт, наравне с Бебелем отсутствовавший в собрании, выразил в публичном заявлении готовность доказать один или вместе с Бебелем, в Лейпциге или в Берлине, в ближайшем общем собрании Всеобщего Германского Рабочего Союза или в третейском суде пред генеральным советом Интернационала, что Швейцер за деньги или по личной склонности систематически препятствует с конца 1864 г. организации рабочей партии, что он играет в руку бисмарковскому цезаризму и расстраивает все попытки достигнуть объединения партии. «Социал-демократ» принял этот вызов: Бебель и Либкнехт получили официальное приглашение явиться на общее собрание Всеобщего Германского Рабочего Союза и там обосновать свои обвинения против Швейцера.

2. Эйзенахский конгресс.

Пока происходили все эти события, Швейцер сидел уже опять в тюрьме. Но Тельке мог быть уверен, что, принимая вызов Либкнехта, он действует в духе Швейцера. Для последнего не могло быть ничего желаннее попытки Либкнехта посадить его на скамью подсудимых. Избранный как раз перед этим почти единогласно в президенты, Швейцер получил таким образом вотум доверия от Союза, который не мог утвердить известных обвинений Либкнехта, не отрекаясь от своей 6-летней истории. Поэтому, когда Швейцер был снова выпущен 5 марта из тюрьмы в виду открытия северо-германского рейхстага, то он заявил, что постарается доставить не-членам возможность явиться в общем собрании Союза и предъявить свои обвинения против него. Но он прибавил, что не думает перебраниваться со всяким, кому придет в голову нападать на него. Его поведение и деятельность проходили настолько открыто перед всеми, что если кто из его противников считает нужной защиту, то может сам вести ее.

Высокомерный тон, взятый Швейцером, отнюдь не служил прикрытием для нечистой совести. Оглядываясь назад на последнее 5-летие, Швейцер в праве был сказать себе, что он энергичнее содействовал развитию германского рабочего движения, чем какое-либо другое лицо; вполне по-

нятно было, если он противопоставлял твердую самоуверенность вечным толкам об его предательстве. При всем том ему следовало бы помнить о поговорке, что «высокомерие приходит перед падением». Несчастье всякой диктатуры состоит в том, что диктатор никогда не бывает способен распознать, когда его диктатура начинает становиться излишней. Не только сам Швейцер, но и значительное большинство членов считало еще необходимым диктаторское руководство Союзом, и в пользу такого взгляда можно было привести пока очень серьезные доводы. Тем не менее, чем больше рабочее движение крепло, чем обширнее становилась область его распространения, тем более оно ускользало из-под руководства одного лица. Высокомерие, которое начал выказывать Швейцер, было фактически началом конца: во-первых, оно невольно свидетельствовало, что диктатура внутренне пережила себя; во-вторых, Швейцер попал, таким образом, на наклонную плоскость, по которой ему суждено было неудержимо катиться вниз.

Известная оппозиция против него давно проснулась во Всеобщем Германском Рабочем Союзе. Люди, вроде Бракке, Йорка или Гейба, снискавшего себе большое уважение среди гамбургских рабочих самоотверженной и неутомимой деятельностью в пользу рабочего класса, видели в Саксонской народной партии и в федерации немецких рабочих ферейнов не столько их внешнюю скорлупу Народной партии, сколько бодрое пробуждение пролетарского классового сознания, и обнаружили этим большую прозорливость, чем Швейцер. Еще решительнее сблизилась с саксонскими рабочими лассальянские членские кружки в Тюрингии, так как пруссофобский пессимизм первых стал им вполне понятен, с тех пор как они, сверх привычных зол мелкого государства, получили еще на шею прусского эзекутора и фельдфебеля. В самом Берлине диктатура Швейцера привела ко всяким личным дразгмам в его ближайшем кругу, в особенности с секретарем Союза Роллером и еще более — с Гофштеттенем, который после своего полного фиаско в Вене потребовал себе опять права сораспоряжения в «Социал-демократе», уверяя, что при отъезде в Вену он отказался от него лишь временно, а не окончательно, как утверждал Швейцер.

В возникшем отсюда неприятном споре нельзя и теперь еще разобраться с полной ясностью. О каком-нибудь обмане со стороны Швейцера в уголовном смысле не могло, конечно, быть и речи, потому что, во-первых, «Социал-Демократ» никогда не был имущественным объектом, а во-вторых, Швейцер вполне признавал право Гофштеттена на половину чистого дохода от издания, если бы таковой ока-

зался. К тому же газета, как духовная сила, не была созданием Гофштеттена, а Швейцера, и так как Гофштеттен заявил открыто, что он — против швейцеровской политики, то возрождение его права сораспоряжения совершенно парализовало бы орган Союза. Следовательно, если Швейцер даже поступил со своим старым товарищем не по-товарищески, — что теперь так же трудно решить, как тогда, ибо уговор, о котором шла речь, происходил между Швейцером и Гофштеттеном с глазу на глаз, — то он сделал это не ради денег, а ради своего политического влияния. Но именно потому жалобы Гофштеттена усилили недоверие к диктатуре Швейцера у всех тех, в ком оно уже зародилось по другим причинам.

Швейцер принял еще одну меру для обеспечения своего права собственности на орган Союза: с тех пор, как Союз открылся вновь, он отказался от всякого пособия из союзной кассы, а появившийся опять дефицит по изданию — которое со времени основания профессиональных рабочих союзов начало выходить в значительно увеличенном размере — он стал покрывать из собственного кармана, из наследства, которое получил по смерти отца. Этим он навлек, однако, на себя *odium* жалоб на редакцию, которую многие обвиняли в том, что она обнаруживает в помещении корреспонденций пристрастность и чрезмерную суровость.

Все эти поводы к неудовольствию не грозили еще, однако, серьезной опасностью положению Швейцера, и он со спокойной уверенностью ждал предстоящего общего собрания. На этот раз Швейцер созвал его в Эльберфельд-Бармен, где дымящаяся фабричная труба, этот символ крупной промышленности, на каждом шагу возвещает о жгучем вопросе нашего века; подобно Гамбургу в предшествующем году, город этот был выбран им с целью выразить уважение местным рабочим, которые первые сумели с беспримерной стойкостью и непреклонным мужеством использовать оружие всеобщего избирательного права. Сам Швейцер внес в общее собрание только одно предложение: чтобы Союз теснее примкнул к Интернационалу, насколько это позволяют германские законы о союзах; в мотивировке он выдвинул, как решающее соображение в пользу международного объединения пролетариата, факт существования международной связи между реакционными и враждебными народу элементами: между открытым и замаскированным абсолютизмом, военщиной, дворянством, попами, силой капитала. Тем многочисленнее были предложения, заявленные из среды Союза. Большинство их касалось отдельных вопросов агитации и пропаганды, но некоторые стремились ограничить диктатуру президента либо путем сосредоточения правления

в одном месте, либо путем назначения комиссии о печати, либо путем отделения президиума от союзного органа. Дальше всех шли аптекарь Фогель и три других члена из Берлина, объявившие излишним «предводительство известных лиц» и предложившие созвать конгресс, на котором все социал-демократические элементы Германии столкнутся бы насчет общей программы и общей организации.

Восьмое общее собрание было открыто 28 марта 1869 г.; на нем были представлены 126 мест 57 делегатами, за которыми стояло 12.053 членов, правильно уплачивающих взносы. Либкнехт и Бебель, которые были выслушаны в первый же день, выставили против Швейцера обвинения, известные из «*Демократич. Еженедельника*»: Швейцер учинил, мол, предательство в рейхстаге, он признал Северогерманский союз, произнес речь в пользу военного закона, назвал Нюрнбергскую программу галиматъей, не допустил нюрнбергских ферейнов на рабочий конгресс и т. д. Один делегат из Дюисбурга тотчас предложил высказать президенту Союза полное доверие немецких рабочих. так как объяснения Либкнехта и Бебеля не содержат ничего нового и важного; это предложение было бы принято единогласно или почти единогласно, если бы Швейцер, не вовремя разыграв роль диктатора, не испортил сам весьма благоприятного для него положения.

Он остался на своей старой точке зрения: слияние с другими партиями невозможно; кто хочет быть социал-демократом, тот должен примкнуть к Всеобщему Германскому Рабочему Союзу. Но вполне возможны мирные и дружественные отношения к другим партиям, преследующим однородные цели; на это он охотно согласится, если Бебель и Либкнехт изложат ему свои желания, как выборному президенту Союза, вместо того, чтобы постоянно нападать на него и расшатывать организацию Союза. Что касается поднятых против него обвинений, то Швейцер не стал вдаваться в них по существу, а просто потребовал вотума доверия—не к его управлению вообще, которое еще должно быть обревизовано общим собранием, но как признание несостоятельности обвинений, выставленных Бебелем и Либкнехтом. На это многие делегаты не могли, однако, решиться, не потому, чтобы они вообще отказывали Швейцеру в вотуме доверия, а потому, что они хотели составить себе мнение только по рассмотрении общего состояния Союза. После продолжительных дебатов о порядке дня вотум доверия был принят 42 делегатами, представлявшими 7.400 голосов, тогда как 14 делегатов с 4.635 голосами воздержались от голосования. В большинстве находились Бон-

горст, Эльнер, Фрицше, Газенклевер и Тельке, в меньшинстве—Бракке, Гейб, И. М. Гирш, Перль, Фогель, Йорк.

Голосование было чувствительным ударом для Швейцера, но не предостерегающим уроком. Во второй день совещаний, когда Бебель и Либкнехт больше не присутствовали, Швейцер заявил, что в глазах внешнего мира меньшинство делегатов покинуло его в трудном положении, и потому он предложит членам тех мест, которыми эти делегаты посланы, чтобы они произвели у себя плебисцит для решения вопроса, продолжают ли они дарить его своим доверием, или нет. Делегаты меньшинства ответили на это, —при чем некоторые резко напали на Либкнехта и Бебеля,—что своим воздержанием от голосования они отнюдь не думали выносить вотум недоверия: они только не хотели поддаваться никакому давлению и вообще не считали своей задачей по всякому случаю выбегать на сцену и защищать президента. Из речей их явствовало, что действительное недоверие к Швейцеру питают в худшем случае только несколько делегатов, напр., И. М. Гирш, представлявший тюрингенских членов, и Фогель, взявший, однако, свои предложения обратно, так как они не имели никаких шансов на успех. Однако речи меньшинства показывали, что диктаторское поведение Швейцера подготовило путь для предложений, имевших целью поставить власть президента под более строгий контроль.

Так, общее собрание постановило назначить редакционную комиссию из 3 членов, в качестве апеллиационной инстанции над «Социал-демократом», и предоставить правлению большее поле действий, чем оно когда-либо имело до тех пор в жизни Союза. Число членов правления было уменьшено с 25 до 15, при чем 12, т.е. все, кроме президента, секретаря и кассира, должны были жить в одном, ежегодно меняющемся месте и составить своего рода контрольную комиссию над тремя названными должностными лицами Союза. С этой целью срок, в течение которого президент обязан был, по уставу, испрашивать согласие правления на самостоятельно сделанные им распоряжения, был сокращен с 3 месяцев до 8 дней. Затем правление получило право устранять от их должностей президента, секретаря и кассира «в случаях политической нечестности или грубого нарушения правил о ведении кассы». Подобное устранение нуждалось, однако, в окончательном утверждении экстренным общим собранием или референдумом среди всех членов Союза в течение 14-дневного срока. Все перечисленные правила, поскольку они заключали в себе изменение устава, подлежали утверждению путем референдума среди всех членов союза. Швейцер покорился

этому, а предложение о том, чтобы правлению было предоставлено право временно смещать должностных лиц, исходило даже от него самого. Вряд ли, однако, он сделал это без задних мыслей. Швейцер заявил, что находит правильным создание противовеса обширной власти президента путем внесения в устав статьи, допускающей смещение последнего в случае злоупотреблений, но пока президент находится в должности, его свободная и энергичная деятельность не должна быть стесняема. Таков не был, однако, истинный смысл, который общее собрание связывало с новыми правилами: оно хотело, напротив, прежде всего достигнуть ими более строгого контроля над текущим управлением.

После 5-дневных работ общее собрание довольно мирно закрылось. На место Роллера секретарем был выбран Тельке; как он, так и члены новой редакционной комиссии, Фрицше, Любект и Шуман, принадлежали к самым верным сторонникам Швейцера. Новое правление было на первый год перенесено в Гамбург, где лучшей порукой против всяких неуметных придирок к президенту служили вполне лояльный характер Гейба и, в такой же степени, ясный взгляд на вещи и непреклонно стойкое поведение местных членов Союза, число которых успело уже дойти до 1.300 чел. В споре между Гофштеттенем и Швейцером общее собрание объявило себя некомпетентным, как это обуславливалось самой сущностью дела; однако, когда Фогель попытался поддержать заявление Гофштеттена нападками на Швейцера, которые нельзя было даже назвать непарламентскими по форме, то он был единогласным постановлением делегатов исключен из Союза. Затем даже с Либкнехтом и Бебелем состоялось известное сближение: общее собрание приняло предложение Швейцера о тесном присоединении к Интернационалу, и Швейцер заявил, что не будет нападать на Либкнехта и Бебеля, если только они не будут трогать его. Под соответственным условием прекратил также свои нападки на Швейцера «*Демократический Еженедельник*», так как, — писала газета, — теперь существует основательная надежда, если не на слияние, то на соглашение социал-демократических направлений.

К сожалению, одновременно с этой заметкой «*Демократ. Еженедельника*», в органе Народной партии «*Frankfurter Journal*» появилась корреспонденция, встретившая осуждение со стороны Бебеля, но тем не менее использованная капиталистической печатью для дескредитирования Швейцера. В корреспонденции было сказано, что в ответ на «вполне объективную» обвинительную речь Либкнехта Швейцер не защищался, а просил 4 раза о вотуме доверия,

который и был вынесен ему 6.500 голосами, между тем как 4.500 голосов отказали в подобном вотуме; крайне смущенный Швейцер не сложил с себя, однако, должности, несмотря на свое предшествующее заявление, что он выйдет в отставку, если сколько-нибудь внушительное меньшинство откажет ему в своем доверии. Раздраженный этим новым нападением,—которое фактически объясняется обычной во время войны односторонностью понимания происходящих событий,—Швейцер вернулся к своему прежнему намерению и распорядился, чтобы во всех местах, делегаты которых воздержались в Эльберфельде-Бармене от голосования, был произведен плебисцит по вопросу о доверии. Швейцер получил полное удовлетворение, так как, за исключением Брауншвейга, Вольфенбюттеля и Эйзенаха, члены Союза через головы своих делегатов выразили ему свое доверие, но этот успех был куплен несколько дорогой ценой новых передряг и неудовольствий, которые были неразрывно связаны с ним. В конце концов этот первый порыв бури прошел, не причинив большого вреда; в середине апреля «Демократ. Еженедельник» и «Социал-Демократ» объявили, что достигнуто соглашение, в силу которого война между Всеобщим Германским Рабочим Союзом и Саксонской народной партией прекращается.

Для объединения против общего врага существовал достаточно настоятельный повод. Северо-германский рейхстаг обсуждал весной этого года новый Устав о Промышленности, при чем парламентские представители буржуазии справляли настоящие оргии. То была удивительная компания: остряк Браун, который отделялся от рабочего вопроса шуточками рейнского трактирного завсегдатая; добродетельный Ласкер, который на своем ужасном немецком языке разыгрывал из себя нравственного проповедника для всего мира, но в особенности для пролетариата; жадный до прибыли Штумп, съедавший социал-демократию за завтраком, не подозревая, какую болезненную и неизлечимую тяжесть в желудке он себе наживает этим на ближайшие 30 лет, и т. д. Даже Микель, наиболее толковая голова во всей этой компании, проделавший превращение из коммуниста и организатора крестьянских восстаний в прихлебателя у учредительских мясных горшков Учетного Банка,—даже Микель не нашел другого способа побить мнимого друга рабочих Вагенера, как повторяя аргументы «Коммунистического Манифеста» против феодального социализма, с предусмотрительной оговоркой, что он нашел эти превосходные мысли у «одного английского писателя».

Швейцер заблаговременно приготовился, чтобы нарушить этот приятный капиталистический хмель. Уже во время

общих дебатов он произнес отличную речь, в которой выяснил общие стороны современной системы наемного труда, следуя при этом, по собственному указанию, «Камиталу» Маркса. При обсуждении проекта по статьям он внес значительное число поправок, которые подобно его прежнему законопроект о охране труда примыкали к английскому фабричному законодательству, но опять-таки держались во вполне скромных границах. Он требовал по части воскресной и ночной работы, женского и детского труда, нормального рабочего дня, не более того, что могла дать буржуазия в своем собственном, правильно понятом интересе. Если она в своем традиционном ослеплении отклонила тем не менее эти требования, то политическая экономия рабочего класса и интеллектуально, и морально выступала в тем более блестящем свете при сравнении с политической экономией буржуазного класса. Рука об руку со Швейцером эту борьбу вели Фрицше, Газенклевер и Бебель, который со своим подкупающим красноречием метко побивал Штумма и его присных.

Практического успеха пролетарская оппозиция не имела почти никакого; незначительным большинством было принято только предложение Бебеля об отмене обязательности рабочих книжек. С великим трудом удалось перенести в новый Устав о Промышленности скудные предписания прусского законодательства о детском труде и системе выдачи заработной платы не деньгами, а товарами (так наз. *trucks*). Но рейхстаг упрямо отклонил назначение фабричных инспекторов, которые, быть может, сумели бы даже из этих жалких зачатков развить кое-какую законодательную охрану труда. Тщетно Швейцер предлагал ввести институт фабричных инспекторов, назначаемых правительством, но утверждаемых рейхстагом. Только консерваторы обнаружили весьма действительный интерес к этому основному требованию действительного законодательства о защите труда. Напротив, прогрессистская партия ратовала против него устами апостолов бережливости Шульца и апостола гармонии Макса Гирша, а национал-либеральный остряк Браун заявил, что ему в своей жизни часто приходилось работать более 15-ти часов в день и он не умер от этого; гарантия неприкосновенности жилища должна быть не ослаблена, а усилена против вмешательства полиции; никто не будет огражден ночью в своей постели от вторжения фабричных инспекторов, ибо им достаточно будет объявить при своем вторжении в квартиру, что они думали найти здесь промышленное предприятие; из официального фабричного надзора возникнет испанская Германдада, своего рода тайное судилище. Эту ужасающую галиматью «представители собственности и

образования» приветствовали оживленными одобрениями, и это—целое поколение спустя после введения в Англии института фабричных инспекторов, о деятельности которого давным давно имелаась богатая литература. Подчас не веришь своим глазам, когда читаешь в тогдашних парламентских отчетах, с каким пренебрежительным высокомерием—от которого их, впрочем, с тех пор основательно отучили—представители капитализма пробовали отделаться от самых скромных требований рабочего класса.

С совершенно иной, конечно, точки зрения относил я отрицательно к «парламентничанью» Швейцера Либкнехт. Он видел в нем пожертвование принципом, принижение серьезной политической борьбы до степени парламентского жонглерства; в предложении Швейцера о назначении фабричных инспекторов он подозревал намерение отдать рабочее движение в руки Бисмарка. 31 мая Либкнехт говорил в публичном собрании Демократического Рабочего Ферейна о политическом положении социал-демократии, особенно—по отношению к рейхстагу. Демократический Рабочий Ферейн имел лишь немногих приверженцев среди берлинских рабочих, зато между его членами были сравнительно сильно представлены молодые литераторы и купцы, как Адольф Гепнер, Карл Гирш, Пауль Зингер и другие; сторонники Швейцера издевались над этой немногочисленной, но деятельной и неудобной оппозицией, среди которой преобладал еврейский элемент, обзывая ее «интеллигентами» и «Mühlendammer». Отвергая «парламентничанье», как плод «близорукости или предательства», Либкнехт объявил социализм вопросом силы, разрешаемым не в парламенте, а на улице, на поле битвы. Он высказался за вступление социал-демократии в более тесную связь с буржуазной демократией, как она представлена в лице Якоби. По мнению оратора, огромное большинство рабочих потому относится равнодушно к социал-демократии, что она ведет пока только классовую борьбу против буржуазии, а не становится в авангарде политической борьбы, что реакция эксплуатирует «национал-либеральный социализм», бессмысленность которого вытекает уже из того, что он политически наигрывает на той же струнке, как и национал-либеральная буржуазия, социальное господство которой хочет сломить.

Либкнехт издевался впоследствии над «неправимыми младенцами», любившими цитировать против него эту речь, так как с изменением условий изменился также его взгляд на политическую позицию социал-демократии. Для исторического суждения, бесспорно, важно лишь одно: отвечала ли тактика Либкнехта обстоятельствам, при которых он ее рекомендовал, или нет? На этот вопрос приходится дать

безусловно отрицательный ответ. «Парламентничанье», в том виде, как им занимался Швейцер и вместе с ним Бебель, было рекомендовано женеvским конгрессом Интернационала и даже в самом «*Демократ. Еженедедьнике*» Энгельсом. В своей рецензии на «*Капитал*» Маркса Энгельс писал: «Ближайшему северо-германскому рейхстагу придется также обсуждать Устав о Промышленности, следовательно—регламентацию фабричного труда. Мы надеемся, что ни один из депутатов, которых провели в рейхстаг немецкие рабочие, не приступит к обсуждению этого закона, не познакомившись предварительно как следует с книгой Маркса. Там нужно многое провести... Четыре или пять представителей пролетариата являются уже при таких обстоятельствах силой, если они умеют использовать свое положение, если они знают, прежде всего, о чем идет вопрос,—чего буржеры не знают». Но именно так, с первым томом «*Капитала*» в руках, занимался своим «парламентничаньем» Швейцер.

Но и в «авангарде политической борьбы» «*Социал-демократ*» шел по меньшей мере столь же решительно, как «*Будущность*». Вся разница, существовавшая между обеими газетами в вопросах политической оппозиции, сводилась к тому, что Швейцер относился к партикуляристской демократии более отрицательно, чем Гвидо Вейс. Однако даже эта разница не была особенно велика, так как Гвидо Вейс слишком хорошо знал германские условия, чтобы надеяться на разрушение Северо-германского Союза семью пшвабами из Немецкой народной партии. В прочих отношениях Швейцер шел в «авангарде политической борьбы» даже гораздо решительнее, чем Иоганн Якоби. Когда Либкнехт напечатал свою речь в «*Демократ. Еженедедьнике*», то Лео Франкель послал ему из Парижа открытое письмо, где самым решительным образом заступился за Швейцера. Со стороны Швейцера было, несомненно, грубой ошибкой видеть в Либкнехте и Гебеле людей, которых водит за нос чисто политическая буржуазная партия, но непрекращавшиеся нападки Либкнехта должны были укрепить его в этом роковом заблуждении.

Справедливость требует признания этого факта, хотя мы не думаем оправдывать им дальнейшее поведение Швейцера. К ограничению своей диктатуры Швейцер относился как к нестерпимому гнету и, видя в нем результат тайного заговора, он не останавливался ни пред какими средствами, лишь бы так или иначе избавиться от этого ограничения. Обстоятельства складывались для него довольно благоприятно. Референдум по поводу изменения устава натолкнулся на значительное равнодушие членов; едва 50 мест сочли вообще стоящим делом производить голосование. Постаново-

вления общего собрания были, правда, утверждены преобладающим большинством, но не без энергичных возражений со стороны таких крупных секций Союза в Рейнской провинции, как Бармен, Эльберфельд, Дюссельдорф. Когда Швейцер поехал в Гамбург, чтобы устроить там новое правление, то его встретило здесь с шумным ликованием старое, испытанное войско Союза; такой же восторженный прием выпал на его долю в Ганновере, где Союз достиг высокого процветания и насчитывал уже в своих рядах тысячу платящих членов. В том же месяце мае, когда Либкнехт осуждал пред какими-нибудь 60 членами Демократического Рабочего Ферейна «парламентничанье» Швейцера, 6 тысяч берлинских рабочих выражали в Альгамбре бурное одобрение этому самому «парламентничанью», и «Социал-демократ» мог закончить свой отчет об этом внушительном массовом собрании гордыми словами: «Берлин принадлежит нам!». Крупные стачки берлинских строительных рабочих, искусно и энергично руководимые Любкертом, внесли пролетарскую классовую борьбу в те, все еще широкие слои берлинской рабочей массы, которые не были раньше затронуты политическим движением. И вот Швейцер созвал на 22 мая в Кассель общее собрание Союза профессиональных рабочих союзов (Arbeiterchaftsverband), чтобы произвести смотр войску, которое отныне получило возможность пользоваться оружием свободы коалиций.

Правда, северо-германский Промышленный Устав намеренно сделал немало зазубрин в этом оружии. Враждебное отношение северо-германского рейхстага к рабочим прорывалось даже там, где дело шло о простых логических выводах из фритредерского учения, раз эти выводы могли принести пользу рабочим. Немецкий либерализм был уже сам по себе настолько робок, что даже свободу передвижения и свободу промысла он осмелился принять лишь в пределах, угодных бюрократии; главный источник полицейских приликов, бюрократическую систему разрешений (концессий) на занятие известными промыслами, он спокойно оставил существовать попрежнему. Тем больше он старался исказить право коалиций в таком направлении, чтобы, по выражению Ласкера, «могущественная и энергичная полиция» могла сдерживать всякое стачечное движение в границах законности, другими словами—в границах, удобных господствующим классам. Рейхстаг не только отказал в праве коалиций сельско-хозяйственным рабочим, но и внес особый карательный параграф, который должен был подавить «терроризм» бастующих рабочих и который был выражен в достаточно растяжимой форме, чтобы при небольшой затратае злой воли—а в ней никогда не бывает недостатка у поли-

ции — парализовать всякое пролетарское движение за улучшение условий найма. К этой *privilegium odiosum* сознательных рабочих северо-германский рейхстаг прибавил выгодную привилегию для штрейкбрехеров: нарушение условий, заключенных на основе права коалиций, не давало основания ни для иска, ни для защиты против иска.

Тем не менее, известная доля свободы коалиций была спасена, и потому на общем собрании швейцеровского Союза рабочих союзов в Касселе господствовало боевое и победное настроение. Присутствовали 100 делегатов, представлявшие 220 мест с 35.232 членами Союза; всего в последнем считалось 50.000 членов, делающих взносы. Сильнее всего были представлены в Касселе сигарники (10.000 членов), плотники (5.585), каменщики (3.955), ручные и фабричные рабочие (3.666), рабочие по металлу (3.291), рабочие по дереву (2.137), сапожники (1.808), мануфактурные рабочие (1.742), горные и горнозаводские рабочие (1.558), портные (671); другие рабочие союзы, как, напр., пекари, переплетчики, маляры и лакировщики, не вышли еще из первых стадий развития. Общее собрание занималось, главным образом, агитационными и организационными вопросами. В президиум вступил, кроме Швейцера и Фрицше, еще Любкерт, на место Клейна, не имевшего возможности переехать в Берлин. Члены президиума не получали никакого жалованья, как таковые, но около этого времени специальная комиссия, назначенная общим собранием в Эльберфельде-Бармене, ассигновала 45 талеров месячного содержания Швейцеру, как президенту Всеобщего Германского Рабочего Союза. Повидимому, назначение жалованья президенту было задумано также в видах ограничения его диктатуры; во всяком случае Швейцер воспротивился решению комиссии: он убавил назначенные ему 45 талеров до 25-ти, а фактически не брал даже этой суммы. Впрочем, в Касселе почти не было заметно того недовольного настроения, которое господствовало среди части делегатов в Эльберфельде-Бармене. Вотум доверия к Швейцеру был предложен одним тюрингенским делегатом и принят всеми голосами против шести. В общем 5-дневные работы съезда явились торжеством для Швейцера, обнаружившего, повидимому, в области профессионального объединения рабочих такой же организаторский талант, как в политической области.

Ко всему этому он сумел благоприятно настроить в свою пользу приверженцев графини Гацфельдт. Менде, функционировавший теперь в качестве президента Лассалевского Всеобщего Германского Рабочего Союза, был арестован в Мюнхене-Гладбахе, якобы как зачинщик драки, которую в действительности вызвала сама полиция, распустив незакон-

но одно рабочее собрание. Однако рейхстаг, по предложению Швейцера, отказался дать требуемое конституцией согласие на арест Менде; таким образом, был сделан шаг к установлению дружественных отношений между обеими социал-демократическими фракциями, ссылавшимися на имя Лассалья. Вскоре после этого Либкнехт произнес в Демократическом Рабочем Ферейне речь, которая должна была возбудить в Швейцере представление, что с этим противником никакое прочное соглашение невозможно. С другой стороны, Бебель предпринял агитационную поездку по тюрингенским округам и говорил здесь с большим успехом в Гере, Песнеке, Апольде, Иене, Веймаре, Готе и Эрфурте. В своих речах Бебель воздерживался от всяких нападок на Швейцера и отстаивал только необходимость объединения всех социал-демократических фракций, встретив при этом живое сочувствие со стороны тюрингенских членов Всеобщего Германского Рабочего Союза. В большинстве собраний были приняты соответственные резолюции; кое-где, впрочем, было прибавлено пожелание, чтобы социал-демократические фракции объединились с буржуазной демократией. Швейцер продолжал, однако, стоять на той точке зрения, что с подобными объединительными предложениями можно обращаться только к нему, как к выборному представителю Всеобщего Германского Рабочего Союза; в тюрингенской агитации Бебеля он усмотрел «нарушение договора» и счел момент достаточно благоприятным для боевого выступления.

18 июня «Социал-демократ» в Берлине и «Свободная Газета» («*Freie Zeitung*»), орган графини Гацфельдт, в Лейпциге обнародовали напыщенное воззвание Менде и Швейцера, где «верховному народу» предлагалось «восстановить единство лассальянской партии», и притом на следующих основаниях. Оба разъединенных до тех пор союза должны быть распущены своими президентами 24 июня, и в тот же день необходимо основать новый общий союз со старым уставом 23 мая 1863 г. Затем президент этого союза должен быть тотчас же выбран путем общей подачи голосов во всех членских кружках, и результат выборов объявлен 3 июля. Таким же образом должно последовать избрание нового правления, которое функционировало бы до ближайшего общего собрания, и, наконец, на Менде возлагается временное руководство новым общим Союзом в течение времени с 24 июня до 3 июля. Эти предложения были сообщены Швейцером и Менде членам обоих союзов с тем, чтобы они ответили на них путем «да» или «нет» до 22 июня включительно.

Это был настоящий coup d'État со стороны Швейцера, для которого отныне его диктатура перестала быть только

средством к цели, а превратилась в самоцель. Союз графини Гацфельдт страдал неизлечимой чахоткой. Признаки жизни, какие он еще подавал, были лишь судорожными движениями умирающей секты; такой же характер носили его ярое противодействие профессиональной организации и насильническая грубость, с которою он сорвал в марте собрание Саксонской народной партии в Гогенштейн-Эрнстале, разстроив вследствие этого также проектированный общий конгресс саксонских рабочих. Швейцер, годом раньше грозивший свей отставкой, если гамбургское общее собрание не разрешит ему организации профессиональных рабочих союзов, вступил теперь в союз с заклятыми противниками этой организации; в то время, как сам он отказался требовать какой-либо уступки более высокому развитию руководимого им союза, он сделал сектантскому лассальянству другого союза ту важную уступку, что восстановил старый устав Лассалья. Предмет его стремлений был, таким образом, совершенно ясен: Швейцер стремился к возобновлению своей неограниченной диктатуры. Что такова была тайная цель Швейцера, явствовало, между прочим, из поставленного им требования, чтобы «верховный народ» в течение трех дней целиком принял или отклонил его предложение. Правда, Швейцер ссылался на необходимость спешить, иначе полиция может закрыть оба союза на том основании, что они вступили в сношение друг с другом, но он сам же и создал это формальное затруднение своим образом действий. Расчет Швейцера был основан на том, что всем дельным рабочим надоели междупартийные раздоры и что, проникнутые искренним и настоятельным стремлением к единству, они постараются побороть свои сомнения; расчет этот в общем не обманул Швейцера.

Предложения его были приняты в обоих союзах подавляющим большинством путем плебисцита. Новое правление в Гамбурге поставило только два условия: во-первых, графиня Гацфельдт не должна войти в объединенный союз; во-вторых, Швейцер должен обязаться, что на первом общем собрании нового союза он будет добиваться восстановления резолюций, принятых в Эльберфельде-Вармене. Когда Тельке, приехавший лично в Гамбург, по поручению Швейцера принял оба предложения, то правление дало свое согласие и, таким образом, само распустило себя. Открыто протестовали сначала лишь некоторые члены в Брауншвейге, Целле, Гарбурге, Магдебурге, Эрфурте, Готе, Франкфурте, в том числе — Бракке, Йорк, Бонгорст, Эльнер. В возмущении от 22 июня они предложили созвать общий конгресс всех социал-демократических рабочих Германии, чтобы создать действительно демократическую организацию. Произве-

денный Швейцером переворот, говорилось здесь, есть буквально нападение врасплох; подозрение, что Швейцер злоупотребляет Союзом для удовлетворения своего личного честолюбия, что он хочет принизить его до степени орудия в руках реакционной и враждебной рабочим политики,—это подозрение составляет отныне бесспорный факт. Днем позже, 23 июня, Бебель и Либкнехт, в ответ на публичный упрек Швейцера, что своей тюрингенской агитацией они совершили «нарушение договора», заявили: они принимают вызов; будущее покажет кто одержит в конце концов победу: «продажность, низость и развращенность на той стороне, или чистота побуждений и честность на нашей стороне». Затем Швейцер нарушил слово, данное через Тельке: он напечатал в «Социал-демократе», что нет надобности исключать графиню Гацфельдт из объединения, и нет также основания менять устав 1863 г.; тогда ему объявили разрыв 10 членов в Гамбурге, и во главе их — Гейб и другие члены прежнего правления.

Все эти заявления сопровождалось ожесточенной канонадой между «Демократ. Еженедельником» и «Социал-демократом». Как это всегда бывает в подобных случаях, и тут и там было не мало согрешено. Одна сторона изображала Швейцера, как наемника Бисмарка, а Тельке, как страшного преступника, лишённого даже почетных гражданских прав, другая обвиняла Либкнехта в тайном союзе с буржуазией, а Бебеля—в том, что он состоит на жалованье у экс-короля Ганноверского. Буржуазия была, конечно, в восторге от подобных взаимных обвинений, при чем она опять благополучно проглядела крупный шаг вперед, сделанный немецким рабочим движением во время этого тяжелого кризиса. 17 июня «Демократический Еженедельник» напечатал воззвание к «немецким социал-демократам», где на 7-е, 8-е и 9-е августа созывался в Эйзенах «общенемецкий социал-демократический рабочий конгресс». Воззвание подписали 63 бывших члена Всеобщего Германского Рабочего Союза, 3 бывших приверженца графини Гацфельдт, Комитет австрийских рабочих, Центральный Комитет немецких рабочих ферейнов в Швейцарии, немецкая секция Интернационала в Женеве, Немецкий республиканский ферейн в Цюрихе и, наконец, Федерация немецких рабочих ферейнов, за которую подписалось около 100 членов, в том числе Бебель, Либкнехт, Вальтейх, Мецнер, Гуго, Гильман, Моттелер, Штолле, Габриель Левенштейн, Карл Гирш, И. М. Гирш, Гепнер, Фогель и Вильгельм Эйхгоф.

Когда это воззвание было опубликовано, для всех уже было ясно, что масса Всеобщего Германского Рабочего Союза останется верной новоизбранному своему президенту

Швейцери и, следовательно, эйзенахский конгресс сделает раскол в среде германской социал-демократии до известной степени бесповоротным фактом. В этой мере злорадство буржуазии могло, пожалуй, иметь известный смысл. Но в общем положение дела было совершенно иное. Пока продолжали существовать реальные причины, раздроблявшие немецкий пролетариат, до тех пор отдельную организацию обоих направлений следовало предпочесть всем объединительным попыткам, ибо последние должны были постоянно разбиваться об упомянутые причины и каждый раз вызывать опять озлобление. Предпочтительнее этой хронической, изнуряющей лихорадки была открытая война, которая при всех своих невыгодах имела также крупные удобства: она выгоняла наружу действительно существующие противоречия, она давала им в известном смысле самую сжатую и краткую формулировку, она сообщала могучий толчок пропаганде и создавала две сильные организации, которые могли заключить мир тотчас после того, как историческое развитие устранит действительные препятствия к объединению,—мир, где не будет ни победителей, ни побежденных.

Война началась уже на эйзенахском конгрессе. Швейцер решил послать на него представителей, в надежде задуть новую организацию еще в зародыше или, по крайней мере, сразу же поставить ее в тени, показав во внушительной форме свою силу. Так как самому ему приходилось еще в течение двух месяцев отбывать тюремное заключение, то на конгресс явился Тельке во главе 110 делегатов, представлявших 102 тысячи рабочих; расходы по делегации были покрыты пополам из касс Всеобщего Германского Рабочего Союза и швейцеровского Союза профессиональных рабочих союзов (*Arbeiterschaftsverband*). Но с противной стороны явились 262 делегата, за которыми стояли 140 тыс. рабочих. Первым делом посыпались взаимные обвинения в недобросовестном преувеличении числа полномочий, при чем обе стороны были одинаково неправы или, в известном смысле, одинаково правы. Так как весь кризис вызвал сильное движение среди немецкого рабочего мира, и полномочия были даны большей частью массовыми собраниями, то цифры сами по себе могли быть довольно верными, но если они не были недобросовестным преувеличением, то они все-таки не представляли собою надежного масштаба для измерения силы спорящих сторон. Швейцер далеко еще не собрал в профессиональной и политической организации 102 тыс. человек; точно так же в новую организацию, основанную в Эйзенахе, не вступили еще 140 тыс. членов.

Прежде всего австрийские и швейцарские вспомогательные отряды были чисто декоративные. Швейцер оказался

правым в своем утверждении, что организационная связь между германскими и австрийскими рабочими является иллюзией; она не была иллюзией только в том печальном смысле, что участие австрийских рабочих в эйзенахском конгрессе послужило для австрийской реакции предлогом к злобным преследованиям против молодого рабочего движения на Дунае, которое вследствие этого завяло так же быстро, как оно расцвело. В действительности новая организация состояла из двух элементов: из федерации немецких рабочих ферейнов и из отколовшихся членов Всеобщего Германского Рабочего Союза. Как велико было число последних, нельзя с точностью установить: Тельке определял его в 300, Либкнехт в 5.000 чел., истина же лежала, вероятно, не по середине, а довольно близко к расчету Тельке и далеко от исчисления Либкнехта. Вряд ли их была даже тысяча человек, но среди них находилось сравнительно много сил, отлично испытанных и вышколенных в организованной классовой борьбе. Затем в федерацию немецких рабочих ферейнов входили 10.000 членов, которые согласно списку, составленному в то время Бебелем, были организованы в 58 местах Саксонии, 25 местах Вюртемберга, в некоторых местах Бадена, Гессени и Баварии; сюда присоединялись еще отдельные слабые ветви в Берлине и на Рейне.

После бурного заседания, на котором выяснилась невозможность совместной работы, каждое из двух направлений устроило в Эйзенахе свой особый конгресс, имевший, конечно, для делегатов Всеобщего Германского Рабочего Союза только значение демонстрации. Напротив, другая сторона конституировалась в «Социал-демократическую Рабочую Партию», в существенных чертах по плану, уже задолго до этого подготовленному Бебелем для переустройства руководимой им федерации. В основу принципиальной части эйзенахской программы легли положения нюрнбергской, а в основу ее «ближайших требований» — положения хемницкой программы. При этом тотчас же обнаружилось, что принципиальных разногласий между эйзенахцами и лассальянцами, как отныне стали называть друг друга враждебные фракции (о более невежливых боевых кличках мы не упоминаем), в сущности нет. Если Либкнехт в праве был сказать, что эйзенахская программа содержит последние логические выводы коммунизма, то Тельке с таким же правом говорил, что в сущности эйзенахская программа совпадает с лассалевской. В ней не было ни одного пункта, который не отстаивался бы в течение пяти лет «Социал-демократом». Мало того, действительно спорный пункт лассалевской программы получил в эйзенахской еще более спорную формули-

ровку: по предложению Карла Гирша, в число «ближайших требований», которые все могут быть достигнуты уже на почве буржуазного общества, были включены поощрение кооперативного дела государством и государственный кредит для свободных производительных товариществ при демократической гарантии. Таким образом, революционный смысл лассалевских производительных ассоциаций при содействии государственного кредита, столько раз выдвигавшийся Швейцером, был снова затемнен.

Более существенны были различия в организации. Бебель сам был слишком хорошим организатором, чтобы не оценить преимуществ лассалевской организации, но так как нужно было избежать диктатуры и, сверх того, по возможности отнять у полиции всякий повод к придирам, то он был связан в своих действиях. Руководство партией было возложено на комитет из 5 членов, над которым стояла контрольная комиссия из 11 членов; оба органа должны были выбираться членами партии в тех городах, которые конгресс партии избрет местом их пребывания. Они являлись также высшей инстанцией для партийной газеты, но сами были подчинены конгрессу партии, который должен был собираться не менее одного раза в год. На конгрессе каждый делегат имел один голос, но члены партии в каждом месте не в праве были посылать больше 5 делегатов. Взнос в пользу партии выражался в том, что каждый член партии должен был либо вносить в комитет по 1 грошену в месяц, либо подписаться на орган партии. На членах партии каждого места лежала обязанность основывать социал-демократические рабочие фрейны на основе партийной программы, при чем фрейны должны были платить для общих агитационных целей по 1 грошену с человека, входящего в их состав. Органом партии был выбран «*Демократич. Еженедельник*», который должен был выходить с 1 октября дважды в неделю, называться впредь «*Volksstaat*» («Народоправство») и принадлежать партии. Центральным пунктом партии был назначен Эйзенах, местопребыванием комитета — Брауншвейг-Вольфенбюттель, контрольной комиссии — Вена. Ясно, что эта организация была гораздо демократичнее, но зато и гораздо слабее и более хрупка, нежели организация Лассалья.

По вопросу о положении, которое следует занять относительно Интернационала, эйзенахский конгресс мог принять лишь такое же решение, какое было принято уже общими собраниями в Гамбурге и Эльберфельде-Бармене. Бебель и высказал теперь то, на что так часто напирал Швейцер: «Социал-демократическая партия должна прежде всего сформироваться сама в Германии, так как рядом с между-

народной необходима и национальная организация, и первая без второй была бы только призраком». Правда, эйзенахский конгресс рекомендовал членам партии вступать в Интернационал в качестве отдельных лиц, но это постановление должно было сделать и без того тяжеловесную организацию еще более тяжеловесной, если бы оно не осталось только на бумаге. Конгресс рекомендовал также международную организацию профессиональным рабочим союзам, образовавшимся на основании устава Бебеля, и они стали отныне называться международными профессиональными товариществами (Internationale Gewerksgenossenschaften). Их было пока немного: переплетчики организовались в Лейпциге, горные и горнозаводские рабочие—в Цвиккау, «мануфактурные, фабричные и ручные рабочие»—в Криммичау; рабочие по металлу взяли теперь за дело своей профессиональной организации в Нюрнберге, каменщики и плотники—в Дрездене, сапожники—в Лейпциге. Эти союзы были еще слабы; «мануфактурные, фабричные и ручные рабочие», устроившие в Троицын день свой первый конгресс в Лейпциге, считали всего около 3.000 членов, а между тем они под искусным руководством Моттелера развились еще сравнительно сильнее других.

Когда эйзенахский конгресс закончил свои заседания, федерация немецких рабочих ферейнов собралась на свой последний съезд. Основанная шестью годами раньше, как оплот буржуазии против поднимавшихся еще только волн пролетарского движения, она теперь была уже затоплена и подмыта нарастающим приливом. Она растворилась в Социал-демократической рабочей партии.

3. Первые раздоры между фракциями.

Если уже при составлении эйзенахской программы обнаружилось, что среди сознательного пролетариата Германии нет никакого принципиального разномыслия, то борьба ближайших месяцев начала устранять и практические препятствия для объединения. Она разбила диктатуру, тяготевшую над лассальянцами, и разорвала узы, связывавшие эйзенахцев с Немецкой народной партией.

На первых порах дела приняла благоприятный для Швейцера оборот. Четвертый конгресс Интернационала, заседавший с 5-го до 12-го сентября в Базеле, посвятил главное свое внимание обсуждению аграрного вопроса. Правда, уже годом раньше, на брюссельском конгрессе, вопрос был решен в смысле научного коммунизма, но против этого решения голосовало значительное меньшинство французских

делегатов, и чтобы скорпчательно выяснить дело, генеральный совет поставил его на первом месте в программе занятий для конгресса в Базеле. На конгрессе этом присутствовали 78 делегатов, из которых Францией была прислана ровно треть, в том числе Варлен, впоследствии благородный мученик Коммуны. Генеральный совет прислал Аппльгарта, Локрафта, Коуэлла Степнея, Эккариуса, Юнга и Лесснера; из немцев присутствовали, кроме Либкнехта, представлявшего эйзенахцев, Моисей Гесс, Риттинггаузен, учитель Шпир из Вольфенбюттеля и профессор Янваш из Магдебурга; из швейцарцев явился Иоганн-Филипп Беккер, Бюркли и Грейлих, а как представитель неаполитанцев прибыл Бакунин. Собрание было весьма внушительное, и по главному вопросу оно вынесло такое же решение, какое было принято в Брюсселе. Конгресс объявил 54 голосами, что общество *в праве* обратить землю в коллективную собственность, и 53 голосами, что это превращение *необходимо* в интересах общества. Меньшинство почти все воздержалось от голосования: против второй резолюции подали голос только 8 делегатов, против первой—только 4 французских делегата. Но если воззрение научного коммунизма одержало, таким образом, верх над мелко-буржуазными иллюзиями прудонизма, то битва возгорелась еще раз при вопросе о праве наследования, занимавшем второе место в программе занятий. Эккариус защищал логическое воззрение Генерального совета, по которому наследственное право, будучи неразрывно связано с частной собственностью, держится и падает вместе с нею. Между тем Бакунин смешивал идеологическую надстройку с экономическим фундаментом и хотел устранить право наследования по соображениям справедливости; как самостоятельный источник перзвенства. Ни одно из обоих воззрений не привлекло на свою сторону большинства, и вопрос остался открытым.

Базельские резолюции относительно земельной собственности вызвали всеобщее возбуждение среди немецкой буржуазии. Их осудили, как легкомысленные, недостойные и беспутные, не только «мужи науки» вроде Адольфа Вагнера: храбрые воины Германской народной партии также исчерпали весь лексикон ругательств по поводу «властелюбивой банды» Интернационала. Швейцер, только что выпущенный из тюрьмы, мог с чувством удовлетворения сказать рабочим: стоит Интернационалу недвусмысленно выступить в защиту социалистической точки зрения, и буржуазная оппозиция обрушивается на него с такими же клеветами, как на лассалевскую агитацию. Относительно общей собственности на землю Швейцеру не было надобности терять много слов, так как он давно с исчерпывающей ясностью разобрал этот вопрос в «Социал-демократе». Но о праве наследования

он написал теперь две превосходные статьи, дающие замечательное свидетельство того, в каком совершенстве Швейцер овладел научным коммунизмом. Его воззрение совпало до мелочей с докладом о наследственном праве, представленным базельскому конгрессу Генеральным советом. По доклад этот появился только в октябрьской книжке «*Vorbote*», тогда как Швейцер напечатал свои статьи в номерах «*Социал-демократа*» от 17-го и 19-го сентября на основании первых беглых газетных отчетов о заседаниях базельского конгресса. Швейцер подробно развил в них мысль, что в капиталистическом обществе упразднение права наследования является утопическим требованием, а в социалистическом — излишним, но для диктатуры пролетариата в переходный период от капиталистического общества к социалистическому оно имеет большое практическое значение.

Швейцер не задумался, конечно, использовать свое преимущество. Он мог и ныне сослаться на то, что Всеобщий Германский Рабочий Союз представляет собою рабочую партию, не только наиболее сплоченную в организационном отношении, но и самую передовую в смысле принципов. С Интернационалом он старался попрежнему ладить и признал значение базельских резолюций, хотя и писал, что на международных конгрессах «полусоциализм» задает «не мало хлопот школе Карла Маркса». Тем резче были его отзывы о Социал-демократической Рабочей Партии, не осмеливающейся выступить в пользу базельских резолюций: бывшие лассальянцы, входящие в брауншвейгский комитет, — писал он, — настоящие соломенные куклы, они не смеют шикнуть против буржуа из Народной партии.

В действительности брауншвейгский комитет, к которому принадлежали Бракке, Бонгорст и Шпир, хотел выступить с официальным заявлением в пользу базельских резолюций, но он натолкнулся на сопротивление Либкнехта. Уже в Базеле Либкнехт выставил практические соображения против того, чтобы делать коллективную земельную собственность предметом программной резолюции, хотя сам он был решительным сторонником этого логического вывода из научного коммунизма. Он писал брауншвейгскому комитету, что не хочет вступать теперь преждевременно в драку с Немецкой народной партией, и считал достаточным, если орган партии не отвергает базельских постановлений. На вопрос, какое положение занимает Социал-демократическая Рабочая Партия относительно этих резолюций, «*Демократич. Ежедневник*» ответил в последнем своем номере: «Никакого. Каждый член партии может и должен занять известное положение, партия же, как таковая, не должна этого делать, тем более, что она ни в каком отношении не связана резолюциями, как не связана

ими и сама Международная Ассоциация Рабочих». Однако, против этого взгляда можно было спорить с самых различных точек зрения, и среди них не последнее место занимала тактическая точка зрения, имевшая решающее значение для Либкнехта. Швейцер стал теперь говорить, что эйзенахцы не имеют смелости объявить себя сторонниками основного положения научного коммунизма, обобществления средств производства; с другой стороны, Немецкая народная партия требовала прямого отречения от базельских резолюций.

Таким образом, дело все же дошло до разрыва, которого Либкнехт хотел до поры, до времени избежать. Отдельные вожди Народной партии еще участвовали в эйзенахском съезде; среди них был, напр., Зоннеман, безуспешно пытавшийся несколько лет тому назад оспаривать этот факт, так как его присутствие было документально установлено. Трудно предположить, чтобы такие хорошие знатоки капиталистического способа производства, как он и ему подобные, находились в столь полном заблуждении относительно принципиального значения нюрнбергской и эйзенахской программы; вероятно, они хотели остаться участниками в игре, чтобы в последнюю еще минуту попробовать, нельзя ли все-таки удержать под своим влиянием рабочих. Скорее уже можно сделать предположение в пользу швабских мелких буржуа, что они просто не поняли настоящего смысла резолюций, принятых в Нюрнберге и Эйзенахе; теперь, когда базельские резолюции показали им дело в неожиданном свете, они заметались, словно укушенные тарантулом. В особенности они прилагали все усилия к тому, чтобы от Социал-демократической Рабочей Партии откололись южно-немецкие члены; они спекулировали, и не без успеха, на остатки партикуляристского духа, особенно среди швабских рабочих. Федерация вюртембергских рабочих ферейнов не закрылась, несмотря на свое присоединение к эйзенахцам, и ее секретарь Броннемайер, искони являвшийся душой федерации, вы казался в «*Штутг. Наблюдателе*» (*Stuttgarter Beobachter*) весьма недоверчиво по отношению к диктатуре Маркса, которую усмотрел в совершенно невинном постановлении базельского конгресса, что Генеральный совет Интернационала должен в случае надобности служить посредником для установления международной связи между профессиональными рабочими союзами.

Но Вебель быстро и искусно распустил махинации деятелей Народной партии. Он предпринял с 5 до 30 ноября агитационную поездку по южной Германии: посетив Кобург, Бамберг, Эрланген, Фюрт, Нюрнберг, Регенсбург, Аугсбург, Мюнхен и ряд вюртембергских городов, он вполне просветил южно-германских рабочих. Швабская федерация рабочих

Ферейнов отказалась от дальнейшего самостоятельного существования, и полный разрыв с Народной партией произошел бы уже в Штутгарте, где Бебель говорил в большом зале Liederhalle, если бы не примирительное вмешательство редактора «Штутгартского Наблюдателя». Но затем сам «Штутг. Наблюдатель» напечатал три длинных статьи против Бебеля, которые по своему изумительному невежеству в социальных вопросах стояли, если это возможно, еще ниже мудрости Шульце-Делича; статьи принадлежали перу Юлия Фреезе, пруссофоба из Народной партии, ставшего вскоре после того габсбургской рептилией. Бебель ответил в «Народоправстве» рядом статей, изданных затем отдельно под общим заглавием: «Наши цели». Это был его литературный первенец; живо и энергично написанный памфлет Бебеля более чем в одном месте свидетельствовал о прилежном изучении «Капитала» Маркса, но в существенных частях своих он все-таки опирался на агитационные работы Лассалья. Теперь и Либкнехт отрекся от Народной партии; 13 января 1870 г. он чрезвычайно метко охарактеризовал ее пред лейпцигскими рабочими в следующих выражениях: «Это партия, возникшая благодаря случаю; совершенно бессильная, она никогда не сможет разбить Северный союз. Она умеет шуметь, больше ничего. В северной Германии, экономически более развитой, чем южная Германия, она состоит из каких-нибудь двух, трех имен. Только в южной Германии, да и то в одной Швабии, она имеет за собою массы, но там она представляет собою мешанину самых разношерстных элементов, объединяемых в данную минуту борьбою против пруссификации». Месяца два спустя Либкнехт прочел в Мееране лекцию об аграрном вопросе, успешно защищавшую базельские резолюции против нападок Народной партии; напечатанная впоследствии в дополненном виде, она вместе с полемической брошюрой Бебеля составила отличное агитационное оружие для айзенахцев.

Однако первоначальная сдержанность этой фракции по отношению к базельским постановлениям, несомненно, содействовала укреплению позиции Швейцера. Правда, подписка на «Социал-демократ» не возросла в октябре, как это наблюдалось каждую четверть года в течение последних трех лет, но она и не уменьшилась. В 16 местах она упала, но зато в 12 поднялась; как всегда впереди всех шел Гамбург с 1.214 подписчиками, затем следовали Берлин (765), Эльберфельд-Бармен (176), Ганновер (130). В общем у «Социал-демократа» было 5.000 подписчиков, тогда как «Народоправств» имело их всего 2.000. Печатаая подробный отчет о подписке, «Социал-демократ» торжествуя

прибавлял, что весь штурм «буржуазной демократии» не дал в результате ничего, кроме минутной остановки в победном шествии рабочего класса. Не подлежит сомнению, что утверждение эйзенхцева, будто Швейцер имел теперь за собою только фанатизированное стадо, совершенно не отвечало действительности. Дисциплинированные рабочие массы в Гамбурге и на Рейне очень хорошо знали, почему они держатся за старое знамя, а люди, ставшие на место Бракке, Гейба и Йорка, не уступали им по своей энергии и деловитости: тут были ткач Гарм из Эльберфельда, столяр Дрезбах из Дюссельдорфа, сигарник Реймер из Альтоны, машиностроительный рабочий Фроме и сигарник Мейстер из Ганновера, столяр Пфанкух из Касселя, столяр Рейндерс из Бреславля, плотники Август и Отто Каппель из Берлина и многие другие. Швейцер предпринял теперь 7-недельную поездку по Германии, чтобы удалить последние следы замешательства внутри Союза. Он отправился в Штеттин, оттуда в Бреславль и Петерсвальдау, затем в Королевство Саксонское—в Дрезден, Лимбах и Лейпциг, потом через Штасфурт, Эгелн и Магдебург—в Гамбург, Альтону, Киль, Неймюнстер, Гарбург, Люнебург, Ганновер, Бремен, Кассель. На Рейне он посетил Эльберфельд, Бармен, Дюссельдорф, Эссен, Ремшейд, Кельн и, наконец, в южной Германии—Франкфурт, Оффенбах, Карлсруэ, Штутгарт, Аугсбург, Мюнхен и Вюрцбург. Во всех этих местах он устроил закрытые собрания членов, предоставляя здесь всякому члену задавать ему вопросы относительно тех упреков, какие выставляются лично против него. Вознаграждение за утомительную поездку Швейцер получал такое же, какое было установлено для агитаторов Союза: проезд в третьем классе и $\frac{1}{2}$ талера суточных.

Еще раньше, чем он вернулся из поездки, Тельке завоевал, наконец, Берлин. С 1866 г. партия прогрессистов перестала понимать, что вокруг нее делается. Она хотела непременно воссесть за столом материальных благ, который был накрыт Бисмарком для буржуазии, но в то же время не желала бросить под этот стол свои политические идеалы с такой беззаботностью, как это сделали национал-либералы: ей хотелось употребить их, как невинное украшение для стола, чего не вынесли, однако, нервы Бисмарка. В этой дилемме она зачухла. Когда летом 1869 г. она попробовала поднять шум против основания небольшого монастыря в «городе интеллигенции», то обнаружилось, насколько старчески-слаба и немощна она стала: один энергичный слесарь собрал немногие ультрамонтанские элементы, какие имелись в Берлине, и пробил по всем правилам искусства дыру в культурном барабане, в который пытались громко колотить

прогрессисты. Тогда они сделали попытку в другом направлении: их представители в ландтаге внесли предложение, которым прусское правительство той же жественно приглашалось сделать дипломатические шаги в пользу всеобщего разоружения великих европейских держав. Предложение было ни рыба, ни мясо: накануне франко-прусской войны, которую предвидел всякий мыслящий европеец, оно не имело смысла даже с точки зрения, именуемой смирным бюргером «практической политикой», как принципиальный же протест против милитаризма оно представляло собою нечто весьма слабое и половинчатое. Сверх того, оно было выставлено в прусской палате депутатов, где у большинства, состоявшего из консерваторов и национал-либералов, имелся удобный предлог отделаться от него ссылкой на некомпетентность палаты, так как дипломатические и военные дела перешли к Северо-германскому союзу. Но именно потому, что предложение не налагало на партию прогрессистов никакой серьезной политической ответственности, она обратилась к нему, как к агитационному средству, чтобы снова привлечь под свое знамя массы, которые стонали под усиливающимся гнетом милитаризма.

Она созвала на воскресенье 7 ноября народное собрание в громадный зал Концертного дома и поставила на очередь дня свое предложение о разоружении. Не только в официальном объявлении говорилось о народном собрании, но прогрессистские газеты прямо подчеркивали, что собрание должно быть не партийным, а народным, хотя они знали, что в народном собрании, созываемом без различия партий, будут участвовать и социал-демократические рабочие. «*Volkszeitung*» говорила уверенным в победе тоном, что комитет по устройству собрания, в котором сидели почти все заправилы прогрессистской партии, принял необходимые меры против «возможных попыток нарушить порядок в грандиозной демонстрации».

Демонстрация вышла «грандиозной», но не в честь прогрессистской партии. Уже по открытии переполненного собрания, когда приступили к выбору председателя, обнаружилось, что преобладающее большинство присутствующих состоит из социал-демократических рабочих. Тельке был выбран председателем, после чего прогрессистский штаб, успевший уже разместиться уютно в бюро, исчез бесследно по черной лестнице. Прогрессистское меньшинство, присутствовавшее в самом зале, пыталось затем мешать занятиям, поднимая с этой целью оглушительный шум, но его каждый раз удаляли при помощи мер более или менее мягких, смотря по тому, как оно само вело себя, и после этого собрание прошло вполне спокойно под председательством

Тельке. Не только лассальянцы, но и эйзенахцы и сторонники Шульце, просившие слова, были внимательно выслушаны. Собрание закончилось резолюцией, объявлявшей предложение прогрессистов чем-то непростительно-половинчатым: европейским народам, — гласила резолюция, — нужно упразднение постоянных армий и устройство народных милиций, основанных на соответственном обучении юношества; прогрессистские депутаты—представители буржуазии, рабочим же могут принести пользу только депутаты, принадлежащие к социал-демократической партии.

Прогрессистская партия подняла вопль по поводу грубого насилия, якобы учиненного над правом собраний. Те самые люди, которые бесцеремоннейшим образом срывали или пытались срывать закрытые партийные собрания Лассалья, теперь разыгрывали из себя оскорбленную невинность, когда состязание в силах, ими же вызванное, кончилось не в их пользу. Они и только они нарушили свободу собраний, так как их вожди отказались признать правильным избрание Тельке, а их приспешники пытались воспрепятствовать продолжению занятий под председательством Тельке. Точка зрения *«Социал-демократа»* была столь же проста, сколько ясна: «Раз созывают общие народные собрания, на которые может являться всякий без различия партий, то надо быть готовым к тому, что и наша партия будет присутствовать во всех случаях, когда мы сочтем это уместным. По установившемуся демократическому обычаю, во всех подобных собраниях председатель выбирается большинством. Если не хотят иметь социал-демократов в своей среде, пусть созывают собрание определенной партийной окраски. На собрания прогрессистской и Народной партии мы не будем являться». Поэтому со стороны Демократического Рабочего Ферейна, несколько членов которого беспрепятственно получили слово в Концертном доме, было совершенно неуместно, когда они предложили потом «всем партиям» союз для защиты свободы собраний, ссылаясь еще вдобавок на свою принадлежность к Интернационалу. Буржуазные партии не перестали оттого свысока относиться к нему, тогда как Тельке справедливо задал вопрос, что скажет Генеральный совет Интернационала по поводу подобной тактики. Неизбежным, к сожалению, последствием этого крайне ложного шага была отвратительная полемика между «скандалистами» и «еврейчиками». С своей стороны, *«Народоправство»* честно заявило, что прогрессистам было только воздано по заслугам, хотя и выразило сожаление, что плоды победы достались ближайшим образом «придворному социализму».

Но жаждавшая реванша буржуазия не хотела утешиться одними ложными заподозриваниями. Она побудила приверженных еще к ней машиностроительных рабочих снова созвать общее рабочее собрание на воскресенье, 28 ноября, в Universum, где «большинство берлинских рабочих» должно было «решительно осудить скандальную агитацию Швейцера». Прогрессистские газеты и ферейны открыли усердную травлю, которая должна была подготовить хитрую операцию, сводившуюся к устройству маленького переворота среди берлинских рабочих. Начало собрания было назначено на 11 часов утра, но уже около 9 часов прогрессистские рабочие должны были через заднюю дверь пробраться украдкой в Universum, так чтобы социал-демократические рабочие, явившись около 11 часов, нашли уже зал занятым. Прогрессистские заправила надеялись, что тогда поднимется жестокая драка, и с каким глубоким пониманием полиция оценила эти цветы бюргерского благодушия, показал сбор всех полицейских сил, которые в решительное утро заняли под начальством самого полицеймейстера все площади и улицы вокруг Universum'a. Но Тельке был осторожным полководцем. Когда часов в 9 утра явилось около тысячи прогрессистских рабочих, то они нашли Universum окруженным 4 тысячами социал-демократических рабочих, которые, несмотря на холодное зимнее утро, были уже на месте с 7 часов. Не успел маленький авангард прогрессистского войска под покровом тумана пробраться через заднюю дверь в здание, как социал-демократические рабочие нашли эту дверь и тотчас заперли ее. И вот, когда враждебные лагеря очутились друг против друга на открытой улице, то в прогрессистских рабочих мощно проснулось классовое сознание. Ни за что не допустить драки между рабочими, которая только доставит великую радость буржуазии и реакции,—такова была мысль, охватившая всех. Когда около 11 часов открылись ворота Universum'a, то массы спокойно прошли туда. Машиностроительный рабочий Андреак, прогрессист, открыл заседание сердечным призывом к миру и согласию среди рабочих, затем были выбраны в председатели Тельке и Любект, и после оживленных, но мирных дебатов собрание постановило, что вина за беспорядки в Концертном доме ложится на прогрессистскую партию, так как она не захотела признать постановления большинства, и что всякий, кто нарушает правильный ход занятий в собрании, посредством шума или недобросовестного ведения заседания, тем самым совершает бесчестное покушение на право собраний. Господству прогрессистской партии над берлинскими рабочими был навсегда положен конец.

Таким образом звезда Швейцера сияла как будто ярче, чем когда-либо. Но современное рабочее движение никогда не может стать игралищем диктаторских вождельний; оно неумолимо стигит за всякую попытку вести с ними своеобразную игру. Уже во время своей круговой поездки, как успешна она ни была в общем, Швейцер получил чувствительную затрепину. Баварские члены Вс. Гер. Раб. Союза продолжали и после эйзенахского конгресса оставаться самыми верными приверженцами Швейцера, и когда эйзенахцы сделали на одном рабочем съезде в Нюрнберге попытку сближения с ними, то она была отклонена. Баварцы окрепли настолько, что могли уже содержать маленькую еженедельную газету «*Пролетарий*» («*Proletarier*»). Но Швейцер был недоволен этим; приехав в Аугсбург и наэлектризовав членов увлекательной речью, он потребовал прекращения «*Пролетария*»: газета, мол, как и организация, должна быть одна. Чтобы вознаградить издателей «*Пролетария*», Швейцер предлагал Францу и Таушеру по 400 экземпляров «*Социал-демократа*» для продажи в их собственную пользу. Однако баварцы отказались, хотя Швейцер и угрожал, что он лучше поступится всеми южно-германскими членскими кружками, чем потерпит дальнейший выход в свет «*Пролетария*». Затем он беседовал еще наедине с Таушером, чтобы обработать его, но тот заявил, что не отделится от своих товарищей. На другой день после этого Швейцер хотел было провести резолюцию о прекращении «*Пролетария*» в собрании мюнхенских членов, но и тут он потерпел неудачу. Слух об его намерении распространился с быстротою молнии среди мюнхенских рабочих, у которых «*Пролетарий*» пользовался большими симпатиями. Когда Швейцер явился, то был недружелюбно припят. Он ни слова не сказал о прекращении «*Пролетария*» и исчез, чтобы никогда больше не возвращаться.

Следствием всего этого было отпадение всех баварских членских кружков от Всеобщего Германского Рабочего Союза. Они созвали на 23 января 1870 г. в Аугсбург всеобщий рабочий конгресс с целью основать «Лассальянскую рабочую партию», которая должна была, с одной стороны, отделаться от всяких «вождей», с другой — резко отмежеваться от Немецкой народной партии. На конгресс послали своих представителей почти одни только баварские рабочие. По поручению брауншвейгского комитета явился Бебель, чтобы уговорить баварцев присоединиться к Социал-демократической Рабочей Партии. Речь его произвела хорошее впечатление и достигла бы, вероятно, своей цели, если бы Бонгорст не раздал в зале памфлета, где Таушер был выставлен кратурой Швейцера, который напоил-де

его шампанским. Раздраженные этими измышлениями, баварцы решили до поры, до времени держаться выжидательно; они образовали четвергую фракцию.

Мы говорим четвертую фракцию, ибо графиня Гацфельт успела уже тем временем опять поссориться со Швейцерам. Она обвиняла Швейцера в нарушении договора: он, мол, не соблюдает данного при объединении обязательства все больше отодвигать на задний план профессиональное рабочее движение и по возможности препятствовать организованным стачкам. С своей стороны Швейцер отрицал, чтобы он когда-либо брал на себя подобное обязательство: он всегда отводил рабочим союзам и стачкам подчиненную роль в сравнении с политическим движением, но никогда не давал обещания поставить их еще ниже. Трудно предположить, чтобы Швейцер скомпрометировал себя настолько, насколько это утверждала гр. Гацфельт, но он не доказал также и не пытался даже доказать, что он когда-либо убедил приверженцев гр. Гацфельт в правильности своего взгляда на профессиональное рабочее движение. Если он, тем не менее, согласился на слияние, то навлек на себя вину, за которую ему приходилось теперь тяжело расплачиваться. Через какие-нибудь полгода после торжественно возведенного объединения немецкой рабочей партии она раскололась на 4 части, и это плачевное следствие диктаторской политики наносило жестокий удар политическому престижу диктатора. Правда, Швейцер не без основания говорил, что при новом отпадении за графиней Гацфельт пошла только незначительная часть ее прежних сторонников; действительно, отныне эта секта почти бесследно исчезает из истории германской социал-демократии. Тем не менее она сохранила еще покуда достаточно сил, чтобы созвать своего рода общее собрание в Галле, где раздавались самые запальчивые обвинения против Швейцера,—обвинения, компрометировавшие его еще больше, если они были неосновательны, чем если они были основательны. В самом деле, как мог он, хотя при некоторой проницательности, обманываться насчет этих ненадежных союзников?

Несравненно хуже еще было то, что тактика Швейцера действительно нанесла тяжкий вред профессиональному движению. Само по себе оно находилось в состоянии отрядного подъема. В крупных промышленных центрах был проведен целый ряд стачек, всегда с честью и часто также с успехом. В Берлине камешники и плотники добились таким путем повышения заработной платы и сокращения рабочего дня. В Гамбурге рабочие по дереву и по металлу на лауэнштейнском вагоностроительном заводе посредством упорной стачки, полной возбуждающих инцидентов, остано-

или себя против понижения их сдельных расценок на $33\frac{1}{3}\%$, предпринятого заводской администрацией на том миллом основании, что рабочие могут обойтись без сала к хлебу. В Аугсбурге две большие забастовки имели своей целью добиться удаления двух деспотических служащих: на машиностроительном заводе «Аугсбург» литейщики после недели борьбы одержали победу благодаря единодушию и сплоченности рабочих, но на ткацкой фабрике Крауса двухнедельная забастовка кончилась поражением, так как фабриканту удалось на вербовать в Богемии 500 ткачей и привезти их в экстренном поезде в Аугсбург. С какой самоотверженностью проводились эти стачки, видно из того факта, что только на двух собраниях, из которых одно происходило в Аугсбурге, а другое — в Мюнхене, было собрано в пользу забастовщиков 700 гульденов. Но в то время, как социал демократические рабочие вели свою профессиональную борьбу всегда с честью и часто также с успехом, прогрессистские профессиональные союзы получили смертельный удар благодаря вальденбургской стачке. Желая померяться силами с социал-демократическим движением, Макс Гирш сделал попытку основаться с своей агитацией в вальденбургском округе. Бедствующие горнорабочие приняли его легкомысленную игру в серьез и забастовали в количестве 6.500 человек. Между тем владельцы копей, по большей части либералы, отнеслись к апостолу гармонии, как к злонамеренному смутьяну, и с бичем голода в руках продиктовали распущение «его» профессионального союза. Забастовка кончилась полным и, поскольку дело касалось Макса Гирша и его прогрессистских приспешников, постыдным также поражением. Силезским горнорабочим пришлось дорого заплатить за свою ошибку; будучи рассудительными людьми, они перешли к социал-демократии. Точно так же поступили фабричные рабочие Форста, которые вскоре после того вынесли из своих сношений с Максом Гиршем столь же печальный урок. Едва начавшись, игра прогрессистской партии была, таким образом, совершенно расстроена.

Всем этим благоприятным перспективам профессионального рабочего движения нанесла тяжкий вред себялюбивая диктаторская политика Швейцера. Политические раздоры проникли почти во все рабочие союзы; только каменщики и плотники, под руководством Любкерта, стояли довольно дружно на стороне Швейцера. В остальных рабочих союзах произошел раскол: президенты их, и в том числе Фрицше, отложились от Швейцера, тогда как более или менее значительная часть членов осталась верной ему. В профессиональной организации распря между фракциями гораздо больше

отравляла отношения, чем в организации политической, ибо эта распря была чужда ее существу, бесполезно дробила приобретенные уже силы и тем более отпугивала непривлеченные еще к движению массы, что обусловила неудачный исход нескольких забастовок, напр., стачки сигарных рабочих в Лейциге. Но Швейцер был теперь уже настолько ослеплен, что только и стал настоящим образом входить в роль диктатора. Вернувшись из своей организационной поездки, он предложил слить все рабочие союзы в одну Всеобщую Федерацию взаимопомощи (Allgemeiner Unterstützungsverband), что значило прямо-таки удвоить недостатки основанной им профессиональной организации.

5-го января 1870 г. в Берлине открылось 9-е общее собрание Всеобщего Германского Рабочего Союза, на которое явилось 39 делегатов от 8.062 платящих членов, и тут обнаружилось, что оппозиция против диктатуры Швейцера отнюдь не заглохла. Произошел ряд неприятных объяснений. Швейцер жаловался на «аристократию Союза», на «интеллигентов», не переставших сеять смуту; он не понимает, как люди могут по целым дням заниматься бабьими сплетнями; ему надоело препираться таким образом сначала с противниками Союза, а затем с членами Союза. На это Пфанкух метко возразил, что своим союзом с графиней Гацфельдт Швейцер сам навязал бабьи сплетни на шею Всеобщему Германскому Рабочему Союзу. В общем 6-дневные работы собрания прошли, однако, еще довольно благоприятно для Швейцера. В частности, после тщательнейшей ревизии кассы было объявлено ни на чем несомненным постоянное утверждение эйзенахцев, что Швейцер покрывает расходы по агитации из секретных фондов прусского правительства и при этом не забывает также себя. Затем Швейцеру удалось сохранить свою диктатуру в почти неумаленном виде. Президент должен был по-прежнему выбираться путем общего голосования всех членов, только не до, а после каждого общего собрания. Переход «Социал-демократа» в собственность Союза был отклонен, и комиссия по делам печати не была выбрана вновь. Только правление получило несколько более широкие полномочия; оно по-прежнему осталось разбросанным по всей Германии, но должно было поддерживать впредь правильные письменные сношения в своей среде и собираться несколько раз в год. Правление получило право вмешаться против «всякого злоупотребления властью» со стороны президента, который в прочих отношениях должен был, однако, сохранить всю «полноту власти». Секретарем был избран Тельке, а кассиром Газенклевер, вступивший вместе с тем в редакцию «Социал-демократа».

Непосредственно за этим общим собранием происходило общее собрание швейцеровского Союза рабочих союзов, на котором присутствовало 89 делегатов, представлявших 20.674 платящих членов. Собрание продолжалось 3 дня и также кончилось успехом для Швейцера. Дела кассы оказались в порядке, и предложение Швейцера о слиянии всех рабочих союзов в один большой союз было принято большинством 12.000 против 9.000 голосов. Из внимания к такому крупному меньшинству общее собрание решило отложить фактическое проведение своего постановления до 1 июля 1870 г., но в этом не было скрыто никакого недоверия к Швейцеру. Как явствовало из прений, меньшинство отнюдь не относилось враждебно к предложению Швейцера, а хотело лишь, чтобы оно было осуществлено постепенно, в виду «цеховых» предрассудков многих рабочих.

Тотчас после этих собраний Швейцер одержал еще победу над Иоганном Якоби. Избирательное правление второго избирательного округа города Берлина (по выборам в ландтаг) созвало избирателей на 20 января, чтобы выслушать отчет своих депутатов—городского гласного Рунге и Иоганна Якоби. Среди этих избирателей было много социал-демократов; они явились под предводительством Швейцера и Газенклевера, живших также в округе, и при выборе председателя оказалось, что они располагают значительным большинством. Вожаки прогрессистов опять разыграли из себя обиженную честность и удалились с Рунге во главе; напротив, Якоби мыслил достаточно логично, чтобы признавать демократический принцип не только на словах, но и на деле. Он остался в собрании под председательством Швейцера и говорил о целях рабочего движения. Несмотря на его тихий голос, рабочие с величайшим уважением прислушивались к его речи, содержавшей знаменитые слова: «Основание самого маленького рабочего союза представит для будущего историка культуры большую ценность, нежели день битвы при Садове». Речь приближалась к научному коммунизму настолько, насколько это возможно было для буржуазного идеолога; во всяком случае она подходила к нему достаточно близко, чтобы одинаково поразить ужасом берлинских прогрессистов и франкфуртских демократов. Но она и практически и теоретически остерегалась сделать последний шаг. В теоретическом отношении она не высказывалась прямо в пользу собществления средств производства, делающего невозможной всякую эксплуатацию; в практическом отношении она не становилась на точку зрения классовой борьбы,—в полной гармонии с тем фактом, что незадолго до того Якоби подписал воззвание прогрессистских манчестерцев в пользу вальденбуржцев, где было

сказано, что в Германии нет места для классовой борьбы. Якоби хотелось, чтобы социальный вопрос был разрешен путем согласованной деятельности государства, предпринимателей и рабочих, и потому собрание поступило совершенно правильно, когда по предложению Газенклевера постановило, что Якоби усвоил себе многие социалистические истины, но остановился на полпути.

Швейцер значительно переоценивал, однако, свой успех, если он думал, что сделал этим сильный ход против эйзенахцев. Практически речь Якоби не имела особого значения; правда, *«Народотраство»* напечатало ее in extenso и защищало ее также против нападок Швейцера, но газета была слишком глубоко вовлечена в водоворот классовой борьбы, чтобы дать Якоби сбить себя с толку. Как саксонское правительство, так и саксонские фабриканты разрушали своими преследованиями утопию мирной совместной работы эксплуатирующих и эксплуатируемых; они сделали бы это даже в том случае, если бы эта утопия возникла где либо в другом месте, а не в ученой кабинетной атмосфере Якоби. Эйзенахцам приходилось вести очень тяжелую борьбу, в особенности с финансовой нуждой; революционный фонд, буржуазно-республиканские распорядители которого стали теперь также прижимисты, помог им еще раз преодолеть первые препятствия, выдав им субсидию в 3.500 фр., но в конце концов они мужественно пробились вперед и в частности создали себе неприступную твердыню в лице саксонского пролетариата. В апреле 1870 г. Бебелем был завоеван Плауен, важнейший фабричный город Фохтланда, где в 1869 г. на дополнительных выборах в рейхстаг, проскочил в депутаты Макс Гирш. Последний с отчаянием признавал сам, что только благодаря великодушию Бебеля он вообще получил возможность быть выслушанным как выборный представитель названного избирательного округа. За исключением Циттау и Франкенберга, во всей остальной Саксонии господствующему влиянию прогрессистов-манчестерцев на рабочих наступил конец. Число подписчиков *«Народотраства»* дошло к середине января 1870 года до 3.000 с лишним: в Лейпциге их было 198, в Дрездене—159, в Кельне—128, в Криммичау—124, в Глаухау—119, в Майнце—96, в Цвиккау—93, в Мееране—91, в Бреславле—88, в Хемнице—85, в Брауншвейге—78, в Гамбурге—75, в Штутгарте—71, в Берлине—63, в Вердау—61, в Пеште—55, в Аугсбурге—40 и столько же в Нюрнберге.

Внешним образом борьба между обеими фракциями разыгрывалась в весьма неприятных формах. В печати сыпались взаимные упреки в измене рабочему делу, в рабочих собраниях доходило часто до бурных сцен. В

первом пункте бóльшая часть вины падала на эйзенахцев, во втором—на лассальянцев. Но несмотря на эту борьбу и даже в известном смысле благодаря ей, происходило все большее сближение фракций. Типичным в этом отношении был ход второго конгресса, устроенного эйзенахцами в Троицын день 1870 г. в Штутгарте. Согласно посылке комиссии по проверке полномочий, в конгрессе участвовало 74 делегата от 111 мест; 47 мест, где партия имела своих приверженцев, не были представлены. Общее число членов партии, представленных в Штутгарте, равнялось 15.398, следовательно, только десятой или девятой части рабочих, представленных в Эйзенахе, и даже эта цифра была весьма спорна, так как, во-первых, она не ограничивалась исключительно членами, производящими взносы, а во-вторых, в нее вошло несколько тысяч австрийских и швейцарских рабочих. «Народоправство», которому никак нельзя было сделать упрека в пессимистическом взгляде на успехи собственной партии, определяло число активных членов партии, на основании того расчета, какой позволял сделать штутгартский конгресс, в 10.000 чел.

Лассальянцы попытались расстроить конгресс. Несмотря на неблагоприятную для них почву, они все-таки укрепились в швабской столице благодаря усердной агитации Лейкгардта; недели за две до открытия конгресса туда приехало еще несколько агитаторов извне, и им удалось крепко организовать около 250 рабочих, сумевших парализовать в публичных собраниях работу штутгартской организации эйзенахцев. Когда затем собрался сам конгресс эйзенахцев, то он в закрытом предварительном совещании решил, хотя и допускать не-членов на свои публичные собрания, но усунуть их от участия в прениях, что привело в первом же публичном собрании к бурным сценам и к преждевременному закрытию заседания. Конгресс обещал себе возможность беспрепятственного продолжения своих работ лишь тем, что закрыл для не-членов доступ на свои публичные собрания.

Несмотря на это неясное начало, работы штутгартского конгресса много способствовали выяснению отношений между обеими фракциями как в том, что касалось организации, так и в вопросах принципов и тактики. Обнаружилось, во-первых, что организация, принятая в Эйзенахе, слишком тяжеловесна. Комитет был оставлен в Брауншвейге-Вольфенбюттеле, но контрольная комиссия перенесена из Вены в Гамбург-Альтону-Гарбург. Далее, невозможно было осуществить на практике требование, чтобы каждый член эйзенахской партии состоял одновременно членом Интернационала, партии и местного фефейна. Приглашению

вступать индивидуально в Интернационал последовали лишь немногие члены, и его не стали трогать. Зато штутгартский конгресс отменил обязательство членов основывать местные союзы: он решил, что местные членские кружки должны только выбирать доверенных лиц и ревизоров, чтобы сноситься через них с комитетом; таким образом организация эйзенахцев значительно приблизилась к лассальянской. В другом отношении различие в организации обеих фракций стало, впрочем, еще глубже, но при этом ясно выступила большая правильность воззрения эйзенахцев. «Социал-демократ» все еще стоял значительно выше «Народоправства» по своему последовательному пониманию научного коммунизма, но зато широкий простор, который предоставлялся органом эйзенахцев членам партии для дискуссии и обмена мнений, имел ту хорошую сторону, что сообщал деятельный стимул их духовным интересам. В Штутгарте решено было основать литературное предприятие на акциях для распространения партийной литературы, а баварской партии, окончательно слившейся теперь с эйзенахцами, позволили продолжать издание «Пролетария». Тотчас после этого Карл Гирш основал в Криммичау первую ежедневную местную газету партии—«*Der Bürger und Bauernfreund*» («Друг бюргеров и крестьян»). Правда, и Швейцер с согласия правления начал 1 апреля 1870 г. издавать маленькую еженедельную газету «*Agitator*», настолько дешевую, что по самому благоприятному расчету она могла покрыть свои расходы только при 50.000 подписчиков; издание было предпринято Швейцером с целью задуть «Пролетарий» и для более успешного привлечения масс на свою сторону, особенно в южной Германии. Но газета приобрела всего 15.000 подписчиков и, сверх того, настолько повредила «Социал-демократу», отделением которого, при всей искусности редакции, она оставалась, что главный орган лассальянцев принужден был с 1 июля снова начать выходить в меньшем формате. В том-то и дело, что слишком строгая централизация также имела свои теневые стороны.

Что касается принципиальных вопросов, то по предложению Бебеля штутгартский конгресс объявил, что «экономическое развитие современного общества сделает общественной необходимостью превращение пахотной земли в общую собственность». Этим было констатировано единомыслие обеих фракций по одному из важнейших вопросов научного коммунизма. Другое согласие в воззрениях обнаружилось по вопросу о профессиональных рабочих союзах, хотя на первых порах они совпали больше в смысле неясности, чем ясности. Мысль о слиянии рабочих союзов в один большой союз живо отстаивалась также в Штутгарте и

была отклонена по той же причине, по которой против нее восстало сильное меньшинство на общем собрании швейцеровского Verband'a рабочих союзов: потому что дело это следует приурочить к учреждениям, с которыми рабочие знакомы и свыклись издавна,—к цехам. Эти соображения развивал докладчик Йорк; по его предложению штутгартский конгресс объявил главной задачей профессиональных рабочих союзов основание производительных кооперативных товариществ и содействие их развитию.

Один буржуазный писатель не без основания замечает, что из прений не видно, каким образом штутгартский конгресс пришел именно к этому постановлению. Повидимому, тут сыграли роль два мотива. Во-первых, рабочие круги были пугливо настроены вследствие многочисленных стачек, несколько опрометчиво объявленных в первой половине 1870 г., в обратном отношении к заминке в развитии рабочих союзов. Как обстояло в этом смысле дело, мы можем видеть из отчета Союза рабочих союзов (Arbeiterschäftsverband), опубликованного Швейцером в сентябре 1870 г.; согласно отчету, расходы Союза составили за первые 8 месяцев 1870 г.: по счету администрации—637 талеров, по счету агитации—217 талеров, а по счету забастовок—всего только 395 талеров, которыми были поддержаны 11 стачек в Гамбурге, Киле, Люнебурге, Юльцене, Магдебурге, Эльберфельде, Золингене, Мюнстере и Мюнхене. Швейцер высчитывал, правда, что кассами отдельных рабочих союзов и добровольными сборами иногородних товарищей, не считая местных сборов, было собрано в пользу упомянутых 11 стачек 22 600 талеров, но и это было не особенно много, а ведь рабочие союзы лассальянцев были бесспорно самыми сильными. С протестом против «бессмысленного бастования» выступили и президиум Союза рабочих союзов, и «Народоправство»; Йорк предостерегал в Штутгарте против ошибочного взгляда, что «безусловная задача» рабочих союзов состоит в устройстве забастовок, при которых «большая часть сил растрачивается бесплодно». Во-вторых, тогда еще недостаточно ясно сознавали различие между профессиональными рабочими союзами и кооперативными товариществами, которые смешивал в одну кучу даже такой развитой пролетарий, как Йорк. В партии постановление штутгартского конгресса по вопросу о рабочих союзах вызвало лишь единичные протесты; характерно, что с ними выступили два бывших лассальянца, Гуго Гильман и шорник Крекер из Бреславля. Они доказывали в «Народоправстве», что постановление конгресса допускает самые превратные толкования и игнорирует историческое существо рабочих союзов; на это редакция не столько возразила,

сколько уклончиво заметила, что производительные предприятия, основание которых возлагается на рабочие союзы, должны иметь только значение опытов, подобно английским кооперативным обществам.

По вопросам тактики штутгартский конгресс постановил, на основании доклада Либкнехта, принять участие в предстоящих осенью выборах в рейхстаг и в таможенный парламент «исключительно с агитационными целями». Избранные представители партии должны были в общем занять отрицательную позицию и пользоваться всяким случаем, чтобы разоблачать, как комедию, работы обоих собраний, но при этом они должны были все-таки «по мере возможности развивать в них деятельность в пользу рабочих классов», — что также означало собою сильное приближение Эйзенхатцев к точке зрения лассальянцев. Приблизительно около того же времени Швейцер определил в «Агитаторе» задачи социал-демократических депутатов в том смысле, что рейхстаг и таможенный парламент являются для них «в сущности не более как агитационным средством». При всяком удобном случае они должны провозглашать социалистические принципы, разоблачать публично реакционную лже-парламентскую политику и участвовать в важных голосованиях (наприм., подавать голос против всех налогов). Фактически различие выразилось весной 1870 г. в том, что Бебель и Либкнехт очень мало участвовали в парламентских работах, а когда они это делали, то в резко-вызывающей форме бросали перчатку буржуазным партиям, между тем как Швейцер принимал в заседаниях более правильное участие, защищая социал-демократическую точку зрения путем более деловитой, хотя ничуть не менее резкой критики отдельных законопроектов.

Но если Швейцер следовал в данном случае тактике, правильность которой подтвердил исторический опыт ближайших десятилетий, то в другом тактическом вопросе поведение его сделало очевидным для всех, что со своим разыгрыванием диктаторской роли он действительно опустился до положения узкого главы секты. Штутгартский конгресс постановил не вступать при выборах в союзы и компромиссы ни с какой партией, но там, где Социал-демократическая Рабочая Партия не выставляет собственного кандидата, отдавать свои голоса кандидатам, которые в политическом, по крайней мере, отношении разделяют в существенных чертах ее точку зрения, в особенности — отдавать их действительным рабочим кандидатам, выдвигаемым другими партиями. Напротив, правление Всеобщего Германского Рабочего Союза постановило месяцем позже под председательством Швейцера в Ганновере — выставлять

собственных кандидатов повсюду, где имеются члены партии, а на перебаллотировках голосовать за наиболее передового либерального кандидата, но никак не за реакционера или эйзенахца; при перебаллотировке между реакционером и эйзенахцем надо было воздерживаться от подачи голоса, при перебаллотировке между эйзенахцем и либералом—подавать голос за либерала. Таким образом, при перебаллотировке между Бебелем и Максом Гиршем члены Всеобщего Германского Рабочего Союза должны были голосовать за Макса Гирша. Мотивировалась эта разнузданная резолюция мнимым лицемерием эйзенахцев, которое будто бы приносит рабочему делу больше вреда, чем могло бы принести пользы достижение политических требований эйзенахской программы. На эту жалкую софистику брауншвейгский комитет эйзенахцев правильно возразил, что это значит натравливать рабочих против рабочих, социал-демократов против социал-демократов; с своей стороны Социал-демократическая Рабочая Партия будет твердо держаться тактики—отдавать всякому рабочему кандидату предпочтение пред всяким буржуазным кандидатом.

Ложный путь, на который все больше сбивалась диктатура Швейцера, должен был неизбежно привести ее к жалкой гибели. Для нее было еще счастьем, что она раньше полного своего банкротства рухнула в мощной грозе, которая смыла вместе с нею самую глубокую причину раскола в сознательном пролетариате Германии. Если раскол этот родился на поле битвы при Кёниггреце, то Седан стал его могилою.

ПРИМЕЧАНИЯ.

Период с 1863 г. до 1878 г., который в первом издании был соединен в один отдел под заглавием «Молодые годы социал-демократии», разбит теперь на три отдела, из которых первый простирается до смерти Лассалья, второй—до франко-прусской войны, а третий—до издания закона против социалистов. Я сделал это с целью отчетливее представить внутреннюю связь исторической эволюции. Чем больше я занимался предметом, тем яснее становилось для меня, что внутренние раздоры, которыми наполнено первое 10-летие в истории партии, имели настоящим своим корнем национальный вопрос, что все прочие политические и социальные разногласия вели в последнем счете к проблеме: какое положение относительно указанного вопроса должен занять рабочий класс, не принципиально—в принципе все были согласны, что немецкое единство на основе бисмарковской политики крови и железа представляет собою все, что угодно, только не осуществление демократических идеалов,—а практически и тактически. И если эта проблема явилась причиной междоусобного раздора, то, оглядываясь на замолкшие навсегда споры, мы можем теперь утешаться тем, что только путем этого раздора ее возможно было разрешить: сам вопрос имел свои две стороны, и каждая из них могла получить прочное решение не раньше, чем содержание ее будет раскрыто борьбою.

Из трех книг, на которые я разделил теперь 15-летний период от «Открытого письма» Лассалья до издания закона против социалистов, настоящий том содержит две первые книги: об агитации Лассалья и о раздорах между фракциями. В сравнении с первым изданием особенно существенное и, как мне кажется, ценное дополнение получила глава о первых шагах партии, благодаря связке из 87 писем, депеш, протоколов и прочего рукописного материала, которую старый, преданный архивариус партии Моттелер собрал с не-

утомимой заботливостью и предоставил в мое пользование, за что я приношу ему здесь свою искреннюю благодарность. Теперь можно установить до мелочей, с одной стороны, каким естественным детищем немецкого рабочего класса является немецкая социал-демократия, а с другой—какие неопценимые и бессмертные услуги оказал ей Лассаль в качестве акушера при ее рождении.

В книге о раздорах между фракциями мне не приходилось предпринимать никаких коренных улучшений, всего менее в том, что я говорю о Швейцере. Если в первом издании я считался с возможностью, что другие обработают по первоисточникам ту же историческую тему и придут к другим заключениям, то это ожидание не сбылось. Моя оценка Швейцера решительно ни в одном пункте не была серьезно оспорена, не говорю уже опровергнута. Дело не меняется от того, что «*Vorwärts*» попытался в своей рецензии по поводу первого издания выудить из мною же приведенного материала разные факты, говорящие против Швейцера, или от уверения К. Эйснера в его брошюре о Либкнехте, будто «дальнейшее историческое развитие недвусмысленно доказало», что Швейцер вел «самую близорукую политику минуты». Все эти фразы, из которых ничего не следует, кроме того, что их авторы не дали себе труда сами изучить предмет.

Иначе обстоит, конечно, дело с полемикой Бебеля против моего взгляда на Швейцера. Бебель обещает доказать неправильность моего изложения, рассказавши сам историю всей борьбы, которую он и Либкнехт вели со Швейцером; понятно, что я могу только выразить свое удовольствие по этому поводу. Ни от чего я не был так далек, как от личного пристрастия в пользу Швейцера, с которым никогда не был знаком и которого также считал весьма сомнительным политическим деятелем, пока источники не убедили меня в противном. Для меня важна только историческая истина, которой я, смотря по обстоятельству, так же готов принести в жертву Швейцера, как я отстаиваю ее против самой укоренившейся партийной легенды. Если мой взгляд на Швейцера будет опровергнут так же документально, как он развит мною, то я охотно откажусь от него; с другой стороны, я буду, не смущаясь, держаться его и впредь, покуда он документально не опровергнут.

Не только все старые лассальянцы, но и все старые эйзенахцы, высказывавшиеся мне письменно или устно по поводу моей истории партии, выразили свое удовольствие по поводу того, что, нисколько не скрашивая действительных ошибок Швейцера и не умаляя значения борьбы эйзенахцев против него, я устранил избыток вины, тяготеющий

над ним согласно принятой партийной традиции; только некоторые из них сделали оговорку, что из желания выпрямить согнутую палку, я в той или другой детали слишком перегнул ее в противоположную сторону, о чем я не стану долго спорить. Но я не хочу ссылаться на эти одобрителыные отзывы, как на довод *против* Бебеля: как ни породовали они меня, я не вижу в них, однако, решающего доказательства *за* меня, по той простой причине, что подобные спорные вопросы вообще не могут быть решены путем личных воспоминаний о времени, удаленном от нас на целое человеческое поколение. Когда Энгельс писал свой биографический очерк о Марксе для «Словаря государственных знаний» Конрада, он без сомнения тщательно проверял свои личные воспоминания, и тем не менее мы находим почти в каждом предложении какую-нибудь ошибку. Или пусть читатель сопоставит с опубликованными теперь письмами Лассалья к Марксу и Энгельсу утверждение, которое Либкнехт повторял еще в последние годы своей жизни, — что Лассаль был в 1859 г. восторженным поклонником Наполеона и что он учинил в 1864 г. косвенное самоубийство из страха пред свиданием с Марксом и Энгельсом.

Решаются подобные исторические вопросы только путем исторической критики. Поэтому я радостно приветствую возвещенный Бебелем очерк, до тех же пор пребываю в твердой надежде, что когда он тщательно просмотрит документальный материал о распре между лассальянцами и эйзенахцами, то его суждение о Швейцере существенно изменится в пользу последнего; для этого ему нет надобности признавать себя сколько-нибудь неправым в борьбе, которую он некогда вел со Швейцером.

Главными источниками для истории партии с 1863 до 1878 г. являются ее тогдашние газеты: Nordstern, Hamb. 63 до 65, Sozialdemokrat, Berl. 64 до 71, Demokr. Wochenblatt, Leipz. 68 и 69, Volksstaat, Leipz. 69 до 76, Neuer Sozialdemokrat, Berl. 71 до 76, Vorwärts, Leipz. 76 до 78. Вообще же этот период сравнительно часто подвергался обработке: Jörg, Gesch. d. sozialpolit. Part., Freiburg 67 и Jäger, D. moderne Sozialism., Berl. 73, оба с ультрамонтанской точки зрения; R. Meyer, Emanzipationskampf d. vierten Standes, Berl. 74 — с консервативно социальной; Mehring, D. deutsche Sozialdemokr., Bremen 77 — с буржуазно-либеральной точки зрения. Книги Иерга и Иегера, в особенности же обширное сочинение Мейера, были для своего времени весьма полезными работами; что касается моей тогдашней книжки, то обращаю внимание интересующихся ею на Mehring, Kapital und Presse, Berl. 91. Laveleye, Le socialisme contemporain. Brux. 81, поверхностен и скомпили-

рован главным образом по Иегеру и Мейеру; гораздо лучший обзор социально-политических партий в 70-х гг. дает Schöel, Uns. sozialpolit. Part., Leipz. 78. Но все эти сочинения, поскольку они пытаются дать историческую оценку германской социал-демократии, в большей или меньшей степени устарели.

Книга третья.

Лассаль и лейпцигский Центральный Комитет. Schmol-ler, Kleingewerbe. Kampfme yer, Mod. Gesellschaftsklassen. J. S., Beiträge z. Entwicklungsgesch. d. deutschen Grossindustrie NZ 11², 620. Huber, Handwerkerbund u. Handwerkernot, Nordh. 67. Thun, Industrie a. Niederrhein. Vahlteich, Weitling, Zukunft 78. Ellissen, Langes Biographie, Leipz. 94. Die Gründung der deutschen Sozialdemokratie, Festschrift der Leipziger Arbeiter zum 23 Mai 1903 (со статьями Бебеля, Вальтейха, Меринга и Иекка), Leipz. 03. Rossmäslor, Ein Wort an die deutschen Arbeiter, Berl. 63. Vahlteich, Der Parteikampf zwischen d. Sozialisten i. Deutschland, Chemnitz. Allgemeine deutsche Arbeiterzeitung, Koburg 63—66. Schulze-Delitzsch, Arbeiterkatechismus, Leipz. 63. Lassalle, Off. Antwortschr. В введениях к агитационным работам Лассалья Бернштейн дает много исторического материала о лассалевской агитации. Marx, Programmbrief, NZ 9¹, 561. Marx, Kapital I, 662. Bernstein, Z. Frage d. ehernen Lohngesetzes 9¹, 294. Lassalle, Briefe an Rodbertus (в посмертных соч. P.); письма Бухера к Лассалю в биографии Бухера, составленной Пошингером. В. Becker, Gesch. d. Arbeiteragitation Lass., Braunsch. 74; заслуживает внимания по своим документальным сообщениям, общая же точка зрения Беккера сплошь неправильна и часто весьма несправедлива к Лассалю. Rodbertus, Off. Brief, Leipz. 63, перепечатано у Kozak, l. c. Lassalle, Zur Arbeiterfrage, Leipziger Rede. L. Büchner, Herr Lassalle u. d. Arbeiter, Frankf. 63. L. Büchner, M. Begegn. mit Lassalle, Berl. 94. Oberwinder, Sozialism. u. Sozialdem., Berl. 78, содержит некоторые интересные данные о тогдашнем положении во Франкфурте и его окрестностях. Lassalle, Arbeiterlesebuch, Frankfurter Rede. Huber, Die Arbeiter u. ihre Ratgeber, Berl. 63. Schweitzer, D. Zeitgeist u. d. Christentum, Leipz. 61. Schweitzer, Luzinde, Frankf. 64.

Тактический поворот Лассалья. Die Volkszeitung in ihr. Gesamthalt., напеч., на правах рукописи, Berl. 63. Lassalle, Die Feste, d. Presse u. d. Frankf. Abgeordnetent. Что письмо в „Южно-Герм. Газете“ принадлежит перу А. Ланге, убедительно доказано Бернштейном. Lassalle An d.

Arbeiter Berlins. Busch, Unser Reichskanzler, Leipz. 84. Lassalle, D. Wissenschaft u. d. Arbeiter. Lassalle, Kriminalprozess II и III. Lassalle, Die indirekte Steuer u. d. Lage d. arbeit. Klassen. Der Hochverrathsprozess wider Lassalle. Lassalle, Bastiat-Schulze. Неспособность университетской учености понять деятельность Лассалья в ее общей связи теперь так же велика, как 30 лет тому назад: см. по этому поводу, кроме Зомбарта и Геркнера, G. Mayer, Lassalle als Sozialökonom. Berl. 94, и L. C. Brandt, Lassalles sozialökonom. Anschauungen u. prakt. Vorschläge, Jena 95. О прудонистском плане агитации, будто бы найденном в бумагах Лассалья, Бухер писал 15 янв. 1866 г. графине Гацфельдт: «Я полагаю, что выполню волю Лассалья, если уничтожу эти бумаги», но летом 1889 г. он сказал своему биографу Пошингеру, по крайней мере—по уверению последнего: «Я не сказал, что уничтожил бумаги Лассалья, я фактически и не уничтожил их, а нарочно выразился двусмысленно, чтобы избавиться от дальнейших требований графини, которая согласно завещанию и не имела никакого права на *эти* бумаги». Судя по этому, агитационный план Лассалья должен бы находиться еще в бумагах, оставшихся после Бухера, и как ни некрасива сама по себе двусмысленность Бухера, он как раз в этом пункте не был бы так виновен в злоупотреблении доверием Лассалья, как в других пунктах.

Конец Лассалья. Lassalle, Ronsdorfer Rede. Ketteler, D. Arbeiterfrage u. d. Christentum, Mainz 64. Lassalle, Erwiderung auf Wageners Rezension des Bastiat-Schulze. Der Düsseldorfer Prozess wider Lassalle. В. Becker, Lebensende Lassalles, нов. обраб., Nürnberg. 92. Жаль, что «новая обработка» не была основательнее очищена от злобных комментариев Беккера и не остроголась в достаточной мере от новых добавлений к легендам о смерти Лассалья. Helene v. Rasowitza (Dönniges), Meine Beziehungen zu Ferd. Lassalle, Bresl. 79—книжка, рассчитанная на сенсацию, производит тягостное впечатление; то же замечание приложимо к Roschinger, Lassalles Leiden, Berl. 88, поскольку эта книжка торопливого и плодовитого писателя не ограничивается воспроизведением писем Лассалья.

Книга четвертая.

Международная Ассоциация Рабочих. Лучшей работой о возникновении и первых годах Интернационала все еще остается Eichhoff, Die Internat. Arbeiterassoz. Berl. 68. Книги Testut, Villetard и др. с самого начала стоили немного и давным давно устарели. M(oritz) B(usch), Z. Ge-

schichte d. Internationalen, Leipz. 72; автор на плагиаторский манер всех бисмарковских писак смешивает в несъедобную окрошку всякого рода отрывки из чужих сочинений, которые он для вящей рекламы выдает за свою собственную стряпню, но которые, помимо этого, не без основания высмеивает как «поверхностные изделия». Важнейшим источником для истории Интернационала, особенно в его отношениях к Германии, является *Vorbote* Иоганна-Фил. Беккера, Genf 66—71. О фразе Гладстона, будто бы фальсифицированной Марксом в «учредительном адресе», см. Brentano, M. Polemik m. Karl Marx, Berl. 90, и Engels, In Sachen Brentano contra Marx, Hamb. 91.

Наследники Лассаля. Время от смерти Лассаля до австро-прусской войны должно быть написано преимущественно на основании газет «Nordstern» и «Sozialdemokrat». K. Schilling, D. Ausstoss. B. Beckers, Berl. 65, дает отчет о борьбе внутри берлинской общины, как сторонник гр. Гацфельдт, так что правильность его рассказа оспаривалась и Либкнехтом и Швейцером. Engels, D. preuss. Militärfrage u. d. deutsche Arbeiterpartei, Hamb. 65. F. A. Lange, D. Arbeiterfrage, Duisb. 65. (Eugen Richter), Gesch. d. sozialdemokr. Partei i. Deutschland seit d. Tode Lassalles, Berl. 65. Schulze-Delitzsch, Die Abschaff. d. geschäftl. Ris., Berl. 66. Schweitzer, D. tote Schulze geg. d. leb. Lassalle, Zür. 86. Tölcke, Zweck etc. d. Allgem. Deutsch. Arbeitervereins, Berl. 73. О прениях по поводу права коалиций в прусской палате депутатов см. также Schippel, Beitr. z. Gesch. d. Koalitionsrechts i. Deutschl., NZ 17², 81. Mehring, Z. Kritik d. Kritik, там же 818. Bebel, E. Amendirg. d. Zuchthausvorl., NZ 18¹, 180. Schippel, D. Fortschrittspartei u. d. Koalitionsrecht 252, и Bebel 253.

Революция сверху. Эта глава в еще большей степени, чем предшествующая, основана на газетной литературе, особенно на «Социал-демократе» и «Предвестнике» («Vorbote»), содержащих обильные сообщения обо всех тогдашних движениях среди немецкого пролетариата. Исторические документы, относящиеся к австро-прусской войне, можно найти у Hahn, Schulthess и др. Verwaltungsbericht берлинского полицейского управления с 71 г. до 80 г., Berl. 82. Dühring, Sache, Leben u. Feinde, Karlsruhe 82. Der Sozialdemokrat u. seine Helfershelfer, Genf, 67, памфлет, при помощи которого гр. Гацфельдт вела агитацию против избрания Швейцера в Эльберфельде-Бармене и Рейхенбахе-Нейроде. Стенограф. отчеты северо-германского рейхстага.

Главное сочинение научного коммунизма. Превосходным введением к изучению «Капитала» может служить

Kautsky, Marx' Ökonom. Lehren, Stuttg. 87. Allgem. Zeitung, Augsb. 75, № 49 и 50.

Профессиональные рабочие союзы в Германии. Демокр. Wochenblatt, Sozialdemokrat, Vorbote. Jacoby, D. Ziele d. deutsch. Volkspartei u. Z. demokr. Programm. О легкомыслии, с которым М. Гирш осповал прогрессистские промысловые союзы, см. Brentano, D. Hirsch-Dunkerschen Gewerkvereine, Jahrb. f. Gesetzgebung etc., Leipz. 78. М. Hirsch, D. deutsch. Gewercver. u. ihr. neuest. Gegn., Berl. 79, отнюдь не удалось поколебать документальные доказательства Brentano.

Социал-демократическая рабочая партия. Демокр. Wochenblatt, Sozialdemokr., Vorbote. Hofstetten, M. Verhältniss z. Schweitzer u. z. Sozialdemokr., Berl. 69. Стеногр. отчеты о прениях по поводу Промышленного Устава в северо-германском рейхстаге. Liebknecht. Ueber d. polit. Stellung d. Sozialdemokr., insbes. m. Bezug. a. d. Reichst., Leipz. 69. A. Wagner, Die Abschaff. d. privaten Grundeigent., Leipz. 70. Bebel, Unsere Ziele, Leipz. 70. Liebknecht, Z. Grund- u. Bodenfrage, Leipz. 74. Jacoby, D. Ziel der Arbeiterbewegung.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Книга III. Агитация Лассалья.

	<i>Стр.</i>
Глава I. Лассаль и Лейпцигский Центральный Комитет	3
1. Германский пролетариат около 1863 г.	—
2. Рабочая политика прогрессистской партии	9
3. Самостоятельные движения пролетариата	15
4. Лейпцигский Центральный Комитет	21
5. „Открытое письмо“ Лассалья	30
6. Боевой план Лассалья	40
7. Первые успехи и неудачи	54
8. Франкфуртский съезд	63
9. Всеобщий Германский Рабочий Союз	74
Глава II. Тактический поворот Лассалья	86
1. Рейнский смотр и штурм на Берлин	93
2. Лассаль и Бисмарк	105
3. Борьба Лассалья с юстицией и полицией	118
4. „Бастиа-Шульце“	125
5. Лассаль и рабочие	132
Глава III. Конец Лассалья	144

Книга IV. Раздоры между фракциями.

Глава I. Международная Ассоциация Рабочих	157
Глава II. Наследники Лассалья	169
1. Принципиальные разногласия	174
2. Борьба мнений	179
3. Решение рабочих	193
4. Тактика и организация	201
Глава III. Революция сверху	216
1. Габсбургско-гогенцоллернский конфликт	—
2. Рабочий класс перед австро-прусской войной	223
3. Рабочий класс после австро-прусской войны	237

	<i>Стр.</i>
4. Первая проба всеобщего избирательного права	251
5. Первые парламентские шаги социал-демократии	266
Глава IV. Главное сочинение научного коммунизма	275
Глава V. Профессиональные рабочие союзы в Германии	291
1. „Демократический Ежедневник“ и „Социал-демократ“	292
2. Гамбургское общее собрание и Нюрнбергский съезд	297
3. Раздробление профессионального рабочего движения	312
Глава VI. Социал-демократическая Рабочая Партия	322
1. Агитация в южной Германии и в Саксонии	324
2. Эйзенахский конгресс	330
3. Первые раздоры между фракциями	348
Примечания	368

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка		Напечатано	Следует	По чьей вине
	сверху	снизу			
26		12	которое	которого	корр.
62	6		талантливый	талантливый	„
67		1	находится	находиться	ред.
106		8	друзьей	друзей	корр.
106		5	что та	чем та	ред.
171	10		смеялось	смялось	тип.
267	1		будет	букет	„
271		5	славом	словом	корр.
328	3		пожалуйств	пожалуйста	„
338		16	чрезвычайно	чрезвычайно	тип.